

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ
ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

6/2010

Журнал
«Семь искусств»

Июнь 2010

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2010

Журнал
«Семь искусств»

Июнь 2010

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое
редактирование Изабеллы Побединой

Ганновер

Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Эдуард Бормашенко	
Живое и Мертвое	4
Шуламит Шалит	
Вдали земли Обетованной	10
Сэм Ружанский	
Сквозь тернии покера к искусственному интеллекту!	48
Вильям Баткин	
Судьба и слово Павла Гольдштейна	56
Виктор Финкель	
Божественное и мирское	70
Игорь Мандель	
В. Комар и А. Меламид: KMulti-conceptual art	87
Галина Феликсон	
Круги на воде	123
Александр Этерман	
Сонеты из Леты	130
Виталий Аронзон	
Сонеты по разным поводам	155
Александр Матлин	
Два рассказа	170
Овсей Дриз	
Стихи	185
Альберто Моравиа	
Римские рассказы	193
Леонид Смиловицкий	
Израильский «десант» в Москве	218
Игорь Ефимов	
Ясная Поляна	245
Андрей Чередник	
Любовь и Критик	325
Евгений Майбурд	
Если	334

Эдуард Бормашенко

Живое и Мертвое

*«...какая пропасть отделяет познание
очевидности от жизни в ней».*

О. Хаксли, «Контрапункт»

« японском городе Никко есть ворота, которые японцы называют самыми красивыми воротами страны. Они были построены в период большого влияния китайского искусства (их построил архитектор и резчик Цингору в середине XVII века). Это необычайно сложные ворота, со множеством фронтонов, изумительной резьбой и большим количеством колонн, на основании которых вырезаны драконьи головы, божества и т.п. Но, приглядевшись, можно заметить, что в сложном и искусном рисунке на одной из колонн некоторые из его мелких деталей вырезаны вверх ногами. В остальном, рисунок полностью симметричен. Спрашивается, для чего это было нужно? Как говорит предание, это было сделано для того, чтобы боги не заподозрили человека в совершенстве. Ошибка была сделана намеренно, дабы не вызвать зависти и гнева богов».

Так заканчивает рассказ о симметрии законов физики Ричард Фейнман. Внутренняя симметрия этих законов, именуемая также и красотой, производит на эстетически чуткого человека оглушительное впечатление. Когда отец мне, еще школьнику, рассказал о том, что законы сохранения напрямую связаны с симметриями пространства-времени, я недели три ходил пришибленный, и окончательно уяснил, что жрецы научного знания – люди особенные, и им ведомо тайное, сокровенное понимание

мира, куда более изумительное, чем глянцевые побрякушки, вроде самолетов и подводных лодки, поражающие простаков. Я не расстался с этим детским впечатлением по сей день, когда способность удивляться притупилась.

Набрасывая на мир сетку симметрии, видишь мир вполне определенным образом. Эта сетка наиболее полным образом реализует Платоновский идеал познания – познаваемое только *неизменное*. В самом деле, что есть симметрия? Симметрия – преобразование, оставляющее объект *неизменным*. В самом определении симметрии чуткое ухо различит противоречие, *преобразование* по смыслу своему должно что-то менять. Однако, сколько ни крути шар вокруг своей оси, он останется шаром.

Симметричные тела – эстетически привлекательны, в сущности, говоря о гармонии, мы подспудно часто имеет в виду именно симметрию. Симметрия правит в архитектуре и отчасти музыке (классическое строение музыкальной сонаты – симметрично, между двумя быстрыми частями, как правило, заключена медленная); утренняя еврейская молитва содержит элементы симметрии, отвечающие симметрии Храма. Симметрия правит и современным естествознанием, реализуя Платоновскую ставку на вечное, неизменное, статичное.

Эстетическая привлекательность симметрии коренится в человеческой психологии. И я наберусь окаянства предположить, что не в последнюю очередь она связана с симметрией человеческого тела. А если вспомнить, что человек создан по образу и подобию, то нетрудно сделать и далеко идущие теологические выводы: в человеке зашифровано многое, надо только разгадать шифр. Обратим, однако, внимание на следующее: если снять с человека кожу (да простят мне читатели садистскую вольность), нашим глазам предстанет картина, лишенная внешней симметрии. Намек прозрачен: за симметричной картиной прячется более искусный рисунок. Умеем ли мы его разглядывать?

«Каждое из этих студенистых творений было в себе безусловно пропорционально, холодно симметрично, и в этом-то и заключалось нечто зловещее, антиорганическое, враждебное жизни; слишком они были симметричны»

Т. Манн, «Волшебная Гора»

Приложение Платоновского идеала познания к феномену жизни не только поражает своей беспомощностью. Пока дело идет о теоретических изысканиях – еще полбеды, хуже, когда этот идеал натягивают на живое. На развалинах утопий XX века, стоит задать себе вопрос об обаянии чар Платона. Платоновское идеальное «Государство» выгонишь в дверь, – залезет в окно (теперь, кажется, американское).

Втискивая жизнь в смирительную рубашку неизменного, человек ограждает себя от Хаоса, не отдавая себе отчета в том, что Хаос неотделим от жизни. Парадокс состоит в том, что человек не может мыслить Хаос; мышление неотделимо от упорядочения, но живая мысль – спонтанна. Мысль приходит, она случается.

Жизнь не то чтобы асимметрична, самое представление о симметрии оказывается неприменимо к жизни, ибо живое всегда *новое, иное*. Каждое следующее мгновение человек рождается заново. Неожиданная встреча, прочитанная книга, переживание, раскаяние, да просто продуманная до конца мысль круто меняют жизнь, не говоря уже о банальном биологическом старении. Идеи симметрии сделали мир предсказуемым, человек – непредсказуем.

Побывав на семинаре у биологов, я узнал о том, что клетки – асимметричны, асимметрична – молекула ДНК. Несимметрично благодаря памяти человеческое сознание: «мысленно можно создать все, но уничтожить потом удастся не все, почти ничего (С. Лем, «Библиотека XXI века»).

Физикам очень хочется подобраться к живому с бритвой симметрии. Эйнштейн как-то обронил: «различие между прошлым и будущим всего лишь иллюзия, впрочем,

иллюзия навязчивая». В самом деле, в теории относительности время, такая же координата, как и пространственные. Но живому прекрасно известно, что различие между прошлым и будущим – не иллюзорно. Напротив, для живого, это различие, быть может, наиболее фундаментально.

Не только ученые ищут симметрию. Людям далеким от науки почему-то хочется, чтобы в мире, наряду с Б-гом был непременно и черт, хочется симметрии сил добра и зла. Даже записные атеисты не ставят под сомнения эту симметрию, помните: «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут».

Симметричен был античный Космос, весело проказничающие и нахмуривающие брови греческие боги – зеркальное отражение Земли в Небо. В монотеизме разрыв между Б-гом и человеком – непреодолим, мир единобожия асимметричен, баланс черного и белого нарушается, ведь источник всего сущего – Един. Добро не есть противоположность зла. «Уклоняйся от зла и делай добро...» (Тегилим, 34, 15). От зла можно только отойти, это заблуждение, что зло можно переделать в добро. «Зло согласится с логической схемой, будто иначе как в противоборстве двух начал добра не бывает, и быть не может <...> Настоящее добро выше равновесия гнета и свободы, тьмы и света». (В. Биbihин, «Из записей на тему самопознания»).

Досадно, что борьба с чертями оказывается безнадежной, восстанавливая симметрию, они прорываются и в религию, где поклоняются Единому.

Совершенно симметричное человеческое лицо – безжизненно. Булгаков, подчеркивая жизнеспособность дьявола, не устал напоминать о несимметричности физиономии Воланда.

«Гансу Касторпу показалось, что он понял, отчего древние зодчие, воздвигая храмы, сознательно, хотя и втихомолку, нарушали симметрию в распорядке колонн».

Т. Манн, «Волшебная гора»

Каббалисты говорят о том, что мир сотворен 22 буквами еврейского алфавита. Обратим внимание на то, что среди них, только «каф» и «хет» симметричны. Такая графика – нетривиальна. Среди 32 заглавных букв кириллицы – 19 имеют ось симметрии, из 26 заглавных букв английского алфавита – 17 симметричны. Абсолютный рекорд ставит (и, видимо, неслучайно) греческий алфавит, из 24 заглавных букв, 21 – симметрична. Возможно, при сотворении мира соображения симметрии играли не столь значительную роль, как кажется физикам?

Реальность – неоднозначна, обнаружение симметрий – лишь один из способов упорядочивать мир. И, быть может, время симметрии подходит к концу. Настоящее искусство всегда бежало совершенной симметрии, чувствуя ее безжизненность; Цингору с умыслом напраказничал в рисунке ворот в Никко.

Современное искусство, построенное на диссонансах и разрывах, пытается освободиться от пут симметрии и пробиться к живому. М. Мамардашвили, говорил, что точную картину физических явлений мира мы покупаем ценой нашего непонимания сознательных явлений, непонимания живого. Здесь – сообщающиеся сосуды. Запуская в свое мышление все более высокие абстракции, доставляющие нам радость созерцания все более совершенного, гармоничного мира, мы все далее уходим от понимания разорванного, напряженного, дрящегося, живого.

«Эти строки я пишу под звуки музыки Прокофьева к балету «Ромео и Джульетта» ... Какой нарастающий темп! Но если попытаться остановить его хотя бы на одну секунду, то все произведение потеряет смысл. В музыке нет равновесия, как, например, в классической физике. Мелодия

– это система диссипативная, подобно организму человека. В организме человека нет постоянных молекул; организм меняет свой молекулярный состав десятки раз на протяжении всей жизни (Ю. Нееман)». Гений Юваля Неемана ухватил разницу между живым и мертвым: живое – неравновесно. Любопытно, что образцом познания Нееман почитал – геометрию, полагая, что *всякое* точное знание, должно быть подобно геометрии, вполне сходясь в этом с Платоном. Так ли?

Мне иногда кажется, что талантливая молодежь выказывает все большее равнодушие к физике, потому что из нее ушла жизнь. Сквозь призму физики не разглядеть цельный, развивающийся организм Вселенной, не видать Б-га живого, а человеку естественно тянуться только к живому.

Классическая физика сделала все возможное, чтобы избавиться от наблюдателя. Квантовая механика пошла на попятный, вернув наблюдателя науке. Сама возможность познания мира предполагает наличие в нем человека. Так надломился классический идеал рациональности.

Тысячи лет человеческая мысль вертится между Гераклитовым «все течет» и Парменидовым «ничто не изменяется» с явным креном в сторону Парменида. Начиная с промышленной революции, человеческая жизнь меняется все быстрее, перефокусируя мышление на становящееся, развивающееся, живое.

Мы живем во время, когда старое представление о гармонии исчерпало свои возможности, а контуры нового понимания еще не проступают. Мне кажется, что какой бы ни была новая гармония, она будет включать осознание того, что не только в одну и ту же реку, но и в самого себя нельзя войти дважды. Познавая, мы смотрим на природу «из живого». Конечно, люди всегда будут заклинать вечность, но вечность не мертвую, более всего напоминающую о дворце Снежной Королевы, а живую.

Шуламит Шалит

Вдали земли Обетованной

Учёные евреи с берегов Невы

Известование Шуламит Шалит о раввине Менахеме-Менделе Глускине открывает цикл рассказов о его достойных дочерях и не менее достойных зятях, о некоторых из их учителей – крупных ленинградских ученых-евреях, для которых язык иврит никогда не был мертвым языком. Благодаря этому языку они делали свои удивительные научные открытия. Этот язык наполнял их души светом, а ум – мудростью, чем помогал побеждать отчаяние.

Скрытый свет рабби Глускина (1878-1936)

обруйск или, к примеру, Кременчуг, или все, что вокруг Витебска, да и сам знаменитый город считались когда-то чисто хасидскими, чего уж никак нельзя сказать об их соседе, старшем по административному положению городе Минске, столице Белоруссии. Этот считался оплотом «митнагдим», ярых противников хасидизма, и новым веяниям долго не поддавался. Но время точит, ибо не стоит на месте, и время лечит, как считают психологи и хасиды... И вот со сменой нескольких поколений в Минск прибывает автор книги «Цемах цедек» («Поросль благочестия») Менахем Мендл Шнеерсон (1789–1866), третий цадик из Любавичей, внук основателя течения хасидизма Хабад, тоже известный как великий ребе, и литовские гаоны, во главе с главным минским раввином,

встречают его с большими почестями и царским великолепием. Пишут, что не только глубина мысли в речах, но и прекрасный облик Любавичского ребе вызывали благоговение у всякой публики – от простого люда до самых именитых учёных раввинов. Любавичский ребе пробыл в Минске одну неделю и, победив в «большом диспуте», что означает, с блеском ответив на все сложные вопросы, поставленные гаонами Минска, «увёл» за собой «могучую кучку» – шестьдесят сильнейших умов, но вдвое больше оставил и преданных отныне последователей своего учения в белорусской столице. В то же время он стремился прекратить взаимные нападки хасидов и митнагдим.

Верхний ряд: Соня Глускина, Борис Быховский и его сестра Соня.

Нижний ряд: Шейндл (дочь Нахмана Рабиновича), Сонечка Канторович, будущая жена Бориса Быховского (ее учеником в Инте в 1950-м был знаменитый актер Евгений Урбанский), Белла (дочь Нахмана Р.), Фаня (дочь Меира Рабиновича)

В следующем поколении, когда главным раввином Минска стал гаон рабби Ерухам Иегуда Лейб Перельман (1835-1896), называемый «Гадол» (на иврите «великий», а на идиш его звали «дер минскер Годл»), и он, хотя и был из митнагдим, не устраивал гонений на хасидов, более того, даже породнился с некоторыми из них, ибо одну из дочерей выдал... за крупного учёного хасида реб Зеэва (Вольфа) Быховского. Его сын Борис Быховский, с юности впитавший идеи сионизма, немало настрадался за эту любовь в

сталинских застенках, но дожил до наших дней, привёз свою семью в израильский город Хадера, написал книгу «Повесть о Сонечке», его незабвенной подруге и жене, много печатался в русско-еврейской прессе на всех континентах и скончался в 2005 году. Многие из нас его знали и любили. Но вернемся к нашему рассказу.

После смерти Гадола в 1896 году, то есть, в самом конце XIX века (в Израиле уже вторым изданием вышла книга о нём, перевод на русский сделала его правнучка Гита Глускина, а редактировала почти до самой кончины ее сестра Соня Глускина, и о них еще будет рассказано), главным раввином Минска стал другой его зять, реб Лейзер-Элиэзер Рабинович.

Лейзер-Элиэзер Рабинович

И при нём минский раввинат хранил традиции наших предков, и реб Лейзер верно служил еврейской общине до последнего дня своей жизни. Умер он в 1924 году, в один год с Владимиром Ильичем Лениным. В отличие от вождя русской революции, Рабинович, во-первых, оставил одиннадцать душ детей, а во-вторых, Рабинович не переживал, что какой-нибудь хитрый горец возьмёт бразды правления в свои руки. Одна из его дочерей,

а именно Фрадл, вышла замуж тоже за хасида. Как вы уже, возможно, вычислили без моей помощи, эта Фрадл доводилась двоюродной сестрой только что названного Бориса Быховского. Как все становится близким, когда восстанавливается живая семейная цепочка!

И вот уже главным раввином Минска становится муж Фрадл, хасид, приверженец Хабада, Менахем-Мендл Глускин.

Менахем-Мендл Глускин

Он слыл особенным раввином, ибо был совершенно исключительным человеком. На наше счастье, сохранились воспоминания людей, которые знали раввина Глускина в разные периоды его жизни. Многочисленные упоминания его имени имеются в вышедшем в 1975 году в Израиле двухтомнике под редакцией Шломо Эвен-Шошана «Минск – ир ва-эм» («Минск – город и родина-мать»), писали о нём и доктор Гилель Зайдман, и раввин Алтер Гилевич, и составитель био-биографического лексикона о раввинах бывшего Советского Союза Авраам Гринбойм, и племянник Быховский, и, наконец, специально для меня, то есть и для вас, 26 страниц воспоминаний написала Гита Глускина, ленинградский филолог, семитолог и математик. Остальные

дочери раввина, Эстер, Лия и Соня, своих записей об отце, к сожалению, не оставили.

Для любого раввина естественно глубокое знание иудаизма как предмета, которому он посвящает свою жизнь. Д-р Гилель Зайдман пишет, что за короткий срок Менахем-Мендл Глускин стал известен во всём иудейском мире как большой знаток Торы, для которого ясны все её тропинки. Он был скромнен в обхождении не только со своим Б-гом, но и со своей Торой. Был очень сдержан. Не предостерегал и не указывал пути. Его свет был спрятан внутри его души, скрыт в её тайниках. Даже беседуя по вопросам Торы, он умел не выпячивать своей эрудиции. Схватывал суть дела и не отклонялся от главной темы, безо всяких «кстати» или замечаний типа «от вопроса к вопросу по данному вопросу».

Он никогда не проявлял своего превосходства над собеседником. О том, как далёк он был от того, чтобы опровергать мнения других, дабы проявить свою многообразную учёность и широту кругозора, далёк от малейшего препирательства и раздражения, свидетельствует такой случай. О нём рассказал раввин Алтер Гилевич, автор четырёх томов «Исторических исследований», учёный и писатель: «...я был чем-то вроде секретаря и доверенным лицом минского раввина Менахема-Мендла Глускина, благословенна память его... Он был одним из великих раввинов и одним из важнейших деятелей Хабада, и в те тяжёлые годы Советской России он был в тесной связи с Любавичским ребе в руководстве российским иудаизмом... А я был у него как член семьи...»

Случилось, что реб Мендл Глускин отлучился по спешному делу, а тут к нему домой приходит женщина и в руках у неё только что купленная на рынке курица, но уже зарезанная. И вот в душу её закралось сомнение и хочет она «фрэгн а шайлэ», то есть, спросить мнения ребе, кошерна ли эта курица. Кроме неё и секретаря Гилевича дождался Глускина еще один гость – раввин из другого города. Осмотрев курицу со всех сторон, он объявил, что она кошерна. Не дождавшись хозяина, гость ушёл. А женщина задержалась. Чужой этот ребе, она все-таки подождет своего. И вот возвращается Глускин, узнаёт от Гилевича про

обстоятельства дела, осматривает курицу, задумывается и... не изменяет решения. Довольная и успокоенная женщина благодарит и уходит варить свою курицу, а Гилевичу реб Глускин говорит, что вопрос-то был не так прост, была там определённая сложность. «Так почему же Вы не оспорили мнение гостя?» – спросил молодой помощник. И раввин ему ответил: «Если отрицательное решение вопроса может повлечь за собой "ѓевсед рав" (буквально "большой убыток"), то следует смягчить это решение». В данном случае убыток не материальный, а моральный – для чести другого раввина, поэтому он и не изменил его решения. Спустя шестьдесят лет раввин Гилевич рассказал об этой истории Соне, одной из дочерей Глускина, она – Гите, Гита – мне, а я Вам.

«В личности раввина Глускина, – цитирую д-ра Зайдмана, – сочетались свойства уникальные, обычно в одном человеке не сочетающиеся: исключительная тонкость ума и, вместе с тем, необыкновенная простота, душевная мудрость и человеколюбие. Понимая людей с первого взгляда, проникая в тайники их души с большой пронизательностью, он наверняка видел там и пороки, и дурные наклонности, но это не уменьшало его любви к людям. Понимающий и прощающий слабости, он, однако, умел проявить характер, силу духа и воли».

Был у раввина Глускина большой и поистине универсальный сундук. Частенько служил он просто спальным местом. Но в праздники приходили ешиботники, рассаживались на нем и часами пели хасидские песни. В канун же Песаха сундук заполнялся мацой, которую раввин распределял между бедными. Однажды приходят к нему два мясника – здоровенные мужики, и тоже просят мацу. Глускин вынес каждому по небольшой горстке. «Нуждающихся много, больше дать не могу!» А им этого мало. Увидав, что вот-вот пойдут в ход кулаки, маленькая дочка раввина бросилась за резником из Польской синагоги, его звали «Дер пейлешер шейхет», он был физически очень крепкий мужчина, а Гита дружила с его дочерьми. Только он сможет заступиться за папу! Когда они прибежали, мясников уже и след простыл. «Папа увещевал таких людей,

– вспоминает Гита, – мягко, вежливо, почти ласково, и это действовало». Впрочем, такая выдержка стоила здоровья. Гораздо позднее, уже в Ленинграде, врач скажет Глускину: «Вы очень нервный человек». На что тот ответит: «Окружающие этого не замечают». – «Тем хуже для вас».

Но что же мы опережаем события?

Родился Менахем-Мендл Глускин, будущий главный раввин Минска, а потом и Ленинграда, в семье раввина Аарона Глускина, в Белоруссии, в местечке Лоево, в 1878 году, а умер, слава Б-гу, своей смертью, в 1936 году. Но жили они в Паричах Бобруйской губернии, где родились потом и Соня, и Гита. Он рано получил диплом раввина («смихут»), занимался самообразованием и готовился к сдаче экстерном экзаменов на аттестат зрелости. Русский язык и литературу он сдал на «отлично», а математику, как на грех, назначили на субботу, а нарушать субботу даже ради аттестата зрелости нельзя, это ведь не «пикюах нефеш» («спасение жизни»), вот и остался он автодидактом с высоким уровнем образования, а впоследствии подтягивал дочерей при поступлении в университет и по математике, и по физике, не считая гуманитарных предметов. А уж как знал и любил литературу! Мы ещё будем иметь случай убедиться в этом. Мудрый человек, он из пустяков не делал трагедии. Лию и Соною исключили из школы, одну из 6-го, другую из 5-го класса. Они принципиально не ходили на уроки по субботам. Девочки горевали. А он пошучивал: «Не хотят таких серебряных, почти золотых учениц?! Ну и не надо. Заниматься можно и дома».

Мы уже о детях, а надо бы сначала о женитьбе. Женился Менахем-Мендл, вопреки принятому у хасидов обычаю, поздно, в возрасте тридцати с лишним лет. Узнав, что супруга, Фрадл, дочь раввина Рабиновича, знает французский, он как-то странно причмокнул, а потом, причем за короткое время, тоже выучил этот язык. Впоследствии раввин и раввинша, что само по себе забавно, переговаривались по-французски, когда не хотели, чтобы девочки их понимали. Гита довольно рано догадалась, что если кто-то из них произнес слово “la petite”, то это о ней, «малышке»...

Сменив сначала отца в Паричах, Мендл Глускин скоро прославился и был назначен на место главного раввина Минска, после смерти тестя – незабвенного дедушки реб Элизера Рабиновича.

«Ах, какая у него была квартира, у дедушки, – вспоминает Гита. – Мы занимали весь второй этаж в доме на Богадельной улице». После его смерти в доме оставалась только его вторая жена, её неродная бабушка, Хана-Серл. Называли её «Мума» («муме» – это тётя, «а» в конце – просто русифицированное окончание) и очень полюбили. Сёстры между собой говорили по-русски, только с папой – по-еврейски. Вот там-то и тогда-то и появился этот сундук, возможно, он был дедушкиным, или его перевезли из Паричей... По субботам, после третьей трапезы «шолешсуде» (а-сеуда а-шлишит – на иврите) и до вечерней молитвы «Майрив», собирались у рабби Глускина юные хасиды – учащиеся ешивы и, восседая на сундуке, упоительно распевали свои песни, а особенно хорошо пел Йошка Велькович. (Он попадёт в Ленинград еще до своего ребе, в самом начале 30-х, поступит учиться в университет, на филологию, подружится с поэтом Хаимом Ленским, собирателем еврейского фольклора Хаимом Райзе и другими талантливыми юношами, а в 1937-м его арестуют и он погибнет в лагере). Менахем-Мендл распевал вместе с ними и в эти минуты был счастлив.

Но не много радостей выпало на долю раввина Глускина. А когда они и были, то длились недолго. Он-то готов был примириться с новой властью, он считал, что можно совместить идеи марксизма с религией. Но вскоре развернулась невиданная травля и сионистов, и духовных руководителей еврейских общин. Уголовные дела стряпали наспех, иногда просто смехотворно, как это было в случае с мнимым убийством одного резника тремя другими, и выслуживавшийся евсек Агурский писал в газете, что «подсудимые – это не просто уголовные элементы, а

представители тех, кто во имя религии сотни лет пили кровь еврейского народа... и что "мошенник" Зайчик, один из обвиняемых, объединился со своим предводителем раввином Глускиным...» Но всеобщее уважение к Менахему-Мендлу было таково и, заметим, шел только 1925 год, что его даже в суд не вызвали. В газетах писали, что раввины состоят на службе у внешнего врага, и что получают помощь от контрреволюции, империализма и фашизма... Таких и подобных текстов становилось всё больше. Обстановка была тяжёлая, и она все время накалялась.

В 1929 году старшую дочь Эстер арестовали за участие в сионистской молодёжной организации. Глускин не только не был фанатиком, но и не требовал ничего ни от чужих людей и ни от своих дочерей. Эстер ходила летом в платьях без рукавов и в носочках, а не в чулках, и он ей не выговаривал. Дома плохо различали, кто из окружающих её парней просто поклонники, а кто – товарищи-хавейрим – сионисты из организации «Ха-шомер ха-цаир». И вот юная Эстер в тюрьме, а тут вдруг заболела мать, Фрадл. Отец собрал целый консилиум врачей. Подразумевали воспаление лёгких. Когда положение стало критическим, раввин Глускин сам отправился в ГПУ и добился, чтобы Эстер всё-таки освободили на один день – проститься с мамой. Фрадл прожила чуть больше сорока лет. От нее скрыли, что семья должна срочно покинуть очередную квартиру.

История семьи Глускиных – это и история их бесконечных жилищных проблем. Об этом впору писать роман, а мы вкратце...

Везде и всюду и во все времена евреи платили кому-нибудь дань. В Испании, в Германии, в Польше... Так чем же глупее был советский финотдел? Раввины облагались непосильными налогами. Мало того, что Глускин жил вечным должником, мало того, что все частные дома постепенно национализировали, так они ведь не имели права на государственное жильё. «Лишенцы», одним словом. Прежде, чем забрать дом, где они жили, у хозяина урезали тридцать процентов площади и на неё, то есть в их квартиру, вселили русскую семью. Молодая русская мама

наказывала своего 10-летнего сына толстой верёвкой (и это повергало еврейских девочек либерального воспитания в ужас), но, с другой стороны, новой соседке понравился еврейский образ жизни: надо же, как живут: чистят и готовят, стирают и убирают, а потом, ну, ни-че-го не делают! – отдыхают. Вот и она тоже стала убираться и готовить всё в пятницу, а в субботу разоденется и с достоинством выходит на главную улицу – на прогулку. Душа человека – потёмки! И грешно ли учиться хорошему...

Когда дом национализировали на все сто процентов, то подселенцам дали государственную площадь, а раввин Глускин остался на улице. Ночевали кто где. Гиту взяла тётя Брайна, мама Бориса Быховского, они жили на улице Раковской (тётя Брайна с мужем Вульфом погибли в Минском гетто). Нашли, наконец, Глускины новую квартиру в частном доме, ещё не отнятом у хозяина, всё стало поменьше, отгородили там кусочек, здесь кусочек, но главное, что все как-то разместились. И «Мума», неродная бабушка, тоже была с ними. И вот тогда-то умирает Фрадл, и им надо снова искать жилплощадь. Нет больше частных владений, и на время домом становится синагога. Еврейская община в буквальном смысле спасала своего духовного наставника. В Минске был так называемый «Школьный двор» с большой «Холодной синагогой» – «Ди калтэ шул», а вокруг – несколько маленьких. Если обойти вокруг здания и подняться по лестнице на второй этаж, вы попадали на бывшую женскую половину – огромную комнату в виде прямоугольника с высоченным потолком. Ни водопровода, ни канализации, ни газа. Холодина – жуть. Две высоченные печки старались топить дважды в день, но ничто не помогало. У детей от холода распухали пальцы. А дрова? Ладно, берёза, кору содрать можно для растопки, а когда осина? Если, наконец, загорелась, так из неё всё время капает вода. «Мума» с ними не переехала. У неё был статус не «лишенки», а «иждивенки», в Москве жила дочь от первого брака. Она приходила к раввину Глускину готовить, старшие девочки не очень любили хозяйничать, а младшая от «Мумы» не отходила и выучилась готовить все

деликатесы еврейской кухни. Особенно любили праздники, тут появлялись и штрудель, и земелех, тейглах, айнгемахц... Даже чолнт в пятницу вставляли в печь и запечатывали створку мокрой тряпкой. И «Мума» погибла в Минском гетто. ГПУ за раввином Глускиным следило в оба, наконец, они его арестовали, учинили обыск. Что они искали в Талмуде? Листовки тысячелетней давности? Период репрессий сопровождался большой растерянностью среди еврейских масс. Но и на сей раз его освободили. «Нужно выстоять, пока не пройдёт опасность, нужно спасти теплящийся огонёк, наши святыни: язык, молитву, Тору», – может, он произносил эти слова в другом порядке, но одно бесспорно – люди всё так же шли к нему за помощью и советом, и связь между общиной и её духовным руководителем не прекращалась...

Ни ГПУ, ни евсеки не могли осилить его, не посмели прямо задеть, только косвенно, например, тот спектакль, где он выведен клерикалом... В 1930 году умер ленинградский раввин реб Тевье Каценеленбоген. 4 года это место пустовало. Раввина Глускина (1934) пригласили занять его место.

Переезжали в радостном ожидании перемен. Община закупила для семьи раввина двухкомнатную квартиру. Её хозяйка взяла деньги и... продала квартиру другому покупателю. Сняли для них на лето домик в Павловске. Зимой Глускина приютил у себя сын покойного Каценеленбогена, Герц Давыдович. Лию с Соней – дядя Иче Гуревич, родственник отца. Он пристроил их в комнатуху, где была прачечная. Эстер жила в Минске. Гита оставалась на «даче», с хозяйкой. Приезжает она как-то проведать отца, входит в столовую и видит такую картину: Герц Давыдович стоит на обеденном столе (в углу за ширмой находилась кровать отца) и вывинчивает перегоревшую лампочку, а раввин Глускин, стоя на полу, протягивает ему новую лампочку. Но один не может вывинтить, а другой не может дотянуться, поднимет руку и опустит. Оба покатываются со смеху. Странная сценка! Что же это было? Говорили они на идиш, а вспоминали Чехова. Историю с генералом, у которого разболелись зубы... И его приказчик никак не

может вспомнить фамилию какого-то акцизного, который чудо как заговаривает зубную боль. Помнит только, что фамилия лошадиная... И они наперебой вспоминают фамилии: Кобылин, Жеребцов, Жеребчиков, Лошадский... А фамилия-то была Овсов... И снова взрыв смеха: «Логично, "а ферд ест гобер" (лошадь ест овёс)... – "Нейн, дэм ферд кормет мен мит гобер" (нет, лошадь кормят овсом)». Чехова Гителе тогда, в свои 12 лет, ещё не читала. Но парадокс ситуации запомнился, и смешные фамилии, и мысль об отце, как будто узнавала его заново: «Ну и раввин мой папа!»

Все любили доброго, умного и светлого человека, а особенно любавичские хасиды! Молился он, как правило, не с ними, а в хоральной синагоге, так полагалось главному раввину, но когда он выступал в хасидской синагоге, например, на тему «Материальное и духовное» (Гашмиют вэ-руханийот), дядя Иче выходил, вытирая глаза: «Это было удивительно!» Он обожал реб Менахема-Мендла, и когда у того случился первый инфаркт, отдал ему собственное ложе.

12 кислева 1936 года раввин Глускин был приглашён на очередную хасидскую свадьбу. Гителе пошла вместе с ним. Было весело, рабби танцевал с женихом. А в час ночи, вернувшись домой, он вдруг вспомнил, что забыл зажечь поминальную свечу по случаю седьмой годовщины смерти своей любимой жены Фрадл. Он ведь так и не женился вторично, хотя ему это полагалось. И утром его не стало. Как горько! Врач скорой помощи сказал: «Нового сердца вставить нельзя» Он умер день в день и час в час со своей Фрадл. Похоронили его на Преображенском кладбище. Много людей пришло. Так закончилась многострадальная жизнь раввина Менахема-Мендла Глускина. Было ему 58 лет.

Несмотря на тяжёлые обстоятельства жизни, Глускину удалось посеять зёрна верности иудаизму, научить людей пусть пассивному, молчаливому, но мужественному сопротивлению. До последнего дня жизни он поддерживал тихий жар в костре с почти погасшими угольками – и в Минске, и в Ленинграде. В свой срок эти угольки разгорелись, и евреи снова потянулись к своему языку, своим молитвам и на свою родину.

Реб Глускин говорил сдержанно, чётко и мало, по наставлениям наших мудрецов: «Насколько должно произносить слова, которым внимают, настолько не следует говорить слово, которое не слушают». Недавно мне стало известно, что жених с той последней свадьбы, на которой присутствовал раввин Менахем-Мендл Глускин, много лет жил в Бруклине и каждый год 13 кислева, выпадающий на один из осенних месяцев, в день собственной свадьбы и день смерти раввина, читал по нему кадиш.

Не было у рабби Глускина сыновей, но своими дочерьми и зятьями он мог гордиться... Потому что, когда мы говорим об ученых евреях с берегов Невы, мы говорим и о них... А чтобы понять, откуда явились такие удивительные дочери, мы посчитали нужным сначала рассказать об их отце!

Гита Глускина и её сёстры

Гита публичных выступлений всегда боялась. 24 мая 1990 года Национальная Академия наук Израиля пригласила учёных на специальное собрание в честь доктора филологических наук, семитолога и гебраиста Гиты Глускиной в связи с её прибытием в Израиль. Пригласил ее сам профессор Эзра Флейшер¹, а ему она не могла отказать хотя бы потому, что он так много помогал Лёве Вильскеру, её мужу, в работе над неизвестными ученому миру стихами Иеѓуды Ѓалеви².

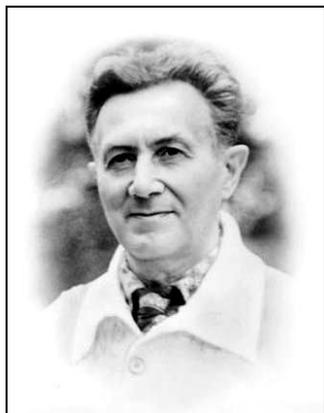
Вильскер³посылал из Ленинграда в Иерусалим одну первую строку стихотворения, а израильтянин, профессор Эзра Флейшер каждый раз спешил проверить по каталогу в библиотеке при Гейхал Шломо (Дворец Соломона),

¹ Эзра Флейшер (1928-2006), профессор, один из виднейших специалистов по еврейской поэзии Средневековья, исследователь, учитель, поэт, лауреат Государственной премии Израйля в области художественной литературы.

² Иеѓуда Ѓалеви (Иеѓудá Ѓа-Левí) – величайший еврейский поэт средневековой Испании.

³ Вильскер Лейб Хаимович (по-русски Лев, на иврите Арье), семитолог, гебраист (1919-1988). Лит. псевд. Л. Шумский.

известно ли стихотворение с этим начальным стихом великого поэта Средневековья по другим источникам или это еще одно открытие далекого коллеги. Лев Вильскер скончался в 1988-м. Ученые так никогда и не встретились.

Лев Вильскер

Гита сошла с трапа самолета, прибывшего из Ленинграда в Израиль, 8 марта 1990 года, а наутро Флейшер уже был у неё и попросил выступить перед почтенной публикой.

Профессор Эзра Флейшер

И вот она в Иерусалиме. Огромный зал заполнен до отказа. Перед ней – крупнейшие учёные, многих она знает,

но только по именам и книгам. И не может начать речь. В зале тихо, а она стоит и молчит. Ей казалось, что в эту минуту на неё смотрят все – её деды и прадеды, и мама Фрадл, дочь раввина Элизера Рабиновича, и отец, раввин Менахем-Мендл Глускин, и ее Лева, и муж сестры Леи – Иосиф Амусин. Никого среди них больше нет, никто не дошел до Иерусалима, только на ее долю выпало счастье стоять на земле Израиля. Преодолев волнение, в полной тишине, Гита произносит: «Друзья мои, я благодарна за высокую честь...»

Потом она не раз и не два повторит: «Со мной случались чудеса».

Фрадл со старшими дочерьми, 1922

И отец и мать четырех сестёр Глускиных происходили из почтенных раввинских семей, но оба были и всесторонне образованными и начитанными людьми. В их доме царил либеральный дух, но сохранялись и все еврейские традиции. Детство дочерей – Эстер, Лиц, Сони и Гиты – пришлось уже на советские годы. И всё-таки еврейское воспитание было тем фундаментом, который определил многое в их характерах. Дом взрастил духовность, привил детям скромность, высокую нравственность, уважение к традициям, а жизнь, полная лишений, закалила души и характеры. Дочери росли настойчивыми и целеустремлёнными, все охотно учились, уважали знание, приобретали профессии, но в то же время

они умели чувствовать чужое горе, как своё, и каждая – одна в большей, другая в меньшей степени – отличались независимостью суждений и мужеством.

Признаюсь, в мои планы сначала не входило говорить о всех сёстрах, ведь познакомилась и подружилась я только с младшей из них – Гитой. Нам, бывшим советским евреям, представляется естественным, когда одна из дочерей раввина становится выдающимся учёным в области русского языка, как Соня, а другая – античных языков, как Лия. Когда же в тамошних условиях и в те годы, сороковые-пятидесятые двадцатого века, Гита, её муж Лев Вильскер и муж Лии – Иосиф Амусин сознательно, понимая, на что идут и какими могут быть последствия подобного решения, выбирают как профессию наш древний язык иврит, и каждый в своей области через невероятные препоны добивается необычайных результатов – вот что удивляет и поражает, и вот почему этот цикл очерков начался с отца Менахема-Мендла Глускина, первого любавичского хасида на посту главного раввина сначала Минска, а потом Ленинграда, и ещё раньше с деда, раввина Элизера Рабиновича, и прадеда, именуемого «великий минчанин» («Г-а-гадол ми-Минск»⁴). Но и не сказать о каждой из сестёр нельзя, ибо связь между ними была не только кровная, родственная, но и интеллектуальная, духовная.

Когда умер Иосиф Амусин (он был доктором исторических наук, старшим научным сотрудником Института востоковедения), его вдова Лия работала над его обширным архивом, после её ухода ту же работу продолжала Соня. Когда Гита перевела с иврита на русский книгу «Г-а-гадол ми-Минск» где, кстати, есть фотографии и отца и матери Глускиных, Соня держала корректуру. А начав, уже на старости, изучать иврит, та же Соня, прежде обращавшаяся за разъяснениями и помощью к

⁴ О нем в книге «Г-а-гадол из Минска. Раби Йерухам Йеґуда Лейб Перельман. Его жизнеописание, сделанное рукой рава Меира Гальперина». По рукописи 1913 года. Иерусалим, 2001. Пер. с иврита Г. Глускиной.

Гите, вскоре указывала не только на ее ошибки в русском, но иногда даже на неточности в текстах на иврите...

Старшей сестрой была Эстер. В восемнадцать лет она оказалась в тюрьме за участие в сионистской молодёжной организации. Когда овдовевший отец, раввин Глускин, переехал с детьми в Ленинград, чтобы занять должность главного раввина, это был 1934 год, у Эстер уже был жених. Исаак Минц происходил из ассимилированной семьи, далекой и от сионизма и от религии. Тем не менее молодым устроили свадьбу с хупой, и вскоре они вернулись в Белоруссию. Первый ребёнок, мальчик, не дожил до года.

Эстер Глускина

В 1938-м Эстер арестовывают снова, вместе с мужем. В результате побоев, уже в тюрьме, родилась мёртвая девочка. Эстер возвращают из больницы в тюремную камеру и вскоре ссылают на три года на северный Урал, в Соликамск. Здесь она, наконец, родила ребенка. И хотя отцом мальчика был некий заключенный, спасший Эстер от смерти, Исаак Минц, несмотря на то, что брак их с Эстер распался, разрешил дать мальчику свою фамилию. Так появился на свет будущий танцовщик Кировского театра оперы и балета Александр Исаакович Минц (близкий, кстати, друг Михаила Барышникова). После освобождения, чтобы быть поближе к сёстрам, Эстер поселилась в Боровичах, под Ленинградом (на большие города был запрет), а Исаак уехал к родным в Ташкент, где и

женился. Такая вот фантастическая, и грустная и счастливая, история. Рабби Глускин до нее не дожил, и, может быть, к лучшему для него. Хотя мальчика он, наверное, полюбил бы...

В начале Второй мировой войны, с годовалым Шуриком, у него был сильный рахит, Эстер переехала в Татарию, где уже находились Лия с Гитой. Каждая отрывала от себя, но ребёнок получал манную кашу с маслом. Впоследствии Шурику, высокому, стройному, наделенному особым изяществом, хорошими манерами и добрым характером, Эстер посвятит всю себя без остатка. Он ненамного пережил её.

Александр Минц в роли Дроссельмеера в балете «Щелкунчик» П.И. Чайковского. Михаил Барышников поставил его в Американском театре балета специально для своего друга А. Минца

Вглядимся в его лицо. Какие поразительные глаза! Чистые, распахнутые миру, удивленные... В них угадывается и тот прелестный ребенок, которого обожали все сестры Глускины.

В 1972 году Эстер с Александром покидают Советский Союз. Он успешно работает, сначала танцует, потом преподаёт в Италии, Аргентине, Гонконге. Мать и

сын поселяются в США. Здесь они оба и похоронены. Шурик умер от второго инфаркта в 1992 году. Их могилы почти что рядом. Так закончилась нелегкая жизнь старшей дочери рабби Глускина.

Сёстры Глускины (вверху – Соня и Гита – справа, внизу Лия) и Иосиф Амузин

Лия, как и другие сёстры, никогда не скрывала своего социального происхождения. Поэтому в 1934 году в Ленинграде поступить учиться в вуз ей не удалось, и она устроилась работать на трикотажную фабрику. Делила с Соней какую-то жалкую каморку, перестроенную из прачечной, а на кухне хозяйничали ещё две семьи. После смерти отца сестры возьмут к себе и Гиту. Но в 1936 году, с принятием пресловутой, а для них весьма своевременной, сталинской конституции, с них сняли наконец-то ярлык бесправных «лишенцев», и сёстры Лия и Соня сразу пошли учиться.

Лия поступила на исторический факультет в университет, и уже на первом курсе её блестящие способности были замечены профессором Соломоном Яковлевичем Лурье. Она стала любимой студенткой Лурье,

у него изучала древние античные языки, которые затем преподавала наряду с античной историей.

Лурье относился к Лие не только как к талантливейшей ученице, но и привязан был к ней душевно. Когда она болела, он приходил ее навещать. Тогда же познакомился и с Гитой. Знал, какими областями науки занимается каждая из Глускиных, поэтому через много лет и обратился к Гите с предложением заняться переводом таинственной математической рукописи некоего Альфонсо, со средневекового иврита на русский язык. Но об этом речь впереди.

Во время учебы, будучи на 4-м курсе, Лия познакомилась с Иосифом Амусиным, только что вернувшимся из лагеря. С ним она свяжет свою дальнейшую жизнь. И у них жизнь была нелёгкой, но они горячо и преданно любили друг друга, много учились, много трудились и оба стали докторами наук. Областью научных исследований Лии Глускиной были Греция и Рим, а Иосифа Амусина – Древний Восток. Детей у них не было.

Как и старшие сёстры, рано начала трудиться и Соня. Она работала в артели по расфасовке лаврового листа. В университет ее не приняли, обнаружив отсутствие аттестата об окончании средней школы. Когда же ей ответили отказом и в Педагогическом институте имени Герцена, она выпалила: «Я знаю, вы меня не принимаете, потому что мой папа раввин», – и, как это ни странно, но положение, что «дети за родителей не отвечают», в ее случае сработало, приёмная комиссия не захотела связываться со строптивой девушкой. И Соня стала учиться на факультете русского языка и литературы, сдав предварительно экзамены, как тогда требовалось, по математике, физике и химии.

У каждой из сестёр на раннем этапе учёбы появлялся человек, который определял их дальнейшую научную деятельность. У Лии это был Соломон Яковлевич Лурье, у Гиты – Исаак Натанович Винников, а у Сони – Борис Александрович Ларин. Профессор Б. Ларин привлёк Соню к изучению русских диалектов. И каждый год летом она отправлялась в диалектическую экспедицию в Псковскую

область. По окончании института её оставили в аспирантуре, но тут началась война. Она участвовала в противовоздушной обороне, рыла противотанковые окопы. Гита говорит: «Соня была очень сильным и максимально организованным человеком и только потому выжила». Блокадники получали по 125 граммов хлеба в день, и редко кто мог удержаться, чтобы не съесть эту пайку сразу же. Соня же устраивала из этого «трёхразовое» питание. И всё-таки, когда её вывезли по «Дороге жизни» через Ладожское озеро, она была полным дистрофиком. Сёстры делали всё, чтобы спасти Соню, когда она все-таки добралась к ним в татарскую деревушку, километрах в семидесяти от Казани. Шурика, сына Эстер, Соня нашла уже не бледным рахитичным мальчиком, а розовым «амурчиком» («он был похож, – смеется Гита, – на Ленина в детстве, с известной фотографии»).

Гита и Соня Глускины, 1944

Вскоре чуть окрепшая Соня, а за ней и Гита пошли добровольцами на фронт. Соня была связисткой бронепоезда. Ее демобилизовали не сразу: после окончания войны их бронепоезд отправили на Дальний Восток. Но все когда-то кончается... Она вернулась в Ленинград, защитила диссертацию и отправилась в Псков. Надо сказать, что этот город в конце сороковых и начале пятидесятых годов, во время гонений на «космополитов», для многих евреев стал добровольной ссылкой, для Сони же эта «ссылка» оказалась счастливой, в этом городе она прожила до репатриации в Израиль, до 1992 года. Побывав в Израиле впервые за три

года до этого и вернувшись в Псков, она стала самостоятельно и настойчиво изучать иврит и вскоре уже обучала других. Тем же она занималась потом и в Израиле. Необыкновенно цельная натура, она всё делала с полнейшей отдачей. Училась, учила других, трудилась, дружила... С той же энергией, которую она вкладывала в выпуск «Словаря псковских глаголов», в Израиле она изучала иврит, редактировала переводы с иврита на русский. И как там, так и тут была окружена настоящими друзьями, истинно её любившими.

Соня Глускина (справа) и Гита с внуками, Сашей и Мишей

«Она была уже совсем плоха, – рассказала мне ее хорошая знакомая Нина Генриховна Елина, – когда попросила меня привезти ей два экземпляра моей новой книги "О давнем и недавнем". Я отправилась из Иерусалима в Кфар-Сабу. Оказалось, что ей удалось продать несколько экземпляров моей книги, причем один из них – соседке, не читающей по-русски... Почти до последнего дня Соня продолжала помогать людям... Позднее я поняла, что она позвала меня, чтобы попрощаться...». Почти полвека дружила с Соней бывшая ленинградка Мэра Свердлова. Она написала мне: «Благотворительность была в ее натуре. В Пскове Соня помогала двум православным священникам,

преследуемым властями, затем помогала отказникам, особенно связанным с "ленинградским делом", она могла репатриироваться в Израиль раньше, но считала, что не вправе оставить больных Лию и Иосифа, а после смерти Иосифа Лия осталась вообще одна...» Лия прожила еще семь лет, и Соня ее не оставляла. По ее свидетельству, Лия считала, что «бессовестно сесть на иждивение Израиля, не привезя в страну никого из молодых», а детей ведь у них с Амусиным не было, и только после смерти Лии в 1991 году Соня Глускина приехала в Израиль.

Особая тема – преданнейшая дружба Сони с племянником Эммануэлем, старшим сыном Гиты, которого именно она воспитывала и который платил ей искренней привязанностью – и родственной, и человеческой. В Израиле Соня строго исполняла все религиозные предписания и умерла как великая праведница – в Судный день, Йом Кипур, в 1997 году. «Соне и всей ее семье, – пишет Мэра Свердлова, – я обязана *осознанному* своему еврейству, ибо росла в ассимилированной семье в большом городе».

На памятнике высечена надпись: «Тут покоится Соня Глускина, дочь раввина Менахема-Мендла Глускина, из рода раввина Элизера Рабиновича и Великого Минчанина. Годы жизни 1917-1997». Эммануэль, Эмик, как его называют с детства, добавил ещё одну фразу: «Агува аль кровэйа вэ-макирэйа га-рабим» – «Любимая родными и всеми знавшими её».

И вот их младшая сестра, Гита, стоит за трибуной в огромном зале и, едва справляясь с волнением, говорит: «Хаверáй вэ-работáй, ани модá аль га-кавод га-рав. Миквáр халáпти лялóт ла-áрец, вэ-ахшáв халомú гитгашéм; бáти ле-эрец Исраэль, вэ-гíнени би-Иерушалаим, вэ-тикватú га-азá куймá. Вэ-зэ ошер рав!»

«Друзья мои, я благодарна за высокую честь. Я давно мечтала об Израиле, и сегодня эта мечта исполнилась: я – в Иерусалиме, моя страстная надежда сбылась. И это – великое счастье». Её голос был негромок, но её иврит звучал чисто, чуть-чуть старомодно и красиво, и слушали её так, как будто чудо произошло не с нею, а с каждым из них.

Сколько мучений осталось позади. Могли ли молодые люди, родившиеся в Израиле, понять, почему у нее, которая так рада приезду на историческую родину, печальные глаза? А какие ещё глаза могут быть у дочка раввина, выбравшей иврит своей профессией в советскую эпоху? Скитаний, испытаний и страданий, выпавших на ее долю, хватило бы на несколько жизней.

Гита Глушкина (справа) с подругой Нехамой Цимбалист,
Минск

Детство, да и то только самое раннее, до семи лет, до смерти мамы было счастливым, а потом – жизнь в семье «лишенца», что означало вечные скитания по квартирам и углам, в холоде и голоде. В школу не ходила, ведь старших сестёр уже выгнали за пропуски занятий по субботам. Но целый год вставала чуть свет и с ранцем за плечами шла через весь город, направляясь в хедер, где учились одни мальчики. Совсем как Ентл из книги И. Башевиса-Зингера. Выучилась читать и понимать не только хумаш (Пятикнижие), но и Сидур (сборник молитв). «Знаешь, почему у религиозных так хорошо подвешен язык, – спросил меня один израильтянин и сам ответил, – потому что они с детства растут на отличной литературе». Он имел в виду Танах – еврейскую Библию. И я с ним не спорила.

Гита всегда была рядом с папой. Я поразилась, насколько отчетливо и ясно встают перед ее глазами

малейшие события далёкого детства... И все-таки мне удалось её удивить. В книге о Минске⁵ Рахель Хадаш, дочь одного религиозного человека, магида Беньямина Шаковицкого, рассказывает: «Я помню, как по пятницам к нам приходила маленькая Гитэле, дочь раввина Глускина, внучка рабби Лейзера. И папа к её приходу всегда собирал букет цветов из нашего сада – в честь субботы». Гита себя ту, маленькую, не помнила, но эти воспоминания ее взволновали.

Старший сержант Гита Глускина, 1945

Мне же посчастливилось стать невольной свидетельницей её израильского периода жизни, она многие годы писала мне длинные письма, и по ним я слеую за ней из детства в юность, вижу, как она, подросток, одолевает восемь километров, по полям и долам, под палящим солнцем, идёт к еврейскому резнику купить куру, чтобы не есть некошерного мяса. И многое-многое другое.

⁵ Минск – ир ва-эм (Минск – город и родина-мать). Израиль, 1975. Под ред. Шломо Эвен-Шошана.

После смерти мамы, сына ведь не было, именно Гитэле три раза в день целый год ходила в синагогу, стояла возле кантора и читала «каддиш». В последний день траурного года, ей ещё не было восьми лет, она заигралась с детьми, а когда спохватилась, бросилась бежать и стрелой влетела в полутёмную синагогу. Люди уже расходились, и она на ходу, на бегу стала произносить слова заупокойной молитвы и... расплакалась. Все были ошарашены этим взрывом чувств у маленького ребёнка. Заплакал и отец. По папе читать «каддиш» Гите не разрешалось – ей уже исполнилось 14 лет...

Я вижу Гиту и в солдатской гимнастёрке, сначала в резервном батальоне связи, потом на Главном военнопочтовом сортировочном пункте в Москве, где работали с семи до семи, а на службу и со службы шли строем. «Взвод, равняйся! Запевай!»

«Вставай, страна огромная...»

Каждое слово отдавалось в ее сердце...

«Пусть ярость благородная / вскипает как волна, / идёт война народная, священная война...»

Когда смены менялись, один день выдавался свободным. Единственное шерстяное бордовое платье хранилось у тёти Баси-Ривы, папиной сестры, жившей в Даевом переулке. От Колхозной площади это было недалеко. Если выходила из казармы без увольнительной, перебегала от одной подворотни к другой. «Перебегала!» – говорит она, и замолкает. Мы думаем об одном и том же: со дня нашего знакомства она часто ждала меня, опираясь на палочку, на улице имени Бен-Гуриона, разделяющей Рамат-Ган и Гиватаим, когда ровно в 7 часов и 5 минут вечера я проезжала мимо с работы... Я протягивала ей букетик цветов, а она передавала мне очередную стопку записей. «Да зачем цветы, мне некуда их взять» – в одной руке у нее палка, а другая после инсульта парализована... Но я вижу ее на фотографиях, слышу ее смех, а она и в старости смешлива, и легко представляю себе, как она перебегала из подворотни в подворотню, когда не было увольнительной...

Однажды в военной форме она отправилась в ГОСЕТ, в театр Михоэлса, на спектакль «Тевье-молочник» по Шолом-Алейхему. В тот раз у нее была увольнительная, и она ничего не боялась. Сопровождал Гиту молодой человек по имени Люся – сын Галины Львовны Давидовской, друга семьи по эвакуации. Он идиша не знал, и она ему переводила. Это было очень трудно: смотреть, слушать и говорить самой... И вдруг Гиту стали сотрясать рыдания. Слез она не помнит, но помнит, что её трясло, и она не могла произнести ни слова. Так что смысл части действия от юноши ускользнул. Только на улице Гита объяснила:

– Понимаешь, Хава, дочь Тевье-молочника, сказала отцу, что влюбилась в русского парня.

– Ну и что? – Люся не понял. – Почему ты её жалеешь?

– Да не ее, а ее отца...

Гите, с детства невероятно впечатлительной, жалко было не Хаву, а Тевье-молочника. Дочка раввина, она знала, какая это ужасная трагедия для отца... («А Люся, знаете, – говорит она, – стал врачом и женился на еврейской девушке»). И она заразительно смеется. И добавляет: «Но это – между прочим...»).

В армии Гита, разумеется, кашрута не соблюдала, но в канун Песаха пошла на рынок и обменяла хлеб на овощи, чтобы отнести старой тётке. И ещё был случай с сахаром, который она обожала. Не в пример Соне, получит кусковой сахар, который выдавали раз в десять дней, и тут же съедает весь, целиком. Потом многие дни пьёт пустой кипяток. «Как-то я сказала себе: так нельзя! Получила паёк и бегом к тётке. И добежала, и отдала – весь, весь кусок! – и была счастлива».

Гиту демобилизовали 5 августа 1945 года.

Я мысленно приезжаю к ней в Ленинград, который только что пережил блокаду, и мы оказываемся в пустой комнате – ни мебели, ни папиных книг, всё «деревянное и бумажное» соседи стопили в печках. «Только теперь, – говорит Гита, – с высоты моего филологического и гебраистского образования я понимаю, какой это был грех –

оставить папин фанерный ящик с рукописными еврейскими текстами. У писателя Гилеля Зайдмана сохранились воспоминания, что раввин Глускин "делал заметки" по вопросам Торы и Талмуда. Все пропало».

И я понимаю глухую Гитину тоску. Она так много пережила и столь многих потеряла: и родителей – молодыми, и мужа – преждевременно, и сестёр больше нет.

Судьба не баловала, но одарила. И сама приехала в Израиль, и оба сына – Эмик и Боря здесь, рядом, и шестеро внуков... «Со мной случались чудеса», – повторяет она. «У Сары Погреб, – говорю я ей, – есть стихи, которые будто про вас, про ваше поколение. Хотите, прочту?». И я читаю:

Не гладило время меня по головке,
А ладило время на нас мышеловки.
Судьба на закате ко мне пригляделась.
Смеясь, одарила за тихую смелость.

Экзамены за семилетку она сдавала экстерном, не учась в школе ни одного дня. Правда, был учитель по русскому языку, Лия устроила. В первом большом диктанте – на все правила грамматики – она сделала 56 ошибок. И всё-таки он с ней стал заниматься. И вот экзамен по русскому языку! Она сдала без единой ошибки, но получила не «отлично», а «хорошо», потому что в диктанте Жучка, имя собаки, написала с маленькой буквы. Сколько таких милых и смешных подробностей расцвечивают ее разговоры и письма. Иногда, уже отправив письмо, она вспоминает еще что-то и звонит. Рассказывает и смеется.

В начале войны, осенью 1941 года, Лия была директором школы в деревне Александровка Шармановского района Татарской автономной республики, а Гита преподавала там географию в восьмом классе, ей надо было рассказать о городах Финляндии, а она никак не могла запомнить их названий. Соня, третья сестра, придумала стишок:

Випури, Тамперэ и Гельсинки –
Это финские все города.
Там живут буржуазные свинки –
Паразиты чужого труда.

И все трудные названия замечательно запомнились и, как видите, на всю жизнь.

Но мы опередили события. Уже без посторонней помощи Гита поступила в восьмой класс, училась хорошо и школу закончила с отличием. К началу войны она еще успеет проучиться год в Ленинградском университете, изучала французский язык. А после войны, узнав, что создан новый Восточный факультет с кафедрой по ассириологии и гебраистике, где изучают и иврит, попросит перевести её на этот факультет. Там она познакомится с Лево́й Вильскером и Мишей Гельцером. Выберет она Леву, а Михаил Гельцер, будущий профессор (emeritus) истории Древнего Востока и семитологии Хайфского университета, а также доктор honoris causa Тартуского университета (Эстония) останется другом на всю оставшуюся жизнь (8 июня 2010 года, обливаясь слезами, Гита сообщила: «Вчера похоронили Мишу!» Я знаю всю семью Гельцеров и выражаю вдове Шошане и детям самые искренние соболезнования!). В 1949 году, в год окончания университета, кафедру благополучно закрыли и всех профессоров уволили, в том числе и Исаака Натановича Винникова (1897-1973), который хотел оставить Гиту ассистентом на кафедре. К тому времени она уже была замужем за Львом Вильскером, и они ждали ребёнка. Левá учился курсом ниже. И вот: муж – студент, работы нет, а на руках ребёнок. Эмик родился в декабре 1949.

По ивриту ей уже никогда не найти работу. Что делать? Пошла преподавать немецкий. На первом же уроке шум, крик, кто-то поджёт серу... Как она могла придумать такое – после войны решиться преподавать немецкий! Язык фашистов! «Ноги моей здесь больше не будет!» Как все Глускины, и она умела иногда проявить характер.

Уволилась и поступила в Пединститут изучать... математику. Заочно. И тут же начала преподавать в школе рабочей молодёжи. О, какое это было трудное время! Школа находилась в пригороде, а к ней приписали ещё две воинские части. После уроков в школе ещё два километра пешком – до полигона. Она уезжала из дома в два часа дня и возвращалась в час-два ночи. На обратном пути укачивало до тошноты.

Государственные экзамены Гита сдавала в 1957 году. Почти одновременно получила диплом учителя математики и родила младшего сына, Борю. К тому времени на кафедре арабской филологии открыли отделение семитологии. Пригласили обратно Винникова, она бросила, наконец-то, свою школу рабочей молодёжи, покончила с математикой и перешла к своему профессору в университет. Преподавала иврит и древнесирийский язык.

Гита Глускина и профессор И.Н. Винников

Исаак Натанович Винников человек был непростой, мог и накричать, и подколоть. Но с Гитой у него сложились доверительные отношения. Когда началась массовая репатриация в Израиль, именно к Винникову, на Восточный факультет ЛГУ, потянулись евреи для отождествления разных документов. Что это значило? Надо было обосновать, что Хаим и Ефим это одно и то же имя, или объяснять релевантность цепочки Мойше-Мошко-Миша-Михаил; нередко попадались случаи, когда у отца два имени, и у сына два имени, а в различных документах пропадало то одно, то другое, и профессор писал, что в еврейских семьях было принято давать два имени, а потом удостоверять верность написанного, а потом бумагу надо было нести в деканат, чтобы заверить.

После смерти Винникова стали приходиться с теми же проблемами к Гите. И она шла по стопам учителя: «Настоящим я удостоверяю, что Ицка Мошкович и Исаак Михайлович одно и то же...» В один прекрасный день пришла к Гите и внучка Винникова. Нет, не на предмет отъезда... «Можете себе представить, сколько было веселья, когда она сказала, что настоящее имя деда, самого Исаака Натановича, было Ицка Нотович! Впрочем, и в качестве Исаака нес он свой "крест" вполне достойно».

Гита компьютером никогда не пользовалась. А я вычитала в интернете такую историю. Пишет, видимо, кто-то из его учеников, отмечая, что Винников говорил с «ужасающим» акцентом, но «буквально завораживал своей своеобразной речью, ее неожиданными поворотами, сведениями из самых неожиданных областей, живостью жестикуляции, ... обладал бездной познаний и был знатоком живой истории науки...

– Тайлор! – восклицал он и делал паузу. – Я говорю "Тайлор"! Некоторые говорят "Тейлор", так они не знают английского языка. Тайлор, что он выдвинул? Он выдвинул понятие пэрэжитка. Вы знаете, что такое пэрэжиток?

Тут он, стоя на эстраде актового зала, поворачивался спиной к слушателям и начинал медленно задирает край пиджака к пояснице.

– Вот что такое пэрэжиток! – восклицал он. – Вы знаете фрак? Так у фрака фалды, а на этом месте пуговицы. Почему на этом месте пуговицы? Вы думаете – ув чем сэкрэт, пришли тут пуговицы! Ув чем сэкрэт? Сэкрэт нэ ув этом. Джентльмены охотились на лисиц верхом, так фалды им мешали, они их туда пристегивали. – (Жест.) – Но теперь дирижер, он не охотится на лисиц, он стоит во фраке и машет палочкой. Вот это есть пэрэжиток».

Отсмеявшись, Гита произнесла:

«Вы местечковая еврейка, – говорил он мне иногда, и я очень обижалась. – При этом журнал "Русская речь" всегда обращался к Винникову за уточнением этимологии русских слов, так что обижаться, наверно, не стоило».

...Идёшь по северному Тель-Авиву и набредаешь на улицу Зеэва Глускина (был такой знаменитый сионист-

винодел, из тех же мест, из Белоруссии, может, и родственник), а потом попадаешь на улицу Альхаризи... Какое странное совпадение... Она, Глускина, кандидатскую диссертацию защитила по творчеству Альхаризи, еврейского поэта средневековой Испании.

«Многие праведники стремились увидеть Сион,
Но не удостоились. А моя душа грешная
Почему удостоилась?
Творец оживил мою душу в Сионе,
Когда живительная влага уже исчезла из неё,
И глаза мои потускнели...»

Гита цитирует Альхаризи...

А мне хочется вернуть разговор к тому событию в ее жизни, который и она сама назвала настоящим чудом! Только путь к нему был долог.

Профессор С.Я. Лурье

Учитель Лии, профессор Соломон Лурье, случайно встретив Гиту, спросил, не хочет ли она перевести на русский одну математическую рукопись, написанную на иврите? Она захотела, хотя её тут же охватил страх. Соломон Яковлевич связался с Британским музеем, получил микрофильм древней рукописи, сделал фотографии, всего шестьдесят шесть листов, и вручил Гите.

Боже мой, какие пятна, ни одной знакомой буквы, дикий почерк.

Что сказать вам, господа? Эту работу над уникальным манускриптом Гита делала двадцать (20!) лет! И установила личность автора... И издала книгу, посвятив её памяти покойного профессора Соломона Лурье...

«Лурье сказал, что если я расшифрую и переведу эту сложную работу, то окажу услугу миру математики! И мне очень хотелось не подвести профессора Соломона Лурье и оказать такую "услугу" миру! Но на это ушло 20 лет!»

Альфонсо. Мейашшер акоб («Выпрямляющий кривое»):
Факсимиле рукописи/ Альфонсо; Пер. Г.М. Глускина. – М.: Наука,
1983

Так счастливо совпало: иврит, математика и упорство талантливого учёного. Название книги «Выпрямляющий кривое» – «Мейашшер акоб».

Известно было, что рукопись принадлежит перу некоего Альфонсо из Вальядолида, жившего на рубеже XIII-XIV веков в Испании. Но кем был этот Альфонсо? Ясно было, что он прекрасно знал не только Танах и Талмуд, но и преклонялся перед Платоном и критиковал Аристотеля.

Начинается долгая история поисков. И когда, в конце концов, Гита Глускина предположила, что этим Альфонсо был Авнер из Бургоса, это ведь еще следовало доказать! О самой книге сегодня рассказано уже многими, но мне хочется привести заметку из журнала «Менора» (№ 25, 1984), издававшегося Павлом Гольдштейном в Иерусалиме (перепечатана она была из сборника Востоковедение II, изд. ЛГУ, Учёные записки ЛГУ № 383. Л-д, 1976):

**«Расшифрован уникальный математический трактат
Выдающийся успех советской гебраистики**

В 1960 году известный ленинградский античник, историк и филолог (хорошо знавший греческую философию и математику) Соломон Яковлевич Лурье (1891-1964) получил из Британского музея в Лондоне микрофильм математической рукописи на иврите "Выпрямляющий кривое" (реминисценция известного стиха пророка Исаяи – "и кривизна выпрямится..." – гл. 40, стих 4). Он первый обратил внимание на уникальный характер манускрипта и в своей книге "Теория бесконечно малых у древних атомистов" писал: "Тот исследователь, который сделает еврейскую рукопись доступной учёному миру, окажет огромную услугу изучению истории математики".

Эта честь выпала на долю его ученицы Гиты Менделевны Глускиной (это ошибка – ученицей С. Лурье была сестра Гиты – Лия – Ш.Ш.) – талантливой гебраистики, имеющей также специальное математическое образование (она окончила два вуза). Недавно Г.М. Глускина завершила перевод и издание текста, снабдив его обширными комментариями, глоссарием специальных терминов (их около трёхсот), чертежами и рядом других приложений. Её монография издана в Москве тиражом 3 600 экземпляров главной редакцией восточной литературы издательства «Наука».

Работа над этим сложным и трудным текстом затянулась на многие годы, так как в ходе расшифровки рукописи Г.М. Глускиной пришлось столкнуться с, казалось, непреодолимыми трудностями. Невнимательный и плохо разбирающийся в сюжете трактата переписчик часто путает

буквенные обозначения и сбивается в тексте, допуская существенные пропуски и ненужные повторения. Сам автор в своих доказательствах нередко сразу переходит к результатам, минуя промежуточные рассуждения; иногда же, наоборот, он загромождает доказательства ненужными отступлениями, уводящими читателя в сторону от основной темы. Рукопись дефектна, в ней не хватает многих страниц и есть ряд лакун. Отсутствует заглавный лист, содержащий обычно сведения об авторе, переписчике и времени составления рукописи.

Трактат посвящён, в основном, проблеме квадратуры круга. Однако содержание рукописи выходит далеко за рамки этой темы. Автор попутно затрагивает ряд философских и математических проблем, как, например, применение движения в геометрии, доказательства некоторых постулатов Евклида, вопросы астрономии и т. п.

Г. Глускина по приезде в Израиль. Иерусалим, 1990

Первая глава начинается с поэтического вступления, написанного рифмованной прозой. В трактате упоминаются десятки античных и средневековых авторов (Аристотель, Авиценна, Архимед, Гиппократ, Демокрит, Евклид, Ибн-Тиббон, Ибн-Эзра, Коперник, Маймонид, Омар Хайям, Пифагор, Платон, Птолемей и другие) и подчас приводятся их высказывания и мысли.

Г.М. Глускина установила, что Альфонсо, он же Авнер из Бургоса, жил в XIV веке в Испании. Составляя свой математический трактат, он уже был пожилым

человеком. В молодости Авнер получил традиционное еврейское образование. «Он начитан в иудаистской литературе, пишет она в введении, – цитирует изречения из Библии и Талмуда, прекрасно владеет древнееврейским языком, на котором свободно излагает свои мысли».

Автор – энциклопедически образованный человек, был весьма сведущ не только в вопросах математики, но и не в меньшей степени в проблемах философии, астрологии. Язык его математического трактата – мишнаистско-талмудический. Лексика, словосочетания и отдельные выражения и грамматические формы характерны для талмудической литературы средневековья, – установила исследовательница.

Гита Глускина и Лев Вильскер

Монография Г.М. Глускиной (в ней около 270 страниц убористого текста) – одно из самых оригинальных и выдающихся исследований ивритских текстов, проведённых в Советском Союзе за последние два десятилетия.

Свою монографию Г.М. Глускина посвятила светлой памяти проф. С.Я. Лурье!»

В 1993 году Гиту Глускину снова пригласили в Иерусалим, на Международный конгресс лингвистов. Она рассказывала об этой книге и её авторе. После выступления ведущий, молодой израильский учёный, воскликнул: «Какой

великолепный иврит!» Как жаль, что Лева не дожил до этого дня.

В Израиле Гита Глускина перевела с иврита книги «Еврейская семья», «Еврейские праздники» Йом-Това Левинского, «Операция "Тегеран"» Дворы Омер. У нее много своих очень интересных публикаций. Есть и неопубликованное, в частности, рукопись учебного пособия по ивриту.

6 июля 2002 года мы отмечали 80-летний день рождения Гиты Глускиной. Сын Боря, невестка Катя и их сыновья повезли Гиту в ресторан. Она думала, что придет, конечно, и старший сын Эмик с семьей, и они отпразднуют день ее рождения в узком семейном кругу.

Соня (справа) с подругой историком
Мэри Свердловой

Лифт остановился, Гита вышла, ее ввели в зал. От яркого освещения она зажмурилась и ничего перед собой не видела. Когда же глаза ее привыкли к яркому свету, она стала узнавать лица. О, сколько людей! Это были ее гости. И родные, и близкие друзья, и знакомые, и дети знакомых. Полный зал людей, которые ее уважают, ценят и любят.

Я впервые видела многих, о которых знала по рассказам Гиты: Дина Гольдберг, дочь ее самой близкой, с детства, но уже покойной подруги Нехамы Цимбалист, давних подруг Рысю Брайман, жившую по соседству на улице Раковской в Минске (и в Израиле они стали

соседками, Бней-Брак недалеко от Рамат-Гана) и Мэру Свердлову из Иерусалима...

Незабываемый вечер. Сколько теплых слов, воспоминаний, пожеланий. Гита была в новом темно-синем элегантном костюме. В 2007 году незаметно подкралось и 85-летие... В мае 2009 года, навещая ее в больнице, я не переставала удивляться ее жизнерадостности: какие люди, какое внимание, какой уход!

В другой раз я нашла ее в столовой. На принесенные фрукты не обратила внимания: «Мне ничего не надо, тут прекрасно кормят, закармливают меня, я еще никогда столько не ела, и всегда дают овощи и фрукты, а уж конфет мне совсем нельзя». Все на одном дыхании. И тут же начала снимать обертку с конфеты. «Вкусно!» В фойе на стене был установлен огромный экран, я было подумала, что это телевизор, но на столике внизу увидела клавишную панель. О, какой это будет сюрприз для Гиты! Она ведь видит свои статьи исключительно в бумажном варианте, после того, как они уже опубликованы в интернете... Но на экране все это иначе! Включаю компьютер и, найдя сайт «Заметки по еврейской истории», подкатываю коляску со своей героиней поближе... Гита видит себя на экране и в восторге говорит проходящим мимо сестричкам и физиотерапевту Махмуду: «Это я!» В восторге все, потому что Гиту здесь явно любят.

Человеку с такой удивленной и чистой душой полагается жить долго.

Сэм Ружанский

Сквозь тернии покера к искусственному интеллекту!

Что наша жизнь?

Игра!

Ария Германа

П.И. Чайковский, «Пиковая дама»

тот материал рождался в муках и сомнениях. Как топор висел вечный вопрос: «To Be or Not To Be?», в смысле «Писать или не писать?» С одной стороны, передо мной лежала интересная работа молодого доктора наук Романа Ямпольского, в которой он теоретически разработал механизм моделирования поведения человека на основе анализа игры в покер. С другой – этот материал можно было бы воспринять как пропаганду в неявном виде «азартной» карточной игры и компьютерных программ, позволяющих успешно реализовать идеи автора для получения материальных благ при игре в казино Интернета.

Чтобы нам, дорогие читатели, было легче разобраться, насколько исследование игры в покер связано с созданием искусственного интеллекта, я обратился к Роману Ямпольскому с просьбой ответить на ряд вопросов, которые могли бы нас просветить в актуальном направлении науки – Теории Игр.

Записки на манжетах: Карты и Наука

Знаменитые французские математики, **Блез Паскаль** и **Пьер Ферма**, убедительно доказали, что азартные игры могут вестись не только с целью разбогатеть, но и для умственных упражнений: **в результате размышлений над**

игрой в карты и кости они разработали выкладки, известные ныне под названием «Теория вероятности».

С.Р. – Уважаемый Роман, расскажите, пожалуйста, почему вы, занимаясь разработкой искусственного интеллекта, взялись за исследование игры в покер?

Дело в том, что в своей докторской диссертации я, использую анализ игры в покер для создания «думающей» программы, точнее, специализированного «интеллекта» для подобных игр. Таким образом, моя научная работа представляет собой один из аспектов все той же проблемы – создание искусственного интеллекта (далее ИИ – С.Р.)

Записки на манжетах:

Что такое Искусственный Интеллект

С конца 1940 годов ученые все большего числа университетских и промышленных исследовательских лабораторий устремились к дерзкой цели: созданию искусственного интеллекта (ИИ)!

Что же это такое ИИ? Некоторые считают, что это – умение решать сложные задачи; другие – рассматривают его как способность к обучению, обобщению и аналогиям; третьи – как возможность взаимодействия с внешним миром путем общения, восприятия и осознания воспринятого. Многие исследователи ИИ склонны принять, предложенный в начале 1950 годов выдающимся английским математиком

и специалистом по вычислительной технике Аланом Тьюрингом, следующий критерий определения ИИ:

«Компьютер можно считать разумным, – утверждал Тьюринг, – если он способен заставить нас поверить, что мы имеем дело не с машиной, а с человеком». (<http://www.artintel.spb.ru/>)

Кстати, одним из этапов на пути к созданию искусственного интеллекта являются ЭВМ, играющие в шахматы. Но в шахматах по сравнению с покером все относительно просто. Шахматы это игра с полной информацией: на ограниченном поле «боя» видны все фигуры плюс их возможности четко оговорены. Все что нужно – достаточно мощный компьютер и можно просчитать все мыслимые варианты на 10-20 ходов вперед.

Совсем иное дело игры с неполной информацией, к которым относится покер – одна из самых сложных игр изобретенных человеком. В покере много неизвестного: какие у противника карты? Какие карты придут следующими? Блефует ли оппонент? Чтобы быть хорошим игроком в покер надо быть и математиком, и психологом, и экономистом, и стратегом и даже актером. И все это должен уметь делать компьютер. Он должен оценить очередной ход вашего «противника», новую ситуацию и, по его поведению

в этой игре и анализу действий в предыдущих случаях, спрогнозировать его возможные последующие ходы и, что очень важно, предложить ответный ход или сделать его самостоятельно.

И как реально вы решаете эту задачу?

Позвольте напомнить, что я разрабатываю программу для анализа игры в покер онлайн. Мой подход к ее решению определяется созданием нескольких подпрограмм, которые, тесно взаимодействуя друг с другом, вырабатывают, в конце концов, единую непрерывно самоадаптирующуюся программу.

Какие же могут быть подпрограммы?

Одна – например, оценивает управление мышкой и клавиатурой, другая – активность в поднятие ставок, третья – быстроту реакции и т. д. В целом единая программа создает всесторонний портрет каждого из играющих; портрет, позволяющий с определенной долей достоверности, определять тенденции и возможности игроков. Так, например, стиль работы мышкой и клавиатурой является уникальной характеристикой играющего, так же как (я надеюсь, вы помните) каждый радист-разведчик имел свой неповторимый почерк работы ключом передатчика. И когда программа, после нескольких

игр, соберет о партнере достаточно информации, она начнет с большой долей надежности выигрывать у него партию за партией. Но моя цель не создание покер-робота, а разработка способов и программ для опознания и блокировки использования роботов при игре в казино Интернета. Последнее очень важно для обеспечения соблюдения закона, запрещающего использовать роботы для игр онлайн и гарантирование честной игры, без подсказок роботом или прямой реализации его команд.

В чем вы видите практическое применение своей разработки?

Не вдаваясь в технические детали, хочу отметить, что разработанный мной метод анализа поведения игроков при игре в покер может быть применен при создании систем безопасности. После событий 11 Сентября 2001-го и других попыток терактов, огромные ресурсы идут на предотвращение терроризма. На таможнях, в аэропортах, в метро и других общественных местах необходимо быстро и эффективно определять: ведет ли человек себя подозрительно, использует ли чужие документы, или просто лжет. Мои исследования – это первый шаг к достижению такого уровня безопасности. Я экспериментально доказал, что поведение человека, а не только его физические данные, может быть использовано как биометрия. Мои методы также могут быть применены для обеспечения безопасности компьютерных систем, а ведь именно кибер-терроризм, как предсказывают эксперты, будет представлять все большую и большую опасность для развитых стран.

Записки на манжетах: Что такое Биометрия?

Биометрия представляет собой методику распознавания и идентификации людей на основе их индивидуальных физических или поведенческих характеристик. Биометрические свойства включают в себя отпечатки пальцев, рисунок радужной оболочки и сетчатки глаза, геометрию рук, речь, почерк, особенности печати на клавиатуре и даже узор вен на запястье. Уникальный биометрический идентификатор, например, рисунок

радужной оболочки глаза, служит ключом, который трудно украсть или потерять.

Скажите, пожалуйста, а что простой обыватель, сможет использовать из вашей работы?

Игроки в онлайн-покер, пользуясь моей методикой, смогут оградить себя от игроков-роботов способных обыграть большинство игроков среднего класса. Пользователи Интернета – лучше защитить свой пароль от хакеров. И еще – стиль игры в покер и поведения человека в повседневной жизни тесно связаны. Еще Платон сказал, что «За час игры о человеке можно узнать гораздо больше, чем за год беседы с ним». Узнав, как человек ведет себя за карточным столом, можно судить о том, какой он сотрудник, как у него с терпением, логикой, говорит ли он правду или умело лжет, какой у него темперамент. Именно на эти вопросы и отвечают мои методики.

Существуют ли программы для автоматической игры в покер?

Да, существуют покер-роботы, которые могут играть вместо человека. Они обычно состоят из трех компонентов: «глаз», следящих за картами и позицией игроков; «рук», делающих ставки и скидывающих карты, и «мозга», принимающего решения. «Глаза» и «руки» легко запрограммировать и такие программы есть в Интернете. «Мозг» другое дело, – это намного сложнее, поэтому до сих пор не существует компьютерной программы способной победить лучших игроков. Моя цель создать такой «Мозг», который сможет состязаться с лучшими игроками мира.

Простите, но я думал, что ваша цель – Искусственный Интеллект?

Одно другому не мешает, а наоборот помогает. Искусственный игрок в покер это еще один шаг в правильном направлении, свидетельство того, что наше понимание человеческого мышления может быть протестировано, оценено и воплощено в машине.

Можно ли уже сегодня воспользоваться вашими программами?

На данный момент все программы находятся в экспериментальном варианте и не продаются, но это,

возможно, изменится в скором времени. А пока все результаты и методики можно узнать из моих публикаций. (См. <http://cecs.louisville.edu/ty>)

Что ж подведем итоги. Когда вы полагаете, будет создан Искусственный Интеллект, как вам видится общество в эпоху его господства?

Во-первых, в отличие от многих, меня не пугает идея создания бездушного интеллекта (робота), который будет на порядок умнее любого человека. Мне кажется, появления таких машин плодотворно повлияло бы на развитие человечества.

Во-вторых, полагаю, что наука придет к подобным технологиям в течение следующих 20 лет. Уже в ближайшее годы появится много роботов, способных произвести огромное количество различной продукции. Появление новых средств производства, естественно, повлияет на производственные отношения. По всей вероятности возникнет новый общественный строй. Строй, при котором, возможно навсегда, исчезнут голод и бедность, господствующие ныне в ряде стран третьего мира. Строй, при котором, и я очень надеюсь, работа станет потребностью: одни будут заниматься наукой и техникой; другие – совершенствовать систему образования; третьи, впрочем, чем заняться третьим, четвертым и т. д. я предоставляю возможность читателям пофантазировать самим.

Появится масса свободного времени, чтобы заниматься спортом, писать стихи и романы, рисовать картины, путешествовать и играть с детьми и внуками.

Лет сто назад такие идеи были из разряда фантастики, а сейчас это технологическая реальность, которую предсказывает ведущие футурологи мира. Уже сегодня компьютеры лучше играют в шахматы, быстрее и точнее считают, более точно управляют космическими кораблями и т. п., к тому же добавлю, что до сих пор не обнаружены каких-либо ограничения возможностей компьютеров.

Уважаемый доктор Ямпольский, благодарю Вас за интересную беседу и желаю больших творческих успехов по созданию Искусственного Интеллекта!

На этой оптимистической ноте позвольте мне закончить интервью. Время, как лучший судья, покажет, сколь близки к реализму были прогнозы молодого ученого.

Беседовал Сэм Ружанский

Вильям Баткин

Судьба и слово Павла Гольдштейна¹

*«Тогда блуждающие духом познают мудрость,
и непокорные научатся послушанию».*

Йешаяѓу, 29:24

1

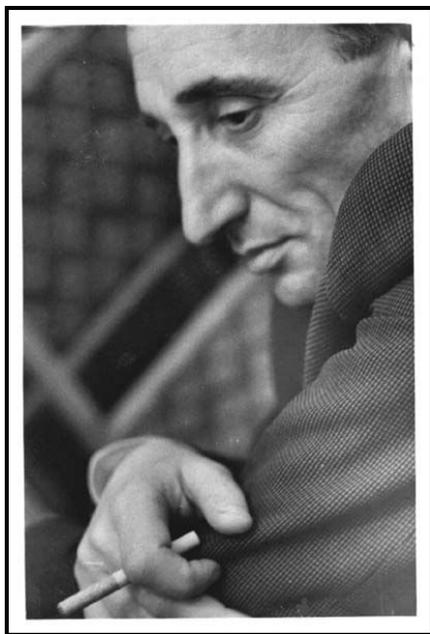

ловно белые пятна на географической карте, – достойные и высокие имена, неизученные, неисследованные, несправедливо забытые, – на карте нашей еврейской истории. Сегодня другая история мне не интересна. Точную и емкую метафору поэта «так свет умерших звезд доходит» воспринял я как посыл самому себе удачливо уловить давний свет и, в меру своих сил, дара и срока отмеренного, передать другим, жаждущим, – прочитанное, осмысленное. Боль их и мудрость не могли затеряться в памяти поколений. Ибо во тьме галута (а мы пока в нем пребываем) каждый уголек – от костра великого, каждой свече – лучиться.

2

Весь месяц Ав – трагический в нашей еврейской памяти, кровавый в беспределе нынешнего террора, обжигающий засильем хамсина навалившегося, – провел я в обществе человека, которого прежде не знал, но с первых минут знакомства с ним, сильным и мудрым евреем, потянулся к нему, словно к другу старшему, словно к наставнику и однодумцу...

¹ Из книги В. Баткин «Талисман души», Творческое объединение «Иерусалимская антология». Издательство «Скопус». 2007 г.

Павел Гольдштейн

Ибо сказано: «Найди себе наставника, и заведи себе друга...» (Трактат Авот, 1:5). Человек этот – Павел Гольдштейн, но есть одна подробность горестная, противящаяся моему сознанию, – более двадцати лет тому назад его душа чистая покинула наш мир. Мои друзья-старожилы, знавшие Павла Гольдштейна, щедро одарили меня его книгами, разрозненными экземплярами его журнала «Менора» и даже номером домашнего телефона его жены. Собравшись с духом, набрал я хевронский номер. Услышал женский голос, спокойный, негромкий, с неистребимым московским выговором, вначале – на иврите, но я представился по-русски, и мы разговорились. Это была **его** жена, Лея, откликнулась она настороженно, ограждая однозначными репликами святую святых, – своего дома, своей души. Но в какой-то момент недолгий ледок отчуждения сломался, словно я своим откровением заслужил доверие. Если сложится, опишу наш диалог, но главное ощущение, нерушимое, неистребимое: Павел

Гольдштейн только что вышел из хевронского дома своей жены, верно, по редакционным делам неотложным, и если я перезвоню в скором времени – застану непременно. На том и порешили.

С той поры перезваниваемся: после терактов в Хевроне – я, а она **оттуда** меня успокаивает. Увы, два года назад возложил камушки на ее надгробье в Хевроне...

Лея Гольдштейн-Мучник

3

Приговоренный Архангельским военным трибуналом к высшей мере наказания – расстрелу (статья 58-10, часть вторая – антисоветская агитация во время войны), двадцатичетырехлетний москвич Павел Гольдштейн летом сорок первого оказывается в «смертной» камере. Страх, естественный и неумолчный, прикрыть нечем, как и никакими словами не приободрить двух товарищей по камере, совершенно подавленных, отчаявшихся, с трясущимися руками и ногами... Не часто встречал исповедальные признания приговоренных к высшей мере – расстрелянные не пишут воспоминаний. Неожиданно

обнаруживает Павел в страхе своем начало чего-то нового, проблески какой-то надежды. На ум, словно вспышка молнии, приходит рассказ мудрого еврея – сокамерника по тюрьме Бутырской – доктора Домье: все есть испытание, жизнь нашего праотца Якова продолжается в жизни его детей и внуков, и существует какая-то истина непостижимая, она дает нам, евреям, детям Израиля, **точку опоры** во всех муках наших... Так и назвал Павел Гольдштейн свою книгу – «17 лет в лагерях жизни и смерти» – «Точка опоры»... Тогда же, под тенью смерти, под наведенными стволами охранников, затаившему дыхание молоденькому еврейскому парню вспомнились стихи любимого поэта: «Но если звезды зажигают, – /значит – это кому-то нужно?»

«Чем же я мог преодолеть отчаяние, – пишет Павел Гольдштейн, – как не обращением к Тому, на Которого и мог только возлагать надежды свои, Который звезды зажигает, к Могуущественному, могущественнее всего в мире. И я впервые с мольбой обратился к Нему, и Он внял мне...» Да, Он внял тогда Павлу Гольдштейну, волей Своей на сорок лет продлив ему жизнь, – от порога камеры смертников в архангельской глухомани до поминального кадиша святого над распахнутым скальным грунтом Масличной горы в Иерусалиме.

Внял Он и нам, его читателям, «русским» евреям, – ибо не мыслю себя без творческого наследия Павла Гольдштейна. О нем и мои размышления, моя боль неисчерпаемая, моя гордость еврейская.

4

Разыскал, скопил, бережно сложил на своих иерусалимских полках, перечел многократно все типографские оттиски – слово, молвленное Павлом Гольдштейном: его книги, его статьи, его эссе, вплоть до кратких реплик его. Вначале жадно заглатывал строки, не различая абзацы, словно текст сплошной. Утихомирив себя, неспешно и кропотливо возвращался к прочитанному. Откладывал в сторону, уходил, в иных заботах маялся...

Но вновь рука тянулась к его книгам, душа – к его слову... Первичное мое восхищение, неслучайное,

естественное для человека пишущего, к слогу высокому приученного, если не истаивало, то отодвигалось исподволь чем-то сильным, как потоком глубинным. И, словно парус под ветром попутным, распахнулась душа моя и наполнилась родным и близким, ожидаемым и неотвратимым, без чего уже не мыслю себя на Земле Обетованной.

5

Читатель вправе спросить: «Кто же он, Павел Гольдштейн?» Если коротко – современный писатель и публицист, пишущий по-русски, еврейский мыслитель. Именно пишущий, в настоящем времени, ибо слово его звучит сегодня, словно для нас сказанное: «...Мир, окружающий нашу Святую Землю, застигнут трагической судьбой в бессилье духа своего, и это для него почти что канун конца. Думая, с чувством личной кровной привязанности, о своем, с болью в сердце осознаешь, что и здесь, на Святой Земле, многие из нас только начинают разбираться в общих положениях, все еще ходят в тумане ложных представлений и плоских догадок. Поймем же раз и навсегда в это в глубочайшем смысле ответственнейшее для нашего народа время, что именно мы не смеем ответить человеческой неблагодарностью на данный нам Всевышним дар Свободы. Уразумеем же наконец, что в жизни нет неожиданностей, ибо Воля Б-жья означает лежащую вне сферы видимых вещей причину всего происходящего...» (Павел Гольдштейн, декабрь 1973 года).

Павел Гольдштейн родился в 1917 году в интеллигентной семье, не религиозной, но с четкой еврейской и сионистской ориентацией. Получил хорошее образование и, как большинство из нас, никакого еврейского воспитания. В 1938 году окончил истфак Московского университета. Серьезно интересуется еврейской историей, философией и религией. Увлекается поэзией и театром, влюблен в Маяковского и Мейерхольда. После своего письма Сталину в защиту В. Мейерхольда сам 5 ноября 1938 года был арестован и 17 (!) лет провел в тюрьмах и лагерях – до 1955 года. Ко времени хрущевской «оттепели» полностью реабилитирован. Перенес два тяжелейших

инфаркта. В отличие от многих из нас, в том числе и автора этих строк, воспринявших «оттепель» с великими надеждами и эйфорией, он разглядел в ней очередной фарс и фальшь власти. «В те дни тоска одолевала, когда, вглядываясь в лица московских прохожих, не находил никакой возможности бодро шагать вместе с ними» – напишет он спустя годы. С 1957-го – научный сотрудник Московского литературного музея, одновременно продолжает еврейское самообразование. При первой возможности 5 ноября 1971 года репатриировался и живет в Иерусалиме до своей смерти в 1982 году... Такова судьба Павла Гольдштейна, уложившаяся в несколько строчек, но что «отстоялось в слове»? – по выражению его любимого поэта.

Рассказывает Люся (Лея) Мучник, жена писателя: «...Павел – уникальный человек. Естественно и свободно соединил он в душе две культуры. С гордостью определяя себя как еврея, сиониста, израильянина, позже – религиозного, он глубоко разбирался в русской культуре, – ощущал ее не как противоречащую, а дополняющую его еврейскую сущность, и – как и все остальное в мире – подлежащую анализу на основе фундаментальных принципов иудаизма и Торы...»

Так что же «отстоялось в слове»? В Иерусалиме написаны и изданы следующие книги:

«Точка опоры: семнадцать лет в лагерях жизни и смерти» – автобиографическая трилогия.

«Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в свете эпиграфа из Моисеева Второзакония».

«Мир судится добром» – сборник статей и литературных эссе.

«Дом поэта» (М. Волошина) и «Раздумья о Маяковском»...

Павел Гольдштейн – основатель и бессменный редактор религиозно-философского и литературного журнала «Менора». С января 1973-го по декабрь 1980-го вышло в свет двадцать три номера.

Умер Павел Гольдштейн 10 марта 1982 года в Иерусалиме, похоронен на Масличной горе, в достойном

окружении мудрецов и праведников. А он и был мудрецом и праведником. И в судьбе, и в слове.

6

Лишь в Израиле познакомился я с творчеством прекрасных ивритских поэтов, в том числе и Хаима Ленского, осужденного в Союзе «за контрреволюционную деятельность», – так в приговоре. В его стихах – не только нежная любовь к еврейским прелестям оставленных местечек, поэт сквозь стены казематов разглядел суровый быт берестяной Сибири, а сочный сленг солагерников русских с подробностями темничного быта запечатлел на четверть века раньше солженицынских «открытий». От этой пальмы первенства могла бы уберечь судьба – не уберегла. В строках последних он просит красноармейца-конвоира: «...дай мне допеть гимн солнцу и благословить наслаждение его красотой»... О Хаиме Ленском вспомнил не случайно, печалась и восторгаясь одновременно мощной и напряженной прозой Павла Гольдштейна «Точка опоры». Лагерной теме – непостижимому и планомерному уничтожению в лагерях миллионов ни в чем не повинных советских людей – посвящены произведения известных авторов (В. Шаламова и Л. Разгона, Ю. Домбровского и Е. Гинзбург, Ю. Марголина и Г. Демидова и др.). Василий Аксенов в гневном документальном очерке «Досье моей матери» рассказал о лагерном досье своей мамы – Евгении Гинзбург, автора «Крутого маршрута»

«Точка опоры» Павла Гольдштейна занимает достойное место среди книг известных авторов, но имя его не на слуху, незаслуженно обойдено и критикой, и широким читательским вниманием. Пытаюсь восстановить справедливость. Казалось бы, все сказано, и добавить нечего в постсоветской и эмигрантской прозе. Что же отличает нашего талантливое соплеменника, к примеру, от Варлама Шаламова, колымского Данте, описавшего этапы и круги лагерного ада?.. «Лагерный опыт – целиком отрицательный, до единой минуты. Человек становится только хуже» – прочли мы у Шаламова... Павел Гольдштейн – еврей, и ему было дано рассказать о лагерной теме сквозь призму иудейского восприятия, – вот в чем принципиальное

отличие. Могу лишь предположить: Всевышний, благословенно Его имя, для того и спас Павла Гольдштейна от расстрела в сорок первом, вернул в Москву в пятьдесят пятом, словно на крыльях, перенес в Иерусалим в семьдесят первом, чтобы он как летописец честный, как художник, как еврейский философ написал и свою трилогию, и другие книги.

Вновь обращаюсь к В. Шаламову. В его рассказах, потрясающих нечеловеческими подробностями ада ГУЛАГа, действующие и погибающие герои лишены каких-либо душевных переживаний – таков стиль автора, и это его право и продуманная сила воздействия на читателя. Особенность прозы Павла Гольдштейна – на его страницах сотни запоминающихся героев, со своими характерами и судьбами, отличительными чертами. У писателя – редкая чувствительность к психологии человека, состояния его души: в условиях каземата, в окружении сокамерников по лагерным нарам, по этапам. Всех не упомяну, уверен, читатель современный заинтересуется, потянется к книгам Павла Гольдштейна.

Павел Гольдштейн до ареста в 1938 г.

Он или его литературный прообраз, двадцатидвухлетний интеллигентный еврей, красивый и сильный, полон радужных надежд, попадает неожиданно в Лефортово, затем в Бутырки, – в одночасье жизнь сломана.

Но сам он не сломался – какие-то неведомые силы помогают ему выжить. В 54-й бутырской камере, в ее толпе разноликой, встречается он с доктором Домье, пятидесятилетним евреем, спокойным, с мягким голосом, сохранившим в тех страшных условиях умные смешинки в печальных глазах... Доктор, мечтавший стать раввином, но ставший врачом, не только оберегает Павла в застенках, но и неспешно, настойчиво возвращает к иудаизму. Он не учит его молиться, трепетно и возвышенно, накладывая тфиллин или произносить благословения, – все это придет через десятилетия. Яркая личность и мировоззрение доктора Домье, истинного еврейского мудреца, – удача и главное своеобразие трилогии Павла Гольдштейна. Тогда, осенью тридцать девятого, уходит Павел на семнадцатилетний этап, а доктор Домье остается в бутырской камере, и мы ничего не знаем о его судьбе, полагаю, трагической. И будущий наш писатель не мыслил уже иначе, чем доктор Домье, и сберег, и донес для нас, нынешних, его мысли:

– Среди большинства слов нужно произносить такие, чтобы можно было на них опереться...

– Гораздо больше наказывается грешник, находящийся в обществе благочестивых, чем грешник в обществе беззаконников...

– Мир судится добром, а не по поступкам... Любовь – вот самое главное, главнее всех наших дел...

– Человек может сделать завесу из своих дел, но вещи, сокрытые от людей, не сокрыты от Б-га, – они обнажены перед Ним во всей своей наготе...

Спустя двадцать лет автор вспоминает не только о «конвейере лжи» – допросах, избиении, ледяном карцере, «смертной» камере, через которые ему, как и миллионам другим, пришлось пройти. Дубленый жестокими испытаниями, на долгом семнадцатилетнем этапе находит Павел добрые слова для других заключенных, как когда-то для него доктор Домье... Память писателя счастливо сберегла подробности его раздумий в тяжелейшие минуты... В бутырском ледяном карцере, двигаясь от двери и обратно, чтобы не озябнуть: «...Спектральным анализом определили химический состав солнца. А как узреть человеческую

душу, ту бездну, до которой дальше, чем до солнца?.. Где тот человек, который осмелится сказать о себе всю правду?»

В заключительной главе, в камере Карлудской тюрьмы, перед новым этапом в Можгу в декабре 43-го: «Я не в силах был ни о чем думать, кроме Б-га, Который не единожды уже спасал меня от смерти, и снова умолял Его за себя и своих поделщиков, чтобы Он даровал нам спасение от смерти...»

Через несколько абзацев рукопись оборвалась – смерть, в марте 82-го, не дала Павлу Гольдштейну дописать, договорить. Неоконченная книга – в редчайшем ряду завершенных. Главное писатель успел сказать... Для нас.

7

Целебный воздух Иерусалима, святого и вечного, благодатно и щедро напоил Павла Гольдштейна, истомившегося в галуте по родным корням, по своему народу. Именно здесь он задумал и написал свои книги, стал основателем и главным редактором иерусалимского религиозно-философского и литературного журнала «Менора». Близкая параллель между светом и духовной красотой неизменно связывается в нашем сознании с **Менорой** – семисвечником в Скинии Завета – во время странствий наших предков в пустыне. Уже через год после репатриации – в январе 1973-го – вышел первый номер журнала, сегодня на моем столе – двадцать три выпуска и смею утверждать: на русском языке ни в Израиле, ни в странах диаспоры **такого** периодического издания никогда не существовало! Появление «Меноры» в Иерусалиме в начале семидесятых – не случайно. До потока миллионной алии девяностых – почти два десятилетия, но настойчивые ручейки советских «отказников» уже заполняли просторы Эрец-Исраэль. Многие остро ощущали свою опустошенность, духовную катастрофу – оторванность от еврейских корней. И Павел Гольдштейн чутко уловил вакуум, нашел энтузиастов среди старожил, и после нелегких раздумий взвалил на себя организаторскую и творческую ношу главного редактора. Высокая духовная культура, непостижимая глубина мышления, неумная энергия, эрудиция, отточенный своеобразный слог Павла

Гольдштейна обеспечили неснижаемый уровень всех выпусков. Скажу и о главном: «сильная доза еврейства» отличает «Менору» от аналогичных изданий, израильских и зарубежных, пытающихся «освободить» читателя от иудаизма или предпочесть «еврейство, разбавленное водой»... Так по сей день...

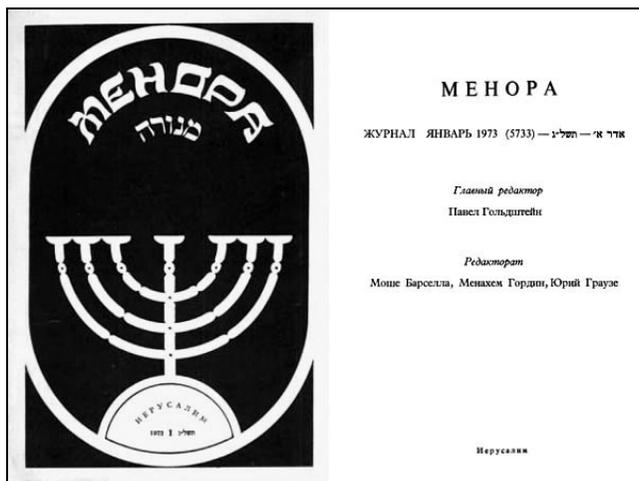
О структуре журнала. Словно эпитафия, до основных текстов на отдельном листе – крупным шрифтом, по-русски и параллельно на иврите – несколько изречений из книг Пророков. К примеру: «И будете жить на земле, которую Я дал отцам вашим, и будете Моим народом, и Я буду вашим Б-гом» (Йехезкель 36:28) Или: «Светильник Г-спода – дух человека, проникающий в недра его» (Притчи 20:27). Так, продуманно и заботливо, подготавливаемся мы и погружаемся в чтение. У наших мудрецов сказано: «Знания – у смиренных»... Каждый номер журнала открывается статьей главного редактора – не дань традиции. Именно в этих статьях раскрылся основной дар Павла Гольдштейна – мыслителя, публициста. Опираясь, словно на прочный фундамент, на классические комментарии к Торе и на новые исследования, он увязывает понимание еврейских законов и принципов Веры с современностью, с историей государства Израиль с момента его создания до наших дней. Все статьи составили основу книги Павла Гольдштейна «Мир судится добром» (Иерусалим, 1980), но сегодня, спустя два десятилетия, меня не оставляет ощущение сопричастности автора с нынешней израильской действительностью, мудрой прозорливости его суждений и обобщений:

«Многие из нас безумели, отрекаясь от самих себя, забывая о своем высоком происхождении или просто не догадываясь о нем... Человек, не имея никакого интереса к реализации себя на глубину собственной иудейской глубины, наглейшим образом забрасывает грязью самое дорогое и святое на самом святом месте служения Творцу Превечному».

«Не за пороки и недостатки ненавидят наш народ, а за то, что храним мы в себе что-то такое, чего ни у кого нет, и что превращается наконец в веру сердца».

«Забывтый многими сынами Израиля способ видения

постепенно получает все большие права гражданства, озаряя во всей чистоте и возвышенности души молодого поколения». Дай-то Б-г!

Обложка и титульный лист первого номера журнала «Менора»

Продолжу о структуре журнала. Девять разделов неизменных, точно обозначенных, включавших, как правило, мастерские тексты авторов, хороших и разных, прочитываются на одном дыхании, затем – требуют неоднократного возвращения и постижения. Собранные под одной обложкой, украшенной семисвечником, воспринимаются публикации как монолог главного редактора, хотя русский слог каждого – самобытен и узнаваем. «Скажи мне – кто твои авторы, и я пойму – какой ты редактор» – уточняю пословицу. Авторы – подстать Павлу Гольдштейну, увы, многих уже нет с нами, но их слово, мудрое и высокое, дошло к нам, словно потоки сильных вод, незамутненные временем. Не вправе никого обидеть, назову некоторых: Моше Барселла... Рабби Авраам-Ицхак Кук... Шмуэль-Йосеф Агнон... Ицхак Орен... Авраам Карив... Рабби Йосеф Соловейчик... Рабби Элиягу Лупин... Упомяну и Шмуэля Мучника – сына Леи, жены П. Гольдштейна, но не из-за родства, – достойно вписывается в коллектив... Фрима Гурфинкель –

почитаемый переводчик с иврита, – тогда редактор заметил ее и пригласил к себе...

Двадцать лет назад Павел Гольдштейн чутко уловил духовный вакуум советских евреев, а нынешний, разреженный миллионной алией, – кто услышал? Как нам необходим живой Павел Гольдштейн!

8

Если вождь мирового пролетариата разглядел Льва Толстого «как зеркало русской революции», не к ночи будь помянута, то талантливый еврейский писатель Павел Гольдштейн написал в Иерусалиме книгу «Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в свете эпиграфа из Моисеева Второзакония». Мировое толстововедение не знает подобного анализа – по глубине постижения творчества русского писателя, по самобытности исследования. С поразительной ясностью доносит он суть романа в свете эпиграфа, взятого Толстым: «У Меня отмщение и воздаяние». Более ста лет читающая публика обходит эпиграф молчанием, стыдясь признаться в своем неведении. Если отважусь, напишу о книге специальную статью², пока – о главном, кратко.

Наш писатель-исследователь прочитывает «Анну Каренину» не только в свете эпиграфа, но в свете всего Пятикнижия Моисеева... Незадолго до репатриации побывал я, в который раз, в Ясной Поляне – обнаружил на книжных полках издания на иврите, возгордился. С помощью московского раввина С.А. Минора Лев Николаевич выучился еврейскому языку, прочел Тору в оригинале, основные положения принял в своем творчестве. Павел Гольдштейн исследует роман углубленно и скрупулезно – на 90 страниц книги 184 библиографические ссылки. Истинную суть эпиграфа увидел он в трагедии – она и совершается, и хотя перейти предела нельзя, Анна его переходит.

«Жизнь наша связана, и связана не людьми, а Б-гом, – предостерегает ее муж. – Разорвать эту связь может только преступление, и преступление этого рода влечет за собой

² <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer20/Batkin1.php>

тяжелую кару». И великий русский писатель выносит на заглавный лист романа: «У Меня отмщение и воздаяние». Книгу Павла Гольдштейна рекомендую прочесть всем – попытаюсь восстановить справедливость...

9

Осознаю: в одной публикации нереально и проблематично изложить глубину и масштабы такого яркого и самобытного явления в еврейской литературе как Павел Гольдштейн. Убежден, предстоит серьезный и профессиональный разговор – и филологов, и знатоков Торы. Осмелился лишь высказать свои субъективные суждения... За десять лет жизни в Израиле у Павла Гольдштейна расправились и окрепли корни его веры, в судьбе и слове сбылось сказанное царем Давидом: «...и будет он как дерево, посаженное при протоках вод, которое плод приносит в свое время, а лист которого не вянет, и во всем, что он делает, успеет» (Теѓилим 1:3). Его громовой голос, вдохновенный и мудрый, не затерялся. Творческое наследие писателя опубликовано малыми тиражами десять-двадцать лет тому назад, но неизвестно большей части алии. Необходимо издание его ИЗБРАННОГО³, что нуждается в серьезной поддержке... Ибо во тьме галута, а мы пока в нем пребываем, каждый уголек – от костра великого, каждой свече – лучиться...

³ В настоящее время в издательстве ОЛЕС выпущен в свет трёхтомник П. Гольдштейна – Ред.

Виктор Финкель

Божественное и мирское

Ответ г-ну Солоницу

1. опубликованная журналом статья «Религиозное, политическое и национальное самосознание Цветаевой» [1] начинается строками, не вызывающими каких бы то ни было сомнений в моем отношении к её поэзии:

«Марина Ивановна Цветаева – великий русский поэт, оставивший неизгладимый след в русской и мировой поэзии. Это след раскаленной и не остывающей лавы, kloкочущего вулкана мыслей и страстей, беспрецедентного по мастерству и изощренности пера, точнее резца, формирующего пространственное поэтическое изображение и, наконец, это следы крови и смерти... Последние имеют не фигуральный, а, к сожалению, прямой смысл – трагическая кончина Цветаевой, раздавленной коммунистическим молохом, и покончившей с собой в Елабуге, общеизвестна.... Тем более, поразительна её поэтическая продуктивность, высоковольтность её поэзии, непреходящая, неправдоподобная, слепящая яркость поэтических строк. Поэзия Цветаевой (Цветаева, 1980,1994) – это пронзительный документ, представляющий развернутый во времени срез эпохи. Трагические политические катаклизмы и конвульсии России и Европы оказались удивительным образом связаны с эволюцией личности и судьбой Поэта. <...> Марина Ивановна Цветаева достигла уникальных творческих рубежей и с полным основанием квалифицирована Историей, как Великий русский и мировой Поэт».

Итак: МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ И МИРОВОЙ ПОЭТ И ПОЭЗИЯ ЕЁ ПРЕКРАСНА

И ГЛУБОКА. ЭТА ПОЭЗИЯ ИМЕЕТ БЕЗУСЛОВНО БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ, А М.А. ЦВЕТАЕВА – НОСИТЕЛЬ БОЖЕСТВЕННОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ДУШИ.

ВМЕСТЕ С ТЕМ, СУЩЕСТВОВАЛО И МИРСКОЕ ТЕЛО И МИРСКАЯ ЖИЗНЬ М.И.ЦВЕТАЕВОЙ НА ГРЕШНОЙ ЗЕМЛЕ. А ЭТО – СОВЕРШЕННО ИНАЯ СУБСТАНЦИЯ.

Конечно же, эти две субстанции связаны. И, например, в поэтическом отношении они напоминают сообщающиеся сосуды. Поэтому [2] «разверстость поэта в жизни выливается во все его творчество». Недаром Пушкин писал «Прошла любовь, явилась муза...». И, тем не менее, жизнь ДУХА и ТЕЛА совсем не одно и то же! Первая нацелена ВВЕРХ, вторая – скользит по земным жизненным обстоятельствам.

Имеем ли мы право исследовать земную жизнь М.И. Цветаевой? Многие считают, что нет. И в этом – смысл критических замечаний Господина ВЕКа и Господина Эйтана Кашиша. Вот, что они пишут в КОММЕНТАРИЯХ по моей статье: «Когда Автор пишет: «Цветаева – поэтический гений. Но только поэтический», мне хочется сказать: "И этого достаточно"». Я абсолютно согласен с этим. За исключением одного обстоятельства. Жизнь Великого Поэта настолько значима для человечества, что оно хотело бы знать о ней все! Ведь исследуется не только поэзия Пушкина, но и всё его окружение! Недавно промелькнуло сообщение, что обнаружен в невредимости диван, на котором Пушкин умирал и теперь предстоит анализ состава его крови и ДНК. Поэтому, если читатель интересуется Великой и Бездонной поэзией и не хочет знать сложностей, скажем, быта М.И. Цветаевой, – это конечно же его святое право. Равным образом, имеет право и исследователь изучать всё, что связано с реальной жизнью М.И. Цветаевой! И это не попытка ошельмовать память великого Поэта, а естественное и, кстати, узаконенное желание понять подлинные обстоятельства её жизни, мышления и творчества. В университетах различных стран проводятся исследования и творчества, и быта М.И. Цветаевой. Вот Норвичский симпозиум в США «МАРИНА ЦВЕТАЕВА. 1982-1992». Доклады на нем – в

самом широком диапазоне – от Анны Саакянц УХОД МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ до Джейн Таубман ТИРЕ У ЭМИЛИ ДИКИНСОН И МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ. Есть книги просто о жизни М. Цветаевой [2]. Есть работы, посвященные только разысканию домов и апартаментов, в которых в разные времена проживала М. Цветаева. Несть числа диссертациям на самые разнообразные темы, посвященные и поэзии, и жизни М. Цветаевой. Глубокоуважаемые господа ВЕК и Эйтан Кашиш, разве можно и нужно все это запретить?

II. О так называемом «отзыве» г-на Солонина, г-на, которому не смешно. Прежде всего, поражает его фраза: «"Сухая корка" частенько появляется в стихах русских поэтов (такая уж у нас непростая жизнь), теперь вот найден "поэт подкорки..."». Как я понимаю, речь идет о том, что г-н Солонин относит себя к выдающимся и гениальным русским поэтам («(такая уж у нас (русских поэтов) непростая жизнь)») и выстраивает ряд Цветаева, Бродский и Солонин! Простите меня, г-н Солонин, возможно, я нарушил порядок? Уж Вы, пожалуйста, не сердитесь! Опираясь на подобное положение «Великого Поэта», по мнению г-на, которому не смешно, можно начинать разгром, простите, погром В. Финкеля.

Начнем рассмотрение с известного стихотворения «Евреям» от 13 октября 1916 года:

Кто не топтал тебя – и кто не плавил,
О купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос:

Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! – Пророки! – Торгаши!

В любом из вас, – хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке –
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.

По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!

Прежде, чем перейти к оценке этого стихотворения, хочу отметить следующее:

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ И МИРОВОЙ ПОЭТ. ЕЁ ПОЭЗИЯ ПРЕКРАСНА.

И, тем не менее, стихотворение это заслуживает серьезного анализа.

По утонченному мнению «Великого Поэта», которому никогда не смешно и который никогда не забывает оборота «русскому по языку и крови»: «Казалось бы, любому вменяемому читателю должно быть видно, что Цветаева в этих строках восславилла Израиль. В какое же ослепление злобы надо впасть для того, чтобы предьявлять поэту, русскому по языку и крови, выросшему в потоке европейской культурной традиции, обвинения в том, что "мерой всех мер" в этом (да и не только в этом) стихотворном тексте выступает Христос...».

Это мнение ошибочно. Смысл стихотворения лежит не в подтексте – он весь снаружи. Вот он: Единственное, что оставил после себя Древний Израиль – это Христос. Вы, евреи – герои, предатели, торгаши и ростовщики – кровью заплатили нам. В любом из вас нет ничего: ни ваших пророков, ни вашей Библии, есть только Христос. Это и есть отношение М.И. Цветаевой к еврейскому народу, в целом. В действительности, существует наш Великий Гос-дь, существует Великая Религия Иудаизма, существует государство Израиль, и ДУША каждого верующего еврея заполнена Светом Торы, а не чем бы то ни было, что говорит Христос! И, наконец, «любому вменяемому читателю» должно быть известно, что христианство произошло из иудаизма, а не наоборот!

Таким образом, «Великий Поэт», которому никогда не смешно, вы оказались близки к Подлинно Великой М.И. Цветаевой по Вашему одинаковому отношению к Израилю и Еврейскому народу!

В 1916 году М.И. Цветаева опубликовала стихотворение «И поплыл себе – Моисей в корзине!»:

И поплыл себе – Моисей в корзине! –
Через белый свет.
Кто же думает о каком-то сыне
В восемнадцать лет!

С юной матерью из чужого края
Ты покончил счет,
Не узнав, какая тебе, какая
Красота растет.

<...>

А той самой ночи – уже пять тысяч
И пятьсот ночей.

**МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА – ВЕЛИКИЙ
РУССКИЙ И МИРОВОЙ ПОЭТ. ЕЁ ПОЭЗИЯ ПРЕКРАСНА.**

И, тем не менее, стихотворение это заслуживает анализа.

Наш «Великий Поэт», которому никогда не смешно, сообщает по этому поводу следующее: «Да, конкретное, событийное содержание стихотворной строфы у Цветаевой совершенно не соответствует тексту Торы (отец Моисея, у которого к тому моменту была уже старшая дочь Мирьям и трехлетний сын Аарон, не мог быть восемнадцатилетним; сына он не бросил, а, напротив, спас от гнева фараона, повелевшего убивать всех мальчиков, рождающихся в еврейских семьях) – но разве же Цветаева писала для экзамена по Закону Божию? Да и какие есть основания – кроме одной только первой строки – вообще считать это стихотворение хоть как-то связанным с ветхозаветной историей? И уж тем более – искать в нем «очевидное святотатство»? **Святая простота г. Солонина выходит за разумные пределы – он «Великий Поэт» не опознал строки Торы. Ему, видите ли, мало «И поплыл себе – Моисей в корзине! →». Что касается приведенной в моем тексте поэтической фразы самой М.И. Цветаевой**

А той самой ночи – уже пять тысяч
И пятьсот ночей,

то он её лукаво опустил... Ну не было ее, ну не было...

Что касается святотатства, то оно есть и заключается не просто в том, что отцу Моисея, якобы, было 18 лет, но и в том, что в стихотворении выражено неуважение к нему и ложная информация о том, что он бросил семью

Кто же думает о каком-то сыне
В восемнадцать лет!

С юной матерью из чужого края
Ты покончил счет,
Не узнав, какая тебе, какая
Красота растет.

И как всегда, к любой ошибке действительно Великого Поэта М.И. Цветаевой присоединяется наш «Великий поэт», которому никогда не смешно. Вот и сейчас он заявляет: «Оказывается, Цветаева оскорбила еврейский народ употреблением слова "жид"... Неужели и в данном случае нужны пояснения, объяснения, оправдания? Во всех западноевропейских (включая западнославянские) языках для обозначения народа – носителя иудейского вероисповедания – принято слово, произведенное транскрипцией имени Иуда ("юде", "джу", "жид"). В польском, чешском и украинском никакого "еврея" никогда не было, был только "жид", и это слово не несло негативной окраски. "Поэма Конца", кстати, написана в Праге. Жида мы встречаем и у Пушкина, и у Гоголя. Для Цветаевой, которая в детские годы подолгу жила в Европе, часто вспоминала своих польских прабабушек, употребление именно такого, "западного" этнонима было вполне органичным».

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ И МИРОВОЙ ПОЭТ. ЕЁ ПОЭЗИЯ ПРЕКРАСНА.

Но её отношение к еврейскому народу, как этносу в целом, к большому сожалению, назвать положительным нельзя. Она явно злоупотребляет словом «жид» и его вариациями и это невозможно оправдать.

Относительно заявлений по этому поводу нашего г-на, которому не смешно. Я хотел бы привести выступление одного из участников дискуссии:

Vadim

- at 2010-05-27 08:40:25 EDT

Господин Слоним (*вероятно, Солонин*), в Вашей многословной статье я так и не обнаружил Вашей чёткой и конкретной оценки стихотворения Цветаевой «Каменный ангел» (27 июня – 14 июля 1919), цитату из которого приводит господин Финкель. Антисемитское оно или нет?

Если Вас, Вашу жену, дочь, сына назовут жидом, жидовкой, жидёнком, жидярой, Вы отреагируете так же академически отстранённо, как рассуждаете о том, что «Во всех западноевропейских (включая западнославянские) языках для обозначения народа – носителя иудейского вероисповедания – принято слово, произведенное транскрипцией имени Иуда ("юде", "джу", "жид"). В польском, чешском и украинском никакого "еврея" никогда не было, был только "жид", и это слово не несло негативной окраски... Жида мы встречаем и у Пушкина, и у Гоголя»? Возможно у Пушкина или Гоголя слово «Жид» действительно не носило «негативной окраски», возможно. Но во времена Цветаевой определение еврея «жидом» было оскорблением. «Тамара на минуту перестает есть... – ШАПИРО? – переспрашивает она – ЖИД? – ТАМАРОЧКА, ДАВАЙ ДОГОВОРИМСЯ, ЭТОГО МЕРЗКОГО СЛОВА В МОЁМ ДОМЕ НЕ ГОВОРЯТ – говорит Иван Константинович серьёзно – ПОЧЕМУ? РАЗВЕ ВЫ ЖИД? ВЕДЬ ВЫ – РУССКИЙ? – Я РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ. А РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЭТОГО ПОДЛОГО СЛОВА НЕ ПРИЗНАЁТ» (А. Бруштейн «Дорога уходит в даль») Так что, если для Цветаевой «употребление именно такого, "западного" этнонима было вполне органичным», следовательно прав господин Финкель: Цветаева была антисемиткой.

Господин Слоним (*Солонин*), ни Ваши знания, ни Ваше бойкое перо, ни несогласие с мнением оппонента не даёт Вам права его оскорблять. Ваша статья свидетельствует о Вашем дурном воспитании.

В связи с этим должен сказать следующее. У меня в статье приведены множественные фрагменты из поэзии М.И. Цветаевой, содержащие это гнусное слово. Помимо ПОЭМЫ КОНЦА, это не менее 18-20 раз! Наш г-н, которому не смешно, опустил все. Почему он, например, не обсуждает не только «Каменный ангел», но и он молчит о произведении «Евреям»?

Кремль почерневший! Попран! – Предан! – Продан!
Над куполами воронье кружит.
Перекрестясь – со всем простым народом
Я повторяла слово: жид.

И мне – в братоубийственном угаре –
Крест православный – Бога затемнял!
Но есть один – напрасно имя Гарри
На Генриха он променял!

Ты, гренадеров певший в русском поле,
Ты, тень Наполеонова крыла, –
И ты жидом пребудешь мне, доколе
Не просияют купола!

Почему наш «Великий Поэт», которому не смешно, молчит о коронной фразе М.И. Цветаевой «Не могу простить евреям, что они кишат»? (Записная книжка и дневники, стр. 148) [3].

Ответ заключается вот в чем. Но протяжении последних двадцати лет великорусские шовинисты, националисты и их фашистские собратья вели борьбу за легализацию этого слова – «жид». Именно для этого использовалась как раз та словоблудливая практика, которую сейчас взял на вооружение г-н Солонин, тот самый, которому не смешно.

Итак, каждый раз, когда г-н Солонин касается еврейского вопроса он злостно, преднамеренно, сознательно неправ. Ситуация в такой степени стандартна, что когда кажется, что он прав, проверьте,

может быть Вы что-то упустили? И действительно. Вот и сейчас человек, которому не смешно, бравадно и с фанфарами начинает лекцию «для самых необразованных»:

«Напоминаю для самых необразованных. Наличие прадедушки равина НЕ делает человека евреем. Еврей – это не «кровь». Евреем может стать прошедший *гиюр* инородец. Евреем перестает быть добровольно крестившийся сын еврейской мамы и еврейского папы. Отец Сергея Эфрона был выкрестом. Выкрест – это не еврей. Так и только так понималось это в еврейском народе во все времена (к слову говоря, так же трактует этот вопрос и законодательство современного Израиля) (здесь автор ошибается, его утверждение не разделяется многими уважаемыми раввинами и знатоками закона Торы – прим. ред.)».

И вдруг такой неожиданный конфуз – его перехватил на лету, точнее, схватил за руку Гл. редактор господин Беркович!

III. Теперь я лучше понимаю, почему г-н Солонину, нашему «Великому Поэту» не смешно. Дело в том, что, по его собственным словам, он живет «с чувством глубокого удивления, омерзения и ужаса». Так и написано – с одним чувством, а я, грешным делом, подумал с «чувствами». И потом он вечно занят – он постоянно «удивляется безбрежности тупизны» и решает проблемы «луж своего воинствующего невежества», «графоманского бреда» и пр. Ну и ведь надо «постоянно ужасаться тому, что сделал поганый "совок» с душами людей". «Ведь "сильна, как смерть, удушающая тьма "совка", стрелы её – стрелы огненные"» При такой-то мощной интеллектуальной нагрузке думать о чем бы то ни было еще не просто. Но нужно, нужно – Родина велит! Отсюда и ужасающее недержание речи в особенности грязных и оскорбительных слов. Это проявилось и во время дискуссии по моей статье. Стремясь организовать выступающих и дирижировать нападением на меня, г-н Солонин преступил и был остановлен и отшлепан Господином Эйтаном Кашишом:

Эйтан Кашиш – Марку Солонину
- at 2010-04-28 13:00:22 EDT

Марк Солонин РФ - at 2010-04-27 16:00:29 EDT:

Дорогой Эйтан! Не надо делать под Пушкина, делайте под себя!.. На эту страницу заходят люди... Сдерживайте иногда желание ляпнуть, брякнуть, звякнуть не по делу.

=====

Дорогой Марк, если бы на этой странице было уместно не только высказываться о прочитанном, но и возноситься до нотаций друг другу в стиле «ляпнуть-брякнуть-звякнуть-делать под себя», то на Вашу реплику Вы рисковали бы получить примерно такой ответ: «Сопляк! Когда ты только родился на свет и делал исключительно под себя, я уже прожил при Кирове, Сталине, Гитлере и Хрущёве 25 лет и был взрослым антисоветчиком с высшим образованием и даже с публикациями».

IV. Поскольку помолчать и промолчать для г-на, которому не смешно, дело невероятно трудное, почти не выполнимое, он пишет:

«Не могу промолчать и по поводу "беспорядочного образа жизни". Да, Марина Цветаева была плохой матерью и неверной женой. Это есть факт. Спорить тут не о чем...Марина Цветаева осталась в голодной и замерзающей Москве без мужа (он одним из первых ушел в Добровольческую белую армию), без родителей (они умерли за много лет до того), без крыши над головой, без средств к существованию (большевики конфисковали банковские вклады населения), с двумя малыми детьми на руках (Ирина родилась в апреле 1917 г.), по полгода и более не получая ни одной весточки от мужа, не зная – жив ли он, суждено ли им встретиться в этом мире... Да, она не одела черный вдовый платок, не проплакала все четыре года разлуки перед лампадами. Была работа в студиях Художественного театра (написано пять пьес), были увлечения, были связи с мужчинами – иногда интимные, много чаще – дружеские...»

Итак, г. Солонин, хотя ему и не смешно, подтверждает мои слова о «беспорядочном образе жизни!» Но каждый раз, когда он говорит о чем бы то ни было,

нужно обязательно проверять достоверность приводимой им информации. Вот и сейчас давайте проэкзаменуем его на знание материала. Он пишет: «Марина Цветаева осталась... без крыши над головой». **Внимание, уважаемый читатель! Это не правда! Вас дезинформируют или г-н Солонин, попросту, не владеет материалом!** С осени 1914 года по последний день перед отъездом в эмиграцию. М.И. Цветаева жила в доме номер шесть по Борисоглебскому переулку, между Поварской и Собачьей площадкой. [4]. Двухэтажная квартира эта была площадью в 290 кв. метров. В революционные годы туда подселили и других людей. Но крыша над головой у М.И. Цветаевой была!

Устроим г-ну, которому все еще не смешно, еще один экзамен. Он утверждает: «Марина Цветаева осталась... без средств к существованию». **Внимание, уважаемый читатель! Это не правда! Вас дезинформируют или г-н Солонин, попросту, не владеет материалом!** 26 ноября 1918 года М.И. Цветаева поступила на работу в Народный комиссариат по делам национальностей. Поначалу Наркомнац помещался на Поварской. Однако с 23 апреля Цветаева служит уже в другом месте, на Смоленском бульваре, 20, в должности регистратора статистическо-справочного отдела в отделении по учету русских военнопленных. Продержалась она на работе в общей сложности пять с половиной месяцев. «Великая клятва: не буду служить. Никогда. Хоть бы умерла». Анна Саакянц [4] пишет: «А ее девочки?.. И она ушла с работы, между тем как дома сидели два голодных ребенка...»

Итак в анализируемом отрывке из «сочинения» г-на, которому не смешно, две позиции ложны. Не более пунктуален «рецензент» и в остальном. Ведь это слащавая буколика и попытка лакировать образ жизни М.И. Цветаевой.

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ И МИРОВОЙ ПОЭТ. ЕЁ ПОЭЗИЯ ПРЕКРАСНА.

Но в реальной жизни М.И. Цветаева изменяла мужу везде и всегда. Она физически изменяла ему и с мужчинами и с женщинами (простейший и общеизвестный, но далеко не единственный пример – Софья Парнок). Она изменяла ему

до революции, она изменяла ему в революционные годы в Москве, она изменяла ему в Праге и Берлине, она изменяла ему во Франции, она изменяла ему даже в Москве, после его ареста! И очень многие из этих эскапад общеизвестны! Что касается ситуации в Москве, о которой Г-н Солонин поёт так сладко, **то здесь он сознательно дезинформирует читателя. Это называется ложь умолчанием! А, может быть, обычная неквалифицированность?** Судите сами. Вот, что пишет С.Я. Эфрон в общеизвестном письме к М.А. Волошину от декабря 1923 года (имеется в виду зима 1918 года): «Я тебе не пишу о Московской жизни М<арины>. Не хочу об этом писать. Скажу только, что в день моего отъезда (ты знаешь, на что я ехал) после моего кратковременного пребывания в Москве, когда я на все смотрел «последними глазами, М<арина> делила время между мной и другим, которого сейчас называет со смехом дураком и негодяем.» (имелся в виду Геликон), «В личной жизни это сплошное разрушительное начало». А ведь он приехал в Москву инкогнито, с огромным риском для жизни, на считанные дни!

В связи с этим возникает вопрос к Г-ну, которому не смешно: Как быть с эпитафией

Мне не смешно, когда маляр негодный

Мне пачкает Мадонну Рафаэля

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ И МИРОВОЙ ПОЭТ. ЕЁ ПОЭЗИЯ ПРЕКРАСНА.

Вместе с тем в своей реальной земной жизни М.И. Цветаева МАДОННОЙ не была! И вот как об этом лаконично и четко сказал мудрый и глубокий человек – Господин Эйтан Кашиш: «И я считаю (во всяком случае, для себя) не слишком достойным занятием пускать восторженные сопли "Пушкин – наше всё", "Путин – наше всё", "Ленин всегда живой", "Сталин – имя России" и т. п. или запихивать М. Цветаеву в Ризу Пресвятой Богородицы и петь перед нею "Аве Марина грация плена..."».

V. И как раз в этот самый момент на интернете появилась радостная и счастливая новость – вы г-н Солонин поставили на место всех, кто не понимал значимости происходящего: «...люди, получившие хорошее воспитание и работающие над своим самообразованием, фамилию

"Солонин" должны бы знать. Уже пора», «Я вовсе не утверждал, что все (или большинство) обитатели "большого Мира" (кстати, что это?) должны знать фамилию "Солонин". Я говорил о людях с хорошим воспитанием и стремящихся к самообразованию». Как замечательно вы сказали: Г-н Солонин, нет слов выразить мое почтение к вам, поэтому я повышаю вас в должности. Ведь теперь уже совершенно ясно, что у вас и Великого А.С. Пушкина много общего. Вы не просто оба Велики, вы предельно близки, ведь вам обоим не смешно! И в этот самый момент меня осенило, я («некто по имени Финкель», «наш баран», «выживший из ума маразматик, лишенный сердца и ума одновременно», «поганый совок»), я – ничтожный вдруг понял – это не М.И Цветаева – Мадонна, нет, нет, нет! Мадон-н-н-н-а это вы – г-н Солонин, ясный вы наш! Теперь каждый день я буду выделять 15 минут и уважать вас!!!

А теперь пришло время дать слово г-ну Солонину, человеку, которому все еще не смешно: «Разобравшись с религиозным, г-н Финкель взялся за "политическое самосознание" Марины Цветаевой. Вопрос этот достаточно серьезно изучен двумя поколениями специалистов». Далее утверждается дословно: «Установлено, что Цветаева никогда не питала даже малейших иллюзий по поводу "нового мира", который строили на развалинах России победившие большевики. В пользу именно такого вывода говорит ВСЁ: стихи Цветаевой... ее резко негативное отношение к советской России и социализму».

Внимание, уважаемый читатель, в этом отрывке ложь всё. От первого до последнего слова. Доказательство: ВСЁ – это абсолютно всеобъемлющее слово. А как быть тогда с приводимыми мною в статье [1] и другими стихотворениями М.И. Цветаевой?

«Маяковскому» август 1930:

А что на Рассее –
На матушке? – То есть
Где? – В Эсэсэсере
Что нового? – Строят.

«Наша совесть – не ваша совесть», январь 1932:

Дети! Сами сводите счета
С выдаваемым за Содом –

Градом. С братом своим не дравшись –
Дело чистое твое, кудряш!
<...>

Поймите: слеп –
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб

Ест, и вам его даст, – как скоро
Из Медона – да на Кубань.

«Стихи к сыну», январь, 1932:

Вам – просветители пещер –
Призывное: СССР, –
Не менее во тьме небес
Призывное, чем SOS.
Езжай, мой сын, домой – вперед –
В свой край, в свой век, в свой час, – от нас –
В Россию – вас, в Россию – масс,
В наш – час – страну! В сей – час – страну!
В на – Марс – страну! В без – нас – страну!

«Челюскинцы». 3 октября 1934:

Сегодня – смеюсь!
Сегодня – да здравствует
Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь:
Челюскинцы – русские!

«Это жизнь моя пропела – провыла», июнь 1934:

Езжай, мой сын, в свою страну, –
В край – всем краям наоборот!

**«Двух станов не боец, а – если гость случайный» 25
октября 1935:**

Два строя: Домосторой – и Днепрострой – на выбор!

Выходит, г-н Солонин, которому не смешно, вы просто обманываете читателей!!! Ваше ВСЁ – это дезинформация!!! Вопрос лишь в том – лжете вы по заказу или по неведению? Где ваши два поколения специалистов? Или они так же не владеют информацией, как и вы?

VI. Т. н. «рецензия» насыщена яростью и ненавистью. На это, в частности, обратил внимание и Господин Эдмонд Сарно в комментариях: «Никакое возмущение, даже оправданное, не может извинить такой эмоциональной и лексической разнузданности»

Но это, к сожалению, не все. Я – Виктор Финкель написал статью о Марине Цветаевой. Со мной можно соглашаться или не соглашаться. Но при чем здесь моя национальность?

Вместе с тем, «статья» неоднократно педалирует внимание именно на этом:

«В какое же ослепление злобы надо впасть для того, чтобы предъявлять поэту, русскому по языку и крови, выросшему в потоке европейской культурной традиции, обвинения в том, что "мерой всех мер" в этом (да и не только в этом) стихотворном тексте выступает Христос».

«Апломб в сочетании с занудной "национальной озабоченностью" (особенным махровым цветом расцветающей у евреев, промахнувшихся на путях эмиграции и вместо Иерусалима оказавшихся в Филадельфии) приводит к результатам совершенно феерическим». (В оригинальном варианте «статьи», присланном мне Господином Берковичем 4 мая 2010 г., значилось «местечковый апломб». Господин Беркович просто исключил эти оскорбительные слова).

Еще более очевидной является фраза: «Человек, берущийся писать пространный текст на тему "национального самосознания", да еще и подписывающий его фамилией Финкель, не знает даже того, что с абсолютной точностью описывает русский – по рождению и

языку – поэт Марина Цветаева» Фраза эта содержит неприкрытую расистскую начинку!!!!

В целом, я считаю, что заявления подобного рода являются расистскими и антисемитскими.

И еще одно немаловажное обстоятельство. Т. н. «рецензия» содержит яростную ненависть к эмигрантам и эмиграции.

VII. В целом, «рецензия» напомнила мне одного из героев И. Ильфа, который получал зарплату за то, что любил советскую власть. Вы, Г-н Солонин, человек, которому уже не смешно, хотите получить дивиденды, т. е. стричь купоны, за то, что вы, якобы, пылко любите М.И. Цветаеву, хотя, и это совершенно очевидно, не знаете её творчества!

ВЫВОДЫ

1. Г-н Солонин не владеет элементарной базовой информацией о творчестве и жизни Марины Ивановны Цветаевой.

2. Г-н Солонин не является профессионалом в данном направлении.

3. Всё, содержащееся в его т. н. «рецензии», является либо вымыслом, либо копией самых примитивных школьных учебников.

4. Не владение материалом подменяется и маскируется дезинформацией, клеветой, шельмованием и разнузданностью.

5. Так называемая «рецензия» содержит оголтелую, яростную и злобную антисемитскую и расистскую пропаганду.

6. Так называемая «рецензия» содержит нескрываемую ненависть к эмиграции и эмигрантам.

7. Г-н Солонин относится к так называемым **НЕРУКОПОЖАТНЫМ.**

Список литературы

[1]. Виктор Финкель// Религиозное, политическое и национальное самосознание Цветаевой.//Семь искусств, 4(5) – апрель 2010.

[2]. Вероника Лосская//Марина Цветаева в жизни.// Культура и традиции. 1992.

[3]. Марина Цветаева//Записные книжки и дневниковая проза.
//Захаров, Москва, 2002, стр. 148.

[4]. Анна Саакянц //Твой миг, твой день, твой век//АГРАФ,
Москва, 2002.

Игорь Мандель

В. Комар и А. Меламид: КMulti-conceptual art

Трактат с иллюстрациями

*Да, тема трудная, других проблем сложнеей,
Ответ далек от полного охвата;
Как Витгенштейн учил, о ней верней
Писать шершавым языком трактата.*

Теория вопроса

1. звестность **Виталия Комара** и **Александра Меламид** крепко зиждется прежде всего на зыбком фундаменте соцарта, который они на двоих зачали в далекие семидесятые годы. Соцарт воспринимается обычно, в свою очередь, как сильнейшая карикатура на советский строй вообще и на советское искусство в частности. Однако идут годы, и становится ясно, что все было куда глубже, причем с самого начала. Их искусство резко выходит за рамки не только карикатуры, но и «соц», и «арта» вместе и раздельно; оно давно стало самостоятельным и вполне уникальным феноменом.

2. Возможно, **уникальность** связана с тем, что их именно двое. Я не могу припомнить подобного (поправьте, кто может). Ну, были цеха и были семьи – братья Лимбург; Брейгели; ну, спорят до сих пор, где что на одной работе сделал Рафаэль, а где Джулио Романо – но не было так, чтобы двое людей много лет творили вместе. Нужен процесс согласования; нужен процесс обмена идеями; нужны внутренние, но не разрушающие противоречия; нужно взаимное уважение; нужно погашение амбиций, когда фактически вещь сделана одним из них – а подписывают

оба. Все это возможно только для очень особенных людей. Зато преимущества гигантские, типа «Комар хорошо – а с Меламидом лучше». Творческий потенциал более чем удваивается. Плохое отбраковывается партнером. Хорошее усиливается им же. Надо доказывать, что ты прав – а это трудно, то есть надо искать новые аргументы. В целом генерируется куда больше мыслей, чем у одного. Все это придает некий дополнительный оттенок их творчеству – его глубокая дуальность (о чем ниже) частично лежит, видимо, в самом факте кооперации двух талантливых людей. С 2003 года художники работают раздельно – но здесь будет идти речь о таинственном существе K&M (так они сами себя называют, я не виноват).

3. Я не знаком с художниками лично, но уверен, что они наделены исключительно сильным чувством самоиронии – без этого такое творчество не смогло бы существовать. Самоирония – вообще один из высших даров, для художника особенно, не позволяющий человеку преступить границу хорошего вкуса, ибо самолюбование вкус убивает. Их нельзя назвать только сатириками, их нельзя назвать только провокаторами, хотя все это, конечно, очевидно. Точнее всего будет сказать что K&M **играют**, совсем не для того чтобы кого-то профессионально рассмешить – а из внутреннего удовольствия, порождаемого глубокой потребностью именно в такой форме самовыражения. Но это игра двух высокоинтеллектуальных людей. Она не может быть примитивной. Она не может не быть интересной. Вот об этом и трактат.

4. Играют авторы с тремя вещами: **идеями, собственными переживаниями и художественными стилями**. Переплетение этих компонентов с юмором и возведенное в степень выше единицы путем взаимного обогащения, неизвестного «одиначным» художникам, и делает их искусство уникальным. Уникальность заключается в том, что обычно у художников резко превалирует одна из этих трех компонент, редко – две. Но видеть все три в эффективном взаимодействии между собой, как средство вскрытия трагикомической «правды жизни» – не имеет аналогов, насколько я могу судить.

5. Если под «идейностью» понимать какую-то общую направленность творчества (скажем, восторг красотой жизни, как у Ренуара; или переживание социального неблагополучия, как у передвижников или Дикса; или внутреннее напряжение и диссонанс с окружающим как у Шилле; или как следование своим малоуправляемым эмоциям, как у Дали; или как непреходящее изумление перед повседневной реальностью, как у А. Уайеса и т. д.), то у К&М ее можно сформулировать как постоянное ощущение **глубокого конфликта** в окружающей жизни. Но они его ощущают, каким-то странным образом: и не как пессимисты – поэтому их картины, в целом, не трагичны (как, скажем, у глубоко чувствующего конфликтность А. Кифера); и не как оптимисты – они и не воодушевляющие, как у массы художников (оптимизм в целом выше оплачивается, да и, возможно, в сочетании с романтизмом, чаще и встречается), и не как чистые аналитики (чем отличаются от карикатуристов или сатириков). Ближе всего ощущение от их работ может быть передано как *«трагикомедия человеческого состояния»* – тема, восходящая, наверно, к Рабле и периодически поддерживаемая в искусстве до наших дней (линия А. Платонова, Обэриутов, Ю. Алешковского и других в литературе – но с трудом прослеживаемая в живописи).

6. Если же под идейностью понимать «сюжетность» – то здесь их вообще мало с кем можно сравнивать. Попробуйте вспомнить степень разнообразия сюжетов у любого известного художника – вы будете поражены, насколько их мало. Про классику лучше вообще не говорить, там малое число сюжетов очевидно; П. Брейгель, наверно, одно из немногих исключений (хотя от него всего-то несколько десятков картин осталось). Утрилло – одни пейзажи; Модильяни – одни портреты; Моранди – одни натюрморты; Шагал – наберется 10-15 вариантов с комбинацией в основном все тех же элементов; Пикассо – примерно столько же (с рисунками – пусть 50); Уорхол – бесконечные вариации одной идеи (к тому же, собственно, не его); то же Поллок (своей, правда.., до него

никто брызганье краски идеей не считал); то же Ротко, то же Раушенберг. Взять ближе к героям очерка, художников советского андеграунда, к которым К&М принадлежали в свой критический период развития: Целков – практически один сюжет; то же Краснопевцев; почти то же – Булатов; почти то же – Г. Брускин; несколько больше сюжетов у Кабакова, еще больше у Нестеровой, Назаренко, Рабина. У К&М вообще практически нет похожих друг на друга работ. В каждой – своя идея. В этом смысле они близки таким великим изобретателям, как Магрит, Кубин, Эрнст, Дали, или, среди русских мастеров – Свешникову. Глядя на одну работу Магрита – нельзя сказать, что «в принципе все с ним ясно» (как, скажем, глядя на одну типичную картину Ренуара). Ибо на другой его работе будет нечто совсем иное, опять думать надо. То же самое с К&М.

7. Личная вовлеченность авторов, **эмоциональное напряжение** в их работах менее очевидно, чем первый, «идейный» аспект – но присутствует практически всегда. В первую очередь К&М – аналитики (декомпозиции, по-нашему, по-модному, говоря), но никогда не «холодные». Их творчество в высшей степени литературно – они могут и любят писать сами, и часто делают это. Их ранние Николай Бушумов, Зяблов и недавний Тверитинов – небольшие шедевры жанра, от текста до визуального воплощения, редкие примеры удачного синтеза изящной словесности и изящных искусств, в которых любовь авторов к своим чудным героям очевидна – несмотря на то, что именно олицетворяемые этими героями концепции (реализма, абстрактного экспрессионизма и абстракционизма) являются самыми что ни есть предметами осмеяния. В этом отношении «сопровождение» их картин (комментарии, тексты, обстоятельства) добавляют к восприятию очень многое. Старый спор насчет того, должно ли искусство восприниматься как оно есть (как картина висит без комментариев на стене) или в каком-то общем контексте в случае с К&М чаще всего разрешается в пользу контекста. Но этот контекст обычно очень личный. В глубине их часто монструозных конструкций проскальзывает «сопричастность» к героям, иногда – абсолютно щемящая

(«Я видел однажды Сталина когда был ребенком», «Двойной портрет в пионерской форме», «Прятки» и др.). Вообще говоря, без этого их просто нельзя понять.

8. Особо это видно в столь интимной для советского человека теме как «*власть*», которая проходит через все их творчество обильным, так сказать, красным цветом – как правило, буквально. Интерес к теме – болезненный и неисчерпаемый. Власть сакральна и аморальна одновременно. Авторы показывают ее абсурдность – и искренне коченеют от ее неотвратимости. Очень много Сталина и Ленина – но много и Черчилля, Рузвельта и Вашингтона. А еще и Рейган. И Гитлер. То есть это очень далеко от плоского антисоветизма. Во всех героях двойственность, во всех раскол – но все и «свои». Однако те, родные титаны – ближе; о них еще и память детства. Отсюда причудливость «Голубой чашки», весь ассоциативный ряд которой рассчитан, конечно, только на тех, кто пост-гайдаровское детство с К&М разделял. Похоже, К&М все время для себя решают проблему заново. Их абсолютно свободный с юности дух постоянно приближается к своему антиподу – абсолютной власти – и оттуда глядит обратно на себя и ищет «соответствия». Как бы нащупывание границ в процессе многих итераций. Это сродни бесконечным колебаниям советской интеллигенции, которая постоянно отталкивалась в ужасе от нее – но и приближалась к удаву в страстной попытке чего-то понять. В России, как известно, никогда люди не могли сказать «власть – это мы». Но К&М точно такое чувство перенесли и на благодатную почву лучших из демократий. Именно поэтому К&М не социальные, а экзистенциальные авторы – они не обличают общество, они говорят о его константах, каковые оказываются, по сути, кантовскими антиномиями. Они, разоблачая типичные мифы власти, идут от края до края – от серьезного портрета Гитлера (символ наихудшего) до совершенно пародийных образов Вашингтона (символ «наилучшего») – но все эти крайности у них подозрительно похожи в чем-то главном. Власть у К&М с легкостью спускается с недостижимых высот Ялтинской конференции, где три человека решали судьбу мира, до «будуара

советской девушки» – в полном соответствии с тезисом, что «власть принадлежит народу». Кого девушка любит на фоне бюста вождя («Наташа с бюстом Сталина»)? Что в голове у пионерки, мастурбирующей за красной портьерой с матрешкой на заднем фоне («Девочка перед зеркалом»)? *«Вы всячески замазываете! Мы, конечно, стираем противоречия... между умственным и физическим... между городом и деревней... между мужчиной и женщиной, наконец... Но замазывать пропасть мы вам не позволим...!»*, как возмущенно выговаривал Выбегалло. А вот К&М удалось замазать, однако...

9. Третий элемент игры, **художественный стиль**, явлен у К&М в двух ипостасях. Во-первых, как *непосредственный и неотъемлемый элемент картины*, за счет которого и создается вся пародийность и напряженность образа. В их самых знаменитых, наверно, работах именно идеальное следование канонам классицизма XVII-XIX веков (который был адаптирован как социалистическим реализмом, так и искусством Третьего Рейха) в сочетании с абсурдностью изображаемого создают ни с чем не сравнимый «К&М эффект» («Происхождение социалистического реализма», «Сталин и музы» и другие картины «ностальгического» цикла и позднее). При этом авторы воспроизводят не только саму манеру письма, то есть гладкого наложения красок, плавных контуров и пр., но и общую композицию и типажи той эпохи. То есть их музы изобразительно вполне эквивалентны героиням Пуссена или Лоррена, а их Сталин – Наполеону Давида (который, кстати, как бы подмигивая К&М через 200 лет, с равным энтузиазмом писал и «друга народа» Марата, и узурпатора власти Бонапарта – по-видимому, никак не чувствуя неких неувязок в образах). Именно тут и проходит фундаментальная граница между К&М и карикатурой или гротеском – в последних важна только идея, «сюжет», тогда как у К&М к сюжету добавляется непосредственное воплощение художественными средствами, что многократно повышает степень воздействия. Это примерно как разница между арией в исполнении Паваротти и тем, что Рабинович по телефону напел своему другу по телефону. Если у

Рабиновича даже прекрасный слух, сюжета таки недостаточно.

Во-вторых, художественный стиль у них – постоянный самостоятельный *предмет для критического анализа*. То есть вместо рассуждений о стилях К&М показывают их абсурдность в действии, так сказать. В первую очередь это касается таких направлений как абстракционизм (особенно абстрактный экспрессионизм) и поп-арт. Отсюда сочетание разных стилей в одной работе (похоже, они начали это делать одни из первых еще в 70-х), отсюда циклы с огромным количеством работ – десятки или сотни (маленькие, правда) в каждом – выполненных в разных стилях, и отсюда же прямые «наезды» на столпов типа Дюшампа, Уорхола, Поллока или Раушенберга, вплоть до “Naked Opera” и далее. Об этом отдельно можно писать очень много, но не буду. Скажу лишь одно: в эпоху, когда «стиль – это все», когда можно часами ходить по Artogy Show-2010, лидирующему арт-шоу мира, и ничего реально не видеть кроме бесконечных и бездушных стилевых «инноваций», когда бессмысленные работы Херста продаются за многие миллионы долларов – такая позиция авторов, которым явно есть что сказать независимо от любого стиля так же уникальна, как и все их творчество.

Учитывая все вышесказанное, становится ясно, что творчество К&М является фактически одним из самых сложных и нетривиальных явлений в современном искусстве. Сочетание крайне высокого интеллектуализма (огромная редкость в искусстве сама по себе), глубокого остроумия, персонифицированного ощущения конфликтности – с одной стороны, и в высшей степени развитого чувства стиля, инновативности и чисто живописного мастерства – с другой создали за последние 40 лет нечто невиданное. Очень сложно себе представить ретроспективную выставку К&М; я не знаю, сколько часов надо потратить, чтобы ее обойти. У каждой работы на такой выставке надо простоять ну хотя бы несколько минут – просто чтобы понять несколько заложенных в ней смыслов. Работ «однозначных» у них, кажется, просто нет. Степень информативности их творчества колоссальна. Если

рассматривать искусство как большое поле, где добытчики-художники разрабатывают каждый свою делянку, чтобы выдать на гора метафоры – то кучка К&М будет одной из самых высоких. Я лишь могу повториться: прекрасный художник может всю жизнь разрабатывать одну тему, и таких очень много. Но вот в этой специфической области, где улавливаются неожиданные связи между, казалось бы, очень разными вещами, где сравнения ошеломляют своей новизной и глубиной – в этой области тонкой игры ума и эмоций, где *искусство наиболее близко смыкается с наукой* (которая тоже озабочена взаимосвязями вещей) у К&М практически нет равных. Я это очень схематично проиллюстрирую на нескольких их работах. Я буду просто кратко перечислять те слои (смыслы) которые там вижу. Конечно, они могут сильно отличаться от авторского замысла, но с этим уж ничего нельзя поделать. Изображения работ взяты в основном из вебсайта <http://www.komarandmelamid.org/chronology.html> (не упоминается); монографии С. Ratliff, Komar and Melamid, Abbeville Press Publishers, New York, 1988 (*) вебсайта artinfo.com (**).

Практические приложения

I. Из серии «Ретроспективизм» 1965-1968

1. Рождение советского символа – звезды – из какой-то оболочки неприятного вида, напоминающей текущие

образы Дали. Это первый слой, который можно назвать сатирическим – но можно и «оправдаться перед начальством», напирая на другие толкования.

2. Оболочка напоминает также саван, то есть звезда «освобождается» из чего-то мертвящего и как бы символизирует движение «вперед», в смысле клина Лисицкого, пронзающего круглое «мещанское естество». Это как бы возможная антитеза сатирической компоненте (второй слой).

3. Но звезда – единственный агрессивный элемент картины, она означает доминирование и угрозу, то есть это уже не «позитивно». На оболочке – детский рисунок человечка; он будет уничтожен, когда звезда «вылупится» полностью, что усиливает агрессивность образа (третий слой).

4. Вся конструкция расположена над крестообразной впадиной, и в сочетании с упомянутыми агрессивными моментами может интерпретироваться как наступление на устоявшиеся символы веры (четвертый слой).

5. Сооружение парит в пространстве, в нем нет ясной опоры, что роднит его с неким привидением («саванность оболочки» усиливает такое впечатление). Это создает ощущение фантомности всей картины, то есть брэнности и тезиса и антитезиса (пятый слой).

6. Общее ощущение – что-то не то и с этим символом и со всей этой властью, которую символ олицетворяет (синтезис).

II. Наша цель – коммунизм! 1972 (*)

1. К&М присоединяются ко всему советскому народу, «одобряют» самый популярный лозунг того времени лично, то есть делают очень хорошую мину при плохой игре.

2. Другой смысл – наличие подписи позволяет всеобъединяющее «наше» сделать личным и трактовать лозунг как заявление двух людей об их персональной цели, как в анекдоте тех лет: «Все для блага человека, все для счастья человека!». Да, соглашается чукча, и я знаю этого человека.

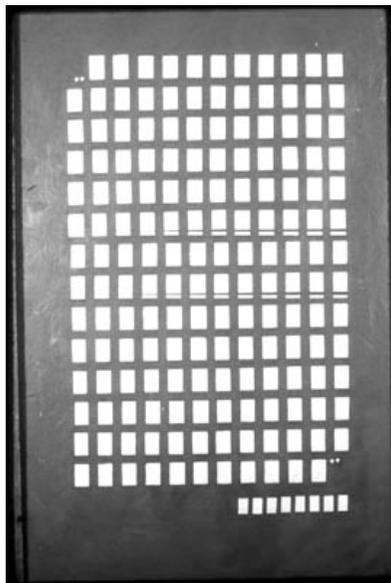
3. Тот факт, что обе фамилии под супер-лозунгом еврейские сразу может вызвать намек на тему «евреи опять узурпируют самое святое» со всеми вытекающими ассоциациями.

4. Стилистика работы, в точности воспроизводящая не просто социалистический реализм, а его крайнюю форму клубно-заводского пропагандизма, подчеркивает одновременную убогость и лозунга, и стиля (буквы написаны как сделанные на кумаче по трафарету известкой – так ведь и делалось).

5. Работа демонстрирует огромное влияние на восприятие текста личности передающего сообщения (несмотря на кажущееся – и часто прокламируемое – представление, что «Истина не зависит от личности ее излагающего»). В форме анонимного послания партии данный плакат носит сакральный характер (уже абсолютно затрепавшийся к тому времени, но это не важно). Но простое приписывание «подписи» кардинально меняет дело, превращая весь лозунг в абсурд и некое «антисоветское» действие.

6. Эта работа – блестящая иллюстрация к любому учебнику семиотики, которая в те годы бурно развивалась, равно как и к книгам Фуко или Дерриды (писавшимися тоже примерно тогда же). В ней денотат и десигнат (означающее и означаемое) так закручены, что и я и другие еще бы могли много чего написать. В качестве ближайшей к ней по глубине я могу поставить «Это не курительная трубка» Магрита – его картину тридцатых, где изображена именно курительная трубка с данной подписью. А вообще все это восходит к парадоксам лжеца и Рассела и т. д.; но тут надо остановиться.

III. Цитата, 1972

1. Первый слой – универсальный трафарет сатирического типа, наподобие «Служил Гаврила...» Ильфа и Петрова.

2. Второй слой – политическое издевательство, ввиду обилия цитат в то время на каждом углу. Для его понимания уже надо быть советским человеком, на Западе цитат в таком количестве и в таких местах нет. Политичность цитаты подчеркивается красным фоном.

3. Третий слой – настоящий соцарт в том смысле, что если поп-арт пародировал массовую культуру вещей (и стоящей за ними рекламы), то соцарт пародирует массовую культуру идей (и стоящих за ними лозунгов), единственного товара, имевшегося в изобилии в то время в СССР. Это, конечно, было революционным открытием К&М и именно за это они получили первоначальную скандальную и широкую известность.

4. Но с годами выяснилось, что два вида товаров оказались на удивление схожими – уже в 2009 году «Цитата» с легкостью прочитывается на том самом Западе, без всяких комментариев:

IV. Биография современника (фрагмент), 1973

1. Шокирующее несоответствие средней картинке другим, лубочным, из той же серии, типичным для стандартизированного искусства того времени. Но это несоответствие, так сказать, по сюжету – не помещают обычно изображение убийства рядом с картинкой девочки с игрушкой.

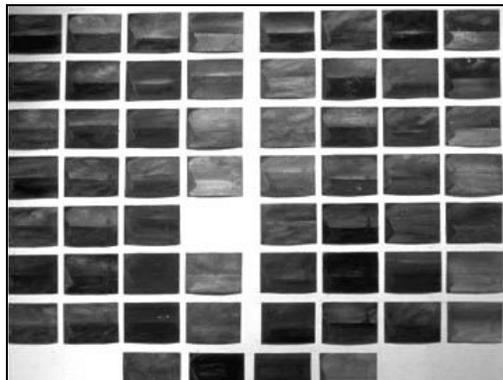
2. Содержание этой средней картинке совершенно необычно. Полнейшее подчинение одного убийственным намерениям другого в подчеркнута заурядных, убогих условиях советской квартиры. Отдаленно напоминает «Процесс» Кафки, но тут нечто иное; тут не просто покорение невидимым, но неотвратимым вязким силам, а демонстрация brutальных инстинктов, бушующих под ханжеским тончайшим покровом стабильности и цивилизованности. Это уловил (позднее) в своих лучших работах В. Сорокин – у него начальник может спокойным образом испражняться на столе подчиненного или родители,

за разговорами о Ницше и о русской культуре, могут съесть свою хорошо зажаренную дочь. Здесь же один персонаж может по неизвестно какому праву отрубить голову другому, используя кресло как плаху.

3. Оба персонажа в типичных аккуратных костюмах, убийца в галстуке, что подчеркивает их принадлежность к «приличному слою общества» – к чиновникам, или, вполне возможно, к «творческой интеллигенции». Ну, далее понятно...

4. Кресло подозрительно напоминает то самое, в котором Ленин сидел в Смольном на знаменитой картине Бродского. Может, просто совпадение...

V. Николай Бушумов, 1973 (общий вид композиции и два фрагмента, лето и зима, (*))

Бушумов – придуманный K&M художник первой четверти XX века, убежденный реалист. Учась в Петербурге до революции, подрался с авангардистом и потерял в этой стычке левый глаз. Впоследствии приехал к себе в деревню на родину и в течение многих лет писал пейзажи, выходя с мольбертом в одну и ту же точку на поле, где, по словам его односельчан, его родила крестьянка-мать; глядел он при этом в одну и ту же сторону. В силу приверженности реалистическим принципам он писал то, что видит, а видел он, в частности, часть своего носа, что и отражено на пейзажах. Свою живопись рассматривал как «эпопею своей жизни».

1. Первый слой – фантастически смешная пародия на абсурдное следование реалистическим принципам, учитывая всю историю жизни персонажа.

2. Второй слой – драка с авангардистом может пониматься как метафора того удара, который авангардизм начала века нанес доминирующему реализму в том смысле, что «выбитый глаз» уже назад не вставишь, и что никогда теперь невинный реализм прошлого не может наслаждаться «реальностью» без того, чтобы «нос», как непредвиденный след той драки, не торчал где-то в углу.

3. Третий слой, для начитанных в русской литературе зрителей: нос не просто нос, а «Нос» Гоголя. То что было аномалией, отделилось от тела – стало постоянным компонентом в каждой картине Бушумова. Аномалия,

ставшая нормой – так многие и воспринимают советский строй. Бушумов, кстати, умер в 1929 году, году «великого перелома» – очень точная деталь; постоял бы он при колхозах на том поле...

4. Бушумов по-своему – совершенно трогательная личность, один из тех убежденных правдолюбцев, на которых «земля держится». Да вот незадача у него случилась с авангардом проклятым...

VI. Встреча Солженицына и Белля на даче у Ростроповича, 1972.

1. Первый слой – встречаются два замечательных писателя; одно имя Солженицына уже означает оппозицию режиму и этого уже вроде достаточно, чтобы картина была «не нашей» по тем временам.

2. Второй слой – уж очень странная композиция: Белль смотрит в сторону, пожимая руку; Солженицын держит тот самый «Новый мир» подмышкой, а Ростропович вообще самоустранился в полном восторге от происходящего. Неужто сатира на самих героев, столь порядочных людей? Бесспорно, и очень сильная. Журнал 1962 года показывает тщеславие его носителя задолго до того, как об этом стали писать многочисленные авторы (или

уже что-то было в 1972-м? Не помню – не ручаюсь). В скрещенных за спиной главного героя руках почти незаметного Ростроповича и в твердом взгляде Солженицына можно при желании увидеть всю несправедливость «200 лет вместе» к таким вот восторженным еврейским персонажам. Прозорливо, однако, настоящее искусство, ничего не скажешь...

3. Третий слой – полная стилевая эклектика – кубизм, реализм, непонятная мозаика за окном и – тяжелая красная портьера с кистями, такая родная. Откуда такая у хозяина дачи? Пародируется смесь «Россия-Запад», создается странное чувство неорганичности всей этой встречи, глубинной несовместимости двух порядков вещей, невозможности взаимопонимания. И это между тремя фигурами всемирного масштаба... Что же про прочих говорить?

VII. Где черта между нами? (с Дугласом Дэвисом), 1974

1. Наиболее очевидное – вопрос и содержание противоречат друг другу, так как черта как раз видна. Это создает некую комичность, что подчеркивается заинтересованной улыбочностью самих персонажей, но не более того.

2. Поскольку Дэвис – американец, черта понимается как черта между двумя мирами (см. также VI). То есть вопрос понимается так: в конце концов, мы же видим где

черта, ее легко переступить (когда видишь – взаимопонимание возможно); черты вроде и нет, хотя она есть. Типа – «Ну и в чем между нами разница?».

3. Русские держат плакат на английском языке, американец – на русском, то есть каждый «подготовился к диалогу», сделал плакат на другом языке. Но это говорит о том, что общего языка у двух сторон нет, а то бы он и использовался. То есть черта-таки существует.

4. Опять обыгрывается тема относительно существования и несуществования изображенного на картине (см. комментарий насчет Магрита в II)

VIII. Завод по производству голубого дыма, 1975

(*)

1. Первое впечатление (до прочтения названия) вообще идиллическое, в духе Пуссена. Что-то весьма красивое, как «ночной эфир струит зефир». Сам завод выглядит как античные руины с приделанной трубой, что усиливает эту идилличность.

2. Потом понимаешь, что все-таки это завод. Но продукт очень странный. Назначение голубого дыма может быть чисто декоративным, для неведомых целей, то есть

завод воспринимается как грандиозная потемкинская деревня.

3. Затем вспоминается, что в Союзе масса предприятий маскировала свое назначение (один «Средмаш» чего стоил), и думаешь, что это только название, а «на самом деле» завод производит что-то совсем другое (как в *Маскировке* Алешковского – вдруг все под землей?).

4. Голубой дым, возможно, только смотрится красиво, а на самом деле страшно ядовит.

5. Сочетание всех этих смыслов обобщается в абсолютно конденсированный образ советской экономики, в которой показное, вредное и внешне красивое так переплелись, что, собственно, и не важно, что применимо в данном случае. Муляж на фоне природы – но и она вскоре будет уничтожена... Одна из самых ярких метафор, созданных К&М; блестящее сочетание простых, но очень взвешенных художественных средств с глубиной замысла – то, что вообще так для них характерно.

В 1977-78 годах художники выехали в Израиль а потом в США, так что последующие работы сделаны «на свободе». Однако обратите внимание, что обций темперамент их не изменился. Более того, чисто политически ранние работы, возможно еще острее к СССР – но появились и «антиамериканские».

IX. Ты уже продал свою душу? 1979-1980

1. Первый слой – сильнейшая карикатура на типичный рекламный призыв типа «Ты продал старую машину чтобы купить новую?», то есть недолго они умилялись американским консюмеризмом.

2. Второй слой – продажа души обычно ассоциируется с продажей ее дьяволу, а не кому-то иному. Тогда простая подмена «товар-душа» в первом слое превращается в максимум типа «маркет – это дьявольское зло».

3. Вопросительный знак представляет собой закрученную галактическую спираль. Это размещает вопрос о продаже души в иное измерение: он оказывается «в центре вселенной». Космическое объединяется с личным, пошлый трюк маркетера – с вечным вопросом философии; «антропоморфный принцип» – сравнительно недавнее дитя космологии – заявляется в виде образа.

Через 4-5 лет после пересечения границы K&M создают свою самую блестящую, на мой взгляд, серию – «Ностальгический соцреализм» (Nostalgic socialistic realism), работы 10, 12-15.

Х. Большевики возвращаются домой после демонстрации, 1981-82

1. Первый слой – два демонстранта, явно очень хорошо выпившие (был такой обычай – помните? и бутылка валяется), видят некое драконоподобное существо – наверняка плод их воображения. Это может восприниматься как острая сатира, типа «большевики допиваются до чертиков».

2. Второй слой – понимаешь, что в случае белой горячки подобные привидения если и появляются, то в глазах одного человека, тогда как здесь они явно реагируют вдвоем. То есть что, дракончик «настоящий»?

3. Третий – но настоящим он точно не может быть – таких вообще не бывает (он миниатюрная смесь тираннозавра и крокодила); к тому же зимой ящерицы и драконы не бегают, даже в советской России. А тут зима. Так нету дракона?

4. У большевика в руках какой-то светильник типа керосиновой лампы – то есть, похоже, это те самые ранние «настоящие» большевики (да и слово-то само из тех лет). А вот поди ж ты, уже тогда так выпивали.

5. Дело происходит ночью, тогда как демонстрации обычно заканчиваются намного раньше. То есть ребята поддавали всю вторую половину дня и вот наконец пошли домой. Тогда это объясняет сильное опьянение – но, однако, зачем знамя в руках, в полной темноте? Знамя своим чудным цветом придает всей сцене подобающую торжественность и верность выбранному курсу, несмотря на мелких драконов.

6. Метафорический синтезис: уже в самом начале своей бурной деятельности большевики могли рассмотреть все зло того, что они делают. Но только в пьяном виде. Дракон маленький, но явно агрессивный. Они его не поймают. А завтра забудут. А знамя пребудет с ними.

7. Тему K&M продолжили, несколько неожиданно. Несколько позже тот же дракон уже не пугает большевиков, а занимается более серьезным делом, да еще в такой момент, «когда его совсем не ждешь»:

XI. Дракон, 1984-85, серия *Дневники*, фрагмент (*)

Там дракон материализовал образы воплощенного общественного зла, а тут – персонифицированные фрейдистские представления о страхе кастрации. Я не хочу долго распространяться о связи идеи власти и секса – но два этих образа рядом навевают слишком много ассоциаций. Типа большевизм и пьянство до добра не доведут; можно и самое главное потерять... Или – не удержали ребята тогда дракончика, вот он теперь до вас и добрался.

XII Истоки социалистического реализма. 1982-83

1. Здесь самый главный элемент, воздействующий первым – это стиль, потрясающе смешное противопоставление торжественности классицизма и абсурдности изображаемого. Торжественность и серьезность во всем – как в фигурах действующих лиц, так и в антураже, колоннах, светильнике и, конечно, обязательных красных портъерах. Лишь потом осознаешь следующие слои.

2. Показаны три источника, три составные части соцреализма: изображение идеального, а не реального; изображение правильным стилем; изображение власти. Дидактическая демонстрация в чисто сатирическом ключе не смогла бы достичь соответствующего шокирующего эффекта. Но поскольку о стиле не говорится, а им просто все сделано (см. IX в Теории) – это и создает глобальный баланс «формы и содержания».

2. Само по себе обрисовывание контура давно известно в живописи (есть даже легенда о ее происхождении именно от того, что девушка начала обрисовывать тень своего любимого на стене пещеры), есть также известная работа классициста Д. Райта, которая, по-видимому, была известна К&М. Но тут очерчивание приобретает совсем другой смысл: «муза»(?) не рискует изображать самого Сталина; даже в его профиле, который она пытается обвести, столько величия (и одновременно «идеального»), что это оправдывает ее усилия.

3. Однако и первый смысл – обведение тени любимого, чтобы ничем его не потревожить – может быть верным.

4. Контур обрисовывается не на холсте, а непосредственно на капитальной стене, то есть тут странно сочетаются две идеи – монументальности архитектурного «мольберта» и эфемерности тени, которая на нем изображается. Опять же намек на двойственную природу социалистического реализма: «идеальное» надо изображать очень капитальным, серьезным образом.

5. Вождь покровительственно приобнимает музу – это необходимая обратная связь, государственный (и личный) патронаж искусства. Сталин, как известно, к живописи особого интереса не испытывал (пожалуй, к

архитектуре больше, по долгу службы), в отличие от Гитлера, но зато к литературе – сверх меры (Б. Сарнову хватило на три толстых тома «Сталин и писатели»).

XIII. Медведь, 1981-82

1. Медведь как «русский медведь»; изображен достаточно устрашающе и отвечает западному стереотипу.

2. Но «русский» еще и коммунистический – красная портьера и характерная торжественная осанка персонажа сомнения не вызывают.

3. Медведь, однако, на цепи. Что бы это значило? Обычная ассоциация – цирковой медведь (или когда «цыгане медведя на цепи показывали»). Но кто в данном случае хозяин? Аллегорически – медведь (коммунизм) накрепко привязан к своему прошлому и поэтому более не опасен, хоть и грозен на вид. Второй вариант – наоборот:

если медведь не просто образ «русского», а образ ударной силы коммунизма (скажем, армии), то цепь ведет ясно к кому. Партия прикажет – армия ответит «съесть».

4. Медведь еще означает игру на понижение на рынке, символизирует упадок в экономике, в отличие от быка. То есть все же опасный, скорее всего, зверь.

5. Правая лапа сильно напоминает негибающуюся руку Сталина. Ну тогда вообще...

XIV. Что делать, 1981-82

1. Общая композиция картины такова, что ее можно, по сути, включить как иллюстрацию в какой-нибудь роман типа «Как закалялась сталь», и никто слова не скажет, разве что очень въедливый цензор попадетсЯ. То есть ирония на первых взгляд незаметна; изображена классическая пафосная сцена «учитель и ученик».

2. Но внимательный цензор иллюстрацию не пропустит. Его первый вопрос будет – а куда, собственно, учитель показывает? В какие светлые дали? Он не вождь, в конце концов, просто руку вверх поднимать. Был бы завод, или поле колхозное, или пушки какие-нибудь – тогда понятно. А так – уточнить надо.

3. И вправду, ответим мы с K&M. Есть тут некая странность. Позади грозное небо – казалось бы, туда и надо стремиться, как Буревестник революции учил. Но нет, перст учителя указывает куда-то в район красной портьеры, за которой, возможно, сидят вожди, или, по крайней мере, находится что-то очень коммунистически-бюрократическое, но явно не «поле боя». То есть весь горячий призыв направлен на нечто скорее материальное, чем идеальное, что, в сочетании с мастерской передачей искренней самостремленности героев, и придает картине глубокий сатирический смысл.

4. Близкое локальное освещение подчеркивает камерность происходящего, что в сочетании с высоким пафосом усиливает комический эффект. Гроза позади (за спиной) – а теперь «что делать»? Карьеру?

XV. Ностальгический вид на Кремль из Манхэттена, 1981-82

1. Если убрать некоторые детали, то, поскольку Кремль представлен как некая детская мечта или романтическое видение, первое впечатление может быть вполне невинным, как от многочисленных фэнтази или китча, где подобные слащавые образы являются главным

языком. То есть, уточнив про «из Манхэттена», это может казаться «эмигрантскими чувствами» – на что, собственно, первое слова в названии и намекает.

2. Но детали не дают. Красная портьера – она же «красная нить» всей серии – здесь, с американской стороны, а не там. Но такого Манхэттена нет – по крайней мере, ничего не говорит о его присутствии. Нет никакого контраста «между двумя мирами», который вроде бы ожидается. Странные развалины на переднем плане вполне гармонируют с другими элементами композиции. То есть – Кремль как местная деталь, хоть и отдаленная, но не чуждая. Этот план работы вполне экзистенционален.

3. А почему Кремль, вообще? Почему для «ностальгии» выбран именно этот символ власти? Это, наверно, и придает всей картине жутковатый смысл – властное и личное переплелись неразрывно; даже ностальгия направлена именно на такого рода объекты, насмешка над далекой, но не отпускающей страной превращается в самоиронию и грусть.

XVI. Голубая чашка, 1985-86

1. Для тех, кто не читал или забыл одноименный рассказ А. Гайдара (1936) сюжет выглядит, скорее всего,

так: неприятно выглядящий Ленин роняет чашку; неясно, что из этого следует, но чувствуется какой-то подвох, поскольку в левой части картины голубой цвет вкраплен в общую неприглядную массу, что создает некую связь между частями и в целом вызывает смутное напряжение. Но лучше, конечно, рассказ освежить в памяти.

По сюжету, мама обвинила мужа (бывшего красноармейца) и дочку в том, что они разбили ее любимую голубую чашку (чего они не делали); они, «обидевшись», пошли гулять по окрестностям, много интересного увидевши в только что родившейся колхозной действительности. Последние слова рассказа: «Золотая луна сияла над нашим садом. Прогремел на север далекий поезд. Прогудел и скрылся в тучах полуночный летчик. – А жизнь, товарищи... была совсем хорошая!» Этот рассказ по праву считается одним из лучших в советской детской литературе; почти все, что можно было романтического о советской жизни сказать – там было сказано, вплоть до борьбы с недопустимым еще антисемитизмом.

2. То есть разбитая голубая чашка стала толчком для прогулки и для демонстрации достижений советской власти и «хорошей жизни». По Гайдару – разбили чашку, возможно, мыши. По К&М, разбил ее товарищ Ленин, при этом явно что-то имел в виду, больно вид у него напряженно-хитроватый. Может, те самые прелести, которые герои Гайдара увидели через 11 лет после смерти вождя. То есть в этом слое Ленин – источник беды.

3. Но герои рассказа совершенно искренне наслаждаются жизнью; это прекрасная романтическая история, которую читают миллионы детей уже, наверно 4-х поколений; там есть нечто очень правильное и универсальное, помимо пропаганды. Это, оказывается, тоже дал детям Ленин. Тогда он – источник всей полноты жизни.

4. Но у него руки в чем-то перемазаны. То ли грязь, то ли еще хуже – я не видел оригинала, увы (это, кстати, самая дорогая из проданных на аукционах работ К&М). То есть он странным образом трудился – руками, но в белой рубашке. То есть Ленин как символ тяжелого труда, где случайно можно и любимую кем-то чашку уронить.

5. Левая половинка напоминает тряпку, о которую художник вытирает кисти или фрагмент коллажа Раушенберга (кому что больше нравится). Там голубой цвет – следы от разбитой неосторожно чашки – сочетается с красным. Поскольку красный есть и на правой стороне (как же без него!), то левая, скорее всего, – краткое изображение того, что получилось из-за «неосторожного движения» вождя.

6. Причем получилось не только в жизни, но и в искусстве – реализм правой части, перетекая на «ташизм» левой в форме нескольких пятен, наглядно это демонстрирует. В общем, наделали вы делов, товарищ Ленин, долго еще разбираться...

XVII. Наиболее привлекательная для американцев картина, 1994

XVIII. Наиболее привлекательная для русских картина, 1994

XIX. Наименее привлекательная для американцев картина, 1994

В середине 1990-х K&M предприняли уникальное исследование. Они с помощью специализированных компаний провели массовые опросы населения более чем в десяти странах, задавая респондентам всевозможные вопросы относительно живописи, типа «какой ваш любимый цвет», «что вы больше любите – пейзаж или портрет» и т. п. По итогам опросов художники изобразили картины, отражающие наиболее популярное «народное мнение»: например, если в данной стране большинство людей любит пейзаж – они пишут пейзаж; в нем доминировать будут те цвета, которые чаще всего названы как любимые и т. п. Я привел три работы из этого цикла (см. полную информацию <http://awp.diaart.org/km/>); в каком-то смысле K&M в них ничего не выдумывали, а только следовали «объективным результатам» (сделав, как они заявляли, «научный путеводитель» по искусству). По этой причине я кратко прокомментирую не столько эти работы, сколько весь проект.

1. Сама идея выглядит прекрасно. Хотя искусствометрия давно существует, подобных

исследований, насколько я знаю, не проводилось (были другие, где людей просили оценить качество тех или иных картин, но вот так поэлементно и в широком контексте, тем более во многих странах – в первый раз).

2. Способ построения «самой любимой» и «самой нелюбимой» картины, мягко говоря, не вполне научен, но зато прекрасно соответствует общей логике творчества К&М, их стремления выявить абсурдное под оболочкой привычного. Главная проблема следующая (цифры реальные из книги К&М): если, например, 24 % людей говорит, что их любимый цвет голубой, а 61 % – что они любят гладкие линии (в отличие от острых углов), то соответственно К&М делают голубой пейзаж с гладкими линиями, так как обе оценки – максимальные. Но, теоретически, может ни оказаться ни одного человека, который выбрал голубой цвет и гладкие линии, так как $24+61=85\% < 100\%$. В этом смысле К&М делают в точности ту же процедуру, которую предложил 160 лет назад великий статистик А. Кетле в своей концепции «среднего человека», который, по его мнению, должен был обладать всеми качествами «в среднем». Концепция получила заслуженную критику очень быстро – например, было замечено, что если у этого человека средний рост, то у него же никак не может быть средний вес, который пропорционален объему тела, а не его длине. То есть «средние» картины К&М могут отражать нечто несуществующее; если определить, например, среднюю точку тора (кольца) – она попадает в дырку, в которой никого нет. Конечно, на самом деле многие признаки взаимосвязаны, и число любителей голубого и гладких линий не равно нулю, но идея ясна. Надо было применять более сложную методику (кластерного анализа): выделить группы людей, обладающие определенным набором признаков, а затем рисовать как наиболее типичную ту, в которой максимальное количество людей.

3. Однако, массовое сознание потому и массовое, что на группы не делится. Пятнадцать лет тому назад, когда это исследование проводилось, даже в маркетинге еще не было столь популярной идеи деления на группы. Так что не будем

цепляться. То что они сделали, возможно, именно по причине своей простоты является неким памятником эпохи. Доказательство: их «самые любимые» картины (в основном пейзажи типа приведенных) – ближе всего к китчу, а самые нелюбимые – ближе всего к наивному абстракционизму. В этом есть какая-то сермяжная правда. На эту тему много можно спекулировать. Но в принципе это нащупывает границы, о которых в свое время Л. Толстой говорил примерно как о примитивности и кривлянии, между которыми искусство и должно обретаться.

4. Я думаю, более детальный анализ данных опросов позволил бы иначе взглянуть на очень интересную проблему «общественного мнения» об искусстве – но то что вышло, как раз отвечает подспудным ожиданиям художников, их общей линии. Как В. Комар эпически заметил, обсуждая итоги проекта, «Мы искали свободу, но нашли рабство». Подразумевается «диктат большинства», в отличие от «диктата тирана». То есть и эти результаты были интерпретированы К&М во властных терминах.

5. Опять же – я бы не подписался под этим заключением – там на самом деле много групп разных людей, но, боюсь, даже детальный анализ может привести к схожим выводам. Остается только понять, демократия и рабство – это одно и то же?

XX. А крылья вырастут, 1996-97

1. Вашингтон держит новорожденную Америку и с неким вызовом смотрит на зрителя. А рядом глобус. То есть напоминает карикатуру на многих «властелинов мира», каковые не раз делались.

2. Однако, больно подозрительная красная занавесь опять – что общего у Вашингтона с красными?

3. Крылья-то вырастут, но дите, что - ни говори, уродливое. И что, таким оно и было со дня рождения?

4. Птицеголовые люди были характерны для древнего Египта. Про крылья там ничего не говорилось, но цивилизация пропала...

XXI. Ленин, Вашингтон и Дюшамп, 1996-97

1. Это про Вашингтона опять, если что не ясно из предыдущей картины. И про красный цвет проясняется. Идея как бы в том, что обе страны идут в одну сторону под руководством собственных вождей. Конвергенция, понимаешь.

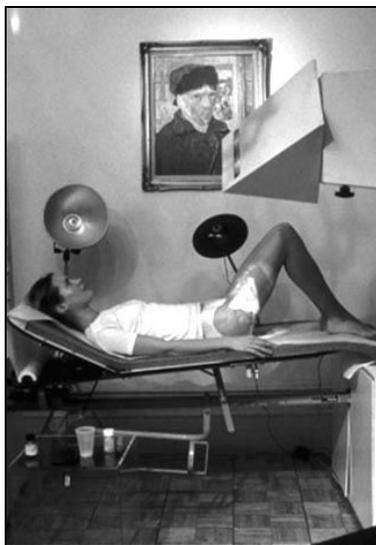
2. Но у Вашингтона – типичный ленинский жест, тогда как у Ленина – нетипичный для него высунутый указательный палец, что обычно есть знак подчеркивания какого-то важного пункта в дискуссии. То есть так: Вашингтон *указывает*, куда *ВСЕМ* идти (см. глобус на предыдущей картине), а Ленин *обосновывает* примерно то же самое. Ну-ну.

3. Чудная дама в центре совмещает черты, как кажется, Ники Самофракийской, Айседоры Дункан, воительницы Делакруа на баррикаде (в целомудренном

варианте) – и того самого орла, крылья которого уже, кажется, выросли. И держит она все тоже вездесущее красное знамя. Примерно как та муза со Сталиным (XII). Победа, одним словом, на всех фронтах.

4. Особенно на фронте искусства. Дюшамп как-то залихватски пожинает плоды просвещенного социалистического капитализма. Почему именно он? Я, конечно, не знаю. Но смею предположить – Дюшамп как минимум тройной символ: *случайности* (его первый «реди-мейд» по ошибке был принят в Америке за писк французского модерна, что автор немедленно утилизировал); *поп-арта* в его самой исходной и примитивной форме, который стал доминировать в искусстве XX века и к которому К&М всегда испытывали недобрые чувства; огромного коммерческого *успеха*. То есть грандиозная концепция картины: великие и полностью противоречивые деятели прошлого пародийно объединяются, чтобы вскормить пародию на искусство.

XXII. Исцеляющая сила искусства, 1999

1. «Искусство лечит», так сказать. Но тут оно лечит буквально, и это смешно.

2. Но, как всегда, есть некая деталь. Что именно лечит? Знаменитый автопортрет Ван Гога с отрезанным ухом. То есть изображение не просто больного (в то время почти наверняка психически нездорового) человека, но и с явной раной. В этом есть какой-то абсурд, типа «ты водочки-то выпей – тебе и полегчает».

3. Но искусство не лечит. Это особенно ясно при просмотре всей серии, но и из этого изображения. Разочарование, пессимизм, пародия. В конце концов, Ван Гог тот еще исцелитель – вскоре после этого автопортрета он застрелился.

XXIII. Потерянный рай. Год написания мне неизвестен, репродукцию лучшего качества, к сожалению, не нашел ()**

1. История западного искусства знает огромное число работ с таким или подобным названием, но не в этой интерпретации. Высокое звучание здесь в том, что неясно, что именно потеряно. В самый кульминационный момент грехопадения, но как бы до него (Адам полностью готов, но еще не начал) – появляется отвлекающая фигура, которой нельзя не подчиниться. То есть: чего больше жалко – райского наслаждения, которого явно уже прямо сейчас не будет (это чувство утраты в подобной ситуации я прекрасно

помню), или «просто рая»? Ведь в эту секунду плохо воображаешь, что бывает что-то еще хуже.

2. Плюс: рай, получается, без этого самого наслаждения? Ну и насколько он такой нужен?

3. Рай вокруг какой-то подозрительный, сильно напоминает лес среднерусской полосы. Может, это еще и та ностальгия как-то приделалась? От К&М можно ожидать.

4. Странно наличие в раю удобной такой опоры для занятий любовью, по принципу рояля в кустах. Или, может, так и задумано, для удобства? Но тогда выгонять-то за что, если «сам поставил»?

5. Ну почему Господь появляется так не вовремя?

6. В целом, на мой взгляд, это, может быть, самая глубокая картина К&М. В конце концов, политика приходит и уходит, а то что в левой и правой части диптиха (заметьте – это именно диптих, то есть дуализм дополнительно подчеркнут структурой работы) – всегда с нами.

Заключение и рекомендации

1. Есть что-то комичное в том, что я сделал – написал много страниц о своей трактовке творчества двух людей, которых никогда не видел и с которыми не общался. Ведь явно они сами все знают куда лучше. Но, с другой стороны, я писал под неким углом зрения, который у авторов может отсутствовать; писал, чтобы избавиться от собственных рассуждений на эти темы, которые как-то беспокоят, пока не изложены. Так что пусть будет. Не знаю, что это добавит к интерпретации творчества К&М – но вот есть еще одно последнее соображение.

2. К&М не раз называли себя «движением» – трудно сказать, всерьез или нет, у них это часто понятие не просто. В этом что-то есть. Я затрудняюсь включить их в какой-либо «изм». Иногда критики ассоциируют К&М с концептуальным искусством, но это неточно хотя бы по одной важной причине. «Концептуалисты», действительно, делают больший акцент на «идею», чем на «форму» – но идея у них практически всегда одна в каждой работе, причем ее далеко не просто уловить (было бы просто – все концепция бы полетела насмарку). В то же время у К&М

практически всегда несколько идей (слоев), причем уловить их в целом все же можно – что я и пытался показать на многочисленных примерах. Поэтому я предлагаю термин “*KMulti-conceptual art*”, который ближе всего к истине. Будут довольны и К&М, и историки искусств. В. Комар и А. Меламид могут быть спокойны за монолитность движения – к ним никто просто не сможет присоединиться, ибо их нельзя сымитировать (уже много раз копировали то что лежит на поверхности – например, их вывески типа приведенных в примере VII, но не их блестящую многослойную игру). Критики получают ясный критерий для ориентации. Любители искусств не получают ничего от присвоения нового имени; но кто о них думает? Им просто останутся работы...

Галина Феликсон

Круги на воде

Венок сонетов

I

вязнув в мусоре и шуме

Пропавших потом площадей,
Рванём расслабленные струны
Своих привычек и идей.

В угаре мудрых изречений
Свой заостря интеллект,
Любой поэт – мудрец и гений
И света луч в кромешной мгле.

Но цепью скованные с миром,
На барабан меняя лиру,
Живём, то каюсь, то греша.
Уйдя в привычные заботы,
Ведём житейские расчёты,
Купюрой денежной шурша.

II

Купюрой денежной шурша,
Слепив алмаз из горстки пыли,
Судьбу столетия круша,
Всё расхватали, разделили.

Мосты в минувшее сожжём:
Пусть перекошен и удушлив
Среди разваленных колонн
Торчит обломком день грядущий.

Такая страшная игра –

Сплетая «завтра» и «вчера»
В веселье пьяном и угрюмом,
Для утешения глухих
Распялим свой последний стих
На плахе общего безумья.

III

На плахе общего безумья
Отпляшем радостный канкан.
Порвались трепетные струны,
Умолк божественный орган.

Давно поэты не пророки,
Не сокрушители основ.
Все новомодные пороки
Возникли из глубин веков.

А потому без лишних лирик
Состряпать лучше панегирик,
С разоблачением не спеша.
Поэты нынче присмирели.
Но иногда под сытым телом
Упрямо корчится душа.

IV

Упрямо корчится душа,
Пейзаж окрестный озирая.
Она не хочет в шалашах
Искать обещанного рая.

Мечтать, ждать счастья, сострадать –
Зачем ей мелочная скука?
Падёт земная благодать
С небес в подставленные руки.

Душа решила стать звездой.
Что ей какой-то шар земной?
Какой Парнас? Какие музы?
Кривых зеркал блестящий ад
Создать по сходным ценам рад
Червяк бескрылый и недужный.

V

Червяк бескрылый и недужный –
Оледенелая душа
По лабиринтам мышью кружит,
Обрывки мыслей вороша.

Переломав культур основы,
С ногами вылезший на трон
Хозяин в пиджаке бордовом
Диктует моду и закон.

Под ликование и фанфары
Покинув камерные нары,
Богат, в натуре знаменит.
Его душа, устав с похмелья,
Желает буйного веселья –
Она о ближнем не болит.

VI

Она о ближнем не болит:
Слагая черни дифирамбы,
Новоиспеченный пиит
Перелицует мат на ямбы.

А жизнь и вправду хороша!
И разгрызая мир, как грушу,
Рычит и давится душа,
Шестую заповедь нарушив.

Вверх, через головы, вперёд –
Сметёт, раздавит, раздерёт
Всех, кто мешает, кто не нужен.
Но как спокоен, вежлив, горд
И респектабелен, как лорд,
Мир, накрахмаленный снаружи.

VII

Мир, накрахмаленный снаружи,
Под маску прячет стыд и боль.
Пусть весь в грязи, по шею в луже:
Король и без страны – король.

Когда-нибудь настанет время,
Наступит мерзости конец,
И молодое поколеньё
Вернёт и славу и венец.

А временщик, такое дело –
Пусть он сегодня хитрый, смелый,
Пусть злобой горы покорит,
Но пахнет, как приют, клопами,
И хоть одет в шелка и камни,
Внутри неряшлив и небрит.

VIII

Внутри неряшлив и небрит,
Распахнутый до неприличья,
Из чёрных дыр на свет глядит
Нелепый зверь в людском обличье.

На золотой телец молясь,
Увязнув в войнах, ссорах, спорах,
Вселенской тьмы безумный князь
Взамен муки дарует порох.

А люд – то врозь, то сбился в стаю,
То верит в чудо, то рыдает:
Толпе иное не дано.
Сжигать то книги, то евреев,
От крови радостно хмелея,
Душа приучена давно.

IX

Душа приучена давно,
Молясь то дьяволу, то Богу,
В любое постучать окно,
Блуждать по всем земным дорогам,

Жить торопливо, как-нибудь,
Смеясь над верой и безверьем,
И отправляясь в дальний путь,
Надежду забывать за дверью.

Ум, честь – какая чепуха!
Ну кто сегодня без греха?
Проблемы все решив постелью,
Забыв про совесть и про срам,
Пойдёт спокойно по рукам
Накрашенной Иезавелью.

X

Накрашенной Иезавелью
Душа у городских ворот
Приткнулась тихо и несмело –
А вдруг хоть кто-то подберёт.

В бездонных памяти провалах
Нет ни тревоги, ни обид.
Она, витавшая в астралах,
Убогой нищенкой сидит.

Глухим набатом время бьёт
И гонит мир вперёд, вперёд.
У всех свои пути и цели.
Что бесприютной делать ей?
Блуждая тенью меж людей,
Искать в чужом пиру похмелье.

XI

Искать в чужом пиру похмелье –
Что, право, может быть глупей?
Сегодня сытость и веселье,
А завтра выгонят взашей.

Жужжит, закладывая уши,
Мелодия небесных сфер.
И снова по морям и сушам
Пойдёт душа, как Агасфер.

Транзитом Воркута-Канары,
Усадьбы заменяют нары,
Кружит судьбы веретено.
Под говорливую гитару
Всплнкнёт душа о жизни старой,

Глотая кислое вино.

XII

Глотая кислое вино
Раскаяний и лицемерий,
Привыкнув к фальши слов и снов,
К недолговечности материй,
Меняя взгляды и тела,
Кочуя по векам и странам,
Душа осталась, как была,
Рабой иллюзий и обманов.

Зачем ей слёз скупая власть?
Любви навязчивая сласть?
Смешная суетность желаний?
Она у жизни на краю
Получит порцию свою
Пощёчин и рукоплесканий.

XIII

Пощёчин и рукоплесканий
От жизни кто не получал,
В горячке будничных исканий
Стремясь осилить пьедестал?

Потрясена своим величием,
Под грузом бронзы чуть жива,
Встаёт душа в ином обличье,
Забыв про бренность естества.

Срубая лавры для венцов,
Опять разрушит до основ
Все достижения созиданья.
Но хочет славу пить до дна
И понесёт, как ордена,
Ложь похвалы и горечь брани.

XIV

Ложь похвалы и горечь брани
Когда-то смолкнут наконец.
И – символ общего признанья –

Засохнет лавровый венец.

Разрушит время пьедесталы.
И обрывая с прошлым связь,
Обломки камня и металла
Потомки выметут, как грязь.
Опять смятенная душа
Взлетит к небесным шалашам
Искать покоя для раздумья,
Но, ослеплённая, как крот,
С вершин на землю упадёт,
Увязнув в мусоре и шуме.

XV

Увязнув в мусоре и шуме,
Купюрой денежной шурша,
На плахе общего безумья
Упрямо корчится душа.

Червяк бескрылый и недужный –
Она о ближнем не болит:
Мир, накрахмаленный снаружи,
Внутри неряшлив и небрит.

Душа приучена давно
Накрашенной Иезавелью
Искать в чужом пиру похмелье,
Глотая кислое вино
Пощёчин и рукоплесканий,
Ложь похвалы и горечь брани.

Александр Этерман

Сонеты из Леты

Сонет 1

гвоздем наедине взорвался

монологом

(Кто только не судил от первого лица!):
Пусть улей невелик, зато гудит о многом;
И тот, и этот мед – работа наглеца.

Нет завтрака в постель без крекера и чая –
Я сразу все решил про завтра и вчера.
Разденься у воды. Кусайся, примечая,
Попробуй угадать, куда летит пчела.

Всего один мотив. Один на сто укусов,
На сотню босяков и музыкальных вкусов:
Хиту не усидеть за заячьей губой.
Поэтому божба считается пороком –
Высокий интерес не вызвать ненароком.
Веревку выдадут. Гвоздь приносить с собой.

Сонет 2

Верстать ли то, о чем за год забуду?
Не вычеркнул – до смерти блох травы,
И слабовольно отдавайся блюду
Реминисценций. Якобы любви.

Я продавал халдеям слезы вдовьи,
За недостачу сам себя пенял,
Но если текст взаправду брызгал кровью,
Я только правил, а не сочинял.

Я с давних пор не автор, а редактор.

Поэзия содержит адский фактор,
Родил его не Данте, а Гомер.
Четыре века строгой редактуры –
И можешь благодушно строить куры.
Что ты, что боги – общий глазомер.

Сонет 3

Позорно уступив естественному зуду,
Я, стражда чистоты, освоил ввечеру
Полезное душе искусство мыть посуду,
С котяркой пополам, монахом и в миру.

И то – который раз нашарив Ваську в койке,
Я здраво заключил, вкусив его когтей:
Нелепо предпочесть принцессу судомойке,
Да и помыв стакан, к любви не тяготей.

Зачем же я кичусь двуспальной кроватью?
Монахи и коты – спокон столетий братья,
Но кот не возлежит у дальних половин.
Нам ни к чему дележ постельного
пространства:
Котяра ни за что не съест магометанства,
А я не премину коллекционных вин.

Сонет 4

Что, бабочка, что, фея, что, колибри!
Прелестнице, занятнейшей в селе,
Идут медоточивые верлибры –
Но чем ей заниматься на земле?

Ей стрекозиных крыльев не хватает,
По ней ревмя рыдают небеса.
Так в лилии вливается роса,
Но кто теперь цветы не поливает?

В конечном счете, блять – не орать:
Обычно Дульсинее выбирать
Приходится из казуса и плоти.
На то годам примерно к двадцати
Красотка трепыхается в сети,

Как, говорят, Гиневра в Ланселоте.

Сонет 5

Хоть не бывает дыма без огня,
Огня без дыма то еще бывает!
Судьба со зла клеветает на меня –
Она в трубе без дыма завывает.

Огонь бежал по лесу напролом
И, наигравшись, завершился комой.
Я встретился с канальей за столом,
В гостях у безответственной знакомой.

А дальше что ни пенка, то роман.
У очага пирует пироман,
Сухую похоть удушая ленью,
В душе не признавая никакой.
Естественных границ достать рукой:
Любой порыв приводит к преступленью.

Сонет 6

Совсем простак, а что-то не прельщен –
Опять раскатит умною губою?
Какого пустяка ему еще?
Ужо за эти деньги стать собою!

Весна замает, лето унесет,
Останется придворная досада.
Наверное, добыл губами сот –
Лизать как шавка вовсе и не надо.

Двор переедет ближе к суете,
И он очнется в затхлой пустоте,
В одной из грязных полинявших комнат –
Из-под бедняги выдернули стул.
Пожалуй, кроме вывихнутых скул
Ему ничто о лете не напомнит.

Сонет 7

Ложь дьявольски похожа на ожог.
Как попрекала Райнике волчица,

Лис вероломен и коротконог,
А на ожог полезно помочиться.

Судьба не лжет, и женщина не лжет.
Лгу только я, совсем как сивый мерин.
Я сам себе убийственно неверен –
Судьба не жжет, и женщина не жжет.

Одну болезнь не вылечишь другой.
У аспирина, впрочем, хвост дугой,
Гомеопат и врет, и лечит разом,
Наверно, в том числе и от любви.
Берутся полновесные рубли
И режутся, пока не выйдет разум.

Сонет 8

Седой король попробовал акрид
И заглянул в сияющие лица.
Неплохо бы задать ему Мадрид,
Да только Филя сам себе столица.

По протоколу в камерной ходьбе
Не числится ни потолка, ни пола,
Поэтому и байки о судьбе
Злосчастного наследника престола.

В итоге морякам достанет бед
С заросших тополями Аламед,
Проложенных с необщим выраженьем.
И у холодных белых берегов,
Как Ориген – небесную любовь,
Кастильский флот вкушает поражение.

Сонет 9

Реши, безмозглый, сам, с чего начать, –
Под бой часов слижи икру с тартинки.
На эту память только и качать
В часы досуга знойные картинки.

Архивы бесполезно бронить,
Тетрадок нет, да поиски наивны –

Роман умеет сам себя хранить,
А рядом блеют девушки архивны.

Восслався с мягким нравом жесткий диск!
Он лихо прячет фрау под мениск,
И вытянуть губу совсем несложно.
Но вытянешь – и media хлобысть,
И невозможно будет вас забыть,
А впрочем, вспомнить тоже невозможно.

Сонет 10

(Э. Спенсер: The merry cuckoo, messenger of spring)

Когда кукушка, вестница весны,
Токуя, возвещает звонким криком
О принце вороватых птиц лесных,
И балует счастливица ярким бликом,

О князе романтических страниц,
Украшенном гирляндой пустоцветов,
О баловне влюбленных и поэтов,
Родившемся в воображенье птиц,

Она поет священный гимн цветов,
И, утаив затею от мороза,
Живет в цветах и прячется, как роза,
В густом лесу бутонов и листов.

Любовь моя, возьми меня и спрячь,
А если нет – надейся и не плачь.
1973

Сонет 11

Похищенный цыганами Адам
Рос без отца, среди прекрасных дам,
Единственным ребенком. Как печально!
Стал классиком обидно и случайно.

Не встретившись ни в Глазго, ни в Бордо,
Завистливо спросил у Рикардо,
Он (или Юм), шотландская шутиха:
Почем у вас фунт биржевого лиха?

Крутой шотландский университет
Отстаивал свой нищий паритет,
Вменяя скупость классовому чувству.
В его неотопляемых стенах
Политэкономический Танах
Радел эпистолярному искусству.

Сонет 12

В почтовой сумке множество имен
Подмоченных – и не накрыть брезентом.
На сквозняке прервалась связь времен,
А бандероль прикинулась презентом.

Без телеграфа прошлому каюк,
Хороший фильм врачует все недуги,
А все же отмени почтовый трюк,
И мы легко забудем друг о друге.

Одна беда – изнанка слов тесна,
Мы не умеем написать письма,
И чересчур просторно эрудиту.
В ходу то «Элоиза», то «Эмиль»,
А прибыльный эпистолярный стиль
Пришлось преподавать Адаму Смиту.

Сонет 13

Картина мира. Бездна мелочей.
Нет секса, но не больно-то и жалко.
Посередине – бледная русалка
И ейный умирающий ручей.

Русалка, что вода в ее ручье,
Согласные в силлабике жевала
Старательно, как в шахматной ничьей.
Уа! Она так долго выживала.

Я помню, как следил, взойдя на мост:
Русалка, тренирующая хвост,
Приплывшая кататься на приливе,
Блестит на ярком солнце, как слюда.
Ручьи пересыхают. И тогда

Русалка переходит к оффенсиве.

Сонет 14

Маркс несомненно, спорил с Рикардо,
А не с Христом. Ортодоксальной ренте
Не искупить грехи отсель и до,
Поскольку те растут по экспоненте.

Иначе мысля, лондонский валет,
Акционер финансового рая,
Доказывал, что безработных нет –
Они утужат почву, вымирая.

Тройная социальная канва,
Как водится, принадлежит едва
Не без причин крестившимся евреям.
Все трое жаждут выстрела в упор,
Поэтому, встречая в старый спор,
Мы их берем за бороду – и бреем.

Сонет 15

Однажды взял вакхический урок
У рьяной многоопытной менады.
Врожденное уродство – не порок,
А бестелесных радостей не надо.

Нечаянно объевшись беленой,
И нежно сострадаю Моби Дику,
Я чахнул с добродетельной женой
И просто так влюбился в Эвридику.

Не надо, как Орфей, смотреть назад.
Там, верно говорят, и рай, и ад,
И толстая гадюка под ногами,
Пытавшаяся уползти за Дон.
Не то что братья Зевс и Посейдон –
Аид красноречиво моногамен.

Сонет 16

Совсем не шутка – тень из-за куста.
Мазурка с тенью балует движенье.

Любые совпадения неспроста,
Тем паче – в многоцветном отраженье.

Прожить хотя бы сумеречный час
И волчий силуэт у черной ели.
Что выйдет лучше – профиль или фас?
У нас они рифмуются в постели.

Увы, придется все-таки поддаться,
Иначе ни хрена не угадать,
А то, и правда, изойду породой.
Безмолвно запихну полено в печь.
Прямая человеческая речь –
Не лучший способ стакнуться с природой.
1973

Сонет 17

Вам страшно не хотелось нас любить.
Стреляя распрекрасными глазами,
Вы, верно, хоронили нас возами.
Чего уж проще – выстрелив, убить.

Нам невозможно было вас любить.
Смотря на мир курьезными глазами,
Мы раскрывались потными тузами,
Вагон валетов метя перебить.

Взаимность несусветно пережить,
А чтобы животами не тужить,
Ребро вернее доедать собаке.
Обида оживляет vis-à-vis:
Мы не могли быть счастливы в любви,
Зато давно живем в счастливом браке.

Сонет 18

Вдохнуть и никогда не выдыхать.
Примерившись к подводному туризму,
Вселенная дерзала разбухать,
Как вена, порождая аневризму.

В печенку с кровью метящий гурман

И даровитый кардиолог-практик
Крутили войны и вели роман
При свете разбегавшихся галактик.

Я не могу в свидетели призвать
Тех, кто умеет только убегать –
Их просто не окажется на месте.
А если верить нашим мудрецам,
Нет места ни присяжным, ни истцам –
Катаются, как тараканы в тесте.

Сонет 19

Что будет с нами, Кеплер и Лаплас,
Когда, умяв страницу за страницей,
Затмения начнут морочить нас
В разрез с астрономической таблицей?

Что будет с миром, и с кого спросить,
Когда благоустроенные сферы
Откажутся от музыкальной меры
И станут непристойно голосить?

Боюсь, тогда нам полное ку-ку.
Гармония – не кобра начеку,
А нечто вроде атомного клея,
Или еще тонального звена.
Вселенная, какая там она,
Мертва без Пифагора и Орфея.

Сонет 20

Вопрос стоит как памятник любви,
А вовсе не обиды или злости:
Попробуй-ка, топ cheg, установи,
Кто там исподтишка играет в кости?

Обширный бытовой эксперимент
Удался Эмпедоклу и Плотину.
Так несколько увлекшийся Конвент
Испытывал на шее гильотину.

Проблема в том, что если не курить,

Его не удастся повторить,
Заснуть ослом и пробудиться греком.
Гр. Дракула сажал врагов на кол.
Мы норовим в унылый протокол,
В Элизиум – и расплатиться чеком.

Сонет 21

Предвидя прикуп, я, конечно, пас.
Совсем не в масть, а без тузов – как в воду,
Не без того – в унылую колоду
Ночных перепелятников при вас.

В любви мы все отчасти шулера,
Слегка коты, а, в общем, алеуты.
Кому-то там мякнулось вчера
На рыжей третьей даме, фу ты ну ты.

И все-таки, вистуя на шести,
Я сознаю, что сила не в горсти.
Раскроем карты. Дураки на месте.
Не заложились. Сопли подотри,
Они без двух. Куда ни посмотри,
Поклонники. Обыкновенно, крести.

Сонет 22

(Ночь 1)

Естественная в среду темнота,
Дана на то, что, вроде, обещала,
Да только не заводится с винта.
Умнее с полумрака и с начала.

Недаром грек настроил голых муз.
Не тот петух. Не тот ему и оцип.
Мы брезгуем на глаз или на вкус,
Банк даже не срывается на ощупь.

Обряд недолог, влажен и жесток.
Гадаю: ягодица или бок
Касается разбитого колена,
И чем его залечишь в темноте?
К пяти утра на газовой плите

Останется, увы, морская пена.

Сонет 23

(Ночь 2)

Мы, наконец, устали повторять,
И, как собаки, обновляем мету.
Ночь – это словно зрение терять
За тонкий нюх, за чистую монету.

Здесь целый мир улегся на зрачки,
И мавзолей при лунном свете – мячик.
Здесь до рассвета не нужны очки,
И близорукий кот не хуже зрячих.

Легко проредив беспредел вещей
До кислых, сладких и прокисших щей,
Ночь – славный отдых от дневных обилий.
Заманчиво плясать не от груздей
К гибридным видам диких орхидей,
А к пахнущим от несъедобных лилий.

Сонет 24

(Ночь 3)

Закат издох в одиннадцать часов,
Фазаньи перья робко укатали,
И звезды стали лапами рептилий,
Бескормицей Медведиц и Весов,

Затем зажглись фонарные столбы,
Для знатоков – огни святого Эльма.
Под ними ведьма соберет грибы,
Спугнет Петра и искусит Ансельма.

Трудяга-бес, подставивший коту,
Унюхавший разборку, да не ту,
Ускорил шаг, неискушенно млея.
Немудрено: исподнее надев,
Полдюжины лихих рогатых дев,
Как стадо коз, шмыгнули по аллее.

Сонет 25

(Ночь 4)

Закрой глаза – и вспомнишь о коте,
Опасный миг исполненного долга.
Все говорят: есть прелесть в слепоте,
Конечно, если слепнешь ненадолго.

В широкой терракотовой трубе,
Иссякнув под неумолимым нордом,
Застряну, чтобы плакать о тебе,
И походя расправиться с кроссвордом.

Фиванский царь уже который раз
Любовно избавляется от глаз,
Как Ориген – от плотских скотобоен,
Взамен надеясь кое-что сломать.
Да комплексов ему не занимать –
Для этого Collider и построен.

Сонет 26

(Панталоне)

Я помню, Гамлет метил облака.
Привычные ко всякому бараны,
Как водится, валяли дурака,
А облака дырявили карманы.

Не вовремя оголодавший дрозд,
Едва мелькнувший в проводах, испортил
Сию минуту возведенный портик
На черном небе, без помех, без звезд.

Здесь, в самом деле, можно рисовать,
Плясать, идти ва-банк и пасовать
Куда свободней, нежели в Салоне.
Осталось только выбрать уголок,
Как следует лежащий островок
С венецианским львом. Pianta Leone.

Сонет 27

Ноктюрен Шопена. Полведрa воды.
В засушливой стране совсем неплохо.

Поляк уже не носит бороды
И, видимо, не посещает Сохо.

Он спит с Жорж Санд, летает в Рамбулье,
По праздникам проводит осень в Нанте,
И лапает ее дезабилье
Печально, как седло на Росинанте.

Не сравнивайте с ним его ноктюрен.
Для микроскопа нет миниатюр –
Нерезкие сравнения банальны,
А резкие свободны и вольны.
Тут есть вода, но нет его вины –
Ноктюрены, без сомненья, гениальны.

Сонет 28

Рим и лапша, Афины и халва.
Здоровый рот – идей безвкусных кладезь.
Пекин запомнил их как дважды два,
На запах и на вкус. Какая гадость!

Я ранним утром встретил в доме труп.
Забудем ресторанные детали,
Но ядовитый чечевичный суп
Мы, как касторку, в Лондоне глотали.

Из поваров мне ближе всех Ватель.
Убив себя, он загубил макрель,
Но, сожалею, не форель со вкусом.
Гурман мешает вилоккой гриль и криль,
Отседова и кулинарный стиль,
Что отварного рака ставит раком.

Сонет 29

(Ночь 5)

Конверт разорван и письмо раскрыто,
Наклейка досыхает на столе.
Тот не прогнулся. Стало быть, убито
Чаво-то там живущее во мне.

Разбив лодыжку, потеряв опору,

Все джунглями сирени на дворе,
Я мешкал умирать в такую пору.
Как это было просто в январе!

Да не успеть. Покуда суть да дело,
Покуда город спит и царство цело,
Кусты молчат, их греет темнота.
Но через час забрезжит час расплаты.
Как частокол, сомкнутся предикаты,
И терпкий пот закапает с куста.

Сонет 30

(Ночь 6)

Соскучившись, я зажигаю свет
(На улице темно, окно открыто),
Потом гашу. Гадание убито,
Сочувствия и аппетита нет.

Письмо лежит, придавленное тенью,
Трепещущее уголком листа,
Как терпкое колючее растение,
Считающее лепестки до ста.

Едва чихнешь – оно себе взлетает.
Гадай теперь, какая сука лает,
Какую дверцу ветер колыхнул,
Куда бежать от влажных эзотерик?
Закрывать окно, сурово все похерить
И уронить чернильницу на стул.

Сонет 31

(Ночь 7)

Мир целый год незыблемо стоит
На трех китах и занавеске дымной.
Шрам от когтей оттаял и горит,
Снег падает, а ночь бывает зимней.

Охотно вклинюсь в перечень примет,
Но в поздний час шучу темно и вяло:
Зимой в постели, если печки нет,
Роль Гамлета играет одеяло.

Старинная теория верна:
Чем обгорелей южная страна,
Тем холоднее в марте спать ложиться.
Советуют вдвоем или в саду.
Кота я без труда себе найду,
Но с тюфяком без грелки не ужиться.

Сонет 32
(Ночь 8)

Кончалось лето. Рим свое сказал.
Косая тень плясала по аллее,
И яркий месяц яростно лизал
Соленую рекламу бакалеи.

Надежды гасли. Тихо осыпал
Свои цветы зажавшийся шиповник,
И, накурившись, все не засыпал
Соседкин обескровленный любовник.

Я вышел на балкон рассеять муть,
Чаво-то скверно выдохнуть, вдохнуть,
Набраться кислорода и аргона.
В леске напротив летний кинозал
Крутил Чапая. Тот свое сказал.
Мне захотелось броситься с балкона.

Сонет 33

У летней спячки радости свои
(Свидетельствую о заботах барских),
И все-таки июньские бои
На простынях приятнее январских.

Бледнеющие вены цвета снов
И влажное мерцанье за три шага,
И я слежу за таяньем часов,
Седея в колоритной роли мага.

Как львиный зев, кривые зеркала –
Над горьким медом реяла пчела –
Нас поглотили радостно и пылко.
Куда заветный полдень заведет?

Туда, где умный бродя не найдет,
Туда, где волны плотны, как опилки.

Сонет 34

Из города одна дорога – в ад,
А в старых городах – от Плешки к Плевне.
Пожалуйста, друзья, Катулл вас в зад,
Не надо о любви и о деревне.

Из прочной клетки – вопреки тому,
В чем наставляют юную весталку, –
Выходят только в славную чуму
На одиозно пахнущую свалку.

Тяжелый сон московским головам,
А если верить городским молвам,
Прорвалась закипевшая аорта.
Какого черта под таким жнивьем
Мы, как это его, еще живем?
Я спрашиваю вас – какого черта?

Сонет 35

Куда уходит время? Прямо в память,
В пустой сундук с односторонним дном.
Войти легко, но как его оставить?
Войдет щекастый эльф, а выйдет гном.

Так перешеек между двух Америк
Для трех китов официальный свод
Занятых правил. Кто ему не верит,
Смывается из прибрежных вод.

Мы стали смертны по своей охоте,
Как крокодил и заяц в анекдоте,
Решив, что память – на лице, как нос.
Иллюзион останется курносым
Прогибом между смертью и износом.
Естественно рифмуется – износ.

Сонет 36

Спать неохота – я же не брюнет.

Рассвет утёк. Оранжевые тени
Сменили цвет. Из них иных уж нет.
Которые еще очнутся в дзене.

Напрасно вы проспали до утра.
Любовь моя, в шкафу лежали брюки.
В другое время вспомните Петра
И полновесных петухов три штуки.

Чего, черт побери, немного жаль –
Не вовремя расстеленная шаль
Порядочно испортила малину,
Теперь ее, боюсь, не отстирать.
Наверное, две надо было брать –
Вторую отдают за половину.

Сонет 37

(Дж. Джойс: I hear an army charging upon the land)

Вот вещий след ступеней и ступней,
Оттоптаный в земле обетованной,
До той войны сухой и бесталанной –
Беспрекословно утонувших в ней...

Их растревожил куртуазный зов,
Толкающий на хитрые дерзання,
Преодоленья или состязанья –
Обыкновенный прикуп из тузов.

Тузы вопят и топят корабли,
Но все равно с изгаженной земли
Безумцы оголтелые сорвутся.
В который раз я слышу их шаги.
Брат Посейдон, любя их, помоги
Им никогда обратно не вернуться.

Сонет 38

Как мало надо, чтобы забодать
Быка в бока, и из объятий жадных
Извергнуть водяную благодать
На турбинных, а лучше – травоядных.

Глоток воды – колючий воздух смыть,
Клочок травы и снедь недорогую...
В пещере жить и серым волком выть?
Овчарка спит, а я и в ус не дую.

Скрипучая гнедая карусель
И нежных слов томительный кисель
Подрезали условленной фигуре.
В сетях геометрического льда
Проблема разрешилась без труда:
Круг нежно улыбнулся квадратуре.

Сонет 39

За ставню закатились кожура
И горизонт без примеси тумана.
Затем-то в Салехарде и жара,
Чтобы проявить местного шамана.

Бедняга бредит – чет или нечет,
Немыслимо потея от натуги.
Нигде так сильно солнце не печет
Как в воскресенье на Полярном круге.

Безвестный воин, взявший под ружье,
Оделся, чтобы выстоять свое
Без толстого полярного доспеха.
Но стометровой вечной мерзлоте,
Как праздничной античной нагоде,
Плюс тридцать семь нисколько не помеха.

Сонет 40

Из крайне соблазнительных веков,
Собравшихся в одном прекрасном месте,
Приходят удивительные вести
Через богатых лысых дураков.

История на то и неверна,
Что порождает спин без долгих прений.
Застуканная царская жена
Традиционно выше подозрений,

Как (социальный) минимум, для тех,
Кто не боится заливных утех
Хотя бы в рамках брачного контракта.
Торнадо по ночам культурный тренд,
А в полдень боевой рекламный бренд:
Кондом предохраняет от контакта.

Сонет 41

Тугих чулок, но бежевых носков
На каждую из длинных ног напялив,
Я собираю дорогих деталей
Из траурной золы и угольков.

Беру на пробу несколько кусков.
Из виногрета выдавили силос,
Грамматика за столько-то веков
Не к лучшему, наверное, сносилась.

Из тысячи неадекватных слов
Почти у всех сиятельных ослов
Есть личное любимое словечко.
Не правила решают, что не мил,
А музыкальный ветер из могил,
Где милому находится местечко.

Сонет 42

(Царь Саул)

Пекутся малосольные мотивы
Из никому не нужного стыда,
И надкусившим прошлое противны
Копченые живые города.

Удобная в пути морская карта –
Не более чем верстка личных вех,
И полис, не Афины и не Спарта,
Аттическому мореходу смех.

Историку и ближе, и виднее,
Что за планида, греки и евреи,
Оглаживает карму до поры.
Ночами юго-западные лица

Успешнее, чем честная ослица,
Играют в птолемеевы шары.

Сонет 43

Из множества рациональных правил,
Легко осевших на глазное дно,
На всех своих путях апостол Павел
Употребил с успехом лишь одно –

Не будь ослом, хотя бы поначалу;
Будь хулиганом, то есть, бей под дых,
Да посильней; не бей кого попало,
И, если можно, начинай с чужих.

Гражданство познается в римской бане.
В классическом рациональном плане
У Павла вышел маленький афронт,
Подвижность членов (грек сказал:
модальность):

Апостол пару раз менял лояльность
И чуть не каждый год – житейский фронт.

Сонет 44

Зигзагами приходится ходить
Под бешеными окнами твоими,
Их по лекалу сухо раскроили,
Чтобы еще кому-то угодить.

Горящий нерв среди слепых глазниц,
Бельишко, что пиратская косынка.
На кухне – добродетельная ссылка,
А в спальне кот – любовников казнить.

Смурные почки, свежее руно,
Хмельные липы. Даром сведено
Мое простудой тронутое горло...
Какого черта я сюда припер?
С привычки выходить на задний двор
В такую пору? Видимо, приперло.

Сонет 45

Старик Вольтер о смерти еле помнит.

Его парик с приятностью завит.
Рассказчика былая слава кормит.
Он чмокает – как будто говорит.

Мне для пустых понтов парик не нужен.
Прекрасный голый череп на столе
(Не пахнет и отнюдь не портит ужин) –
Родной собаки. Восемь лет в земле.

Я выкопал недавно эти кости
Под новый повод к горечи и злости,
Из-под корней, без всякой сволоты.
Чем наши пошляки детей пугают?
Что вурдалаки после смерти лают?
Они и в этой жизни не коты.

Сонет 46

Бессовестный естественный отбор
(Жизнь не вошла в магические схемы) –
Единственное и до этих пор
Громоздкое решение проблемы.

В забавный, но критический момент
Он заплатил по островному счету.
Еврейский бог ему не оппонент,
Дай бог, суфлер. Другое дело, Гете.

Германский толк – изящный примитив,
Он пьется как сухой аперитив
Пока за стойкой сексапильный бармен.
Все так и есть, когда бы Гете не
Оставил столько фактов в стороне
Или под спудом. Прав, конечно, Дарвин.

Сонет 47

Мне хочется рыдать от первого тепла,
Когда в сухом пайке энзимов не хватает.
Что толку куковать – охота донимает,
И я ложусь в постель, раздевшись догола.

Иначе как решишь, чью сторону занять,

Оставшись на часок без сексуальной драмы?
Укрыться простыней – как три рубля занять,
В крутой пижамный мир забраться без пижамы.

Вберу в себя зараз и холод, и тепло,
Накопленные днем. Немало утекло,
Осталось, как всегда, пробиться мимо цели:
Подушку усыпить затылком и стеной,
Примять диванный бок страдающей спиной,
Пригреться, наконец, в бушующей постели.
1983

Сонет 48

Довольно поздний час, но что-то не темнеет,
Волнение наряду с тоской мешает спать,
И зеркало мое меня не понимает,
И кто еще придет меня поцеловать.

За западным окном томительное диво:
Вечерняя заря немереной красоты
Кому-то не в укор ложится незлобиво
На голубую часть сапфирной полосы.

Легонько шевельну ногой под одеялом –
Налево никого, направо стол овалом,
Но те, кого я жду, конечно, не придут.
Обидно – это все, что от меня осталось.
Прошедшей осенью так весело икалось,
Да три инфаркта одного не ждут.

Сонет 49

(Война и мир)

Почто же он – ни мира, ни войны –
И повторял мне по дороге к дому:
– С чужой чумы – и не достать Луны?
А я учил все это по-другому.

И нипочем посольский дом в дыму,
И просто лицемерие без счета.
Он приспособил к этому всему
Цитату подходящую из Гете.

Мы в малолетстве зазубрили стих
(Одно себе, другое для других),
Но в бизнесе не слишком преуспели.
Клубящийся залив и горный кряж –
Неблизкий, но отчасти и не наш, –
Бесстыдно стратегические цели.

Сонет 50

Эмир был дикой резвости банкир
И ловко выводил на биржу ханство,
От раза к разу ловче, как факир.
Пространство не меняют на пространство,

Другое дело – нежный кашемир.
Эмир ввозил товары из Китая
И уступал инвесторам Памир,
Им мало что, по сути, уступая.

Эмир погиб, не завершив поход.
Он больше не несет небесный свод.
Осиротело биржевое ханство.
Пустыня поглотила виноград.
Буддийский рай – не мусульманский ад.
Гортензию меняют на пространство.

Сонет 51

Равнину, потонувшую в снегу,
Девицу в шубе или же от стужи
Синеющую, и ботинки тоже,
Хоть и недавно – вспомнить не могу.

Там все ключи от отпертых дверей,
И в новом доме, пухнущем от комнат,
За тягостную неспособность вспомнить
Плачу слезами дочери моей.

Когда бы прямо так уж сладко здесь,
Сказал бы: «Что ж! На то отшибло память!
Диету мне! В сиропе мне растаять!» –
Но огорченный бес напомнил днесь,
Что слез ее не только что мы сами,

Но этот чертов мир не стоит весь!
1987

Сонет 52

Зову я смерть. Мне, право, невтерпеж,
Так второгодник ждет конца недели.
Здесь городские банки оскудели.
Здесь нет Луны. Отъявленный грабеж.

Зову, надеясь все-таки свести
Счета за устроенье фейерверков
И ревностно подсвеченную церковь
К налогу на небесных травести.

Зову назад, к природным небесам,
К святой оси, надетой на земную,
К телам, чьих сфер и мер не знаю сам.
По-прежнему на старый звездолет,
Где, если все в порядке, зазимую,
А там уже, увы, как бог пошлет.
2003

Сонет 53

Себе под нос неслышимо пройдя
до двух третей пустого коридора
вне белых стен ни карты ни узора
как желудь от дождя и до дождя

допустим свет погасишь уходя
в густую тьму воротником в прореху
как старый рак пророчивший про реку
неси свою икру живородя

под самый блиц баталию сведя
с проемом двери дома не щадя
умяв пространство в сущности ушанкой
выходишь смело прямо в пустоту
и запросто хватаешь на лету
что самозванка стала самобранкой.
2006

Сонет 54

(Лемурия: Manes exite paterni)
Бездомный дух теперь простой лемур,
Из тех кикимор, что достали Муром.
Посмертный глянец сходит за гламур.
Тебе ль не знать: ты сам писал к лемурам.

Твое веселье – зелье в черепах.
Не так уж важно, что за чертовщина
Вселяется в крылатых черепах.
Когда живой, ты все-таки мужчина.

Я вовремя нащупал амулет.
Мы не встречались очень много лет,
Не поделив лемурих фишек в таре.
Но если приохотишься икать,
Я точно знаю, где тебя искать –
В лесном болоте на Мадагаскаре.

Сонет 55

Еще немного. Если бы я был,
Как ты, хромой лемур, привыкший к сцене,
То, живо показав народу тыл,
Ушел бы подвизаться в плейстоцене.

Тогда лемуры были о-го-го,
Не жалкие макаки, а гориллы,
Сатиры – или более того.
Подробности хранятся у сивиллы.

Там сообразней кровушку доить,
Грифона на троих сообразить
И Цезарю слегка запудрить память.
А заиграет Моцарта Кощей,
Из ранних, безалаберных вещей, –
Бутылку эпиорнису поставить.

Виталий Аронзон

Сонеты по разным поводам

01

рекрасна молодость, ей не
страшны невзгоды.

И жалобы ей наши не важны.
Не ждем мы милости не только от природы,
И от детей, которым не нужны.

Есть в этом глупости божественной начало?
Иль мудрости божественной конец?
О том судачить будто не пристало,
Но больно жмёт терновый наш венец.

Известно: молодым сродни победы,
И нет у времени обратного пути.
Но вместе радоваться и отвращать их беды
Нет лучше участи, как ни крути-верти.

Виной всему Адамова забава
С тех пор, как Ева яблоко сорвала.
Июнь, 1999

02

Вот похоронный дом – ворота в никуда.
Я что-то зачистил сюда. Опасно!?
В какой заход я вновь приду сюда,
а друг придет ко мне домой напрасно.

Защиты от поветрия смерти не найти.
И нет нужды терпением запастись.

Не лучше ль счёт годов назад перевести,
чтоб в мыслях и делах летам попридержаться.
Я не смогу проверить этот трюк,
но кто меня переживёт... (Прекрасно!),
сумеет подсчитать и оценить,
как важно молодым в себе остаться.

Но коль стремится к завершению игра,
то мир покинуть вовремя пора.
Февраль, 2000

03

Ты не ищи заступников. Поступки,
которые сомнительны, увы,
потребуют у совести уступки
и лжи, и лжи, и лжи, и лжи.

Ты не обманывай себя высокой целью,
не строй интриги тонкие ходы:
что праведно, то праведно и с болью,
что лживо – лживо, как ты ни верти.

Пытайся строить жизнь по этой мерке,
и с прописною истиной дружи.
В ней мудрость древняя собралась по крупинке.
А дальше просто – просто ей служи.

Упущенных возможностей немало –
Дорога вымощена ими как попало.
Август, 2001

04

Обиды детские и взрослых покаяния,
они как оспины, а иногда, рубцы,
свидетели сердечного страдания
обычно молчаливы как агнцы.

Во взрыве спора иль неумной ссоры
Родитель с изумленьем узнаёт,

что был не прав, когда в иные годы,
от наказания детей не уберёг.

Однако мамы-папы не узнают,
когда заматеревшие юнцы
от осознания обидных слов взрыдают,
но где теперь их мамы и отцы?

Но совестью рождённые страдания
Останутся как мера порицания.
Май, 2002

05

Традиции? Что это? Постоянство?
Преемственность? Тупой консерватизм?
Инерция? Бездушие? Мещанство?
Иль общества поступков механизм?

У дипломатов он зовётся протоколом,
на похоронах, свадьбе – ритуал,
в рутинной одуряющей работе – инструкция,
а в светской праздности он ежегодный бал.

В кругу семьи, друзей живут иные правила,
в них твёрдой обязательности нет,
но волею желания и памяти
рождается традиция-обет.

Консерватизм – традиции основа,
он как мезуза на двери или подкова.
Май, 2002

06

Моей жене – Мери

Мы в *нашем* театре ставим *нашу* пьесу:
артистов подобрали без конкурсных интриг,
в ней те, кто «тянет» роль, играет с интересом,
кто в пошлость не срывается или в щенячий визг.

Но вот мы в одиночестве – актёров только двое:

тот навсегда ушёл, а с этим не сошлись,
нет также с нами тех, кто превзошёл игрою, –
итак, мы драму ставим, где роли на двоих.

Мне хорошо играть по-прежнему с тобою,
ничто не изменили сорок с лишним лет,
с тех пор, как стал я мужем, ты – женою,
лишь пред тобой держу за наш спектакль ответ.

Нам не нужны восторги и награды,
мы рады и тому, что обошли преграды.
27 июня 2002

07

Придумка изошрённого Пройдохи,
который правит миром из небес,
в божественный союз соединила
любовь и sex как чудо из чудес.

Perpetuum mobile – изысканный и скотский –
в реальности простейший механизм,
плодит людей посредством связи плотской,
и бег его кулис неумолим.

Творец задумал: ход его убавить,
послал на землю голод, войны, страх,
придумал также разные болезни,
но изменить его («Ура!») не смог никак.

Так необдуманый поступок
ведёт к потоку глупых шуток.
Июль, 2002

08

Утренний свет проникает сквозь штору
и будит пылинки в фотонном ручье,
а взглядом ласкает бесстыдно натуру,
как краски художник кладёт на холсте.

Тот солнечный луч от Вселенной посланник,

он нежен, бесплотен и в помыслах чист,
и в цирке земном открывает он праздник,
...но к рампе выходит Великий Стилист.

И он же – поэт, режиссёр и провидец,
лишь пьесы стары, как не нов этот мир,
иначе б не был я игрищ очевидец,
в которых порок – и звезда, и кумир.

Не поздно ещё пьесы новые ставить,
Но где тот Мессия, что театр исправит?
Июнь, 2002

09

Есть города в пустыне и у моря,
на знамени у них – веселье и азарт,
к ним едут и летят от радости и горя,
познать гипноз игры и власть бесовских карт.

Ласкает грубый слух монет каскад летящих,
пленяет пошлый взгляд завистливой толпы,
и сладкий вкус игры – глоток вина пьянящий –
дарит иллюзию нешуточной борьбы.

Инстинкт завоевать – от Ники – самый главный,
всё из него: любовь, прогресс и власть,
а также ненависть, стяжательство и щедрость,
не дай вам, Бог, в его тиски попасть.

Не нам судить, что праведно, что ложно.
До истины за жизнь добраться невозможно.
9 августа 2002

10

Когда покинула Земля созвездие Стрельца,
ведомая десницею Творца,
и вновь вошла в пределы Козерога,
Зима взяла её в объятия с порога
и объявила самый малый день,

как первый крик Природы Ренессанса,
в котором всё от божьего таланта:
как свет луны или от солнца тень.

Однако этот ясный поворот
на новый круг мы позже отмечаем,
и днём столь примечательным встречаем
как праздник, что зовётся Новый год.
Все наши прихоти условны, коль Природа
всегда в урочный час встречает Козерога.
13 декабря 2002

11

Философы, мыслители, пророки,
искатели истоков Жизни, истин,
сырьё ль из прошлого вам пища и уроки.
или Всесущий – мира Исполин?

Кто нас придумал: Бог или пришельцы?
Мистичен или материален мир?
Отбор естественный или случайный фокус
нас в Homo Sapiens из клетки превратил?

И всё же эволюция! Прав Дарвин несомненно,
животный мир по правилу живёт:
что плохо для него исчезнет непременно,
что хорошо к прогрессу поведёт.

Цепочка превращений бесконечна.
В ней утверждение, что жизнь продлится вечно.
Июль, 2003

12

Безвременно ушедшим поэтам
День мотался от жары к холоду.
Тучи для солнца отплясовали.
От этой вакханалии зову грозу
от боли, которую в голову запрятали.

Пришла буря во спасение
и очистила день и тела скверну,
потому возникло соображение
навестить по любви таверну.

И опять всё пошло по кругу
от очищения до страдания,
то строчку в стихе забуду,
то новую напишу без рыдания.

Такова по опыту всех творцов природа.
Из круговерти один выход для пишущего народа.
Сентябрь, 2003

13

Молчание и звук, как пауза и слово,
не существуют врозь – значением сильны,
безмолвие и гром звучат подчас сурово,
а шум и тишина – веселием полны.

Мы с замираньем ждём аккордов продолжения,
когда по воле Мастера оркестр на миг затих...
Тут таинства искусств, как в мыслях озарения,
томительны и сладостны, как постлюбовный
вскрик.

Но есть другой ансамбль воинственный и
жуткий,
он производит боль: в ушах не звук, а скрип,
как вой сирен безжалостный и гулкий.
Я жажду тишины – так к ней душой прилип.

Когда мы управлять научимся молчанием,
тогда не будет строк с негодным содержанием.
Март, 2005

14

Назад оглядываться – знаю – не хочу,
но и вперёд смотреть – себе дороже,

поэтому о прошлом помолчу,
а с настоящим обойдусь построже.

Возьму бутылку красного вина,
оно для сердца и любви полезней,
пойду к красавице, которая умна
и ценит секс – лекарство от болезней.

Устав от наслаждений, посижу
над виршами – они моя услада,
или по весям ближним поброжу,
свобода от забот – моя награда.

Ценить, лелеять каждое мгновение –
единственное мудрое решение.
28 марта 2006

15

Когда бы не был я бездельником отчаянным,
то вирши бы писал, не отрывая зада,
и не боялся бы обидеть словом напечатанным,
того в ком вижу не врага, а гада.

Скользит и вьётся он и в стойку поднимается,
Ужалит – в нору прячется быстрее.
Зовут его Завистник, Лицемер и Склочник,
Ханжа и Скряга, Сноб или Злодей.

Однако не боюсь я, а пишу от скуки.
Писательские лавры не нужны,
поэтому рифмовочные муки
оставлю тем, кому они важны.

От лени мы страдаем больше, чем от власти
мирских страстей и всяческой напасти.
Март, 2006

16

Не всякий храм увидишь в Зазеркалье.
Здесь мистика – реальность, факты – миф:

в голубизне воды – вселенское объятье,
а трепет волн – космический прилив.

Антенна-крест сигналы шлёт в пространство
от плачущей земли, а «маковка»-слеза.
Посылка – код Земли, в нём чисел постоянство, –
«сечением золотым» навеки названа.

Универсален ряд из чисел Фибоначчи,
сулит надежду, что в других мирах
поймут призыв – не может быть иначе –
и Злобу отзовут и уничтожат Страх.

Фантазия – искусный врачеватель,
когда забывчив или спит Создатель.
Ноябрь, 2006

17

Вчера по думам день был серый и плохой,
Над домом вороны кружили очень низко,
А чайки криками стонали – чем не вой? –
Как будто враг-недуг подходит к стенам близко.

Что это: явь, прозренья иль игра ума,
Который чуток к счастью и несчастью?
Беда, как правило, приходит не одна,
И сумма бед сродни погод ненастью.

Однако у Стихии бездна лет.
И смена непогоды и погоды
Уравнивает шансы: чёт или нечёт.
Природе – вечность, а живому – годы.

Поэтому, чтоб власть Её отнять,
В унынии права нет подолгу пребывать.
Январь, 2007

18

Не слишком тяжелы заботы
О том, кем очень дорожишь,

Но повседневные хлопоты
Скучны – от них не убежишь.

Но если ритм отмерить чётко,
И не лениться рано встать,
Тогда появится возможность
«п» строчек за день написать.

С лихвой окупятся старанья
Восторгом от удачных строк,
А «т» плохих без колебанья
Заброшу в мусорный бачок.

К остатку «к» предел навечно
Стрелой направлю в бесконечность.
28 мая 2008

19

Не оставляй на всякий случай,
Не прячь в шкафу иль в сундуке,
а наряжайся в самый лучший
костюм и двигай налегке

в театр, в бар, на party,
к другу, в кино, музей иль на балет,
а коль найдёшь себе подругу,
то всем ты будешь образец.

А дело страсти без потуги твори,
как в первый раз влюблён,
люби подруг не за услуги –
и будешь дружбой награждён.

Но обстоятельства порою
мешают быть самим собою.
13 июня, 2008

20

От сала губы утирая
рукой грязнущей и сопя,

Пентюх шёл улицей, играя
мослами, страхи наводя.

Навстречу двигался кудрявый
в очках, с горбинкой на носу,
и с книгами, отнюдь не бравый
Борух – он нёс домой мацу.

Читатель ухмыльнуться вправе:
конфликта тут не избежать.
Но дело вовсе не в забаве –
мацу и сало размешать.

Изъян в строении генов виден,
но идеал не очевиден.
Июнь, 2008

21

Любил, люблю я стих толковый,
с мелодией от рифмы новой,
писать и тут же повторять,
чтоб строфы в памяти держать.

Чем чётче мысль – короче строчка,
неряшливость не для стихов,
и, если форма-оболочка
без выкрутасов – стих готов.

Теперь нужна проверка ритма,
оценка хора: «та-та-та»,
и музыкальная начинка –
подмога слову у стиха.

Но вкус изменчив и, конечно,
творение из слов не вечно.
30 июня, 2008

22

Интеллигент, пенсне поправив,
сказал: «Поверить не могу,

что морж свой член в моржиху вставив,
резвиться может на плаву».

Но вопреки такому мнению
плодятся звери, а приплод
отверг херовые сомнения
как импотентский ловкий ход.

Мораль проста: держи улыбку—
и не срами семян копилку,
а делай, что угодно Богу,
и победишь зверей природу.

Совет усвоить всякий может,
но всех последствия тревожат.
Июнь, 2008

23

Vita brevis, ars longa (lat.)

Не погасить в душе тревогу:
так страшен 21 век.
В какую спрятаться чертогу
от дьявольских его утех.

Интриги, заговоры, драка,
убийства, воровство и ложь,
беспамятство и злость варяга —
заснуть бы, но бросает в дрожь.

Пока ещё он не коснулся
моих сегодняшних забот,
но запах тления потянулся,
а свежий ветер занемог.

Жизнь коротка и бессердечна.
Печалюсь..., но искусство вечно.
18 мая 2009

24

А вот и утро! Душно летом!
Прохлады нет. Исчезла ночь.
Хочу пропеть про то сонетом...
Пегас мне силится помочь.

Амур-проказник менкен-писом
во сне приснился и стрелой
коня вспугнул, а я раздетым
предстал пред девой молодой.

Она без всякого смущения
взяла Достоинство моё,
и наступило воскрешение...
и пробужденье без Него.

Тут чуда нет. Здесь всё земное.
Резвиться – дело молодое.
Август 20, 2009

25

Итоги подводить пора...
Карга с косой не за годами.
Шпионит тихо, но всегда,
и пакостит, сверля глазами.

Я прячусь, а она со мной,
врачам подкидывая взятки,
флиртует как Спаситель мой
и из аптек мне шлёт подарки.

Но разгадав её игру,
я докторов не обижаю,
рецепты все в камине жгу,
а дни с улыбкою встречаю.

Тут информация важна,
а жизнь и так обречена.
Август 23, 2009

26

Лето уходит и осень с дождями
туманную грустную гонит волну.
Сердце сжимается чаще клещами.
Ночи бессонные – сны наяву.

И снится: воюю стихами с ненастьем
бравурной строфой убиваю беду,
а в бурю суровую песней удачной
от тела усталого боль отведу.

Утро неясным и сереньким светом
медленно день напрягает к труду...
Вспомнить хочу, что я лгал пред рассветом,
но ни строки записать не могу.

В мыслях врага побеждаем мы ловко,
А на яву нас подводит сноровка.
Август 29, 2009

27

Всегда нервозно и тревожно,
когда предвидишь поворот
на том пути, где невозможно
притормозить и сделать сход...

к обочине, минуя драму
от столкновения с судьбой.
Но как найти дорогу к храму,
шагая только по прямой?

У колеи круты изгибы,
неизмерима глубина,
её следы – лица морщины
и в обрамленье белизна.

Бывает знание опасно.
Незнание подчас прекрасно.
Сентябрь, 2009

28

OMNIA MEA MECUM PORTO (лат)

«Всё моё ношу с собой»

Биант – греческий философ

или

VOLENS NOLENS (лат)

«волей-неволей»

О, как приятно в день воскресный
в постели долго полежать,
а не включаться в ритм карьерный:
«идти, увидеть, побеждать»¹.

Так рассуждал я в неге томной,
лелея лени порыв,
пока звонок неожиданно звонкий
ушей моих, увы, достиг.

И проклиная власть такую
чужих желаний и забот,
включаюсь в суету людскую
с сумой бесчисленных тревог.

В диалектической спирали
у жизни что-то мы украли...
20 января 2010

¹ VENI, VIDI, VICI (лат)

Александр Матлин

Два рассказа

Художник Михаил Беломлинский

Про юбочку с кофточкой

то ни говори, иммигранты наши – бесстрашный народ. Не всякий может так, запросто, собрать свои ничтожные пожитки и ринуться с насиженного места в незнакомый и непонятный мир. А потом ещё выжить в этом мире. И не просто выжить, а преуспеть – да как преуспеть! Я знал одного: на вид хилый, глаза мутноватые, а у самого двенадцать домов: по дому на каждый месяц года. Плюс семь «Лексусов»: по «Лексусу» на каждый день недели.

Но сейчас речь не об этом. А о том, что есть, всё-таки, одна вещь, которой боятся наши отважные иммигранты. Вы не поверите: они боятся себе подобных. Правда. Если такой иммигрант услышит на улице русскую речь, он, бедняга, сразу ринется на другую сторону улицы, чтобы кто-нибудь, не дай Бог, не заподозрил, будто он эту речь понимает.

Признаюсь честно, я никогда не разделял этой глупой и совершенно необоснованной боязни. Но вот недавно произошла история, которая поколебала моё высокомерие.

Началось с того, что жена мне говорит:

– Что-то больно жарко и душно стало. Может, съездим – говорит, – в «Маршалс», чтобы дома кондиционер зря не гонять? Заодно я, может, юбочку себе присмотрю или, там, лифчик. Да и тебе, глядишь, что-нибудь на *сейле* найдётся.

Честно говоря, мне этот «Маршалс» и все её юбочки до лифчика. Но, чтобы не омрачать нашу счастливую семейную жизнь, я таких рискованных заявлений не делаю, а, наоборот, надеваю ботинки, и мы едем в «Маршалс». И там разгуливаем в чистоте и прохладе, время от времени примеряя что-нибудь такое эlegantное по сниженной цене. Я говорю жене:

– Посмотри, дорогая, на этот замечательный пиджачок...

И тут я осекаюсь, потому что жена хватается меня за рукав, делает большие глаза и прикладывает палец к губам.

– Тихо! – шепчет она. – Русские!

И показывает глазами в сторону. А там, в стороне, действительно бродит пара, громко говорящая по-русски: такая полноватая дама средних лет с плюсом, и с ней угрюмый мужчина в светлой рубашке с закатанными рукавами и такого же недвусмысленного возраста. Не иначе, как тоже на кондиционере воздуха экономят, а может, и правда понадобилась им какая-нибудь юбочка. Но только слоняются они по магазину вольготно, как у себя на даче, и во всё горло разговаривают на своём иностранном языке, как будто их никто не понимает.

Тут мы с женой, конечно, умолкаем и делаем такие абстрактные, безмятежные, полностью американские лица. И глядим по сторонам, куда попало, но только не на ту сволочную пару. А она тем временем движется в нашем направлении, и полноватая дамочка говорит своему спутнику:

– Правда, Коля, эта кофточка подойдёт к моей синей юбочке?

На что Коля, не глядя на кофточку, грубо отвечает:

– Как же, подойдёт она тебе, с такой задницей.

А женщина говорит:

– Ах, ничего вы, мужчины, не понимаете. Лучше я посоветуюсь с женщиной. Женщина мне врать не станет, тем более американка.

И с улыбкой обращается к моей жене на своём жутком английском:

– Извините, пожалуйста, как вам кажется, эта кофточка подойдёт к моей синей юбке?

На что моя жена отвечает, на таком же, если не хуже, ухабистом английском, но с полным соблюдением грамматики:

– Да, мне кажется, эта кофточка подойдёт к вашей синей юбке.

И, конечно, тоже улыбается, чтобы показать, что она и есть настоящая американка.

Дамочка довольна прямо до колик, что настоящая американка так хорошо её понимает. Она ещё размашистей улыбается и говорит:

– А как вам, пожалуйста, не кажется ли, извините, что вон та кофточка обязательно спасибо может подойти к моему зелёному платью?

Тут у моей жены прямо скулы свело от улыбки. Она, совсем одурев от удовольствия, что её принимают за настоящую американку, говорит:

– Ах, что вы, конечно, мне, пожалуйста, кажется, будто обязательно спасибо та кофточка может подойти к вашему зелёному платью.

Дамочка, продолжая сиять, как стосвечовая лампочка, поворачивается к своему спутнику и говорит:

– Видишь, Коля...

Но тут Коля быстро закрывает ей рот своей широкой ладонью и что-то шепчет. Что именно – не слышно, но по губам видно, что шепчет:

– Молчи, дура! Это русские!

И дамочка – дура дурой, а соображает – поворачивается к моей жене и продолжает с ней этот светский улыбчатый разговор про кофточку на так называемом английском. И каждая прямо изнемогает от гордости, что её принимают за настоящую американку.

А мы с Колей молчим, иногда поглядывая друг на друга. И тут мне начинает казаться, что я где-то видел эту угрюмую физиономию. Не могу вспомнить где, но точно – видел. А он, глядя на меня в упор, говорит вполголоса, без малейшей улыбки:

– Что, не узнаёшь?

Тут я не сплеховал и отвечаю:

– А как же! Конечно, узнаю, Коля!

Услышав это, наши дамы умолкли, посерели лицом, и улыбки их как ветром сдуло. Правда, они не долго молчали, а потом снова принялись щебетать, но уже порусски и без этих идиотских улыбок. А Коля говорит:

– Я, – говорит, – сразу понял, что это ты. Но кто ты такой и откуда я тебя знаю – убей Бог – не помню.

Я обрадовался и говорю:

– И я не помню. Может, мы у Лифшица встречались? Коля тоже обрадовался, даже подобрел.

– Точно, – говорит, – у Лифшица! Помню, перцовую пили.

– Правильно! – говорю я. – Солёными маслятами закусывали.

– Конечно, – радуется Коля. – Помню, ещё сын Лифшица тогда перепил и в бассейн свалился.

– Подожди, – говорю я. – У Лифшица, по-моему, не сын, а дочь. И никакого бассейна у него нет.

Коля обижается:

– Ты что мне мозги полощешь? Конечно, есть – и сын, и бассейн. Как зовут твоего Лифшица?

– Володя.

– Понятно. Значит, не тот Лифшиц.

– Это бывает, – соглашаюсь я. – Не всякий Лифшиц – Лифшиц.

– Знаешь, это хорошо, что не тот, – говорит Коля. – Тот Лифшиц – жуткая сволочь. Просто, скотина, а не Лифшиц. Он с моим другом был партнёром по бизнесу. Ободрал его, как липку, и сам же на него в суд подал. Я этого Лифшица...

Тут наши женщины вдруг умолкают, а Колина жена тычет своего супруга в поддых и шепчет:

– Тихо! Русские!

И правда, движется в нашем направлении ярко выраженная русскоговорящая пара: невзрачный худощавый мужичок и с ним бабёнка еще более неприметной наружности. Мы все, конечно, делаем безразличные лица и начинаем смотреть по сторонам. А невзрачный мужичок, поравнявшись с нами, вдруг хватает меня за рукав и говорит:

– Не узнаёшь, что ли?

Я смотрю на него и думаю про себя: до чего мерзкая физиономия! Не иначе, мы где-то встречались. Я говорю:

– Как же, как же! Конечно, узнаю! Коля, а ты узнаёшь?

Коля молчит и смотрит в сторону. А жена невзрачного говорит:

– Ну ладно, Боря, пошли.

Я говорю:

– Извини, узнать-то я узнал, но не могу вспомнить, где мы встречались.

– И я не могу, – признаётся худощавый. А жена его говорит:

– Ладно, Боря, пошли уже.

– Ладно, – говорит худощавый. – Созвонимся. Пока.

Они уходят, а Коля долго смотрит им вслед, и его угрюмое зеркало души становится ещё мрачнее. Он шепчет:

– Знаешь, кто это? Это Лифшиц. Тот самый, который моего друга наколол. И ещё по магазинам ходит, скотина.

– Вот негодяй! – соглашаюсь я. – И что твой друг сделал?

– Сам знаешь, что в таких случаях делают. Он его заказал.

– Чего?

– Чё-чё – через плечо, – говорит Коля. – Заказ сделал, чтобы этого Лифшица – того... На встречу с прабабушкой. Понял? Ну – шпокнуть. Замочить, в общем. Но этот Лифшиц, скотина, как чувствовал, переехал в другой город. И номер телефона поменял. Что за народ! С ним по-человечески, а он тебе такую подлянку подстраивает. Но мы его найдём, пусть не волнуется.

Тут я чувствую лёгкий приступ тошноты. И, наверно, бледнею, потому что Коля, внимательно посмотрев на меня, говорит:

– Ладно, ладно, не психуй. А не то получишь бонус. – Коля смеётся, радуясь своей шутке. – И вообще, забудь, что я сказал, понял? Ты ничего не слышал, ничего не знаешь, понял? А то знаешь, что бывает с теми, кто много знает?

– Знаю, знаю, – торопливо заверяю я Колю. – То есть, наоборот, не знаю. В общем, знаю, что ничего не знаю. Память у меня, знаешь, совсем никудышная.

– Это хорошо, молодец, – одобряет Коля. – Ну ладно, нам пора.

Я с ужасом наблюдаю, как моя жена обменивается номерами телефонов с Колиной женой, но уже ничего не могу сделать. Мы покидаем проклятый «Маршалс» с его юбочками и лифчиками и идём к машине. Когда я уже пристегнулся, но ещё не завёл машину, рядом со мной за окном вдруг появляется тощая фигура негодяя Лифшица.

– Привет, – говорит он. – Теперь вспомнил, где мы встречались?

– Нет, извини.

– Ничего, я тоже не вспомнил, – великодушно говорит Лифшиц. – Но это не важно. Ты знаешь, с кем ты сейчас разговаривал?

– Ну, с Колей.

– Это же бандит. Самый главный мафиозо. Убийца. Его весь Бруклин знает. Он по заказам работает.

– Ага, – говорю я и снова чувствую легкое помутнение в организме. – А как он... это... на что он принимает заказы?

– Не на что, а на кого, – говорит всезнающий Лифшиц. – За кого заплатят, на того и принимает.

– Это что, его... м-м-м... постоянная работа? Или хобби?

– Это ты у него спроси, – говорит Лифшиц. – А ты-то сам, чем занимаешься?

– Чем все. Я программист.

– Хорошее дело, – одобряет Лифшиц. А я – *сток брокер*. Стоки продаю. Позвони мне, я тебе такой *дил устрою*, сразу разбогатеешь.

Он сует мне в карман свою карточку и галантно исчезает.

Мы возвращаемся домой. Я перевозжу дух и, на всякий случай, запираю все двери в доме. Потом я заставляю жену поклясться, что она никогда больше не повезёт меня в «Маршалс». Тут звонит телефон.

– Привет, – говорит мужской голос. – Узнаёшь? Это я, Коля. Мы сегодня в «Маршалсе» встречались.

– А, Коля! – радостно говорю я спёртым голосом. – Наконец-то! Что-то давно ты не звонил.

– Дай мне телефон Лифшица, – говорит Коля, не разделяя моей радости.

– Какого Лифшица? – говорю я фальшиво.

– Того самого. Которого мы сегодня в «Маршалсе» видели.

– Ах, Лифшица? Ну да, конечно. У меня, Коля, нет его телефона.

Коля некоторое время молчит, а потом говорит медленно и безо всяких интонаций:

– Ты что, сука, мне мозги пудришь? Я сам видел, как он тебе карточку в карман сунул.

Я покрываюсь холодным потом и ласково блею в телефон:

– Правда, Коля? А я и не заметил. Сейчас, Коля, я поищу в карманах. Ой, что-то не нахожу. Ты не помнишь, Коля, в какой карман он её положил? В пиджак? Ты не помнишь, в каком пиджаке я был? Может, я тебе перезвоню?

– Слушай, ты, – говорит Коля. – Мне некогда с тобой в кошки-мышки играть. Даю тебе сутки. Я позвоню завтра в это время. И ты держи телефон Лифшица наготове, понял? Если у меня не будет телефона Лифшица, то учти, что у меня есть твой телефон.

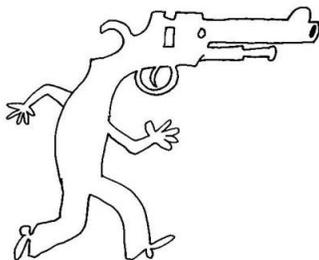
– Хорошо, хорошо, Коля! – говорю я, захлёбываясь от радости. – Конечно, Коля! Сутки – это очень хорошо, Коля! Звони, не забывай!

Я кладу трубку и смотрю на жену. Она смотрит на меня. Мы смотрим друг на друга так, как будто видимся последний раз в жизни.

– Дорогая, не хочешь переехать в Южную Каролину? – говорю я.

– Конечно, хочу, – говорит жена. – Я всегда мечтала о Южной Каролине. А ещё лучше – в Северную Дакоту. Когда переезжаем?

– Не будем спешить, – говорю я. – У нас есть целые сутки.

Чудо современной технологии

Меня не перестаёт восхищать современная телефонная технология. Ведь это невероятно: я снимаю трубку и простым набором номера соединяюсь со своим другом или подругой где угодно – на Аляске, в Австралии, в Израиле. И разговариваю с ним (с ней), не повышая голоса, так, как будто он (она) находится в соседнем доме. А если я и повышаю голос, то не из-за плохого качества связи, а потому, что он (она) раздражает меня своими глупостями.

Особенно мне нравится, когда на мой звонок вместо живого человека отвечает *call answering*, то есть автоответчик. В этом случае я могу поведать своему абоненту всё, что я о нём (о ней) думаю, и меня никто не перебивает и не говорит мне, что от такого же слышит.

Мне также нравится, когда звонят мне, и вместо меня отвечает мой автоответчик. Конечно, в этом случае мой абонент может беспрепятственно выложить всё, что он обо мне думает, но зато у меня остаётся свобода слушать или не слушать его *message* (сообщение), а потом – свобода звонить или не звонить в ответ.

Единственное, что мне не нравится в моём автоответчике, – это то, что он не проявляет никакого индивидуального подхода. Кто бы мне ни позвонил, он слышит одно и то же:

«Здравствуйте-это-квартира-Матлина-пожалуйста-оставьте-ваше сообщение-после-того-как-услышите-короткий-гудок».

Меня угнетает это унижительное обезличивание моих абонентов. Я долго размышляю над несовершенством нашей передовой технологии, и, наконец, мне в голову приходит идея. Я звоню в телефонную компанию.

– Девушка, – говорю я. Это я говорю по-английски, конечно. – Девушка, мне нужен такой сервис, чтобы телефон на разные звонки отвечал по-разному. Понимаете?

– Не совсем, – вежливо отвечает девушка. – Вы имеете в виду *Call answering*?

– Его самого, – говорю я. – Но чтобы он не говорил всем одно и то же, а подходил бы к этому, так сказать, творчески. Например, если звонят с телефона номер 973-237-8964, чтобы он отвечал: «Это квартира Матлина. Я вас в гробу видал». А если звонят с телефона номер 732-634-0846, чтобы он отвечал: «Это квартира Матлина. Когда услышите короткий гудок, можете идти в ж...».

– Just a minute, – говорит телефонистка. – Spell it please¹.

¹ Одну минутку. Продиктуйте по буквам, пожалуйста.

В общем, через пятнадцать минут разговора ей становится понятно, что я имею в виду. Смышлёная попалась девушка.

– Сколько, – говорит – вам нужно таких разных приветствий?

– Ну, – говорю, – близких друзей у меня человек двадцать, и еще приятелей человек сорок. Впрочем, приятелей не обязательно посылать индивидуально. Я хочу сказать – для них не обязательно делать персональные приветствия. Значит, двадцати хватит.

– Понятно, – говорит смышлёная девушка и после небольшой паузы добавляет; – Это будет вам стоить девяносто девять долларов восемьдесят центов в месяц, плюс доллар девяносто девять за каждый ответ на звонок.

– Что? – кричу я. – Вы с ума сошли! Чтобы послать Лифшица в ж..., я должен платить сто долларов в месяц? Да ещё доллар девяносто девять за каждый посыл?

– Я вам сочувствую, – говорит девушка. – К сожалению, наши расценки не зависят от того, куда... я имею в виду – не зависят от содержания приветствия. Спасибо, что вы пользуетесь услугами нашей компании.

Я кладу трубку, и меня снова начинает терзать неумная боль творческого поиска. Как бы так сделать, чтобы Лифшиц получил достойное электронное приветствие, но при этом не платить сто долларов в месяц?

В конце концов, меня озаряет идея, простая, как всё гениальное: ведь я сам ничем не хуже этого недоразвитого автоответчика. Но, в отличие от него, я могу различать своих абонентов. У меня для этого, помимо природного интеллекта, есть ещё *идентификатор*, по-английски *caller's ID*, который позволяет видеть, кто звонит. Проблема решена. В течение следующего часа я сижу около телефона, предвкушая удовольствие. Наконец, раздаётся звонок. Я узнаю номер. Точно, звонит Лифшиц. Наверно, опять хочет попросить взаймы. Я снимаю трубку и говорю монотонно:

– Это квартира Матлина. Когда услышите короткий гудок, можете идти в ж... Спасибо, что позвонили.

После этого я добавляю тонким голосом:

– Би-ип!

И, от радости затаив дыхание, жду ответа. К моему удивлению, Лифшиц не злится и не раздражается руганью, а наоборот говорит очень спокойно и даже дружелюбно.

– Привет, – говорит, – это я, Лифшиц. Я тут недалеко от тебя. Хотел зайти, занести двести долларов, которые я тебе должен. Ну ладно, тогда как-нибудь в другой раз.

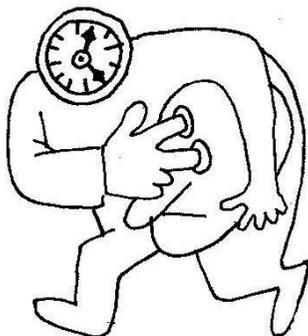
От возмущения у меня перехватывает дыхание, хотя я его и без того сдерживаю. Я говорю:

– Клик-клик! Не двести, а триста!

– А, ты дома, – говорит доброжелательный Лифшиц.

– А я думал, это был автоответчик.

– Конечно, автоответчик, – говорю я. – А потом я узнал твой голос и взял трубку. Разве ты не слышал «клик-клик»?

В это время в наш разговор вторгается ещё одно чудо современной технологии под названием *call waiting*. Это значит, что мне кто-то звонит, и я могу переключиться с Лифшица на этого абонента, а потом обратно на Лифшица. Я говорю:

– Лифшиц, подожди минуточку. Я к тебе вернусь.

И переключаюсь на абонента. Кто этот абонент, мне не известно, поэтому я говорю, на всякий случай:

– Это квартира Матлина. Я вас в гробу видал. Би-ип.

– Спасибо, вы также! Вы также! – радостно отвечает мне голос с сильным английским акцентом. – Мне очень приятно слушать русскую речь. Как я понимаю, вы сейчас пользовали прошедшее время глагола «видать» в значении повелительно-пожелательного наклонения в настоящем времени, правильно? То есть вы хотели сказать «я вас уже хочу видеть», правильно? А теперь я звоню вам по очень хорошему делу. Наша организация собирает деньги на поддержание бедных еврейских семей в России. Мы хотим надеяться на вашу помощь. Сто долларов может кормить семью из трёх человек целый месяц.

– Клик-клик, – говорю я. – Дам двадцать. Пусть эта семья переходит на диету. Только больше не звоните.

– Большое спасибо! – кричит мой счастливый собеседник. – Обещаю вам не звонить, пока семья из трёх человек кушает на ваши деньги.

Я переключаюсь обратно на Лифшица:

– Алё, Лифшиц, ты ещё здесь?

– Я здесь, – говорит Лифшиц. – Знаешь, ты, кажется, прав, извини. Не двести, а триста. Я немного перепутал. Это я Фейгину должен двести долларов.

– Хорошо, – говорю я. – Давай двести. А сто отдашь потом.

– Извини, теперь уже не могу, – говорит вежливый Лифшиц. – Пока ты разговаривал, я уехал далеко. Как-нибудь в следующий раз. Я позвоню.

Он отключается, а я начинаю проклинать телефонную технологию, которую я до недавнего времени так пылко любил. Если бы не эта пакостная технология, я бы

не прерывал разговор с Лифшицем, и у меня было бы сейчас на двести долларов больше. Теперь жди, когда он позвонит.

Недели через две раздаётся звонок, и, как ни странно, мой телефон идентифицирует Лифшица. Я говорю монотонным голосом:

– Это квартира Матлина. Когда услышите короткий гудок, можете привозить деньги. Спасибо, что позвонили. Би-ип.

В ответ я слышу такой же монотонный голос Лифшица:

– Это квартира Лифшица. Когда услышите короткий гудок, не расстраивайтесь. Оставьте сообщение, и я вам позвоню через год.

Я кричу:

– Клик-клик! Бип-бип! Лифшиц, перестань валять дурака! Ты что, автоответчик?

– От автоответчика слышу! – говорит невозмутимый Лифшиц. – Это я пошутил. А если всерьёз... Тебе нужны деньги?

– Что за глупый вопрос? Я же сказал – привози.

– Хочешь восемьсот долларов? – говорит Лифшиц. – Я уверен, что хочешь. Тогда одолжи мне пятьсот, а я тебе потом сразу отдам восемьсот. Идёт?

За что я люблю Лифшица – за изобретательность. Я говорю:

– Клик-клик! Извини, Лифшиц, мне кто-то звонит, я должен ответить. Я к тебе вернусь.

Я кладу трубку на стол и иду советоваться с женой. Как всегда, в тот момент, когда я решаю посоветоваться с женой, я понимаю, что совершил ошибку, но уже поздно.

– Конечно, дай, – говорит она. – У нас есть деньги. А он уже третий месяц без работы...

Я снова беру трубку.

– Клик-клик! Лифшиц, ты здесь? Алё! Лифшиц! Клик-клик, тебе говорят!

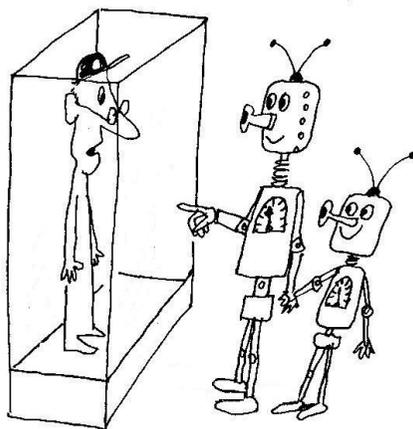
– Сам ты клик-клик, – говорит Лифшиц, не проявляя никакого уважения к современной технологии. Ну, что она сказала?

– Приезжай за деньгами.

– Ты знаешь, – говорит Лифшиц, – у меня есть хорошая идея. Чтоб и тебе, и мне было лучше. Дай мне не пятьсот, а семьсот, и я тебе буду должен ровно тысячу. Круглая сумма, понимаешь? Очень удобно, и легко запомнить. Хочешь с женой посоветоваться?

– Бесполезно, – говорю я. – Приезжай, я дам семьсот. Только больше не звони.

Лифшиц отключается, и меня опять начинают одолевать горькие мысли о современной технологии, из-за которой мои потери возрастают с каждым днём. Если бы не телефон, теперь бы у меня было бы на тысячу долларов больше. Я звоню в телефонную компанию.

– Девушка, – говорю я, – вы можете сделать так, чтобы мой телефон больше не звонил?

– Когда не звонил?

– Никогда.

– О'кей, – говорит девушка. – Мы можем вам отключить телефон, но ваш двухлетний контракт ещё не истёк. Если вы разываете контракт, это будет стоить вам двести долларов.

– Что? – кричу я. – Двести долларов? Всего-навсего? Отключайте немедленно!

Я кладу трубку, и у меня возникает блаженное чувство облегчения, какое бывает у человека, который после долгого, утомительного дня снял тесные ботинки. Я снова люблю современную телефонную технологию нежной любовью. За то, что её можно выключить.

Овсей Дриз

Стихи

Перевёл Александр Лейзерович

Некоторые из этих стихов переводились «с голоса» автора – замечательного еврейского поэта Овсея Овсеевича (Шике) Дриза: по памяти после его вечера в Центральном доме литераторов в Москве более сорока лет назад, по записям, которые я делал на кухне у него дома в Москве. Он получитал-полупел свои стихи и тут же сам давал их подстрочник. (О своём знакомстве с Овсеем Овсеевичем я писал в журнале «Вестник» – № 19(278), 2001, стр. 35-37; материал этот можно найти на интернете – www.vetsnik.ru). Другие переводы были сделаны недавно по книге стихов Дриза на идиш «Четвёртая струна» с помощью Бориса Розенфельда и Адама Гельдмана – спасибо им.

При жизни Овсея Дриза он был известен в основном как поэт для детей, да и то – даже его «детские» стихи в переводах Татьяны Спендиаровой, Генриха Сапгира, Романа Сэфа начали печатать лишь в 1960 годы, с наступлением «оттепели». В концертах Нехамы Лившицайте звучала его «Песня матери», положенная на музыку Ривой Боярской. Уже после смерти поэта (в 1971 году) получили популярность песни на его стихи (в первую очередь, «Зелёная карета» Александра Суханова); в 1975 и 1990 годах вышли сборники его стихов в русских переводах, а наиболее полное на сегодняшний день собрание его стихов по-русски, включая и часть моих переводов, содержится на сайте «Еврейская поэзия в переводах на русский язык» – <http://vcisch.hotbox.ru/>.

Мне хотелось, чтобы эта небольшая подборка отразила разные грани творчества Овсея Дриза, попыталась передать интонации его голоса...

Александр Лейзерович

Мой бедный дядя

Мой бедный дядя, фантазёр и выдумщик, –
он весь в случайном этом эпизоде –
однажды летом из-под шкафа вытащил
свой чёрный, старый, свой любимый зонтик.
И с ним пошёл гулять.
В Центральном Парке Отдыха
он увидел огромную... окружность –
кружились люди словно птицы в воздухе,
и дядя мой сказал – «Зачем им это нужно?»
Кривые зеркала его не взволновали.
Сказал мой дядя: «Тоже мне веселье!»
Зато застыл он, затаив дыханье,
перед цветастой звонкой каруселью.
В цветные дудки зазывали дули,
скользили мимо мудрые прохожие,
а бедный дядя мой стоял и думал –
не мог понять, на что это похоже...
«Если бы выпрячь из неё лошадок
(и пусть они пасутся на газоне),
то получилось бы, – сказал мой дядя, –
не что иное, как мой старый зонтик!
А если б в зонт лошадок запрягли вы,
а на лошадок если б люди сели,
то отличить, пожалуй, не смогли вы
мой старый зонт от этой карусели...»
Как в карусели, золотом расшитой,
бежит Земля лошадкою точёной...
А бедный дядя мой – никак всё не решит он:
«Но почему ж тогда мой зонтик чёрный?»

Блоху однажды встретя,
спросил её мой дед –

«Чему, блоха, ты рада?»,
а та ему в ответ:
«Я в среду заболела –
простуда, кашель, жар –
и в шкуре у медведя
решила полежать.
Лежу себе спокойно,
поставила компресс...
И вижу вдруг охотника
и слышу страшный треск!
Но мне каким-то чудом
случилось уцелеть –
стрелял в меня охотник,
а был убит медведь!..»

Вот – может быть, сказка, а может быть, –
небыль...
Фонарь рассказал мне, а сам я там не был,
фонарь рассказал про Мыша-Малыша,
про то, как остался Малыш без гроша.
На следующий день встал Малыш спозаранку
и продал галоши прохожей цыганке,
а сам он – в Стамбул припустился босым –
купить себе там по-турецки усы...
К несчастью, Стамбул оказался закрытым –
там дождь по-турецки лил, как из корыта...

Учёнейший доктор, великий учёный
Прослушивал грудь мою трубочкой чёрной.
Он долго по рёбрам стучал своим пальцем,
Как будто бы в дом одинокий стучался,
И удивлённо сказал мне потом он –
Но где ж твоё сердце? Его нету дома!
– Ах, добрый мой доктор,
откуда ж мне знать?
Я сердце не смог под замком удержать –
Всё нужно ему, до всего ему дело:
О чём там вороны галдят очумело,

Зачем из-под снега цветок тянет стебель,
И что себе думают звёзды на небе...
Ну разве тюремщик я, доктор мой добрый,
Чтоб сердце держать своё в клетке из рёбер?

Мы гуляли весёлой троицей,
там где небо и море сходятся.
Ни о чём мы не вспоминали –
мы гуляли втроём, гуляли...
Всё кружилось, как в карусели –
с ума сойти от веселья!..

Обо всём мы забыли начисто,
но, братья, пора ж и расплачиваться!
Янтарём заплатило море,
небо – лучшими зорями,
а я – рыданиями заплатил
за
на минуту с ума сойти!

Песня матери

Я бы повесила люльку на балке,
Качала б, качала б сыноченьку Янкеле,
Но рухнули балки в огне этой ночи –
Как же качать мне тебя, мой сыночек?
Белые голуби – чёрные вешки,
Остались от дома одни головешки.
Я б свои длинные косы отрезала,
Чтоб люльку повесить для доченьки Рейзеле,
Но стали золою на дубе листочки –
Как же мне люльку повесить для дочки?
Где он, мой дом? – Не осталось и досточки.
Средь угольков моих деточек косточки.
Матери, матери, все приходите,
Выплакать песню мою помогите –
Я не могу ни молчать, ни кричать –
Песней моей Бабий Яр укачать...
Фиолетовый день

День был хмур, фиолетов и сер,
рыбьим брюхом нависло небо
над Малой Бронной.
По бульвару звенели трамваи
и шумели машины,
а здесь было тихо,
и процессией странной,
жёлто-красно-зелёной,
в тишине шли шуты,
гроб неся на руках.
Было хмуρο и серо,
шли шуты осторожно
словно краем пропасти
в этой жуткой нелепости
важного шествия. Лишь
колокольчики на шутовских колпаках
перезванивались – динь-дзень.
День был фиолетов и сер.
Плыло небо огромной рыбой,
но не рыдали трубы
и не всхлипывали флейты,
лишь бубенцы звенели. Мúка
исказила маску комедианта.
Но глядите – на крыше,
там – напротив театра,
встал скрипач
в синем пламени седины,
и заплакала скрипка
серебряной рыбкой.
Плачь, скрипка, плачь
над королём.
Этот старый скрипач
был великий Эйнштейн,
но шуты не ведали этого,
неся на плечах своего короля.
День был хмур, фиолетов и сер.
15 января 1948

Красным сладким вином
Я наполнил стакан...
Вроде, всё хорошо,
Да на сердце тоска.
Убери вино прочь
И не трать лишних слов –
Слишком жидкость в стакане
Похожа на кровь.
Водки несколько капель
На стол пролилось,
На клеёнке – как пятна
Непролитых слёз.
Ни о чём тебя больше
Не буду просить –
Кружку пива холодного
Мне принеси.
Вроде, всё хорошо,
Да помеха одна –
Шапка пены на ней,
Как моя седина...
Спасибо
Спасибо цветам –
всем им и каждому
на вишневой ветви –
за нежность их глаз.
Спасибо крапиве,
что меня обжигала
каждый раз.

Сновали люди по улице,
несли баранки и халы,
и я шёл с ними по улице,
и птицы в груди трепыхались.
Но вдруг словно что-то случилось –
смешались люди и лица,
забыл я, кому я нужен,
кому нужны мои птицы.
Растерянный и затурканный,
стою посреди мешанины –

сейчас вот наедут, настигнут,
раздавят меня машины!..
Но не шагнул, не поехал,
не сдвинулся с места город –
меня из беды выручили
умные светофоры:
без шума, без лишнего гомона
мигнули зелёным светом,
дали мне время вспомнить –
зачем я на свете этом...

Последнее желание

Жизнь свою завершить
я хотел бы одним –
не лежать
под оркестр,
а бежать
перед ним...

Ах, как лихо
острия зелёных почек
поднимают ветки в небо!
Глянцевитые, тугие,
словно кулачки младенца,
сжатые со всею силой,
требуя себе весь мир.

Ох, как тихо
вниз спускаются, ложатся
листья жёлтые на землю.
Как усталые ладони –
все в мозолях и морщинах...
Словно говорят, прощаясь, –
Мы не взяли
ничего.

Белый голубь

Шёл через поле я,
шёл я по шляху,

и ветер сорвал
мою старую шляпу.
Чтоб не студило мне
голую голову,
надел я на голову
белого голубя.
А люди не видели,
что я надел,
и мне говорят –
Как же ты поседел!

Зелёная старость

Мой милый портной, ни драпа, ни шёлку –
принёс я листьев зелёных кошёлку.
Я листьев принёс тебе полные жмени –
Зелёную старость, пожалуйста, сшей мне.
Я руки раскину, я вытянусь к звёздам –
пусть птицы совьют на плечах моих гнёзда,
а люди – поверят, что дерево это,
и люльку повесят в тени моих веток.

Альберто Моравиа

Римские рассказы¹

Перевод с итальянского: Моисей Борода

Я не скажу «нет»

тобы Вам было понятно, каков характер у Адели, достаточно будет, если я расскажу Вам, что произошло в первую ночь нашего медового месяца: как говорится, как утро началось, так и день пройдёт.

Итак, после ужина в траптории, тостов, стихов, поздравлений, добрых пожеланий, объятий, слёз тёщи мы, свеженевообрачные, отправились в мою квартиру на улице *dell'Anima*, расположенную как раз над моим магазином скобяных товаров.

Мы были уже женаты, но как-то ещё немного смущались, стеснялись друг друга.

И вот когда мы уже были в спальне, и начали медленно раздеваться, я, сняв пиджак и повесив его на спинку стула, сказал – просто чтобы, как говорится, «сломать лёд»: Гляди, нас-то было тринадцать за столом – ... видела? Говорят, что это приносит счастье.

Адель уже сняла свои новые туфли, видимо крепко жавшие ей ноги, и стояла перед зеркалом, внимательно себя рассматривая. На моё «приносит счастье» она, однако, откликнулась немедленно: Нет, нет, Карло, на самом деле нас было двенадцать: десять приглашённых и нас двое.

Ну, я-то в ресторане посчитал присутствующих – кроме всего прочего, для того, чтобы рассчитаться за обед; и посчитав, удостоверился: всего нас было тринадцать. Ещё

¹ Alberro Moravia. Из цикла *Racconti romani*

помню, как я сказал Лодовико, одному из свидетелей: «Нас здесь тринадцать... не хотелось бы, чтобы это принесло несчастье», на что он ответил: «Да нет, совсем наоборот, это приносит счастье».

Присев на край кровати и снимая брюки, я сказал Адели спокойным тоном: Ты ошибаешься, нас было тринадцать, я ещё поэтому спросил Лодовико, а не принесёт ли это нам несчастье.

Адель в этот момент снимала через голову платье, но как только сняла его, ещё не отдышавшись, немедленно возразила – уже несколько возбуждённым голосом: Ты неправильно посчитал... на улице нас и правда было тринадцать, но потом Мео ушёл и нас стало двенадцать.

Сняв брюки, сидя уже в трусах я и сам не знаю почему, с раздражением сказал: Какое к чертям «двенадцать»... и чего ещё тут приплетать Мео, если я тебе говорю, что посчитал всё точно уже, когда мы стояли перед рестораном.

– Ну, что ж, тогда... – ответила она, вешая платье на плечики в шкафу, – тогда, значит, ты к тому времени, когда считал, был уже выпивши – вот и всё тут.

– Кто был выпивши – я? После пары бокалов, включая шампанское?..

– В общем, нас было двенадцать... а ты не можешь этого помнить, потому, что ты пьян, и память тебе сейчас отказывает.

– Кто пьян – я??. Нас было тринадцать!

– А я тебе говорю, двенадцать.

– Тринадцать.

– Двенадцать.

Мы уже стояли нос к носу в середине спальни, я в трусах, она в подъюбке. Я схватил её за локоть и прокричал ей в лицо: «Тринадцать», но потом сменил тон и обняв её, сказал ей тихо: «Тринадцать или двенадцать – да чёрт с ним... поцелуй меня». Она же, вскочив на кровать, прошептала – уже, так сказать, из-под раскрытых для поцелуя губ – навстречу моим губам: Да, но нас было всё-таки двенадцать.

На этот раз я уже не сдержался, и, отбежав от кровати и стоя посередине комнаты, заорал: Плохо начинаем... ты моя жена и должна мне подчиняться... если я говорю, что нас было тринадцать, то так оно и есть, и противоречить мне ты не должна!

Она, спрыгнув с кровати, прокричала мне в лицо: Да, я твоя жена – или, точнее, буду ею... но нас было двенадцать!

– Как бы не так: тринадцать!

И вот уже раздалась первая пощёчина – сухая и короткая. Адель, на мгновение опешила, потом, уже идя к двери гостиной, и открыв её, крикнула что было силы: Нас было двенадцать... и оставь меня в покое... ты мне отвратителен! – и с этими словами исчезла за дверью.

После короткого замешательства я решил, так сказать, вернуть потерянные позиции, подошёл к двери, звал Адель, стучался, упрашивал – безрезультатно. В итоге всё кончилось тем, что я провёл свою первую брачную ночь в полном одиночестве, лёжа полуодетый на брачной постели в каком-то полусне-полудрёме, а она, думаю, делала то же самое на диване в гостиной.

Наутро, по взаимному согласию, мы отправились к её маме и спросили, сколько же нас на самом деле было. Оказалось, что было нас четырнадцать, включая двоих маленьких детей, которые «выпали» при счёте, поскольку почти всё время находились не за, а под столом. Когда я считал своих гостей, один из детей сидел за столом, когда считала Адель, оба были под столом. Иначе говоря, мы оба были правы; но Адель, в качестве моей жены, была всё же не права.

Лиха беда начало, и после этого первого случая Адель, бог знает уж сколько раз, показывала свой упрямый характер. У неё была просто мания спорить по любому пустяку, любой безделице, любой мелочи: если я говорил «белое», она говорила «чёрное», никогда не отступая, никогда не признаваясь, что была неправа. Начни я обо всех этих случаях рассказывать – никогда не кончу.

Ну, вот возьмите этот случай с деньгами, когда она как-то целый божий день упорно продолжала утверждать,

что я не дал ей денег на покупку провизии, и после суток упрямых споров – пожалуйста, вот они, деньги, лежат преспокойно, как роза в бокале, на подоконнике в уборной, дышат, так сказать, свежим воздухом.

Нечего и говорить, что всё на этом не кончилось: разумеется, спор продолжался, поскольку она настаивала на том, что деньги туда положил я, я же доказал ей на фактах, что это не могло иметь места и что именно она, получив от меня деньги, отправилась с ними в туалет и там их забыла.

Или вот другой случай, когда она упрямо настаивала на том, что у Алессандро, бармена из кафе напротив, четверо детей, в то время как я знал точно, что у него их трое, и так мы продолжали спорить, ни к чему не придя, поскольку Алессандро какое-то время не было на работе и нельзя было проверить, кто прав. Но потом он наконец появился и выяснилось, что к моменту, когда возник наш спор, у него было-таки трое детей, но сейчас у него четверо, поскольку, пока мы спорили, успел родиться четвёртый.

Пустьяки, малость, и в каком-то из этих пустяков был прав я, в каком-то – она, но дело-то было не в этом. На самом деле аргументы не имели значения. Я всё время – увы, тщетно – пытался дать ей понять, что её скверная манера спорить по любому поводу губит в конце концов всё. «Нет, тебе не жена нужна», – отвечала она – «Тебе нужна рабыня».

Вот так, в силу уже устоявшейся у нас привычки спорить, мы были, что называется, постоянно на ножах, всё время в какой-то ожесточённой борьбе, и стоило мне только что-то сказать, даже и самое что ни на есть очевидное, например, «Сегодня солнечный день», меня уже заранее охватывало раздражение, что она, скорее всего, сейчас же возразит. И действительно, стоило мне бросить на неё взгляд, как она немедленно говорила: «Ах, Джино, что ты, сегодня и не видно солнца... всё небо в облаках». Тут уж я брал свою шляпу и выбегал из дому – останься я дома, лопнул бы от злости.

Как-то в один из таких дней, идя по Рипетто, я встретил Джулию, за которой ухаживал до того, как познакомился с Адель. Джулия мне к тому времени уже

довольно наскучила; она всегда казалась мне какой-то несамостоятельной, не имеющей собственного мнения. Что бы я ни говорил, она всегда со мной соглашалась, никогда мне не противоречила – даже тогда, когда и слепой бы увидел, что я неправ. Но сейчас, когда моей женой была независимая женщина и я мог вкушать эту самую независимость во всей её полноте, я с сожалением вспоминал о мягкой и уступчивой Джулии и грыз себе локти за то, что предпочёл ей Адель.

Я был рад встретить сейчас Джулию – если оставить всё прочее, уже потому, что она была так непохожа характером на Адель. И в то время как она, как бы пытаясь от меня защититься, говорила, что должна успеть на рынок закупить провизию, я удерживал её, удерживал из единственного стремления: я хотел услышать её одобрение, вновь ощутить эту мягкость, податливость, неготовность мне противоречить – всё то, чего мне так не хватало с Адель. И вот, чтобы испытать эту податливость Джулии, её готовность не противоречить, я сказал ей: «Ну как, получила ты своё за твою несправедливость по отношению ко мне? Теперь-то ты видишь, что я лучше всех других, а? Может, скажешь, почему ты меня отвергла?»

Ну, я-то уж отлично знал, что это – чистой воды неправда: не она меня оставила, а я её, оправдываясь тем, что мне не нравятся послушные, покорные женщины вроде неё. Но мне было интересно услышать, что же она ответит на это моё насквозь неискреннее, очевидно несправедливое обвинение. Но единственным ответом бедняжки было то, что глаза её от удивления округлились. Какие-то секунды она, очевидно, боролась с искушением ответить мне, что не она ко мне, а я к ней был несправедлив, и что оставил-то её я, а не она меня. Но в конечном счёте победил её характер. «Джино, – услышал я её как обычно мягкий голос, – это было какое-то недоразумение... я бы никогда тебя не оставила, я... тебя любила».

Представляете: она не обвинила меня во лжи, как совершенно очевидно сделала бы Адель; наоборот, она ещё пыталась оправдываться и, чтобы доставить мне

удовольствие, признавала, что в случившемся, может быть, есть доля и её вины.

Я разразился смехом при мысли о том, какую же ошибку я совершил, предпочтя Джулии Адель, и, ласково проведя ладонью по щеке Джулии, воскликнул: «Я знаю, что вина целиком лежит на мне, что – увы! – никакого недоразумения тут и в помине не было, что я и только я во всём виноват, а сказал я тебе про твою вину только для того, чтобы услышать, что же ты мне ответишь». И ещё раз погладив её по щеке, увидев, как она при этом покраснела от удовольствия, я поспешно ушёл. Но прежде, чем завернуть за угол, я оглянулся: С зажатой в руке сумкой стояла она на тротуаре и смотрела мне вслед, потрясённая, ошеломлённая.

Был конец мая, начало купального сезона, и мы с Адель решили поехать во Фреджене, к морю, искупаться. Ехали на мотороллере. Нашли пустынный пляж. Над нами сияло освещённое солнцем голубое небо, с моря дул крепкий, колющий тело задуваемым песком ветер. Зелёно-белые волны, нахлёстываясь одна на другую, набрасывались на берег; вдалеке море казалось тёмно-голубым, почти чёрным; видные по всему пространству белые гребешки волн лишь оттеняли эту черноту.

Адель сказала, что хочет поехать на лодке. И хотя море было очень беспокойным, я, чтобы только ей не противоречить и не слышать от неё, что море сегодня спокойней спокойного, ну просто как масло, нанял лодку и столкнул её в воду.

Я был в купальном костюме, Адель же была полностью одета, но я, опасаясь, как обычно, очередной дискуссии, не настаивал на том, чтобы она переоделась. Пляжный спасатель дал лодке толчок, я схватил вёсла и начал с силой грести навстречу волнам. Были они невысокими, и выйдя подальше в море, я грёб уже помедленнее, стараясь принимать очередную волну носом лодки, а не бортом. Адель сидела на сиденье в носовой части; набегающие на лодку волны то вздымали её вверх, то опускали вниз. Посмотрев на неё, одетую, я вспомнил, что не отважился посоветовать ей переодеться; раздражение

охватило меня, у меня возникло желание рассказать ей, что я повстречал Джулию.

Продолжая грести, я рассказал ей, как я захотел ещё раз испытать характер Джулии и как она выдержала это испытание, ни в чём мне не противореча.

Адель выслушала мой рассказ, сидя на носу лодки, то вздымаемом вверх от удара очередной волны, то спадающем вниз, и потом сказала спокойным тоном: «Ты ошибаешься... вина целиком лежит на ней... это она тебя оставила».

На нас накатывалась волна, более высокая, чем обычно; встречая её, я сделал сильный рывок вёслами и ответил с еле скрываемым бешенством: Кто тебе это сказал? ...Это я был виноват, когда в один прекрасный вечер сказал ей, что больше не люблю её... Я очень хорошо помню и место, где это было: на *Lungotevere*.

Адель, с явно слышимым оттенком злобы в голосе, произнесла: Как обычно, ты плохо помнишь... Это она тебя оставила... сказала, что ты – что соответствует действительности – имеешь склочный, драчливый характер... и что она не представляет себе жизни с тобой.

– Да кто тебе это сказал?

– Она сама... через несколько дней после того, как вы расстались.

– Неправда это. Она могла сказать это, чтобы скрыть свою досаду: лиса и виноград

– Брось, Джино, рассталась с тобой она... мне это сказала и её мать.

– А я тебе говорю, что это неправда: я это сделал, не она!

– Нет, она!

Бог знает, что в эту минуту меня охватило. Я стерпел бы любое другое противоречие, но не это. Допускаю, что тут сыграло роль и моё мужское самолюбие. Бросив вёсла, и встав на ноги, я заорал: Я сделал это... и баста... не желаю больше спорить на эту тему... будешь дальше продолжать, получишь веслом по голове.

– Попробуй только. Ты бесишься, потому что ты неправ. Я знаю, что это сделала она.

– Я, а не она!

Теперь я стоял посредине лодки и орал, помимо всего прочего, чтобы быть услышанным сквозь грохот волн. Лодка, предоставленная волнам, то вздымалась вверх, то ухала вниз, и незаметно для меня, потеряла траверс.

Адель, будто что-то вспомнив, внезапно поднялась на ноги и, сложив руки рупором, проорала мне в лицо: «Сделала она!!»

В этот миг огромная зелёная, плотная как стекло волна с белым гребешком обрушилась внутрь лодки. Я свалился в воду. Слава Богу, лодка не перевернулась, и мне удалось схватиться за брашпиль. На короткий миг, накрытый волной, я ушёл под воду, но затем, наглотавшись воды, выбрался на поверхность и, борясь с течением, плывя против него, всё время звал Адель. Но, оглянувшись вокруг, я увидел только удалившуюся уже на порядочное расстояние нашу лодку. Она была пуста. Адели не было видно нигде.

Я продолжал её звать и попробовал плыть в сторону лодки, не очень понимая, зачем я это делаю. Но с каждой новой волной лодка всё удалялась и удалялась, и каждый раз, когда я открывал рот, зовя Адель, я наглатывался воды, и в конце концов я понял, что плыть за лодкой не имеет никакого смысла, тем более, что, как я уже видел, Адели в ней нет. В конце концов, я оставил свои попытки и стал плыть кругами, по-прежнему зовя Адель. Но её нигде не было видно, да и вообще уже ничего не было видно, кроме накатывающихся на берег волн, а между тем силы меня оставляли.

Меня охватил страх утонуть, и я поплыл к пляжу. Ощувив под ногами дно, я, хотя до берега было ещё довольно далеко, остановился и вновь стал звать Адель. Потом, продолжая выкрикивать её имя, пошёл к берегу, всё время оглядываясь и всматриваясь в море, ища хоть какой-то след Адели. Но море, сколько хватал глаз, было пустынно, за исключением пустой лодки, дрейфовавшей с опущенными вёслами и удалявшейся от берега всё дальше и дальше.

Я заплакал, повторяя про себя: «Адель, Адель». И мне казалось, что я слышу в грохоте волн: «Она сделала это!» – как будто голос исчезнувшей Адели остался в воздухе, снова мне противореча. Потом появились спасатели с катамараном, и в течение трёх часов, а то и более, мы искали Адель, но ни в тот день, ни в последующие мы не нашли ничего. Так я стал вдовцом.

Прошёл год, и я собрался с духом и пошёл навестить Джулию. Мать провела меня в столовую. Вошла Джулия, и, я, как только увидел её, сказал: «Джулия, я пришёл спросить тебя, хочешь ли ты стать моей женой». Она покраснела от удовольствия и ответила мягко: «Я не скажу "нет", но тебе нужно сперва поговорить с мамой».

Эти её слова поразили меня, и потом я часто вспоминал о них, как о своего рода добром предзнаменовании: «Я не скажу "нет"».

В итоге, мы поженились.

И если вы пожелаете увидеть супружескую пару, живущую в гармоничном согласии, приходите к нам. Джулия осталась такой же, какой была в то утро, когда она ответила мне: «Я не скажу "нет"».

Не углубляйся

Агнесса могла бы как-то дать мне понять, что она собирается сделать, а не вот так, не сказав ни слова, взять и уйти.

Я не воображаю о себе, что я – совершенство, и если бы Агнесса мне сказала, чего ей не хватает, мы могли бы это с ней обсудить. Но нет: за два года, что мы были женаты – ни слова, а потом вдруг, в одно прекрасное утро, воспользовавшись моментом, когда меня не было дома, она украдкой, исподтишка уходит – точь-в-точь как прислуга, нашедшая себе место получше. Вот так вот она ушла, а я и сейчас, через полгода после того, как она меня оставила, не понимаю: почему.

В то утро, закупившись на местном рынке – мне, знаете, нравится, когда это делаю я, нравится торговаться, спорить с продавцами – цены-то я знаю! – пробовать то, пробовать это, спрашивать, от какого животного мясо для

моего будущего бифштекса, какого сорта яблоки, ну, и так далее – так вот, в то утро я, закупив на рынке провизию, принёс её домой и снова вышел, чтобы купить полтора метра бахромы для занавеси в столовой. И поскольку тратить на это больше, чем самый минимум, я не хотел, мне пришлось немало походить, прежде чем в одном из магазинчиков на улице dell'Umilta я нашёл то, что мне было нужно.

Вернулся я домой в двадцать минут двенадцатого, прошёл в столовую, чтобы сравнить цвет купленной бахромы с цветом занавески, и сразу увидел стоящую на столе чернильницу, ручку, какое-то письмо – и чернильное пятнышко на скатерти рядом с письмом. Сказать по правде, это самое пятнышко произвело на меня большее впечатление, чем чернильница с ручкой и письмом. «Гляди-ка, ну и неряха же она!» – подумал я – «закапала скатерть».

Я убрал со стола чернильницу, ручку и письмо, снял скатерть, вынес её на кухню и там, как следует протерев пятно лимоном, вывел пятно. Потом вернулся в столовую, положил скатерть на место и только сейчас вспомнил о письме. Письмо было адресовано мне: на конверте стояло: «Альфредо».

Я открыл конверт и прочёл: «Уборку сделала. Твой обычный завтрак тебе приготовила. Прощай. Возвращаюсь к маме. Агнесса».

Сперва я ничего не понял. Потом прочёл письмо ещё раз, и в конце концов до меня дошло: Агнесса от меня ушла, оставила меня после двух лет нашего супружества. По привычке я положил письмо в буфет, в ящик, где хранились квитанции и письма, и сел на маленький стульчик у окна.

Я не знал, что мне думать. К такому обороту я совершенно не был готов и даже как-то не совсем верил тому, что случилось. И когда я вот так вот сидел в размышлении, мой взгляд упал на лежащую на полу белую пушинку – видимо, упавшую с метёлочки, которой Агнесса смахивала с мебели пыль. Я встал, открыл окно, поднял пушинку с пола и выбросил её в окно. Потом надел шляпу и вышел из дома.

Идя по улице и ступая, по моему обыкновению, не на каждую плиту в тротуаре, а только через одну – я стал спрашивать себя, что же могло произойти с Агнессой, почему она так нехорошо, так не по-доброму меня покинула – словно бы сознательно желая меня опозорить, обесчестить.

– Ну, первым делом, – подумал я, – посмотрим-ка, могла ли Агнесса упрекнуть меня в измене, пусть и самой незначительной. И тотчас же ответил себе: Нет.

Я никогда особенно не увлекался женщинами – ни я их не понимал, ни они меня не понимали. Но уж с тех пор, как я женился, могу сказать, что все женщины, кроме Агнессы, перестали для меня существовать. По этому поводу Агнесса часто меня поддразнивала, спрашивая всегда одно и то же: «Что ты сделаешь, если влюбишься в другую женщину?» А я ей отвечал: Это невозможно: я люблю тебя и это чувство сохраню до конца моей жизни.

Сейчас, когда я всё это вспоминаю, мне кажется, что она вовсе не была рада моему ответу, этому «до конца жизни», а скорее наоборот: лицо у неё вытягивалось, она замолкала.

Переходя к другим возможным причинам, я спросил себя: а не в деньгах ли тут дело, не из-за денег ли Агнесса меня оставила – или точнее, из-за того, что я её плохо содержал? Но нет – и в этом пункте моя совесть могла быть спокойной.

Это правда: деньги Агнессе я давал только в исключительных случаях. Но с другой стороны – зачем ей были нужны деньги? Нужно было ей за что-то платить – так я всегда был наготове. И это было, ей Богу, совсем не так плохо. Дважды в неделю поход в кино, два раза в неделю – в кафе, и для меня не имело значения, брала ли она там мороженое или только чашку эспрессо. Далее, пара иллюстрированных журналов ежемесячно и каждый день – газета. Зимой даже поход в оперу, летом – отдых в Марино, в доме моего деда. Это – что касается удовольствий.

Перейдём теперь к одежде. Здесь у Агнессы было ещё меньше причин на что-то жаловаться. Каждый раз, когда ей что-нибудь было нужно – лифчик ли, пара чулок

или платочек, я был тотчас тут как тут: шёл с ней в магазин, выбирал с ней вместе то, что ей нужно, и без лишних слов платил. Так было и с портнихой, и с модисткой; не было случая, чтобы она мне сказала: «Мне нужна шляпка, мне нужно платье», и я бы не ответил: «Пошли, я иду с тобой».

Надо, впрочем, признать, что Агнесса была нетребовательной: после первого года нашей женитьбы она почти не обновляла свой гардероб. Теперь уже я напоминал ей, что ей из одежды нужно. Она же отвечала, что у неё всё есть ещё с прошлого года и что новая одежда её не интересует. Вообще, она никогда не стремилась хорошо одеваться – в этом она, возможно, отличалась от других женщин.

Итак, сердечные дела и деньги: Нет.

Остаётся то, что адвокаты называют несовместимостью характеров.

Но о какой несовместимости характеров можно говорить, когда за два года совместной жизни мы ни разу не поспорили – ни разу! Мы постоянно были вместе – и если бы эта самая несовместимость имела место, она бы как-нибудь да проявилась. Но Агнесса никогда мне не противоречила, и даже, можно сказать, почти не говорила. Вечерами – были ли мы в кафе или дома – она едва открывала рот, говорил всегда я.

Не буду отрицать: Мне нравится говорить, нравится слушать, как я говорю – особенно когда рядом человек мне близкий. Голос у меня спокойный, аккуратный, тон равномерный, без повышений или понижений когда говорю, не повышаю и не понижаю голоса.

Говорю я всегда рассудительно, речь строю связно, и если касаюсь в разговоре той или иной темы, то обсуждаю её во всех подробностях, во всех её аспектах, от А до Я.

Темы, на которые я люблю говорить, касаются домашнего хозяйства. Мне нравится обсуждать цены на товары, расположение мебели в квартире, отопительные батареи, кухню и всё, что к ней относится – ну, и тому подобные темы. Меня никогда не утомляет говорить об этих вещах, и нередко, уже обсудив какую-то тему и получив удовольствие оттого, как я её обсуждал, я начинаю

обсуждать её снова, с самого начала, повторяя мои аргументы.

Но, скажем честно: это ведь именно те темы, которые охотно обсуждают женщины – на какие же другие темы с ними говорить?

Агнесса, надо отметить, слушала меня внимательно – по крайней мере, так мне казалось. Лишь однажды, когда я объяснял ей, как действует электрический водонагреватель, мне показалось, что она заснула. Разбудив её, я спросил: «Что, тебе скучно меня слушать?», на что она сразу ответила: «Нет, нет, я просто устала, этой ночью мне не спалось».

Мужья обычно где-то служат или имеют какое-нибудь дело, или, на худой конец, развлекаются с друзьями. Мне же всё это – и службу, и дело, и друзей – заменяла Агнесса. Я не оставлял её ни на мгновение одну, оставался рядом с ней даже тогда, когда она стряпала на кухне – пусть это и покажется странным.

У меня, знаете ли, страсть к кухне, и каждый день, когда Агнесса принималась готовить, я надевал передник и помогал ей: чистил картофель, лущил фасоль, готовил фарш, присматривал за кастрюлями. Делал я всё это настолько хорошо, что она часто говорила мне: «Знаешь, делай это ты, у меня болит голова, пойду прилягу». И я тогда уж стряпал один, и с помощью поваренной книги мог приготовить и такие блюда, которые мы прежде не пробовали. Жаль, что Агнесса никогда не была лакомкой, а в последнее время у неё и аппетит пропал, так что она едва прикасалась к еде.

Как-то раз она сказала мне вроде бы в шутку: «Ты по ошибке родился мужчиной. Ты должен был бы родиться женщиной или, ещё лучше, прямо домохозяйкой».

Должен признать: в этом высказывании была частица правды: и действительно, мне нравится не только стряпать, но и стирать, гладить, шить или даже, если досуг позволяет, подшивать края платков – отчего нет?

Как я уже говорил, я ни на миг не оставлял Агнессу одну, даже и тогда, когда она посещала подруг или шла к её маме. Даже когда ей почему-то взбрело в голову брать уроки английского, я, чтобы быть рядом с ней, постарался как-то

приспособиться и изучал вместе с ней этот довольно-таки трудный язык. Я был настолько привязан к ней, что иногда казался себе даже смешным – как, например, в тот день, когда мы были в кафе и я, не поняв фразы, которую она мне тихим голосом сказала, пошёл за ней в туалет, и прислужница не пустила меня, указав, что это отделение – для женщин... Эх, такого мужа, как я, непросто найти.

Часто она говорила мне: «Я должна пойти туда-то и туда-то, увидеться с тем-то и тем-то, кто тебе не интересен». Но я ей отвечал: «Я пойду с тобой, тем более что мне сейчас нечего делать». Она на это говорила, что, пожалуйста, как хочешь, но скажу заранее, что тебе будет скучно. Но – нет, мне не было скучно, и потом я говорил ей: «Ну, видишь: мне не было скучно». В общем, мы были неразлучны.

Идя по улице, вспоминая всё это и тщетно пытаюсь понять, почему же Агнесса меня оставила, я как-то незаметно для себя пришёл к площади *della Minevra*, где помещался магазин моего отца, торговавшего церковными принадлежностями.

Мой отец – ещё молодой человек: чёрные волосы, чёрные усы и под усами – улыбка, значение которой я никогда не понимал. Может быть, от постоянного общения со священниками он мягок в обращении, спокоен, всегда любезен. Но мама, которая его хорошо знает, говорит, что все нервы у него внутри.

Я прошёл мимо витрин с выставленным в них церковным облачением, дароносицами и прочей церковной утварью, обошёл магазин сзади и вошёл в заднюю комнату, где у отца находилось бюро.

Как обычно, отец сидел за счетами, покусывая усы и что-то обдумывая. Я произнёс запыхающимся голосом: Папа, Агнесса оставила меня.

Он поднял на меня глаза и, как мне показалось, улыбнулся сквозь усы – но может быть, это мне только показалось. Сказал: «Мне жаль, мне очень жаль... и как это случилось?». Я рассказал ему. И добавил: «Конечно, мне тоже очень жаль, но... но больше всего мне хотелось бы знать, почему она меня оставила». Он растерянно, недоумевающе спросил: – А ты не понял? – Нет.

Он помолчал и потом, вздохнув, сказал: Альфредо, мне очень жаль, что так получилось, но я не знаю, что тебе сказать... ты мой сын, я всегда готов тебя поддержать, но... жена... об этом должен думать ты сам.

– Хорошо, но почему она меня оставила?

Он покачал головой: На твоём месте я бы не углублялся... оставь всё, как есть... зачем тебе знать причину?

– Для меня это очень важно, важнее, чем всё остальное...

В этот момент в бюро вошли двое священников; мой отец поднялся им навстречу и вышел с ними в магазин, сказав на ходу: «Приходи попозже, поговорим, сейчас я занят». Я понял, что от него мне ничего другого ждать не приходится, и вышел из бюро.

Дом, где жила мать Агнессы, был недалеко, по направлению к *Vittorio*. Я подумал, что единственный человек, который сможет раскрыть мне загадку ухода Агнессы, это сама Агнесса. И я отправился к ним домой. Поднялся по лестнице, позвонил.

Меня провели в гостиную. Но вместо Агнессы ко мне вышла её мать – женщина, которую я не выносил, торговка, с чёрными крашеными волосами, румяными щеками, улыбающаяся, лицемерная, фальшивая. На ней был украшенный на груди розой домашний халат.

– А, Альфредо! Что случилось, почему ты пришёл? – Голос её так и сочился притворной сердечностью.

Я сказал: Вы очень хорошо знаете, почему, мама. Агнесса оставила меня. Она же: Да, это так... сынок, – её голос был спокоен, – но что тут поделаешь? Такие вещи случаются.

– И как, это всё, что Вы можете мне сказать?

Она посмотрела на меня долгим взглядом и потом спросила: А твоим родителям ты уже рассказал?

– Да, отцу.

– И что он сказал?

Но какое значение имеет то, что мне сказал отец? – Вы же знаете моего отца: он сказал... не надо углублять.

– Он прав, сынок: не надо углублять.

– Но всё же, – тон у меня был уже возбуждённый, – почему она меня оставила? Что я ей сделал? Почему Вы мне не хотите мне сказать, в чём тут дело?

В то время, как я это говорил, взгляд мой упал на стоящий в гостиной покрытый скатертью стол. На скатерти лежала вышитая салфеточка, а в центре её стояла ваза с гвоздиками. Но: салфеточка была не на месте. Механически, не отдавая себе отчёта в том, что я делаю, я поднял вазу и передвинул салфеточку на то место, где она должна была быть.

Мать Агнессы молча и с улыбкой на лице следила за моими движениями. Когда же я водворил салфеточку на должное место, она сказала: Молодец, Альфредо. Сейчас салфеточка точно в середине... мне вот никак не удавалось поместить её правильно, но ты... ты сразу увидел не порядок... А сейчас будет лучше, если ты уйдёшь, сынок.

Она встала, я тоже. Я хотел спросить, могу ли я увидеть Агнессу, но понял, что просьба моя была бы напрасной; к тому же я боялся, что увидев её, я потеряю голову и начну говорить какие-нибудь глупости. Вот так вот я ушёл ни с чем, и с тех пор не видел мою жену ни разу.

Может быть, в один прекрасный день она вернётся, поняв, что такого мужа, как я, в наши дни не встретишь. Но она не войдёт в мой дом, прежде чем объяснит мне, почему она меня оставила.

Мот

Во всём, что не касалось денег, жили мы с женой в полном согласии. У меня был магазин печек, электроплиток и прочих электротоваров в небогатом квартале – во всяком случае, не таком богатом, как Сан Джованни – и заработок мой поэтому не был гарантирован.

Бывали хорошие дни, когда я продавал, например, кухонную печь за сорок тысяч лир, а бывали и такие, когда и лампочку в триста лир продать не удавалось.

Но Валентина понимать этого не хотела. По её мнению, я был просто-напросто скупцом, скупердяем, и скупость моя заключалась в том, что я подсчитывал кассу, записывал приход и расход, и в дни, когда мне не удавалось

ничего заработать, говорил ей, как есть: в приходе сегодня – ничего. Она же на это сразу поднимала крик: «Скупец! Я вышла замуж за скупца!»

– Почему ты говоришь, что я скуп – не проверив, просто так? – спрашивал я. – Почему бы тебе не зайти хоть раз ко мне в магазин? Увидела бы, что мне удаётся продать, что нет. Или зашла бы как-нибудь в банк, где я держу деньги? Посмотрела бы, как выглядит мой счёт, так ли уж много на нём денег?

Она же отвечала на это, что в магазин мой заходить не собирается, она не лавочница и не из семьи лавочника, её отец – как-никак государственный служащий! И в банке ей тоже делать нечего: она в этих делах всё равно ничего не понимает. «И оставь меня в покое!» – говорила она в довершение.

Потом, успокоившись, принималась мне объяснять:

– Понимаешь, Аугусто, ты – скуп. Даже если ты потратишь всё, что имеешь, даже если и в долги влезешь – всё равно останешься скупердяем. Скупой – это не тот, кто не хочет тратить деньги, а тот, кому жалко их тратить.

– Да кто это тебе сказал, что мне жалко тратить?

– Ах, ты всегда делаешь такое лицо, когда тебя просишь о деньгах!

– Какое лицо?

– Лицо скупого.

Я был тогда влюблён в мою жену. Полная, с бело-розовой кожей, цветущая, аппетитная, Валентина была постоянно в моих мыслях. И мне не приходило в голову упрекать её за то, что она проводила целые дни в полном безделье, если не считать курения американских сигарет, чтения бульварных газеток и хождения с подругами в кино. Я любил её, и потому мне казалось, что права всегда она, а виноват – виноват всегда именно я.

Скупость, что тут и говорить, тяжёлый порок, и я, слыша от Валентины постоянно, что я скуп, в конце концов, поверил в это сам.

И вот, вместо того, чтобы сказать ей: «Да прекрати ты, наконец, делать из меня скупого! – и потом, скуп я или нет, один я знаю, сколько мы можем тратить!» – вместо

этого, едва только услышав её: «Гляди, вот он, скупердяй! Поглядите на скупердяя!» – я, терроризированный этими обвинениями, вытаскивал деньги и без дальнейших слов платил. Она же, нащупав мою слабую точку, не оставляла меня в покое со своими требованиями.

– Аугусто, нам нужно купить радио. У всех, кроме нас, уже есть радио!

– Но Валентина, радио... – радио стоит дорого!

– Уф-ф, кончай скупердяйничать! При тех деньгах, которые у тебя в банке, ты хочешь мне сказать, что мы не можем купить радио?

– Ладно, купим радио.

Или вот ещё: «Аугусто, я видела замечательные туфли, дашь мне на них деньги?»

– Но... пару дней тому назад ты ведь уже купила себе туфли?

– Да это же были сандалии! Ну, не начинай опять скряжничать!

– Хорошо, вот тебе деньги.

Одним словом, она нашла безошибочный способ заставлять меня молча, без возражений, платить, и способ этот не подводил её никогда.

Я платил в надежде, что в один прекрасный день она поймёт, что я не скуп, а наоборот, щедр – каким я себе и казался. Но надежда эта оказалась пустой и рассеялась она быстро. На деле, чем больше я тратил, тем большим скупцом был в её глазах.

Может быть, она догадалась, что я трачу, так сказать, вынужденно, только чтобы доказать ей, что я не скуп, чтобы заставить её изменить своё мнение, покончить с этими упорными обвинениями в моей скупости. И она из мелочного упрямства не хотела признать себя побеждённой. Но может быть, это была просто её глупость, возможно, она думала, что я обладаю невесть каким богатством, которое я от неё прячу – как это делают настоящие скупцы, когда, имея сто, плачутся, что не имеют и десяти.

И всё же в одном Валентина была права: да, мне не приносило удовольствия тратить деньги. Не радовался я нашим тратам потому, что знал, сколько у нас есть, и

понимал совершенно точно, что если всё будет идти, как оно идёт сейчас, довольно скоро у нас не останется ничего.

К тому времени, когда я женился, мой магазин находился в хорошем состоянии, на моём банковском счету было что-то около миллиона. Сейчас же, когда всё, что я зарабатывал, тратилось дома, и я, вместо того, чтобы что-то вносить в банк, ещё брал оттуда деньги, счёт мой с каждым месяцем таял. Сперва это были девятьсот тысяч, потом восемьсот, потом семьсот, потом шестьсот. Было совершенно ясно: мы тратим больше, чем я зарабатываю, и если так продолжится дальше, то самое позднее через год на моём счету не останется ничего, и я должен буду его просто закрыть.

Я решил, что когда на счету у меня останется пятьсот тысяч, я остановлюсь – и скажу об этом Валентине.

Должен признаться, что ждал я этого дня со страхом: я понимал, что если мне не удастся остановить поток наших трат, сказать «стоп», я пропал. Между тем время шло, и счёт мой уменьшался и уменьшался. Шестьсот тысяч превратились в пятьсот пятьдесят, потом – в пятьсот двадцать пять.

В то утро, когда я снял со счёта двадцать пять тысяч, я, придя домой, сказал жене: «Смотри, вот двадцать пять купюр по тысяче каждая». Она же на это: Хм, ну и для чего ты мне это показываешь? Хочешь мне подарок сделать, что ли?

– Нет, сделать тебе подарок я не хочу.

– Ну, да, воображаю: ты – и делаешь мне подарок! Это было бы просто восхитительно!

– погоди! Я показал тебе эти деньги, потому что они – последние.

– Не верю.

– Тем не менее, это так.

– Ты что, хочешь сказать, что у тебя в банке больше нет денег?

– Есть. Но это – самый минимум для коммерсанта такого уровня, как я. Меньше иметь мне нельзя; если мы и это потратим, мне ничего другого не останется, как закрыть моё дело.

– Вижу, что деньги у тебя есть. Чего же ради ты меня тогда мучаешь? Оставь меня в покое! И после этого ты ещё хочешь, чтобы тебя не называли скупердяем!

Я поклялся себе оставаться спокойным, но при этом её последнем слове я потерял над собой контроль и, разъярённый, заорал: «Да не скуп я! Просто мы тратим больше, чем я зарабатываю – вот в чём дело! Приди же хоть раз ко мне магазин или в мой банк...»

– Оставь меня в покое с твоим банком и с твоим магазином! Делай, что хочешь. Нравится тебе быть скупердяем – будь им на здоровье, но меня оставь в покое!

– Идиотка!

За всё время нашей женитьбы это был первый раз, когда я её оскорбил.

Видели Вы когда-нибудь, как взрывается пламенем бензин, когда к нему подносят горящую спичку? Вот так Валентина, всегда казавшаяся мне спокойной, чтобы не сказать – апатичной, взорвалась на слово, сорвавшееся у меня с языка.

Она выкрикивала мне в лицо оскорбление за оскорблением, оскорбительные слова сыпались из её рта как горошины из лопнувшего горохового стручка, одно подгоняло другое.

С того дня прошло немало времени, но каждое её слово проворачивалось во мне с тех пор много раз, тем более, что это не были оскорбления, какими обычно раздражаются мужчины: «каналья», «негодяй», «мерзавец», и тому подобное – оскорбления, которые мало кого уж так особенно задевают. Нет, это были оскорбительные слова женщины, утончённые, изошрённые, иглами впивающиеся тебе в душу, такие, при воспоминании о которых тебя пронзает до костей. Оскорбления касались моей семьи, моей профессии, моей внешности, это были даже не отдельные слова, а целые фразы, подобранные с тщательным коварством, фразы, от которых спирает дыхание.

Э-эх, не знал я до этого момента Валентину! И если бы мне не было так горько слышать то, что она сейчас говорила, я бы, наверное, изумился тому, что слышу.

Наконец, она успокоилась, и я, отчасти от пережитого унижения, отчасти утомлённый этой длинной сценой, стал перед ней на колени, и прижавшись головой к её ногам, заплакал как ребёнок. Но, плача и прося у неё прощения, я чувствовал, что во мне что-то переломилось и я не люблю её больше, и это чувство было таким горьким, что я заплакал ещё сильнее.

В конце концов, я перестал плакать, успокоился, дал Валентине пять тысяч лир как подарок и вышел из дома.

У меня оставалось двадцать тысяч, но я не любил больше мою жену и теперь, в пику ей, решил ей доказать, что я не скуп – пусть я и разорюсь при этом. Меня терзали сомнения, я испытывал страх, какой, наверное, испытывает человек, собирающийся окунуться в море. Ты уже вступил в воду, и то, что ты не чувствуешь дна под ногами, что под твоими ногами только вода, внушает тебе страх.

Идя по улице, я дошёл до набережной, до места перед *via Ripetta*².

Светило по-весеннему тёплое, не обжигающее солнце. У входа на мост сидел на корточках нищий, подставив солнцу лицо и положив протянутую за милостыней руку на землю. Глаза его были закрыты, на губах блуждала улыбка. И, видя это лицо, такое спокойное, такое умиротворённое – лицо довольного человека – я спросил себя: «Чего ты боишься? Ведь даже если ты станешь таким, как он, ты всё равно будешь счастливее, чем сейчас». И, сжав в кулаке оставшиеся у меня деньги, я, проходя мимо нищего, бросил ему в шапку тысячу лир. Слепой, он не увидел денег и не поблагодарил меня, но

² Уходящая от площади Пополо к реке улица Рипетта (*via di Ripetta*) — самая малолюдная оконечность Трезубца. Здесь нет блестящих витрин, пафосных отелей и легендарных дворцов — просто дома, рестораны, парфюмерные лавки и ювелирные магазинчики. Когда-то дорога упиралась в торговый порт, но с тех пор как Тибр огородили набережными, порта не существует. Вместо этого Рипетта, миновав старинную больницу Сан-Джакомо и подковообразную Академию художеств (*Accademia delle Belle Arti*, XVI век), благополучно впадает в площадь Императора Августа (*piazza Augusto Imperatore*).

продолжал сидеть как сидел, подставив солнцу лицо и повторяя слова, которые обычно произносят нищие.

За мостом я увидел магазин часов, зашёл туда и, не очень сомневаясь в том, что делаю, купил жене за восемнадцать тысяч лир часы.

У меня оставалась тысяча лир. Я остановил такси и поехал в мой магазин.

Я чувствовал себя сейчас лучше, хотя какой-то страх всё ещё оставался. Но я ободрял себя.

В это утро я отказывал всем покупателям: кому говорил, что то, что они хотели бы купить, уже распродано, кому заламывал несообразно высокую цену, а кому говорил, что: да, товар в наличии, но только как непродажный образец. Я даже позволил себе роскошь грубо обойтись с парой несимпатичных мне покупателей. И всё это время я повторял себе: «Ничего не бойся! Первый шаг – самый трудный, дальше само пойдёт!»

И всё же домой я возвращался в тот день со страхом, думая, а что же будет, если я обнаружу, что всё ещё люблю мою жену? Ведь тогда я буду опять вынужден сражаться за каждый грош и слышать от неё постоянно, что я скуп – в общем, продолжать жить так, как я жил последние два года.

Но придя домой и увидев Валентину, я понял, что не люблю её больше. Она казалась мне сейчас каким-то неодушевлённым предметом, я даже отметил, что нос у неё под слоем пудры лоснится.

– Дорогая, – сказал я, – я принёс тебе небольшой подарок. Ты ведь всегда жаловалась, что у тебя нет наручных часов.

Она подала мне руку и я, прежде чем надеть ей часы, поцеловал ей руку со всей страстью влюблённого мужа. Но, целуя ей руку, я подумал про себя: «Прими этот поцелуй, ещё более лживый, чем поцелуй Иуды!»

В тот день она, надо сказать, была само жеманство и, может быть, испытывала угрызения совести за все обидные слова, которыми так недавно меня осыпала. Но мне уже было всё равно. Моя любовь к жене была разрушена, и здесь нельзя было уже ничего поделать.

Все последующие дни я продолжал придерживаться своего плана. Не проходило и дня, чтобы я не сделал ей какой-нибудь подарок; в магазине я отказывался даже говорить с покупателями, коротко объявляя каждому: «Ничего не продаю!»

Мой счёт в банке уменьшался с каждым днём. Пятьсот тысяч лир – не очень большая сумма, и меньше чем за два месяца от неё не осталось почти ничего.

Валентина, ни о чём не подозревая, продолжала жить как жила – читать бульварные газетки, курить американские сигареты, ходить с подругами в кино.

Иногда она, принимая очередной подарок, формы ради говорила: «Ну, видишь теперь, я-то была права, когда ты меня убеждал, что не имеешь денег и беден, и тут, мол, уж ничего не поделаешь – сейчас же ты тратишь больше, чем когда-либо – нет, не скажу, чтобы ты сделался таким уж щедрым, но во всяком случае, уж менее скупым – и гляди, находишь ведь деньги!» Я не отвечал ей на это ничего, но про себя думал: «Погоди, рано трубишь победу!»

Наконец, я снял со счёта последние пять тысяч лир и купил почти на все эти деньги столько пачек американских сигарет, что у меня осталось не более трёхсот лир.

Было раннее утро и я, вместо того, чтобы отправиться в мой магазин, зашёл в спальню и разлёгся, как был, в одежде, на неубранную постель, не сняв даже туфли.

Валентина спала. В полусне, повернувшись ко мне, она спросила: «Ты не идёшь в магазин? Сегодня воскресенье?» – и снова заснула. Я курил сигарету за сигаретой и ждал, когда она проснётся.

Она спала ещё час и, проснувшись, сразу спросила: Что, сегодня какой-то праздник?

– Да, праздник.

Она встала и начала медленно одеваться. Одеваясь, она всё время повторяла: «Что за праздник сегодня?» – как будто предчувствуя, что никакого праздника сегодня нет.

Я ждал момента, когда она потребует денег на покупку провизии: при всем её лентяйстве, покупала продукты она и потом, с помощью Лючии, приходящей прислуги, готовила.

Она пошла в ванную, потом оделась уже полностью, вышла на кухню, поговорила с Лючией и сварила кофе. Я встал с постели и тоже вышел на кухню. Кофе мы пили в почти полном молчании; единственные её слова были: «Что за праздник сегодня? Лючия говорит, что никакого праздника сегодня нет и все магазины открыты». Я ответил ей просто: «Сегодня мой праздник», пошёл в спальню и, как и прежде, в одежде и туфлях улёгся на неубранную постель, прямо на простыню.

Валентина оставалась какое-то время на кухне поговорить со служанкой, а также показать мне, что не принимает меня всерьёз.

Наконец она появилась на пороге спальни и, уперев руки в бока, сказала:

– Если тебе не хочется работать, я не вмешиваюсь, хочешь, оставаться в постели – оставайся, но если желаешь что-то кушать, должен дать мне денег на покупку еды.

Пустив дым в потолок, я ответил: – Деньги? Их у меня нет.

– Как это нет?

– Вот так. Нет.

– Послушай, что за странные причуды? Что тебя в голову ударило? Не дашь мне денег – я не куплю провизию, не куплю провизию – нам нечего будет есть.

– И действительно, есть нам не придётся.

– Уфф, кончай с этим! Положи деньги на комод, у меня нет времени. – И с этими словами она вышла.

Я продолжал курить, и когда она вернулась, сказал ей, выждав несколько минут:

– Валентина, говорю тебе серьёзно, у меня осталось на всё про всё триста лир, больше у меня ничего нет.

– У тебя же есть счёт в банке! Что за скудость тебя сейчас одолела?

– Я не скуп. У меня просто больше ничего нет. Вот, погляди.

Я вытащил банковскую книжку и показал ей.

На этот раз она не сказала, что это её не касается или, чтобы я оставил её в покое. Она поняла, что я сказал ей правду; на её лице отразился ужас. Она ещё раз посмотрела

на банковскую книжку и, не переводя дыхания, уронила её на кресло.

Я сказал: – Ты постоянно твердила, что я скуп, и чем больше я тратил, тем большим скупердяем в твоих глазах я был. И вот я полностью разорён, я потратил всё, что у меня было. У меня нет больше желания что-то продавать в моём магазине. Это – конец. У меня нет ничего, и нам нечего есть... но, во всяком случае, ты больше не сможешь называть меня скупердяем.

Она вдруг заплакала – может быть, более всего потому, что почувствовала: я не люблю её больше. Потом, выплакавшись, сказала:

– Ты никогда меня не любил, и вот сейчас, благодаря тебе, мне нечего есть.

– Вынужденно. У меня нет денег.

– Я тебя оставляю. Ухожу к маме.

– Прощай.

Она вышла в другую комнату – и ушла из моей жизни навсегда; с этого утра я её никогда больше не видел.

Я полежал ещё немного, потом встал, оделся и вышел из дома.

Был солнечный день. Я купил булочку и вышел к набережной. Глядя на бегущие волны Тибра, я вдруг почувствовал себя счастливым и подумал, что эти два года моего супружества были ничем другим как приключением без последствий, и что когда я состарюсь, они будут вспоминаться мне не как два года, а как два дня.

Я медленно съел булочку и запил водой из колонки. Спустя некоторое время я пошёл к моему брату и попросил его приютить меня, пока я найду работу. В ту же неделю я нашёл место электрика.

Валентину я, как уже сказал, не видел больше никогда. Но знаете, что она всем говорила? – что я транжира и мот и что я только и делал, что сорил деньгами, а она ничего не могла с этим поделать и потому меня оставила.

Леонид Смиловицкий

Израильский «десант» в Москве

*Знание жизни собирается по крупинке,
И ни одна из них не бывает лишней.*
Георгия Гулия, «Сказание об Омаре Хайяме»

Возможность оказаться в Москве открылась неожиданно. Российский фонд «Историческая память» <http://www.historyfoundation.ru> задумал провести международную конференцию, посвященную итогам второй мировой войны. 65 лет со дня победы над нацистской Германией заставили по-новому взглянуть на многие старые истины, которые казались незыблемыми. Как сказал на открытии конференции председатель Фонда Александр Дюков, прошло время и аксиомы стали теоремами, которые приходится снова доказывать.

На конференцию приглашены ученые из 11 стран – России, Белоруссии, Украины, Германии, США, Англии, Франции, Финляндии, Норвегии, Латвии и Израиля. Заседание секции «Холокост в системе нацистской истребительной политики на Востоке» запланировали в синагоге на Поклонной горе, где открыт музей памяти жертв Катастрофы и героев еврейского сопротивления.

Полет

Рейс мы выбрали сами, а компанию ТРАНСАЭРО – наши организаторы, которые оплатили билеты и такси в аэропорту Москвы. Удобно, никакой волокиты. Билеты мы получили по электронной почте. Упаковали чемоданы и в назначенный день отправились в аэропорт им. Бен-Гуриона

в Лодзе. Успели еще в *Duty free* купить необходимые мелочи и тут объявили посадку.

Слева направо: Арон Шнеер, Анатолий Кардаш и Леонид Смиловицкий

Нас трое из Израиля – мои коллеги и друзья д-р Анатолий Кардаш и Арон Шнеер. Мы знакомы не первый год, вместе страдаем одной «болезнью» – пытаемся реконструировать прошлое советских евреев в годы Холокоста. Арон занят такой малоизученной темой, как судьба советских военнопленных. Анатолий – идеология, философия и политика нацизма в отношении евреев. Мои сюжеты, как правило, связаны с трагедией евреев в Белоруссии в годы войны.

Полету в Москву предшествуют несколько беспрецедентных событий, потрясших сначала России, а потом и весь мир. Взрывы в Московском метро 29 марта (38 погибших и 70 раненых), гибель президента Польши Леха Качиньского в небе над Смоленском 10 апреля и извержение вулкана в Исландии, парализовавшего всю систему авиаперевозок в Европе с 15 по 23 апреля. Отменено 60 тыс. рейсов, причинен ущерб свыше 2 млрд. долл. Несовпадение графика нашей конференции позволило счастливо избежать эти несчастья.

Удобно устроились в креслах и пристегнули ремни. Командир корабля объявил взлет и сообщил, что через три с половиной часа мы будем в Москве. Двигатели заработали и... смолкли. 20 минут, самолет ни с места. В чем дело? Неужели отсрочка. Такое было со мной, когда летел в Вену. Моторы потарахтели и затихли, а пассажиров попросили вернуться в зал ожидания – потеряли 5 часов (!), пока устраняли неполадку.

На этот раз все обошлось, капитан сообщил, что мы ожидаем очереди на взлетную полосу. Самолет полон возвращающихся паломников. На лицах еще можно прочесть следы потрясения от посещения Святой земли. Когда заработали двигатели и самолет начал разбег, чтобы взлететь, некоторые начали истово креститься.

Наконец, мы в воздухе, можно расслабиться. Нежный воркующий женский голос в эфире без нажима и угрожающих ноток просит:

На борту самолета не курить, туалетные комнаты оборудованы детекторами обнаружения дыма.

Пассажиры несут материальную ответственность за порчу имущества.

Авиакомпания оставляет за собой свободу действий для обеспечения безопасности полета пассажиров и экипажа.

Принимаю все, как должное. Однако когда иду в туалет, вижу надпись: «Окурки в урну с бумагой не бросать!»

Раздают свежие газеты: «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Коммерсант» и даже «Правда». Но, отвыкнув за столько лет в Израиле от проблем России, читать их не хочется, как и вникать в российскую аргументацию мировых проблем. Слишком уж откровенно она ангажирована.

Мимо проворно снуют молоденькие стюарды и стюардессы. Движения ловкие и наработанные. Что нужно, чтобы стать проводником? Слышу в ответ: «Здоровье и голова. Учиться полгода». Конечно, они могли бы многое добавить при желании. Лица серьезные, спрашивал же израильтянин.

Домодедово

Приземлились по расписанию. Выходим и ищем глазами, кто встречает? Обращаю внимание на форму охранников: черная, фуражки ромбиком как у американской полиции, необычная кокарда. Когда это милиция успела форму поменять? В Москву последний раз я приезжал в 1998 г., как раз перед дефолтом. Три недели сидел в Российском государственном архиве, разбирая только что рассекреченный фонд документов Еврейского Антифашистского Комитета в СССР, распущенного после убийства Михоэлса (1948 г).

Нет, оказалось, что это не милиция. Просто теперь каждая крупная охранная компания завела себе собственную форму.

Нас не встретили ... По ошибке таксиста направили в аэропорт Шереметьево. Что делать, двигаться своим ходом? Фотографирую надпись на большом красном щите по-русски и по-английски: «Остерегайтесь услуг частных таксистов! Возможен обман при оплате проезда. Нет гарантии безопасности!»

Ждать пока наш таксист вернется из Шереметьева бессмысленно. Но все скоро разрешилось. Старый заказ отменили, сделали новый и вот мы уже едем по дороге в гостиницу по Каширскому шоссе. В глаза бросаются рекламные надписи. Сначала я сдерживаюсь, но потом открываю тетрадь и пишу:

- Фабрика мебели «Восьмое Марта»,
- Совхоз имени Ленина,
- Проспект Андропова,
- Улица академика Мильонщикова,
- Автоламбард. Выкуп автомобилей по рыночным ценам,
- Употребление пива вредит вашему здоровью!
- Ресторан «Съешь Америку (в меню кальмары «Калифорния»),
- Кафе «Блин», «Нейтральная территория», «Хмурое утро»,
- Бар «Вредные привычки»,
- Салон красоты и путешествий,

- Гипермаркет «Здоровье» (ваше здоровье – наша забота),
 - Нереальные скидки,
 - Вложу в дело свою широкоформатную душу,
 - Собираешь марки – инвестируешь в интеллект,
 - Уходя из дома, запирай двери и окна – осторожный всегда в выигрыше!
 - Ваш Парижских дел мастер.
- И так далее...

От Домодедова в Москву можно добираться на электричке. Конечная остановка – метро «Павелецкое». Это удовольствие стоит 300 руб. или 10 долл., и займет всего 40 минут.

Гостиница

Всех поселили в “President Hotel”, построенном в 1985 г. для президентской администрации. Еще в Иерусалиме я открыл сайт гостиницы в Интернете <http://www.president-hotel.ru/index> Категория – пять звездочек, но если хотите в сауну или бассейн, то за это отдельная плата.

гостиница “President Hotel”

Территория отеля, 15 этажей, обнесена высоким металлическим забором и глухими воротами. Проходная, как на военном заводе + рамка миноискатель. Охрана в

особой униформе. Попасть внутрь может только постоялец, а для гостя заказывают пропуск. Это правило распространяется и на такси, которое не пустят к подъезду, пока не выяснят, заказан ли номер.

В холле – лестница как в Зимнем дворце. Не хочешь по ступенькам, с двух сторон – эскалаторы. И все в позолоте – это, чтобы сразу наповал! Глубокие кожаные кресла, развалившись в которых, удобно вести беседу. Бесшумные скоростные лифты с зеркалами и инкрустацией.

Ресторан – завтрак с 7.00 до 11.00. А обед? Следующая фраза в расписании сразила – с 13.00 до последнего посетителя...

Мой номер

Просторная комната, метров 12, высокие потолки, коридорчик. Сейф, холодильник, мини-бар, письменный стол, телефон, ТВ, выход в Интернет. Все в идеальном состоянии. Звукоизоляцию можно поставить в пример большинству гостиниц в Израиле. Паркетный пол, махровый халат и тапочки с монограммой “President Hotel”, набор шампуней и пены для ванны, даже швейный набор с пуговичкой.

Вид из окна

А какой вид из окна! Прямо напротив – гигантская фигура Петра I, спорное творение Зураба Церетели. Его открыли в 1997 г. к 300-летию российского флота, на искусственном острове у слияния Москва-реки и Обводного канала (98 метров, бронза, нержавеющей сталь, медь,

позолота). Сначала это была статуя Колумба, которую скульптор не смог продать США, Испании и странам Латинской Америки в к 500-летию открытия Американского континента, тогда Колумб стал... царем Петром.

Дальше из окна хорошо просматривался Храм Христа Спасителя – визитная карточка современной столицы России и голубые небоскребы бизнес-центра «Москва-Сити».

Вид из окна

Что с водой?

Вопрос воды меня, как израильтянина, всегда волнует. С бутылочкой я не расстаюсь, куда бы ни шел. Без чая себя не представляю. Что ожидает в гостинице? Будет ли в номере чайник, как тогда на конференции в Вашингтоне. Или, на худой конец, мини-бар в холле гостинице, которым можно воспользоваться 24 часа в сутки, как в Париже?

Чайника в номере не оказалось, но еще больше поразило, что в гостинице нет *кулера* – фонтанчика питьевой воды. Как утолять жажду? За стойкой регистрации направили в бар. В баре успокоили, что воду, как и чай, заказывают в номер. Цена услуги – восемь долларов. Для сравнения бутерброд с лососем у них стоил – шесть. А, если заказать чай на месте? Все равно – восемь.

Знакомство с Москвой

Мне повезло. Анатолий Кардаш – бывший москвич, прожил здесь до 1991 г., знает, любит, понимает Москву, как

никто из моих знакомых. После конференции мы гуляем по улочкам, и я слышу рассказы из городской жизни и ее знаменитостей.

Большая и Малая Никитские, Новинский бульвар, Садовое кольцо, Зубовская площадь, Лаврушинский переулок, Кадшевская набережная, Старомонетный переулок. Патриаршие пруды, которые прославил Михаил Булгаков в бессмертном романе «Мастер и Маргарита», Волхонка (музей Пушкина).

Наркомац

Международный центр Рерихов в Малом Знаменском переулке, куда Святослав Рерих (1989 г.) передал из Индии творческое наследие своих родителей Николая и Елены. Картины, книги из их личной библиотеки, дневники, рукописи, коллекции бронзы, предметов скифской культуры, фотографии и документы, связанные с научной, художественной и общественной деятельностью Рерихов. Центр-Музей располагается в старинной усадьбе Лопухиных, памятнике архитектуры XVII-XIX вв.

Воздвиженка (Б-ка им. Ленина), а рядом – знаменитая Кремлевская больница или «Кремлевка», где лечились, а потом умирали один за другим генеральные секретари ЦК КПСС – Брежнев (1982), Андропов (1984), Черненко (1985).

Некогда сверхсекретный объект сегодня находится в Управлении Делами Президента РФ. Теперь тут оказывают услуги на коммерческой основе для всех желающих. Именно здесь в декабре 1949 г. Мао Цзэдун много часов ждал аудиенцию у Сталина, чтобы заручиться ядерной поддержкой СССР. Молотов, Ворошилов, Будённый Жуков, Ким Ир Сен и десятки других знаменитых имен XX века прошли через коридоры Кремлевской больницы.

Тверской и Суворовский бульвары, Дом-музей Шаляпина (Новинский бульвар), Дом Ростовых на Поварской, описанный Львом Толстым в романе «Война и мир». Центральный дом литераторов (ЦДЛ) и ресторан при нем, где завсегдатаями были многие советские знаменитости. Особняк Берия в глубине двора со стороны Малой Никитской выходил на Вспольный переулок. Глухой забор отделял его от других улиц. Особняк построили его еще 1884 г. для Московского городского головы (мэра), а потом он переходил от одного хозяина к другому. Берия поселился в 1938 г., а сегодня здесь – посольство Туниса.

Здесь все история, сюжеты которой тесно переплетаются между собой. Приведу только одну, услышанную от Анатолия. В 1970 годы он работал в Трубниковском переулке в доме, принадлежавший князю Льву Сергеевичу Голицыну с винным подвалом (бочки сохранились). Голицын был основоположником русского виноделия в Крыму, именно он основал промышленное производство шампанских вин в России, собрал единственную в мире коллекцию вин XVII-XX вв.

В 1922 г. в этом доме разместился Народный Комиссариат национальностей, в котором заправлял Сталин. Анатолий сидел за столом с вензелем Николая II, а в ящике стола – обнаружил книжечки в виде цитатника с докладом Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» на зловещем февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). Этот документ послужил программой сталинского террора, прокатившегося по всей стране.

После войны в доме на Трубниковском переулке находился московский филиал Института винограда и вина «Магарач», подчиненный Мосгосагропрому, председателем которого в 1980 г. был Юрий Лужков, нынешний бессменный с 1992 г. мэр Москвы.

На этой же улице – первое представительство Организации Освобождения Палестины в Москве, открытое в 1974 г. В начале восьмидесятых его преобразовали в дипломатическую миссию ООП, а с января 1990 г. – в Посольство Государства Палестина в СССР.

На Арбате

Ноги сюда сами несли. В перестроечные времена – это была главная аттракция для приезжих и особенно из-за границы. Продавали всё, что могло заинтриговать. Сейчас все иначе. Пешеходную часть освободили от столпотворения прилавков. Сувениры разложили по полочкам магазинов, витрины которых не могут конкурировать с товарами, которые россыпью лежат перед носом у прохожих. Поднялись и цены – нужно платить за аренду. Ряженые бабы в псевдонародных одеждах, размалеванные и с опухшими, обветренными лицами заывают в такие лавочки. Взглянешь на них, и желание пропадает.

На Арбате

Больше всего запомнились уличные художники, и старушки, которые просили милостыню для приюта брошенных домашних животных. Немного в стороне –

группа молодежи, которая самозабвенно веселилась, наигрывая на гитаре и бубне. Два раза предлагали сделать татуировку, или посетить кафе «Суши Япоши». Еще я обратил внимание на малопонятную вывеску: «Свежая косметика ручной работы», развалы книг, ресторан «Генацвале на Арбате», кафе «Синий троллейбус» и бронзовый памятник Булату Окуджаве.

На Арбате

Реклама – двигатель прогресса

Гуляя по городу, я не переставал удивляться чудачествам новорусской рекламы и выдумкам москвичей. Иногда встречались явные несуразицы: «Семья – лучшее произведение природы» (в метро), или «Книги вузовских издательств. Ассортиментный кабинет».

Иногда не совсем понимаешь, чтобы это значило: «Международное общество писательских союзов. Исполком».

Наиболее оригинальными, на мой взгляд, оказалась отполированная под золото латунная доска: «В этом здании в 2000 г. находился предвыборный штаб президента России В.В. Путина», и огромный рекламный щит «Все любят курочек. Куриные недели в трактире «Елки-палки».

Больше всего понравилось: «Уважаем только двух конкурентов – скорость света и скорость звука!» Или название мороженого «Русский холод».

В Центральном музее истории Великой Отечественной войны – сразила надпись: «Полиция-милиция».

В одном из переходов метро я прочитал самодельный плакатик: «Мелодии на пиле. Имеются записи на дисках. Провожу мастер-класс. Запись на индивидуальные занятия по телефону...»

Центральный музей истории Великой Отечественной войны

Ах, переулки, переулочки

Обращаю внимание невольно. Ну, где еще можно встретить переулки «Бабьегородский», «Старомонетный», «Кривоколенный», «Медвежий», «Лебяжий», «Старогородский» или улицу «Ленивка»? У каждого своя история. Например, «Ножовый», «Скатертный», «Столовый», «Хлебный», «Колымажный» переулки получили как часть бывшей Кормовой слободы царских поваров в XVII в.

Ордынский переулок (Большой и Малый) происходит от Большой Ордынской улицы. Полагают, что здесь была Ордынская слобода, где жили выходцы из Орды. Согласно легенде, приведенной Н.М. Карамзиным, Ордынское подворье было выведено сюда из Кремля в царствование Ивана III. Лебяжий переулок связан с Лебяжьим прудом XVIII века на реке Неглинной. Название Бабьегородский переулок (Первый и Второй) дано по урочищу Бабий городок.

Хвостов переулок находится на земле, которой в XIV веке владел московский боярин Алексей Хвост-Босоволков, от которого пошли наследники Хвостовы.

Попасть в московский дворик в районе Садового кольца теперь редкость. Все дворики закупорены воротами и

решетками с калиткой, на которой предупреждение: «Машины не парковать! Выезд 24 часа».

Дворики-колодцы тоже поделили, в домах – новая московская «знать» и местные знаменитости. Закрытый двор – это гараж под открытым небом и дополнительное препятствие для квартирных воров. И только в одном месте я прочитал надпись еще с зимы: «Машины не ставить, ежедневно с крыши ведется сброс снега и льда». Не исключено, что это тоже уловка, чтобы чужие не парковались.

Метро

Без метро Москве не жить. Многомиллионные пассажирские потоки под землей – неотъемлемая составная часть жизни гигантского мегаполиса уже 75 лет. Общая протяженность путей – 300 км. На 12 линиях расположено 180 станций. За год Московский метрополитен перевозит более 2,5 млрд. пассажиров(!).

Раньше вход в метро стоил пятак, удобно и выгодно. Потом придумали жетоны, а теперь – бумажный билетик, но без ограничения времени. Катайся сколько душе

удобно, пока на поверхность не выберешься. Не то, что в Париже или в Вашингтоне, где плата определяется количеством остановок.

Красота станций поблекла, нет прежнего шика. Новые станции предельно функциональные, без излишеств. Сел – доехал – вышел – свободен. «Парк Победы» – самая глубокая станция – 80 метров. Эскалатор вниз-вверх отнимает минуты три. За это время и газету можно открыть. Особая мода – целоваться на эскалаторе, как когда-то на светофоре. Причем теперь целуются не только разнополюсные пары..., сам был свидетелем.

В метро много милиции. Это бросается в глаза. Взрывы в марте 2010 г. на станциях «Лубянка» и «Парк культуры», унесшие десятки жизней, держат столичную милицию в напряжении. Стоило мне присесть на корточки в центре зала, чтобы сменить блок батареек в своем фотоаппарате, как тут же подошла женщина-милиционер и поинтересовалась, все ли в порядке?

Третьяковская галерея

Это волшебство, когда перед тобой оживают картины, хорошо знакомые по многим репродукциям, начиная от школьного учебника и кончая филателией. Иду по залам и не верю глазам – вот они настоящие шедевры. Верещагин, Левицкий, Левитан, Репин, Рерих, Кустодиев, Шишкин, да разве всех перечислишь?

Многие полотна уже под стеклом, спрашиваю зачем? Защита от маньяков, которые могут выплеснуть на них свою неуравновешенную реакцию? Оказывается, главная причина – уберечь от температурных перепадов, краска на холстах покрылась паутиной трещинок. Однако и мою бутылочку воды потребовали спрятать в сумку.

Фотографировать категорически запрещено. Сразу вспомнил, а в Версале – можно, там запрет распространяется только на несколько залов. Галерея в Лаврушинском переулке, основанная в 1856 г. купцом Павлом Третьяковым, имеет одну из самых крупных в мире коллекций русского изобразительного искусства. В 1892 г. Третьяков завещал ее Москве. В 1918 г. картины

национализировали и объявили государственной собственностью. Летом 1941 г. эшелон из 17 вагонов доставил коллекцию в Новосибирск, где она находилась до окончания войны.

Перехожу из зала в зал и чувствую, как наполняюсь историей, обличенной в красоту зрительных образов.

Конференция

Пленарное заседание и первые два дня проходили в здании Музея истории Великой Отечественной войны на Поклонной горе, а третий – в мемориальной синагоге, где развернут мемориал «Памяти евреев – жертв Холокоста».

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – главный объект парка Победы на Поклонной горе.

На входе магнитная рампа. Девушки в милицейской форме одеты в бронежилеты. По нам проводят палочкой-металлоискателем. Так заведено теперь во многих местах, включая четыре аэропорта (Домодедово, Шереметьево, Внуково, Быково), железнодорожные и автовокзалы. Само собой разумеется, и при входе в Кремль, Госдуму, Дворец съездов, Государственный банк, все главные присутственные места.

Послушно вынимаем из карманов ключи, мобильные телефоны, открываем сумки и предъявляем портативные компьютеры. Ах, какая знакомая процедура. Рука террора дотянулась и до Москвы. Никогда раньше такого не было. И кто? Те же исламские фундаменталисты. Только в Израиле это ХАМАС, а в России – «чеченцы». В Москве ХАМАС – легитимный «партнер по переговорам» в Ближневосточном урегулировании. Грустно. Оставляю без комментариев...

В Музее три основных зала – «Полководцев», «Славы», «Памяти и скорби», а также экспозиция «Путь к Победе», отдел «Книга Памяти», выставка военной техники, залы проведения мероприятий и диорамы. Огромное пустое здание, явно незаполненные залы. Редкие одиночные посетители, немногочисленные экскурсии, скучающие зрители. Самые красочные это диорамы. Их шесть: «Контрнаступление под Москвой», «Битва под

Сталинградом», «Курская битва», «Форсирование Днепра», «Штурм Берлина». На человека неискушенного в истории это производит нужное впечатление – мощь советского оружия, враг повержен и бежит, победа торжествует! Ни одного подбитого советского танка, убитого красноармейца, сбитого самолета, вместо них – сожженная немецкая техника и трупы вражеских солдат.

Возраст участников конференции порадовал, 30 лет +, значит, будет преемственность. Не одним ветеранам важны уроки войны. «Большое видится на расстоянии», как сказал поэт. Чем дальше мы удаляемся от военной поры, тем объективнее выводы и оценки.

Участники из-за рубежа, даже не владея практикой русского языка, читают по-русски, работают в архивах с документами на языке оригинала. Синхронный перевод на английский, французский, немецкий и русский языки обеспечивал общее взаимопонимание.

Не буду перечислять тематику выступлений. Она охватывала ведущие аспекты советско-германского противостояния. Сделать доклад – только часть задачи (в перспективе публикация его полной версии). За 15-20 минут не дать полного представления об исследовании. Ответы на вопросы, участие в дискуссии – вот настоящий экзамен для участников. Знакомство с коллегами, обмен мнениями в кулуарах – это своеобразная подводная часть «айсберга».

Российская наука зависима от государства, как и в любой другой стране. Вопрос только, в какой степени? Мой дедушка любил повторять пословицу на идиш – *на чьём возике сидишь, того песенку и пой*. Поэтому наиболее зависимые авторы не афишируют своих спонсоров.

Больше всего на конференции досталось украинским и прибалтийским коллаборационистам. И это правильно, масштабы геноцида никогда не приняли таких размеров, если бы не добровольные пособники из местного населения. Сначала они помогали оккупантам, а потом представили это как борьбу с советским господством. Участников конференции познакомили с последними изданиями фонда «Историческая память» и Российского фонда «Холокост», с которые можно найти и скопировать в формате PDF

<http://www.historyfoundation.ru/ru/publication.php?page=1>

«Уничтожить как можно больше...» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942-1944 гг. Сборник документов. Москва 2009 г.

А.Р. Дюков, *Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса»*, Москва 2009 г.

Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект. Материалы международной научной конференции, Псков 10-11 декабря 2009 г., Москва 2010 г.

Повседневность террора: Деятельность националистических формирований в западных регионах СССР. Кн. 1. Западная Украина, февраль-июнь 1945 г. Москва 2009 г.

А.Р. Дюков, *Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике*. Москва 2009 г.

Общая трагедия. Блокада. Холокост. Москва 2009 г.

Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста. Материалы 5-й международной конференции, Калининград 16-18 ноября 2008 г. Москва 2010 г.

Трудно выделить какие доклады были наиболее содержательными, интересными и продуманными, западных или постсоветских историков? Язык исследований во многом играл определяющую роль. Немцы предпочитают изучать немецкие архивы и англоязычную литературу, «русские» – наоборот. Чужой язык – объективное препятствие, но не он определяет уровень исследования. Западные историки больше ездят, больше общаются, больше видят. Они чувствуют себя свободнее в рассуждениях и предположениях по избранной теме. Наконец, у них больше финансирование. Ученые из СНГ и стран Балтии очень часто способны проводить работу только при помощи иностранных фондов. В конце 1990 годов многие НИИ Украины и России даже не выплачивали зарплату ученым, при этом никого не увольняли и люди работали бесплатно. На израильтян финансирование из Европы и США часто не

распространяется под предлогом, что Израиль – это демократическая страна, где само государство поддерживает науку.

Что привезли из Сорбонны?

Исследовательский проект «Новые фотоисточники о войне на Восточном фронте и оккупации СССР (1941-1944 гг.)» представил Георгий Шепелев из Парижского университета. В Германии перед войной у населения на руках было 7 млн. любительских фотоаппаратов и многие из военнослужащих взяли их с собой на фронт. Цель проекта поиск, исследование и публикация таких фотоматериалов. География снимков – Западная и Центральная Россия, Белоруссия, Украина, Северный Кавказ, Прибалтика, Молдавия... Уже собрано и идентифицировано свыше четырех тысяч снимков, сделанных в трехстах населенных пунктах. Они отражают многие сюжеты, которые отсутствуют в советской военной фотолетописи (поражения начального периода войны, судьба военнопленных, карательные акции против партизан, Холокост). Это позволяет реконструировать события на микроуровне, идентифицировать участников, как жертв, так и военных преступников. Собранный материал вводится в базу данных, которая будет доступна через Интернет. Копии снимков передаются в местные музеи и архивы.

Откуда иврит?

В кулуарах между заседаниями я услышал несколько фраз на иврите. Это озадачило, значит, кроме нас троих в Москву пригласили еще кого-то? Таль Брютман представлял Парижский мемориал по изучению истории Холокоста. Его доклад «Нацистская истребительная война в Западной и Восточной Европе: сравнительный анализ» обратил на себя внимание доказательной базой и выводами. Мы разговорились. Таль не знает русского, я – французского, но зато есть иврит! Новый знакомый рассказал, что он родился в Израиле и до 6 лет жил в Хайфе, а потом родители вернулись в Париж. С кем во Франции говорит на иврите?

Ни с кем, только в семье. Так язык у Таля сохранился, хотя он уже не читает и не пишет, как это знакомо со вторым поколением эмигрантов из России/СНГ.

В синагоге на Поклонной горе

Секция «Холокост в системе нацистской истребительной политики на Востоке» проходила в синагоге на Поклонной горе. Мемориальная синагога – это часть общего историко-архитектурного комплекса, посвященного победе советского оружия над Нацистской Германией. В 1998 г. ее строительство финансировал Российский Еврейский Конгресс. Здесь же и единственный в России музей еврейского наследия и Холокоста. В 2009 г. сюда пришли 10 тыс. чел. из 21 страны мира. Музей и синагога существуют на благотворительные пожертвования. Их содержание и обслуживание составляет 40 тыс. руб. в день.

В синагоге на Поклонной горе

Темами обсуждения стали: место Холокоста в нацистской истребительной политике; соотношение общего и особенного, механизм осуществления массовых убийств евреев и участие в этом националистических формирований.

Вел заседание профессор Илья Альтман, заместитель председателя Российского научно-просветительного фонда «Холокост», автор монографии «Жертвы ненависти. Анатомия Холокоста» (Москва 2002 г.), впервые на русском языке обобщившей масштабы еврейской трагедии в годы войны на территории СССР. Перечислю только темы сделанных сообщений:

Анатолий Кардаш (Израиль) – «Катастрофа евреев глазами неевреев».

Аарон Шнеер (Израиль) – «Холокост и геноцид: допустимость сравнения».

Антон Вейс-Вендт (Норвегия) – «Убийство без ненависти: объяснение эстонского коллаборационизма в Холокосте».

Анна Антик (США) – «Полицейские формирования в период оккупации: сербская государственная гвардия и добровольческий корпус в Холокосте».

Анна Абакунова (Украина) – «Спасение евреев на оккупированных территориях Украины, России и Белоруссии: историографический аспект».

Леонид Смиловицкий (Израиль) – «Еврейские беженцы и эвакуация: нераскрытая страница Холокоста».

Кристофер Захрофф (США) – «Трагедия Бабьего Яра в восприятии современников».

Уровень докладов отличался, это и понятно. Наряду с мэтрами выступали новички, которые только делают первые шаги в науке. Было, у кого поучиться.

Доктор Анатолий Кардаш (Аб Мише) познакомил с проектом Вашингтонского музея Холокоста по сбору свидетельств очевидцев из неевреев о событиях второй мировой войны. Проект существует уже несколько лет, начав свой путь на Украине и переместившись затем в Россию и Белоруссию. Часто можно услышать, что евреи – это не свидетели, они заинтересованная сторона. Но когда о Холокосте рассказывают неевреи – впечатление неизгладимое. Поэтому сбор сведений бескорыстных и незаинтересованных людей имеет особую ценность. Проект ведет видео- о аудиозапись не только о евреях, но и всех пострадавших от государственного террора. Существует

только ограничение по возрасту – свидетели не должны быть младше 10 лет.

Доктор Арон Шнеер обратил внимание на несопоставимость понятий «геноцид» и «тотальная война на уничтожение». План поголовного уничтожения существовал у нацистов *только* в отношении евреев и цыган. Один конец ожидал и евреев, сотрудничавших с немецкими властями, и выкрестов. Для нацистов христианство было «жидовским» обманом. В сознание покоренных народов сознательно внедрялся антисемитизм, даже когда все гетто были уничтожены. Д-р Шнеер подчеркнул, что правомерно говорить не об уникальности, а о беспрецедентности Катастрофы евреев в Восточной Европе во время Второй мировой войны. Массовые убийства отличались по своим целям. Турки (1915 г.) никогда не ставили своей целью уничтожить армянский народ – массовые убийства, изгнание, ассимиляция – но не поголовное уничтожение армян. Голодомор на Украине (1931-1933 гг.) также неправомерно сравнивать с Холокостом... С евреями – наоборот, они были *все* обречены...

Страшные цифры привел профессор Алексей Литвин из Минска:

В Белоруссии в карательных операциях против партизан (1941-1944 гг.) участвовало от 150 до 200 тыс. немецких военнослужащих, не считая полицейских формирований из местного населения и других народов СССР. Им противостояли 373 тыс. партизан в суммарном исчислении (не более 150 тыс. в январе 1944 г.). Из Белоруссии в Германию на принудительные работы было вывезено 400 тыс. чел. Всего в годы войны на территории республики было уничтожено 5 295 населенных пунктов и 628 из них вместе с жителями. 186 оказались не восстановлены после войны. 4 342 населенных пунктов нацисты уничтожили вместе с жителями частично, и из них 325 – не восстановлены...

Профессор Литвин подчеркнул, что практику карательных операций нацисты отрабатывали на евреях уже в самом начале войны. «Обезлюживание» в Белоруссии в июле-августе 1941 г. (операция «Припятские болота»)

привела к уничтожению 34 населенных пункта. В августе-сентябре 1941 г. было убито 14 тыс. мирных жителей и еще 10 тыс. чел в сентябре-октябре 1941 г. только в Минской области.

Я в своем докладе обратил внимание на соотношение понятий «беженцы» и «эвакуированные» в годы советско-германской войны. Какова вина государства в потерях среди мирных жителей в результате допущенных просчетов? Национальный состав эвакуированных людей и взаимоотношения между ними. Судьба еврейских беженцев, разоблачение мифа о том, что евреи прятались в советском тылу, а не воевали на фронте. Эвакуацию пережили свыше 12 млн. чел. всех национальностей. Долгое время уроки выживания в советском тылу не были подведены. Физическое истощение, психологический стресс, разочарование в нравственных устоях, утрата веры в торжество справедливости – вот цена, которую заплатили евреи, пережившие эвакуацию.

О новом хранилище документов

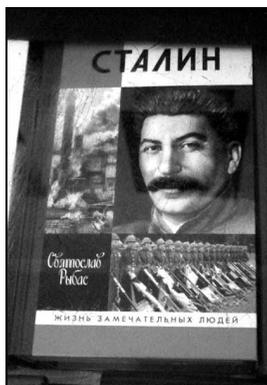
В Подольске по инициативе Министерства обороны и Министерства культуры России решено к 2015 г. открыть Объединённый архив документов по Великой Отечественной войне, куда войдут миллионы единиц хранения. Об этом заявил на конференции руководитель Федерального архивного агентства Андрей Артизов.

В настоящее время эти документы хранятся по разным ведомствам. В новый архив планируется передать 9 млн. дел из Центрального архива Министерства обороны в Подольске, трофейные архивы на пленных и интернированных – 4 млн. дел, наградные документы и сведения на погибших воинов – 20 млн. записей, а также 3 млн. записей на иностранных военнопленных. Из государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) поступят 45 тыс. единиц хранения по материалам Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений нацистов и их пособников (ЧГК СССР). Для этой цели планируется построить комплекс современных зданий с хранилищами, компьютерной базой и информационным

обеспечением, реставрационными мастерскими и читальными залами. Так появится самый большой архив в мире по объему документальной информации, который обязательно будет отмечен в книге Гиннеса.

Вокруг Сталина

Какую роль сыграл Сталин в победе над фашистской Германией? Каково соотношение допущенных им просчетов? Разгром Красной Армии летом 1941 г. оказался настолько сокрушительным, что за первые полгода войны СССР утратил территории с населением в десятки миллионов людей, а количество советских военнопленных составило 3,8 млн. чел.!

Или победителя не судят? Очевидно, что так. В России продолжается оживленная дискуссия – Сталин это хорошо или плохо? Символику с образом генералиссимуса можно встретить на книгах о войне, в фильмах, открытках. Киоск Центрального музея ИВОВ переполнен сувенирами с обликом Верховного главнокомандующего. «Окопные спички», кружки, значки, жетоны, наклейки. Но больше всего поразили книги, изданные в 2009 г. в серии *Жизнь замечательных людей*: Первая – «Сталин», а вторая – «Окружение Сталина». Причем киоскер расположил книгу «Сталин» рядом с книгой о Тухачевском из той же серии – палач и ее жертва. Вечером в сувенирной лавочке Москвы я увидел импровизированные часы, изготовленные из

оригинального томика сочинений Сталина 1949 г. Обложка книги была выбрана вместо циферблата, а на нем две стрелки, часовая и минутная. И часы на ходу!

Утром следующего дня иду на завтрак, беру газету, разворачиваю, а там – продолжение дискуссии. Мэр Москвы Лужков собирается 9 мая украсить город портретами Сталина. Президент Медведев – против, следуют отклики. На другой странице – подробный рассказ московского профессора о посещении под Минском «Линии Сталина», оборонительного рубежа, демонтированного в 1939 г. советской стороной в одностороннем порядке. Границу по приказу Сталина отодвинули на 400 км на Запад. Старую сломали, а новую построить не успели. Последствия в 1941 г. оказались катастрофическими.

От теории к практике

На метро «Третьяковская», около 19.00 – встреча с фашистом. Молодой человек 16-18 лет был в пятнистой защитной форме цвета хаки. Высокие ботинки, сумка-планшетка на боку, явно пустая, для форсу. На поясном ремне шариковой ручкой очень выразительно выведены свастика и знак «СС». Смотрю внимательно, не почудилось? Он никуда не торопится, дефилирует со стороны в сторону, подходит к проходим, что-то говорит. От него отмахиваются и спешат. В Москве – все бегом. А прадедушка должно быть, воевал... Подходить я не стал, хотя очень хотелось. Не исключено, что товарищи молодчика поджидали за углом в поисках приключений...

На завтра на том же месте – вижу трех молодых людей с георгиевскими ленточками в руках. Их раздают накануне парада всем желающим без ограничения. От фашиста ни духа, ни слуха. Случайно ли это?

Вот уж не ожидали

Рядом с “President Hotel” старинная деревянная церковь, купола которой видны из окна моего номера. Нарядная, досмотренная, а вокруг садик с прудом. После окончания конференции – свободное время, почему бы не

зайти? На воротах читаю: «Церковь Николы в Голутвине, 1689 г. Московский патриархат. Реставрирована Правительством Москвы 1995 г.» Калитка открыта и ни души. Заходим в церковь, навстречу сердитая старушка в платочке – сумки оставить, не фотографировать! По половичкам не ходить!

Образа, иконы в золоте, причудливые фрески – есть что посмотреть. Так и веет стариной. Во дворе идеальный порядок, все подметено, подстрижено. Любуемся, ведем себя скромно. Вдруг появляется священник, и к нам быстрой походкой. Глаза злые:

– Кто разрешил?!!

– Так ведь открыто...

– Неважно! Вы зашли без благословения. Парк культуры рядом!

– Из Иерусалима приехали, пытаемся мы успокоить пастыря святостью Вечного города, куда мечтает попасть любой христианин. Но в ответ слышим:

– БЫСТРО ОТСЮДА!

Последний день в Москве

Идем в Кремль – древнейшая часть Москвы. Главный общественно-политический, духовно-религиозный и историко-художественный комплекс столицы, официальная резиденция Президента Российской Федерации. Кремль расположен на высоком, левом берегу Москвы-реки, Боровицком холме, при впадении в неё реки Неглинной. Неправильный треугольник площадью 27,5 га. Южная стена обращена к Москве-реке, северо-западная – к Александровскому саду, восточная – к Красной площади.

С 1955 г. Кремль стал музеем под открытым небом. Оружейная палата, соборы – Успенский, Архангельский, Благовещенский, церковь Ризположения, Патриарший дворец с церковью двенадцати апостолов, ансамбль колокоelni Ивана Великого, Царь-пушка и Царь-колокол ... Неизгладимое впечатление. Здесь прошла вся российская история, кровавая и величественная. Отсюда советские лидеры 60 лет держали мир в страхе, размахивая ядерной дубинкой.

Красная площадь

Нам повезло, ранняя весна – еще не время для толп туристов. Летом, чтобы попасть в Кремль, простоите не один час в билетную кассу. Для россиян – 350 руб., а для иностранцев (включая украинцев, белорусов, жителей Прибалтики, Молдавии, Кавказа) – 700 руб. или 20 долл.

Знакомство окончено, направляемся к выходу. На пути – туалет, как не зайти? И тут меня поджидал сюрприз. На воротах – вахтерша, но не для того, чтобы взимать плату за вход. Прямо передо мной набежала стайка школьников. Вахтерша загородила собой вход. Почему?

Оказалось, что туалет недавно оборудован кабинками, двери которых герметически закрываются. Делаешь все, что необходимо, но для того чтобы выйти, нужно нажать кнопку. Для недогадливых – рисунок с пальцем, куда нажимать. Оказалось, что этого недостаточно. Народ разный, больше приезжий, не все быстро ориентируются. Зовут на помощь, стучат... Во избежание недоразумения, вахтерша *каждого* посетителя заводит в кабину, тычет в кнопку которую нужно нажать. Так индивидуально она развела по кабинам всех школьников, потом двух японских туристок, потом меня...

За техническим прогрессом нужно поспевать, ничего не поделаешь.

Обратно домой

Московские пробки – это непередаваемое зрелище. Хорошо, когда гуляешь пешком, и это тебя не касается. Машины застыли в ожидании. Возмущаться бесполезно. Из

центра города почти исчезли троллейбусы и автобусы. Смысла в них нет, спасает только метро. Нужно строить дороги, автомобильные развязки, копать подземные переходы и стоянки, как во всем мире. Сколько для этого потребуется средств, а главное времени? Но жить нужно сейчас! Оказалось, что главное – это не машины, а дороги. Все согласны, но где выход?

Неожиданно я прочувствовал это на себе в последний день. Направляемся в аэропорт «Домодедово». Самолет вылетает на Тель-Авив в 21.00, выезжаем из гостиницы в 16.00, чтобы успеть. Знакомое Каширское шоссе, но машин в три раза (!) больше. Мы прилетели в воскресенье, москвичи сидели по дачам. А сегодня – пятница, конец рабочего дня – мы в ловушке! Через каждые 5 км – плакат: «Маша Иванова застряла в пробке и опоздала на свой рейс. Пользуйтесь услугами электрички!»

Наш водитель такси отчаянно маневрирует, переходя из ряда в ряд. Выигрывает 150-200 метров и останавливается. Полезем, как черепаха. Переволновавшись, все-таки добираемся до аэропорта, и бегом к стойке регистрации.

Вместо эпилога

Дальше все было по расписанию. Через три с половиной часа мы приземлились в Израиле. Еще немного и маршрутное такси мчит к Иерусалиму. Ночь – дороги пусты. Подъезжаем к Яфским воротам, такси высаживает первого пассажира. Впереди виднеются стены древнего Иерусалима, а ведь еще утром мы гуляли по Кремлю... Две цивилизации и такие разные. Как мы теперь близко друг к другу.

Москва-Иерусалим,
25-30 апреля 2010 г.

Игорь Ефимов

Ясная Поляна

Экранизация долгой семейной жизни

(продолжение. Начало в №4(5))

Акт 5 Кити

дنا тысяча восемьсот семьдесят девятый, осень. В гостиной беременная Софья Андреевна за столом пришивает пуговицы к детскому полушубку. Напротив неё Фет – греет озябшие ладони на стакане с горячим чаем.

С.А.: И вот так каждый день: работает за полночь, а наутро не может проснуться и встаёт с головной болью.

ФЕТ: Всё глубже в волны истории государства Российского?

С.А.: Ах, если бы! Забросил эпоху Петра, кучей лежат отодвинутые в сторону материалы по царствованию Николая Первого. Про декабристов вдруг сказал: «Да какое мне дело до людей, пытавшихся убийствами достигнуть счастья человечества?». Теперь читает только религиозные книги. Библию не выпускает из рук.

ФЕТ: По нашей летней переписке я почувствовал эту перемену. И даже сочинил для него такую притчу. Что один соколиный охотник радовался и хвастал, что отлично видит и что Бог послал ему такого сокола, который с каждым днём взмывает всё выше и выше; до того высоко, что другие уже и не видят его кругов, а только видят, как голуби начинают падать с небес. А мне всё видно, – говорил охотник, – так высоко, что только дух радуется. Но сокол забирал, забирал каждый день выше и однажды ушёл в такую высь,

что и опытный глаз сокольничего не мог за ним уследить. Так и ушёл от него сокол. Тут-то охотник подумал: «Хорошо летать высоко, да надо же и на землю спускаться. При чём же я теперь остался?».

С.А.: Да, это вполне про Лёвочку, каким он стал этим летом. Ездил беседовать о вопросах веры с видными архиереями: с митрополитом московским Макарием, с епископом Можайским Алексеем, с архимандритом Леонидом в Троице-Сергиевой Лавре. Но просветления не получил, а всё больше склоняется к тому, что учение Православной церкви расходится с учением Христа, как оно сохранилось в Евангелиях. И он хочет сам дознаться, чему учил Христос, и рассказать об этом людям.

ФЕТ: В ранней молодости я услышал народную поговорку, которую повторяю до сих пор: «Дай Бог дать, да не дай Бог взять». Разве не заключён в ней весь смысл христианства и моральной жизни? Дающий свободен, потому что зависит от собственного произвола: захотел – и дал, не захотел – не прогневайся. Он живёт в царстве свободы, в царстве благодати. Не потому ли Христос учил: «Раздай всё своё добро и иди за Мной».

С.А.: Но едва ли в России найдётся десяток человек, которые будут интересоваться новым истолкованием Евангелия. Однако делать нечего. Я одного только желаю, чтобы Лёвочка поскорее это кончил и чтобы прошло это, как болезнь. Им владеть, предписывать ему умственную работу, такую или другую, никто в мире не может, даже он сам в этом не властен. А вот он и проснулся – слава Богу.

Толстой спускается по лестнице, целует жену в лоб, обнимает Фета. Наливает себе чай из стоящего на столе самовара.

Л.Н.: Видите, Афанасий Афанасьевич, описанный вами сокол послушно спустился с небес. Как у вас дома? Как Марья Петровна? Простите, что я в последний визит был не в духе. Я сейчас большую часть времени не в духе, на горе моим домашним. Голова трещит от новых мыслей, а уложить их в порядок никак не удаётся.

ФЕТ: Очень надеюсь, что моего сокола вы, Лев Николаевич, поняли правильно. Я ведь отнюдь не против

вознесения в небеса, в мир, так сказать, идеальный. Но даже Симеон Столпник на своём столбе мог бы отрицать реальную жизнь не больше семи дней, а затем смерть прекратила бы отрицание, если бы не было помощника, который поднимался на столб, приносил хлеб и воду. Мир явлений есть мир борьбы за существование. Земля-кормилица скупа, как жид. «В поте лица твоего снеси хлеб твой», сказано на пороге потерянного рая, где ничего не делали, а только созерцали идеал.

Л.Н.: Я не отрицаю ни реальной жизни, ни труда, необходимого для поддержания этой жизни. Но мне кажется, что большая доля моей и вашей жизни наполнена удовлетворением не естественных, а искусственно привитых нам воспитанием и самими нами придуманных и перешедших в привычку потребностей. Девять десятых труда, полагаемого на удовлетворение этих потребностей, – праздный, ненужный труд, отнимающий у трудового народа силы нужные для производства необходимого. У нас недавно за обедом в три перемены сидело тридцать человек, а для ночевавших гостей пришлось постирать тридцать четыре простыни. Никто не докажет мне, что всё это было необходимо.

С.А.: Да, это такая у меня неисправимая причуда – принимать друзей и родственников Льва Николаевича по-человечески.

ФЕТ: Графиня, перед тридцатью четырьмя простынями и тридцатью гостями я руки возношу горé! Честь вам и слава! Мы с Марьей Петровной и подумать бы не могли о таком размахе. А все другие ваши труды?.. Один уход за постоянно больными детьми – да это подвиг, за который кресты нужно давать.

Л.Н.: Я ничего не имею против домашних трудов. Но когда я смотрю на новое кресло, купленное за 24 рубля, я невольно подсчитываю в голове, сколько недель должен мужик тяжело трудиться, чтобы заработать такие деньги.

С подносом в руках входит пышная моложавая кухарка Домна. Расставляет на столе вазочки с вареньем и сметаной, сахарницу, миску с дымящимися оладьями. Толстой смотрит на неё долгим взглядом.

С.А.: Что случилось, Домна? А где Николай?

ДОМНА: Говорят, не проспался после вчерашнего. Вот, вызвали меня из людской. Да вы не извольте беспокоиться, барыня, вашу записку мне Марья Афанасьевна дала. Всё по ней сготовлю, не хуже Николая. *(Выходит, Толстой смотрит ей вслед.)*

ФЕТ: Вспоминаю, что какой-то из ваших чудаковатых предков, Лев Николаевич, посылал своё бельё стирать исключительно в Голландию. Тюки с грязным пересекали морской простор, потом возвращались чистыми. Это я назову излишеством. Про себя же скажу так: я никогда не куплю Рафаэля, не дам бала, не поеду в Париж на выставку, не сожгу фейерверка, когда мои крыши текут, а лошадям есть нечего. Но не понимаю, почему я должен сидеть без огня или жевать жилистую и салом отзывающуюся пищу или спать на камне.

С.А.: А про другого предка Толстых рассказывают, что у него, наоборот, простыни не стирали. Если же ожидали гостя, то накануне его приезда в его постель клали лакея. Клобы напьются крови лакея досыта и гостя уже не трогают.

ФЕТ: Знаю, Лев Николаевич, что, по-вашему, всем хозяевам следует взять в руки косы и идти в одном ряду с мужиками. Но скажете ли вы то же самое капитану корабля: оставь свою уютную тёплую рубку, с сектантом, картой и хронометром, полезай под ветер вместе с матросами на ванты, качай рядом с ними помпу, тяни канаты. Где окажется такой корабль? Пойдёт на дно или разобьётся о скалы. Так же и в нашем деле. Двадцать лет я занимался трудом сельского хозяина, и, право, уже все кости болят. Но вот на днях пьяный машинист расковырял паровую машину у молотилки, и мне надо будет скакать в Орёл на старости лет, искать нужный рычаг на замену сломанному. Вы же не скажете, что паровая машина – это ненужная роскошь?

С.А.: Может быть, и скажет. Лев Николаевич, чтобы доказать ненужность железных дорог, собирается ходить из Москвы в Тулу пешком, как богомольцы ходят.

Л.Н.: *(не отвечая на реплику жены, взглядывается в Фета)* Кабы нас с вами истолочь в одной ступе и слепить

потом пару людей, была бы славная пара. А то у вас так много привязанности к житейскому, что если как-нибудь оборвётся это житейское, вам будет плохо. У меня же к житейскому такое равнодушие, что нет интереса к жизни. И я стал тяжёл для других одним вечным переливанием из пустого в порожнее. Не думайте, что я рехнулся. Уже говорил вам: сильно не в духе. Но, как в народной присказке: «Беленькими нас всякий полюбит; а вы полюбите нас чёрненькими».

Сноска за кадром:

Марфа заботилась о большом угощении... Иисус же сказал ей: Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом. А одно только нужно.

Евангелие от Луки, 10:40-41

Май 1880. Толстой выходит из избышки, выстроенной им в роще неподалёку от главного дома для работы. Манил пальцем проходящего мимо Алексева – нового учителя детей, московского филолога (32 года).

Л.Н.: Василий Иванович, могу я попросить вас об одолжении?

АЛЕКСЕЕВ: Рад буду служить, Лев Николаевич.

Л.Н.: У нас с Тургеневым там в избе завязался серьёзный разговор, я не могу его прервать. Он попросил почитать мои последние размышления о Священном писании, хочет обсудить их со мной. Но мне покоя не даёт то, что случилось вчера на охоте.

АЛЕКСЕЕВ: А что такое?

Л.Н.: Дети вам не рассказали? Мы отправились на вальдшнепов – я с гостем, Серёжа и Илья. Тяга была так себе, но всё же я двоих подстрелил. А Иван Сергеевич всё мимо да мимо. И ужасно переживал, кричал: «Нет, так дальше жить нельзя!» Потом, наконец, после одного выстрела крикнул: «Попал! Камнем упал!» Но как собака ни искала, ничего не нашла. Я говорю: «Может, подрали, и он по земле убежал?». Нет, стоит на своём, что убил. У меня остался такой неприятный осадок. Не могли бы вы взять Милку и прочесать ту нашу площадку за рекой, где мы с вами охотились неделю назад? Вдруг при дневном свете найдёте.

АЛЕКСЕЕВ: Конечно, Лев Николаевич, с удовольствием прогуляюсь. У меня до урока со старшими ещё целых два часа. *(Уходит.)*

Л.Н.: *(возвращается в избу, обращается к Тургеневу, сидящему на топчане)* Как я уже вам сказал, вопрос веры для меня имеет такую же важность, как воздух для утопающего. Но как обрести веру, как сподобиться её? К нам приезжает поп учить детей Священному писанию, жалуется, что Ильюша плохо занимается. Я спрашиваю Ильюшу «в чём дело?». И он, со слезами на глазах, сознаётся, что ничего не понимает в Библии. Почему Бог так любил Соломона, который наделал столько гадостей и имел бесчисленное множество жён? Почему Авраам прогнал Агарь, которая родила ему прекрасного сына? Как нужно понимать слова в катехизисе Филарета «веры есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых»? Если Христос – сын Бога, зачем нужно было приносить его в жертву? Разве нельзя было послать Ему избавление, как оно было послано сыну Авраама, Исааку? Всюду ребёнок видит жестокость и бессердечность Бога и не может с ней примириться. Не могу и я, не могу с любовью уверовать в такого Бога. Что же мне делать?

ТУРГЕНЕВ: В рукописи, которую вы мне дали прочесть, звучит такая искренняя боль, какой я не припомню во всей мировой литературе. Человек, писавший эти строки, находится в полном отчаянии – это несомненно. Поразительно, однако, что это отчаяние сразило его без всяких внешних причин. Он богат, славен, имеет замечательную семью, крепок здоровьем. Конечно, нельзя не вспомнить Экклезиаста, который тоже на вершине славы и преуспевания, сознаётся: «И возненавидел я жизнь, потому что противны мне стали дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суета и томление духа».

Л.Н.: О чём я мечтаю – это взять все четыре Евангелия и переписать их так, чтобы зов Христа, заключённый в них, очистился от всех наслоений, чтобы я мог последовать за ним. Мы заучиваем десять заповедей, а Христос принёс свои, новые. И главные из них: любить не только ближних, но и врагов, и не противиться злу

насилием. Однако церковное учение не хочет слышать этого призыва, потому что ему надо благословлять и оправдывать войны и казни.

И.С. Тургенев

ТУРГЕНЕВ: Мне показалось, что подобные чувства и взгляды зародились в вас уже тогда, когда вы писали «Каренину». Там в эпилоге Левин переживает момент озарения, когда простой мужик говорит ему, что надо жить для души, для Бога. Мне запала в память его мысль, что добро только тогда – добро, когда оно творится без причины и не имеет следствия, то есть награды, когда оно *неразумно*.

Л.Н.: Именно, именно! Как я рад, что вам запомнилось это место. Разум плутует, разум мошенничает. Жить не для брюха, а для любви всех людей друг к другу – вот простая неразумная и величайшая истина, которой учил Христос. И донести эту истину до людей – вот задача, которая кажется мне наиважнейшей, от которой я не могу отвлекаться теперь на писание романчиков.

ТУРГЕНЕВ: Однако, видите, до меня эта ваша мысль дошла именно в *романчике*. Другое противоречие: Левин у вас абсолютно счастлив открывшейся ему истиной.

В вас же, в авторе, сочинившем героя, я вижу, наоборот, сгущение печали и тревоги. Как это можно совместить?

Л.Н.: Возможно, это действие страха. Представьте себе человека, который жил, как все, считал свою жизнь правильной и умело отодвигал на задний план вопросы о смысле бытия. И вдруг с ним начало случаться что-то очень странное: стали находить минуты недоумения, остановки жизни, как будто он не знал, как ему жить и что делать. Потом эти минуты недоумения стали повторяться чаще и чаще и в всё в той же самой форме. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: «зачем? Ну, а потом? Ну, хорошо, у тебя будет шесть тысяч десятин в Самарской губернии, триста голов лошадей, а потом? Ну, хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера – ну и что ж?» Вопросы не ждут, надо тотчас ответить. Если не ответишь, нельзя жить. А ответа нет.

ТУРГЕНЕВ: Вы в своих произведениях дали миллионам людей столько важных ответов на главные вопросы их жизни – а сами оказались перед стеной сомнения. Но разве поиск истины не составлял с самого начала главный нерв вашего творчества? Я – другое дело. Давным-давно я уже написал вам в письме, что, будучи старше вас на десять лет, я оказался писателем переходного времени. В юности я целовал журнал с именем Марлинского и плакал над стихами Бенедиктова. Вас это всё миновало. Писатель переходного времени годится только для людей, находящихся в переходном состоянии. Но вы...

Л.Н.: Вот вы говорите «поиск истины». А я не мог даже желать узнать истину, потому что догадывался, в чём она состояла. Истина была та, что жизнь есть бессмыслица. Я как будто жил, жил, шёл, шёл и пришёл к пропасти. Я ясно увидел, что впереди ничего нет, кроме гибели. И остановиться нельзя, и назад нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видеть, что ничего нет впереди, кроме страданий и настоящей смерти – полного уничтожения. Только когда открылся для меня зов Христа любить всех людей на земле – тогда появился в жизни просвет. Но, конечно, страх, что я не справлюсь, что впаду снова в прежнее отчаяние, не может

исчезнуть мгновенно. Он-то и накатывает на меня порой, он был замечен вами...

Раздаётся стук в дверь избушки, и входит сияющий Алексеев – с собакой и с вальдшнепом в руке.

АЛЕКСЕЕВ: Иван Сергеевич, позвольте вручить вам ваш охотничий трофей.

ТУРГЕНЕВ: Как? Где же он прятался? Я был уверен, что убил, но раз собака не могла найти...

АЛЕКСЕЕВ: Он застрял в ветках дерева! Но всё же Милка что-то почувствовала. Я только потому задрал голову, что она всё кружила вокруг этой осины. Только с пятой или шестой брошенной палки мне удалось сбить вашу добычу на землю.

ТУРГЕНЕВ: Вы меня просто осчастливили. Потому что Лев Николаевич явно думал, что Тургенев приврал из самолюбия. Сознаться, Лев Николаевич, было такое?

Л.Н.: Немножко было, не стану врать. Но я счастлив не меньше вас, что правда вышла на свет.

ТУРГЕНЕВ: Так же будет и с истиной. Она окажется совсем не там, где мы, грешные и слабые люди, её ищем, а в какой-нибудь осине с перепутанными ветвями.

Сноска за кадром:

Вся жизнь человека может быть представлена как длительная попытка избежать отчаяния.

Поль Тиллих

Флигель рядом с Яснополянским домом, в котором живёт прислуга. Сквозь окно мы видим внутренность помещения и миловидную кухарку Домну, которая хлопчет около плиты. Толстой ходит за ней и что-то говорит, но она игриво отталкивает его бедром, смеётся, откинув голову, орудует ухватом. Толстой выходит из флигеля, растерянно идёт к дому. Навстречу ему – учитель Алексеев.

Л.Н.: (берёт его за руку, взволновано) Василий Иванович, помогите мне.

АЛЕКСЕЕВ: Что случилось, Лев Николаевич?

Л.Н.: Спасите меня, я падаю.

АЛЕКСЕЕВ: Я буду рад, если вы объясните...

Л.Н.: Меня одолевает чувственный соблазн, и одному мне не одолеть его. Боюсь, что поддамся искушению. Помогите мне.

АЛЕКСЕЕВ: Я сам слабый человек, чем же я могу помочь?

Л.Н.: Вы можете, можете – только не откажитесь.

АЛЕКСЕЕВ: Но как?

Л.Н.: Не откажитесь сопутствовать мне во время моих прогулок. Мы будем вместе гулять, разговаривать, и соблазн не будет приходить мне на ум.

АЛЕКСЕЕВ: Но кто же вас соблазняет?

Л.Н.: Вы знаете кухарку Домну, которая готовит обед для прислуги? Каждый раз, когда я её встречаю, со мной делается что-то невозможное, недопустимое. Будто моя воля и совесть куда-то отлетают от меня, и остаётся только животная оболочка, которая готова накинуться на самку. Дошло до того, что я назначил ей свидание. Уже шёл на встречу с ней, но тут меня из окна окликнул сын Илья и напомнил, что нам пора заниматься греческим. В следующий раз никто не окликнет, и я паду, безнадежно паду в бездну греха.

АЛЕКСЕЕВ: Конечно, я с радостью буду гулять с вами. Ведь ваши утренние прогулки – они происходят до моих уроков с детьми.

Л.Н.: Я пробовал молиться, но молитва не помогала. Чувствовал себя совершенно бессильным. Тогда решил, что единственное для меня спасение – сознаться кому-то в собственной слабости, чтобы стыд перед другим человеком удерживал меня.

АЛЕКСЕЕВ: Никогда не ожидал, что мне, атеисту, доведётся принимать чью-то исповедь.

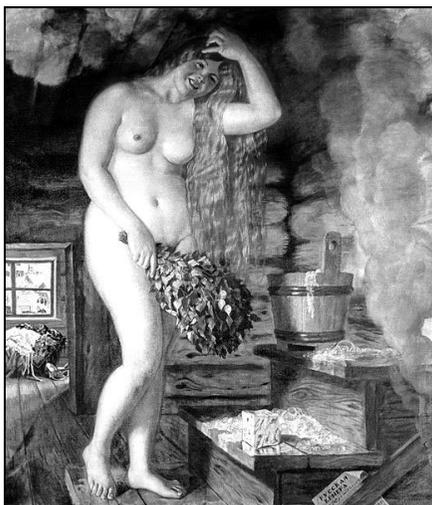
Л.Н.: О, если бы мне было дано хоть раз исповедаться во всех моих грехах! Покрыт ими как коростой. Вы видели нашего нового конюха, молодого деревенского парня по имени Тимофей Базыкин?

АЛЕКСЕЕВ: Да.

Л.Н.: А вы не обратили внимания на то, как он похож на моего старшего сына – Сергея?

АЛЕКСЕЕВ: Неужели?.. Да, теперь, когда вы упомянули... Но вы можете быть уверены, что ни одна душа не узнает о том, что вы мне рассказали.

Л.Н.: У нас с вами так много общих интересов: преподавание, история, естественные науки. Мы всегда найдём тему для увлекательной беседы. И так, с вашей помощью, я одолею соблазн. А одному мне – я чувствую – справиться с ним не по силам.

Б.М. Кустодиев. Русская Венера

Сноска за кадром:

Натуры, у которых материальная жизнь особенно сильна, могут нуждаться в героических средствах для её обуздания. Поэтому не следует осуждать без разбора столпничество, вериги и другие подобные меры борьбы с плотью.

Владимир Соловьёв

Вечер в средней полосе России, июнь 1881. Заходящее солнце освещает стены монастыря Оптиной пустынь. Последние богомольцы идут по дороге из Козельска, пересекают мост через Жиздру. Среди них – Лев Толстой и его слуга, Сергей Арбузов. Оба одеты в кафтаны и лапти, покрыты пылью и потом.

Трапезная для бедных в монастыре. Толстой и Арбузов за общим столом, едят щи с хлебом. Тесно, грязно.

Из трапезной оба идут в гостиницу третьего класса.

МОНАХ-КЛЮЧНИК: Какой ещё вам номер? Переспите в общей ночлежной избе. Не बारे.

АРБУЗОВ: Помилуй, отец, там ведь, небось, грязь, вонь и всякие неприятности ползают.

МОНАХ: А ты сюда, что – на курорт явился? Сказано ведь тебе в Священном писании: «От скорби происходит терпение, от терпения – опытность, от опытности – надежда».

АРБУЗОВ: Вот, отец, прими рубль для святой обители и смилуйся, пусти нас в отдельный номер.

МОНАХ: Ну, хорошо. Только будете там втроём – ещё сапожник из Болховского уезда, раньше вас пожаловал.

Бедно обставленная комната в монастырской гостинице. Арбузов достаёт из котомки простыню, стелет Толстому постель на одном диване. На другом спит сапожник. Себе Арбузов стелет на полу. Задувает свечу. Всё затихает. Вдруг раздаётся громкий храп сапожника. Толстой испуганно вскакивает.

Л.Н.: Сергей, ради Бога... Разбуди этого человека и попроси его не храпеть.

АРБУЗОВ: *(расталкивает спящего)* Голубчик, вы очень храпите. Моего старичка пугаете. Он боится, когда в одной комнате с ним человек спит и храпит.

САПОЖНИК: Что же, прикажешь мне из-за твоего старика всю ночь не спать?

АРБУЗОВ: Нет, без сна никому нельзя. Но вы уж постарайтесь как-нибудь потише.

Сапожник отворачивается к стене, натягивает одеяло на голову.

Утро. Раздаётся стук в дверь, входит монах-ключник. Лицо его полно умиления и подобострастия. Он обращается к проснувшемуся Арбузову.

МОНАХ: Вы уж простите, ваше сиятельство, что вчера в темноте не опознал вас. Но как слух прошёл, что сам

граф Толстой к нам пожаловал, так я сразу догадался, кто это будет.

АРБУЗОВ: *(указывая на Толстого, который уже сел на диване)* Извиняйте, отец, но граф-то он – вот где. Только они не любят, чтобы им отдельные почести оказывали.

МОНАХ: Какие там почести! Все мы дети Божьи, все равны перед Создателем. Но только старому человеку после долгого пути нужно ведь отдохнуть, как следует. Пожалуйте, ваше сиятельство, в нашей главной гостинице вам уже архимандрит приказал отвести отдельный номер. И отец Амвросий рад будет с вами побеседовать в скиту.

Л.Н.: Что ж, Сергей, делать нечего. Коли меня узнали, дай мне сапоги и другую блузу. Я переоденусь и тогда пойду к отцу Амвросию.

Бревенчатый скит неподалёку от монастырской ограды. Несколько богомольцев терпеливо ждут своей очереди обратиться к старцу. Время от времени подходят к келейнику-сторожу, что-то шепчут ему. Тот равнодушно крутит головой.

Арбузов сидит на земле у приоткрытого окна, вслушивается в беседу внутри.

Мужской монастырь Оптиная Пустынь

ГОЛОС ТОЛСТОГО: Я верю в учение Христа – в этом самая главная моя вера. Я верю, что благо моё возможно на земле только тогда, когда все люди будут исполнять учение Христа. Я верю, что исполнение этого

учения не только возможно, но легко и радостно. Я верю, что мне ничего другого нельзя делать для спасения своей жизни от неизбежной гибели, как исполнять это учение. Оно для меня – как дверь спасения в горящем доме. Я верю, что жизнь моя по учению мира была мучительна и что только жизнь по учению Христа даст мне в этом мире то благо, которое предназначил мне Отец жизни. Я верю, что учение это даёт благо всему человечеству, спасёт меня от неизбежной гибели. А потому я не могу не исполнять его. И вера эта налагает на меня обязанности: нести свет, открывшийся мне, дальше, другим людям.

ОТЕЦ АМВРОСИЙ: А что если люди не станут слушать, станут гнать вас, осуждать, проклинать?

Л.Н.: С бесконечным терпением я должен повторять истины Христовы и изгонять из моего сердца всякую тень нелюбви и вражды к гонящим и отвергающим меня.

ОТЕЦ АМВРОСИЙ: Так-то бы хорошо. А то за исполнением заповедей, а иногда и прежде, иные увлекаются осуждением ближнего. В предостережение надо вспоминать совет Евангельский: вынуть прежде бревно из собственного глаза, то есть из своего ума, гордость, от которой происходит осуждение других. И тогда, излечившись от своей немощи, возможем вынуть сучок из ока ближнего, то есть случайное его поползновение. И большею частью надо это делать, когда нас попросят о том. А если тебя не просили, а ты осудил сучок в глазу брата своего, знай известно, что твой глаз завален бревном гордыни.

Толстой в задумчивости выходит из скита. Идёт в сторону дуга, где монахи косят траву, берёт косу, становится в ряд.

Богомольцы кидаются к келейнику, просят допустить их к старицу. Тут же и Сергей Арбузов.

КЕЛЕЙНИК: А ты кто таков? Откуда?

АРБУЗОВ: Графа Толстого человек. От самой Тулы пешком пёрли. Допусти, отец, приобщиться духа святого.

КЕЛЕЙНИК: Ладно, входи. Но недолго. Видишь, сколько народу дожидается. Которые есть, что топали не то что из Тулы, а аж из Сибири.

Сноска за кадром:

Простая молитва обросла необозримой громадой Богословия, Религии, Церкви. Что было во мне потребностью сердца, объявлено моим священным долгом, взято из моих рук как любимое – и поставлено надо мной.

Михаил Гершензон

Вечер в Ясной Поляне. Осень 1881. Дом затих, дети уложены спать. В гостиной – Толстой, Софья Андреевна, приехавший в гости Фет.

ФЕТ: Как тягостно начался этот год. Смерть Достоевского, убийство царя, казнь заговорщиков. Прямо как знамения перед концом света. Вы ведь, Лев Николаевич, так и не встретились с Достоевским при жизни?

Л.Н.: Нет, но как бы я желал уметь сказать всё, что я чувствую о нём. Только когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек... Я его так и считал своим другом и иначе не думал, как то, что мы увидимся. И вдруг за обедом – я один обедал, опоздал – читаю: умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал... Одно хорошо, что незадолго до смерти ему передали мои добрые слова о нём в письме к Страхову, и он был обрадован ими.

ФЕТ: Как вы думаете, если бы он дожил до первого марта, воззвал бы он к царю с просьбой помиловать убийц?

Л.Н.: Этого мы знать не можем. Могу только надеяться, что воззвал бы. Вот Владимир Соловьёв во всеуслышание заявил об этом прямо во время своей публичной лекции. Какой молодец! Никак не ожидал от него такого. А я всё возился со своим письмом, всё переделывал, искал варианты, как передать.

С.А.: Сколько страха я пережила из-за этого письма!

Л.Н.: Суд над убийцами и готовящаяся казнь произвели на меня одно из самых сильных впечатлений моей жизни. Я не мог перестать думать о них, но не столько о них, сколько о тех, кто готовился участвовать в их убийстве, и особенно – об Александре Третьем. Мне так ясно было, какое радостное чувство он мог бы испытать, простив их. Я не мог верить, что их казнят. Помню, с этой

мыслью я после обеда лёг внизу на кожаный диван и неожиданно задремал, и во сне увидел, что это не палачи, а я казню их, и я с кошмарным ужасом проснулся. И тут написал письмо.

С.А.: А я до сих пор считаю, что писать человеку – любому, не обязательно царю, – что его высокий долг состоит в том, чтобы помиловать убийц его родного отца, – величайшая бестактность. Это может быть только решением собственной совести. Когда учитель наших детей, Василий Иванович Алексеев, выразил свою поддержку этому призыву, я просто разъярилась. Сказала ему, что если бы он выразил своё мнение не перед Львом Николаевичем, который не нуждается в его советах, а перед моим сыном или дочерью, я бы тотчас приказала ему убраться вон.

Л.Н.: Страхов передал моё письмо Победоносцеву, но тот отказался передать его царю. Написал мне, что такие дела решаются по вере, а его вера и церковное христианство отличаются от моего. «Наш Христос – не ваш Христос». Мол, он знает своего Христа мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в моём ему показались черты расслабленного, который сам нуждается в исцелении. Какой ужасный человек стоит во главе православной церкви в России! Говорят, он написал царю, умоляя его не поддаваться на призывы к милосердию.

ФЕТ: Казалось бы, вера и философия должны служить великой объединяющей силой. На самом же деле, какие только раздоры и взаимонепонимания вскипают вокруг этих коренных вопросов бытия. Мы с вами дружим двадцать пять лет, а весь прошедший год только и спорили в письмах на эти темы.

С.А.: Лёвочка мне показывал ваши письма, Афанасий Афанасьевич, и поверьте, что нет таких обстоятельств, которые могли бы породить во мне желание – как вы пишете – «вас укусить».

ФЕТ: Дорогая графиня, конечно, вы понимаете, что это просто иносказание. Но разве не кинетесь вы на защиту детей и мужа, если кто-нибудь – даже я – приблизится к ним с угрозой? Лев Николаевич пишет мне, что не понимает, как я, осознав тщету жизни, не кончаю с собой. А я, со своей

стороны, не могу понять, как он может отрицать собственные великолепные произведения, которые я так ценю. И меня, смею вас заверить, не так-то легко подкупить или надуть в литературном деле. Это сокровищница художественных откровений, и дай Бог, чтобы русское общество доросло до понимания всего хранящегося в «Анне Карениной».

Л.Н.: Уверяю вас, что этой мерзости для меня больше не существует и что мне только досадно, что есть люди, которым это на что-нибудь нужно.

ФЕТ: Или вы шутите, или вы больны. Тогда, как о Гоголе, сжегшем свои сочинения, надо о вас жалеть, а не судить. Если же под такими вашими чувствами таится нечто серьёзное, тогда я не могу об этом судить, как не могу судить о великом стихотворении на халдейском языке.

Л.Н.: Если есть какие-нибудь свидетельства моей неменяемости, то это лишь то, что я пропустил в одном вашем письме упоминание о намерении приехать в Ясную Поляну и не откликнулся на него самым горячим согласием. Ещё раз прошу простить меня за это. Но когда за этим столом собираются интеллигентные люди, считающие себя христианами, и говорят, что революционеров надо вешать, а народ – сечь и бить по зубам без свидетелей, а то случится страшный бунт, а потом меняют тему и с удовольствием говорят о блуде, я поневоле задумываюсь: кто-нибудь из нас сумасшедший – они или я.

ФЕТ: Когда вы в «Войне и мире» описываете, как князь Андрей на пороге смерти не слышит и не видит той, которая столько принесла жертв и для которой он и дышал, каждый читатель не усомнится в этой реальной и художественной правде. Человек, всецело сосредоточенный на предстоящей ему смерти, совершенно игнорирует жизнь или имеет право игнорировать её. Но вы пытаетесь всё учение Христа представить как призыв к отказу от жизни.

Л.Н.: Отнюдь нет. Учение Христа – это *возвещение о благе*. Когда-то я воображал благом получение Георгиевского креста и другие удовольствия, к которым мы приучены ложным воспитанием. Только Евангелие открыло мне глаза и показало, что истинное благо – это

непротивление злу насилием и любовь к ближнему. Вся эта книга устремлена к тому, чтобы пьяница, скупец, сладострастник, онанист умели бы разбирать, в чём настоящее благо. А по вашему Бенгаму, онанист, испытывая удовольствие, будет предаваться ему до конца дней, и не может усомниться в действительности этого блага. Вы не поверите, как мне смешно читать подобные рассуждения.

С.А.: Ты, Лёвочка, вот уже несколько лет не выпускаешь Евангелие из рук, но цитируешь из него только то, что согласно с твоим толкованием. А если натыкаешься на что-то противное, то начинаешь изучать древнееврейский язык, чтобы доказать, что Христос говорил что-то совсем другое. Не мог, мол, Он одобрять – разрешать – развод. Наверняка, это более поздняя вставка-добавка. И никогда не вспомнишь, сколько раз Он повторял: «Много званых, но мало избранных»; «Многие слышат, но не каждый вместит». То, что в Его устах было высоким зовом, ты хочешь превратить в устав жизни для всего человечества. А это-то как раз и невозможно без самого жестокого насилия.

ФЕТ: Всё раздать, ничем не владеть, не поддаваться зову плоти, проводить дни в молитвах, не прикасаться к оружию – эти идеалы исполняют монахи. Но если бы все люди стали монахами, жизнь человечества прекратилась бы. Уж это-то Христос понимал, поэтому звал к высокому служению только избранных.

Л.Н.: Надеюсь, что, когда я доведу до завершения свой замысел, то есть закончу «Краткое переложение четырёх Евангелий», многие поводы для наших споров отпадут сами собой.

ФЕТ: Будем надеяться на это, будем надеяться. Но мне завтра нужно пораньше встать, чтобы поспеть на поезд. Не хочу будить вас слишком рано, дорогие хозяева, поэтому позвольте попрощаться уже сейчас. Графиня! *(целует ей руку)* Лев Николаевич! *(кланяется и выходит)*

С.А.: *(печально смотрит ему вслед)* Почему-то у меня страх, что этот приезд Афанасия Афанасьевича в Ясную Поляну может оказаться последним.

Сноска за кадром:

Отставной поручик, граф Толстой, бывая в селе Гавриловке и разговаривая с крестьянами, внушает им, что их понятия об учении Господа Иисуса Христа ложны, что напрасно они украшают церкви, совершают богослужения и молятся; что, по учению Спасителя, люди, живущие на земле, все равны между собою, никто ничего не должен считать своим, всё общее.

Из доноса полиции Самарскому губернатору

Кабинет Толстого в московском доме, 1882 год. У него в гостях Василий Кириллович Сютяев, крестьянин-сектант, 62 года. Он сидит на стуле, не сняв полушубка; слушает Толстого внимательно, но без большого интереса. Раздаётся стук в дверь и входит Александра Андреевна Толстая, двоюродная тётка Толстого, придворная дама из Петербурга, 65 лет.

ТОЛСТАЯ: Ах, Лёвочка, простите – я не знала, что у вас гость.

Л.Н.: Ничего, ничего, входите, дорогая бабушка. Позвольте вам представить: это Сютяев, Василий Кириллович, крестьянин из Тверской губернии, каменотёс по ремеслу. Мы с ним про многое одинаково думаем: что собственность это грех, что нельзя противиться злу насилием, что церковные обряды – это обман. Его сын отказался от военной службы и был отправлен в Шлиссельбургский дисциплинарный батальон. Василий Кириллович, это моя тётушка – или даже бабушка – Александра Андреевна Толстая, приехала из Петербурга повидаться с нами. Мы с ней многие годы только переписывались, а вот теперь, наконец, удалось к нашей радости повидаться.

СЮТАЕВ: Так я пойду, пожалуй, чтобы не мешать вам...

Л.Н.: Нет-нет, я очень рад, что так совпало. Мне важно узнать, что вы оба думаете о моих планах. Бабушка, я Василию Кирилловичу рассказывал, как участвовал в переписи в Москве. Какого горя и нищеты я насмотрелся в Ляпинском ночлежном доме – это не забыть до конца дней. Вонь, грязь, холод и море страданий. Все те радости нашей обеспеченной жизни, которые прежде мне казались

радостями, стали для меня мучением. И как я ни стараюсь найти в своей душе хоть какие-нибудь оправдания нашей жизни, я не могу без раздражения видеть ни своей, ни чужой гостиной, ни чисто, барски накрытого стола, ни экипажа, ни сытого кучера и лошадей, ни магазинов, театров, собраний.

ТОЛСТАЯ: Я слышала, вы решили организовать общество помощи бедным. Призывать сирот, старых, помогать обедневшим в городе деревенским вернуться домой, исправлять развратных.

Л.Н.: Да, и многие уже откликнулись сочувственно. А что вы скажете, Василий Кириллович?

Портрет Василия Кирилловича Сютаева

СЮТАЕВ: *(спокойно, но убеждённо)* Да всё это пустое дело.

Л.Н.: *(изумлённо)* Как же так? Уж от вас-то я ждал полного сочувствия и поддержки.

СЮТАЕВ: Пустое дело, ничего хорошего с такого общества не может статься. Не выйдет настоящего добра.

Л.Н.: Как не выйдет? Отчего же пустое дело, что мы поможем тысячам, хоть сотням несчастных? Разве дурно по-евангельски голого одеть, голодного накормить?

СЮТАЕВ: Знаю, знаю. Да не то вы делаете. Разве так помогать можно? Ты идёшь, у тебя просит человек двадцать копеек. Ты ему дашь. Разве это милостыня? Ты дай ему духовную милостыню, научи его. А это что же ты дал? Только, значит, отвяжись.

Л.Н.: Нет, ведь мы совсем не так подходим. Мы хотим узнать нужду и тогда помогать и деньгами, и делом. И работу найти.

СЮТАЕВ: Да ничего этому народу так не сделаете.

Л.Н.: Так как же, им так и умирать с холода и голода?

СЮТАЕВ: Зачем умирать? Да много ли их тут?

Л.Н.: Их в Москве, этих голодных и холодных, я думаю, тысяч двадцать. А в Петербурге и по другим городам?

СЮТАЕВ: Двадцать тысяч? А дворов у нас в России в одной сколько? Миллионы.

Л.Н.: Ну, так что же?

СЮТАЕВ: Что же? А то, что надо их по себе разобрать. Я не богат, а сейчас двоих возьму. Вон того малого, что ты взял на кухню, – я его звал к себе, он не пошёл. Ещё десять раз столько будь, всех по себе разберём. Ты возьмёшь, да я возьму. Мы и работать пойдём вместе: он будет видеть, как я работаю, будет учиться, как жить, и за чашку вместе за одним столом сядем, и слово он от меня услышит и от тебя. Вот это милостыня. А то это ваше общество – совсем пустое.

ТОЛСТАЯ: То есть вы готовы взять недорогого работника для своей каменотёсной мастерской – так я понимаю? А как же это согласуется с вашим непризнанием частной собственности?

СЮТАЕВ: Поле не должны делить, лес не должны делить, дома не должны делить. Тогда и замков не надо, сторожей не надо, торговли не надо, судей не надо, войны не надо... У всех будет одно сердце, одна душа, не будет ни твоего, ни моего... Я и повинности отказываюсь платить,

потому что они пойдут на содержание войска. Полиция приедет, начнёт описывать имущество, продавать мой скот – я не сопротивляюсь. Их грех, пусть они и делают. Сам ворота отворять не пойду, а если им надо, пусть идут. Замок у меня нет.

Л.Н.: А я всё же верю, что, хотя и малая помощь – это очень хорошо, но почему же не замахнуться на большее? Почему не надеяться, что мы сделаем то, что в Москве не будет ни одного раздетого, ни одного голодного, ни одного проданного за деньги человеческого существа, ни одного несчастного, задавленного судьбой человека, который не знал бы, что у него есть братская помощь? Почему...

Осторожный стук в дверь. Входит слуга, Сергей Арбузов.

АРБУЗОВ: Ваше сиятельство, там до вас посетитель.

Л.Н.: Кто такой?

АРБУЗОВ: В форме они. Я так полагаю, что ротмистр. Из жандармов.

Л.Н.: Этому что ещё понадобилось? *(Выходит в гостиную, обращается к пришедшему офицеру холодно, спрятав руки за спину.)* Чем могу служить?

РОТМИСТР: Прошу меня извинить, ваше сиятельство. Но генерал-губернатор, князь Долгорукий, послал меня узнать, на каком основании и с какой целью проживает у вас тверской крестьянин Василий Сютаев? По имеющимся у нас данным, этот человек ведёт разговоры против установленных в империи порядков, а главное – против учения святой Православной церкви. Нам необходимо знать, с кем он встречается, кто его поддерживает, сколько времени он намерен пробыть в Москве.

Л.Н.: *(еле сдерживая ярость)* Ни на один из этих вопросов я отвечать не намерен. Поэтому думаю, что вам лучше всего немедленно удалиться.

РОТМИСТР: Но, ваше сиятельство, наш долг поддержания порядка и спокойствия в городе требует...

Л.Н.: *(кричит)* Уходите! Ради Бога, уходите отсюда поскорей! И передайте князю...

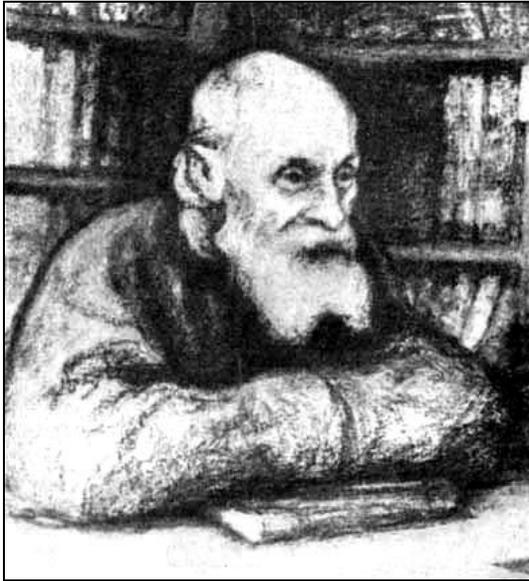
Ротмистр испуганно пятится. Толстой с силой захлопывает за ним дверь и некоторое время стоит, держась за ручку, тяжело дыша, с трудом возвращаясь в спокойное состояние.

Сноска за кадром:

Иисус сказал ему: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною».

Евангелие от Матфея, 19:21

Зал в библиотеке Румянцевского музея в Москве, ноябрь 1882. Библиограф, Николай Фёдорович Фёдоров (54 года), что-то разъясняет читателю у книжных полок. Проходит сторож, позванивая в колокольчик. Фёдоров возвращается к своему столу, на котором стоит табличка с надписью «Библиографъ Н.Ф. Фёдоровъ». Рядом со столом сидит Лев Толстой, в крестьянской рубахе и сапогах.

Николай Федорович Федоров

ФЁДОРОВ: Вот и ещё один рабочий день кончился. Лев Николаевич, пойдёмте в мой кабинет, там нам будет

удобнее. А то сейчас явятся уборщики, начнут стучать своими швабрами.

Оба переходят в маленькую каморку, скорее кладовку, чем кабинет. Около стены связанные в стопки старые журналы сложены в виде топчана. Одна стопка, судя по всему, играет роль подушки.

Л.Н.: А это что у вас, Николай Фёдорович?

ФЁДОРОВ: Это моё спальное ложе. Знаете, когда на улице метель, неохота тащиться домой по холоду. Я часто ночую прямо здесь.

Л.Н.: Но где же простыни, одеяло, подушка, матрас?

ФЁДОРОВ: Вы ведь сами, Лев Николаевич, любите повторять, что много в нашей жизни излишков и ненужной роскоши. А старые журналы, вы знаете, пружинят не хуже матраса.

Л.Н.: Удалось вам отыскать то, что я просил?

ФЁДОРОВ: *(кладя руку на стопку книг на столе)* Вот здесь я отобрал почти всё, что у нас есть по буддизму и конфуцианству. Надеюсь, тут найдётся то, что вы ищете.

Л.Н.: А сами вы не заинтересовались этими книгами?

ФЁДОРОВ: Я знакомился с буддизмом вполне основательно уже лет двадцать назад. И уже тогда он оттолкнул меня своим отрицанием личности, индивидуума. В понимании буддистов душа есть поток сознания, растворяющийся в мировом универсуме. Если это так, то моя идея – мечта – о воскресении всех людей во плоти, о воскрешении отцов потомками, теряет всякий смысл. Какой смысл воскрешать отдельного человека, если он всего лишь капля в духовном океане, а океан этот бессмертен и вечен?

Л.Н.: Недавно у нас в доме зашёл разговор о ваших трудах. И один из присутствующих задал законный вопрос: «Хватит ли на Земле места, чтобы разместить всех воскрешённых?»

ФЁДОРОВ: Конечно, нет. Поэтому «общее дело» непременно должно включать освоение других планет. Я верю, что мы находимся на пороге невероятных научных открытий и достижений, которые раздвинут и наш мысленный горизонт, и сферы обитания человека. Кстати, я

делился этими мыслями с вашими друзьями, Страховым и Владимиром Соловьёвым, и они отнеслись к ним весьма сочувственно.

Л.Н.: Со Страховым меня, действительно, связывают годы тесной дружбы, на многие вещи мы смотрим одинаково. Лишь недавно у меня появилось ощущение, что его умственный строй похож на трухлявое дерево. Снаружи выглядит твёрдым, а ткнёшь палкой – думаешь, будет упорка, но она проходит насквозь. Ум изъеден чтением и философией. С Соловьёвым же, когда он ни придёт, уже заранее знаю, что всё у нас кончится спором, и я на прощанье должен буду извиняться за горячность. Как и Страхов, он живёт исключительно тем, что ему даёт книга. Начитается и делает из прочитанного *выводы*. А своего собственного, самого дорогого у него ничего нет. От книг его и лекций у меня всегда скука и чувство, что он мне не нужен и даже порой жалок.

ФЁДОРОВ: Против моих статей, я знаю, у вас тоже есть серьёзные возражения. Вы можете перечислить их вкратце?

Л.Н.: Я согласен с вашей мыслью о том, что раздоры, кровопролития, взаимная ненависть людей могут ослабнуть или даже исчезнуть, если у человечества найдётся одно общее дело, которое увлечёт и объединит всех живущих. Но почему этим общим делом обязательно должно стать воскрешение мёртвых? Разве не может такую же роль сыграть выполнение завета Христа возлюбить ближнего как самого себя?

ФЁДОРОВ: Призыв Христа обращён к каждому из нас по отдельности и не может стать объединяющей силой. Я сам – один – должен откликнуться на призыв, пустить в оборот дарованный мне талант или зарыть его в землю. Общее же дело всего человечества невысказано без всех выработанных форм объединения людей: государства, армии, церкви. То есть всего того, что вы решительно отмечаете и отбрасываете.

Л.Н.: Мы оба вот уже целый год пытаемся переманить – перетянуть – другого в свою веру. И должен сознаться для меня самым сильным аргументом вашей

позиции остаются не ваши статьи и речи, а самый образ жизни, ваш душевный склад и настрой. Когда я вижу, насколько полно и легко вы исполняете все заповеди Христа, как щедро раздаёте свою нищенскую зарплату, довольствуетесь лишь самым необходимым, и при этом всегда остаётесь добрым, внимательным, негневливым и даже весёлым, я не могу не завидовать вам и не вглядываться в выбранный вами путь. Мне же самому удаётся обрести душевный покой только в деревне и то – далеко не всегда. Московская же жизнь сводит меня с ума, убивает.

ФЁДОРОВ: Что же удерживает вас в Москве?

Лев Толстой с семьёй в зале яснополянского дома

Л.Н.: Семья. Вы не знаете этого жернова на шее и вряд ли сможете понять моё положение. Мы купили дом в Большом Хамовническом переулке за 27 тысяч, потому что детям нужно получать образование в Москве, дочерям – выезжать в свет на ловлю женихов и весь прочий вздор, который считается обязательным у господствующего класса. Прошедший месяц был самым мучительным в моей жизни. Все в доме устраиваются, устраиваются. Когда же начнут жить? Всё не для того, чтобы жить, а для того, что так люди. Несчастные!

ФЁДОРОВ: Неужели даже дети не приносят вам радости и утешения?

Л.Н.: Положение господ в нашем мире потому и ужасно, что мы не можем радоваться даже рождению наших детей. Мы ведь знаем: рождаются не слуги людям, а враги их, дармоеды. Городская жизнь! Вонь, камни, ненужная роскошь, нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют. Народу ничего не остаётся, как, пользуясь страстями этих людей, выманивать у них назад награбленное. А когда я пытаюсь объяснить всё это своим семейным, мои слова вызывают только скуку и презрение. И всё же я считаю своим долгом оставаться рядом со своими детьми и твердить, твердить им, что жизнь их ужасна и что Бог ждёт от них совсем другого. Может быть, когда-нибудь мои капли и продолжат камень их добровольной глухоты.

ФЁДОРОВ: Вот и я буду так же упорно долбить ваш камень. Почём знать: может быть, в конце концов, смогу увлечь вас общим делом воскрешения отцов.

Л.Н. А я, дорогой Николай Фёдорович, постараюсь слушать вас терпеливо и любовно, как учил нас Христос. *(Собирает книги в котомку, направляется к дверям. Задерживается.)* Но как вы планируете – воскрешать всех-всех, без разбора?

ФЁДОРОВ: Безусловно.

Л.Н.: И Нерона?

ФЁДОРОВ: Конечно.

Л.Н.: И Аттилу?

ФЁДОРОВ: И его тоже.

Л.Н.: И Чингисхана?

ФЁДОРОВ: Вне всякого сомнения.

Толстой качает головой, улыбается, выходит.

Сноска за кадром:

Люди рождаются друг для друга. И так, или исправляй их, или терпи.

Марк Аврелий

Лето 1883 года. Кончается воскресный обед в Яснополянском доме, слуги уносят опустевшие тарелки. За столом, кроме Толстого и Софьи Андреевны, супруги

Кузминские, брат Сергей Николаевич, и старшие дети: Сергей (20 лет), Татьяна (19 лет), Илья (17 лет), Лев (14 лет).

ТАНЯ-ДОЧЬ: *(ставит на стол картонный ящик с прорезью наверху)* Время открывать яснополянскую почту. Ну-ка, посмотрим... Ого, какой толстый конверт. Что бы это могло быть? *(открывает послание, читает)* «Скорбный лист душевнобольных яснополянского госпиталя».

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ: Нетрудно догадаться, кто его составил.

Все с улыбками смотрят на Толстого, но он изображает полную невинность и неосведомлённость, разводит руками.

ТАНЯ-ДОЧЬ: *(читает)* «Больной Л.Н. Толстой. Сангвинического свойства. Принадлежит к отделению мирных. Больной одержим манией, называемой немецкими психиатрами Weltverbesserungswahn (мания исправления мира). Пункт помешательства в том, что больной считает возможным изменить жизнь других людей словом. Признаки общие: недовольство всеми существующими порядками, осуждение всех, кроме себя, и раздражительная многоречивость, без обращения внимания на слушателей, частые переходы от злости и раздражительности к ненатуральной слезливой чувствительности. Признаки частные: занятие несвойственными и ненужными работами, чищенье и шитьё сапог, кошение травы и т. п. Лечение: полное равнодушие окружающих ко всем его речам, занятия такого рода, которые бы поглощали силы больного.

ТАНЯ КУЗМИНСКАЯ: И кумыс! По ведру кумыса каждый день! *(Смех)*

ТАНЯ-ДОЧЬ: *(продолжает чтение)* Сергей Львович Толстой. Больной одержим манией, называемой «пустобрех universitelis libertatis (университетской свободы). Принадлежит к отделению не вполне смиренных. Признаки общие: желание знать то, что знают другие люди и чего ему самому не нужно знать, и нежелание знать то, что ему нужно знать. Признаки частные: гордость, самоуверенность и раздражительность. Больной не вполне ещё исследован. Лечение: вынужденная работа, а главное – служба или

любовь или то и другое. Диета: меньше доверия к знанию и больше исследования приобретённых знаний.

СЕРГЕЙ ТОЛСТОЙ: А как нам повезло с лечащим врачом! Он даже знает, что нам положено знать, а что нет. Даже «Трёх мушкетёров» нам читал, выбрасывая неположенные куски.

ТАНЯ-ДОЧЬ: (*читает*) Толстой Илья Львович. Mania Prochoris egoistika complicata (тяжёлая мания прохоровского эгоизма). Больной принадлежит к разряду небезопасных. Пункт помешательства в том, что весь мир сосредотачивается в нём и что, чем ниже и бессмысленнее те занятия, которыми он занят, тем озабоченнее весь мир этими занятиями. Признаки общие: больной не может ничем заниматься, если не присутствует удивляющийся Прохор. Но так как удивляющихся Прохоров тем меньше, чем выше разряд занятий, то больной постоянно спускается на низшую ступень занятий. Признаки частные: больной возбуждается до самозабвения всяким одобрением и падает до апатии без одобрения. Лечение невозможно. Диета: воздержание от общества людей, стоящих ниже по образованию.

ИЛЬЯ ТОЛСТОЙ: Вот оно что! А я-то в детстве удивлялся, почему papà меня никогда ни за что не похвалит. Это, оказывается, делалось в лечебных целях!

ТАНЯ-ДОЧЬ: (*читает*) «Толстая Татьяна Львовна...» Ну, как говорил почтмейстер Шпекин в «Ревизоре», дальше тут неразборчиво написано.

СЕРГЕЙ ТОЛСТОЙ: (*со смехом отнимает у неё письмо, возобновляет чтение*) «Толстая Татьяна Львовна. Больная одержима манией, состоящей в совершенном прекращении всякой умственной и духовной деятельности и в страстном ожидании звонков у дверей или под дугой для возбуждения жизни посредством тщеславия. Признаки общие: сонливость, невнимание ко всему окружающему или сверхъестественное возбуждение. Подчинение своей воли воле других людей, по летам и развитию стоящих ниже себя. Признаки частные: порывистые и судорожные движения ног при звуках музыки, причём особенное искривление плеч и стана. Лечение: раннее вставание, физический труд, правильное распределение дня. Диета: отсутствие халата,

зеркала и угощения. При исполнении этого режима исход болезни благоприятный».

ТАНЯ-ДОЧЬ: А кто виноват? Когда я в три года выбежала из ванной голенькая, с намыленной головой, кто-нибудь из родителей сказал мне, что красоваться – нехорошо?

СЕРГЕЙ ТОЛСТОЙ: *(продолжает чтение)* Кузминская Татьяна Андреевна. Одержима манией *demonica complicata* (одержимость бесом), представляющей мало вероятности исцеления. Больная принадлежит к отделению опасных. Происхождение болезни: незаслуженный успех в молодости и привычка удовлетворённого тщеславия без нравственных основ жизни. Признаки болезни: страх перед мнимыми личными чертами и пристрастие ко всякого рода искушениям: праздности, роскоши, злости. Забота о той жизни, которой нет, и равнодушие к той, которая есть. Больная чувствует себя постоянно в сетях дьявола, любит быть в его сетях и, вместе с тем, бояться его. Лечение двойное: или совершенное предание себя дьяволу, или совершенное отчуждение от дел его. Диета – в первом случае: трюфеля и шампанское, платье всё из кружев, три новых в день. И во втором – щи, каша, по воскресеньям сладкие ватрушки, и платье одного цвета и покроя на всю жизнь.

ТАНЯ КУЗМИНСКАЯ: Прошу в первом случае для лечения добавить ещё одно дьявольское занятие – охоту. Занятие, к которому меня пристрастил весьма умелый искуситель.

СЕРГЕЙ ТОЛСТОЙ: *(продолжает)* Толстая Софья Андреевна. Находится в отделении смиренных, но время от времени должна быть отделяема. Больная одержима манией *Petulantiatoripigis maxima* (страсть к наживе). Пункт помешательства в том, что больной кажется, что все от неё всего требуют, и она никак не может успеть всё сделать. Признаки: разрешение задач, которые не заданы; ответвление на вопросы, прежде чем они поставлены; оправдание себя в обвинениях, которые не деланы, и удовлетворение потребностей, которые не заявлены. Лечение: напряжённая работа. Диета: разобщение с легкомысленными и светскими

людьми. Хорошо тоже действуют в этом случае в умеренной дозе воды кузькиной матери.

Смех за столом умолкает, улыбки бледнеют. Все головы поворачиваются к Софье Андреевне. Она пытается улыбнуться, потом поспешно встаёт.

С.А.: Господи, совсем забыла одно незаданное мне дело! Пора Андрюше давать лекарство. Пойду проверю, не забыла ли гувернантка.

Выходит из столовой. Головы присутствующих поворачиваются к Толстому. Он разводит руками, потом встаёт и тоже уходит. Догоняет жену у дверей детской.

Л.Н.: Неужели ты обиделась? Даже Таня Кузминская только посмеялась на мой шарж.

С.А.: Нет, не обиделась. Я ведь давно знаю, какой ты меня видишь. Но меня удивило, что в свой автопортрет ты включил только симптомы возвышенного помешательства. Совсем не упомянул простые психические отклонения, которые делают жизнь рядом с тобой такой трудной для окружающих.

Л.Н.: Какие, например?

С.А.: Например, полные провалы памяти, неспособность ориентироваться во времени и пространстве. На пароход с детьми опоздал, на поезд опаздываешь, на важные письма отвечать забываешь, приглашённым гостям посылаешь коляску не на ту станцию, пытаешься выводить новую породу лошадей, находясь за тысячу вёрст от конюшни. Только что потерял чемодан с чужими книгами и вычитанными корректурами. Так что вод кузькиной матери мне вполне хватает. Но ты ведь считаешь, что меня нужно лечить напряжённой работой.

Л.Н.: Как я устал... Как я устал от твоей нелюбви ко мне... Чего ты хочешь от меня?

С.А.: Через неделю ты уедешь в самарское имение. Я опять останусь с огромным хозяйством на руках, с необходимостью оплачивать все счета, нанимать и рассчитывать работников, получать плату от книготорговцев. Я хочу, чтобы перед отъездом ты оформил у нотариуса полную доверенность на меня на ведение всех дел, связанных с имуществом и деньгами.

Л.Н.: Имущество и деньги! Ты знаешь, как ненавистны для меня стали эти две вещи, как я хотел бы не иметь с ними никакого дела.

С.А.: Вот и прекрасно. Ты считаешь собственность проклятием рода человеческого – вот и перевали это проклятие на жену, одержимую страстью к наживе.

Л.Н.: Я вовсе не имел в виду...

Его вдруг начинают душить слёзы. Он вслепую протягивает руки вперёд. Софья Андреевна нерешительно делает шаг ему навстречу. Они обнимаются и тихо плачут на плече друг у друга.

Сноска за кадром:

Не всегда плодоносно покаяние. Покаяние может не давать плода и может довести до омертвления, до духовного самоубиения.

Николай Бердяев

Московский дом Толстых, октябрь 1883 года. Лакей в белых перчатках ведёт через гостиную молодого гвардейского офицера – Владимира Григорьевича Черткова (29 лет). Впускает его в сапожную мастерскую, устроенную рядом с кабинетом. Толстой (на нем, поверх обычной рубахи, рабочий фартук, в руке молоток) встаёт от верстака, на котором закреплена сапожная колодка, смотрит на гостя, потом – на его визитную карточку.

Л.Н.: Чертков Владимир Григорьевич... Простите, не могу припомнить...

ЧЕРТКОВ: Прошу меня извинить, ваше сиятельство, за то, что вторгаюсь без приглашения и не будучи представлен... Но знакомый вам тульский прокурор Давыдов имел в виду познакомить нас и даже обещал взять с собой в Ясную Поляну в свой следующий визит...

Л.Н.: А-а, ну конечно! Он говорил мне о вас. И ещё один посетитель, Русанов, тоже описывал вашу необычную для помещика деятельность в вашем имении. Это правда, что вы открыли там на свои средства ремесленную школу для крестьянских детей?

ЧЕРТКОВ: Да, и ещё несколько заведений для облегчения и улучшения участи крестьян: больничное

отделение, учебный хутор с передовыми приёмами сельского хозяйства.

Л.Н.: Это замечательно! И сколько учеников в ремесленной школе?

Портрет В.Г. Черткова

ЧЕРТКОВ: Думаю, около шестидесяти.

Л.Н.: А давно вы знакомы с Давыдовым?

ЧЕРТКОВ: Нет, только в этом году встретил его на свадьбе моего приятеля. Я там в застольной беседе стал говорить о том, что с моей точки зрения, государственная служба, и особенно – военная служба, несовместима с Евангельским учением Христа. По лицам я видел, что мои слова были приняты просто как попытка интересничать, привлечь к себе внимание парадоксами. На самом деле я твёрдо решил оставить военную службу и поселиться в деревне.

Л.Н.: Я тоже в этом году порвал последние связи с официальным миром: отказался от поста уездного предводителя дворянства и от роли присяжного заседателя в суде. За последний отказ меня покарали штрафом в двести рублей.

ЧЕРТКОВ: Среди сидевших за столом только любезный Давыдов сказал: «Да ведь Лев Толстой говорит то

же самое. Вы как будто повторяете слова Толстого – вам непременно нужно познакомиться с Толстым».

Л.Н.: Очень рад, что вы последовали его совету. Присаживайтесь вот на тот табурет – я его специально держу чистым для посетителей.

ЧЕРТКОВ: Благодарю. Но потом случилось ещё одно событие, усилившее моё желание встретиться с вами. В Петербурге мне дали прочесть несколько гектографированных страничек из вашей «Исповеди». Меня поразило точное совпадение описанного там с тем, что случилось со мной года четыре назад. Вопрос о смысле человеческой жизни – и моей в том числе – возникал в моей голове снова и снова, и я не мог найти на него ответа. Я пытался жить достойной жизнью, но всё меньше и меньше разделял взгляды моего круга и моей семьи на то, что можно считать достойным. Церковное учение потеряло для меня свой авторитет, в существовании Бога я сомневался. По временам я чувствовал, что быстро приближаюсь к отчаянию и сумасшествию. Поэтому чтение отрывков из вашей книги принесло мне чувство огромного облегчения: «Я не один такой!».

Л.Н.: Мне было очень горько, когда цензура запретила издание. Я чувствовал, что много молодых людей должны были дойти до того же кризисного состояния, что и я, и нам необходимо знать о существовании друг друга.

ЧЕРТКОВ: Я когда-то читал, что в Древнем Вавилоне медицинская помощь была организована весьма своеобразным способом: топчан с больным выставляли на улицу, и каждый прохожий должен был останавливаться, расспрашивать страдальца о его недуге и, если ему были известны похожие заболевания, рассказывать, как их лечили другие. Вы будто подошли к моему топчану и рассказали, как похожая болезнь протекала у вас и на что здесь можно надеяться.

Л.Н.: Полагаю, что и юность у нас с вами протекала похоже, хотя я намного старше вас. Богатство, привилегии, прислуга, светские связи, военная карьера?

ЧЕРТКОВ: Если отец – генерал-адъютант при императоре...

Л.Н.: Наверное, и грехи молодости были те же самые?

ЧЕРТКОВ: О, да. Когда я читал описание жизни молодого Пьера в «Войне и мире», я узнавал все свои увлечения: вино, женщины, карты.

Л.Н.: Много проигрывали?

ЧЕРТКОВ: Зарывался иногда, да. Не до такой степени, как Николай Ростов, но всё же. Мы с товарищами по полку пытались порой удерживать друг друга. Один приятель однажды вручил мне такое примерно обязательство: «Под страхом быть оплётанным всеми моими друзьями обещаю ни в коем случае ни под каким предлогом не играть в рулетку в течение двух месяцев». А в другой раз подобную же расписку я вручил ему. Но через два месяца всё возвращалось на круги своя.

Л.Н.: И ведь часто начиналось с добрых порывов. Помню, во время Севастопольской компании я решил начать выпускать газету для солдат. Откуда взять деньги? Родителей тогда уже не было в живых, и я послал управляющему приказ продать дом, в котором я был рождён, и прислать мне деньги. Благие намерения как-то испарились сами собой, и вскоре в несколько приёмов я проиграл всю сумму – кстати, немалую.

ЧЕРТКОВ: Когда служишь в гвардии, с рядовыми солдатами встречаться почти не приходится, только с денщиками. Но вдруг, во время последней войны, судьба свела меня с ними. Нам было поручено по очереди дежурить в госпитале для раненых и следить, чтобы там не было никаких злоупотреблений. Конечно, при нашей неопытности, скрытых хищений мы бы не смогли обнаружить, дело было пустой формальностью. Но я увидел там такое море человеческих страданий и такое достоинство в перенесении их ранеными, что не забуду этих впечатлений никогда. А как они были благодарны за каждое слово участия от медсестёр или дам-патронесс, за принесённый калач, за письмо, написанное домой под диктовку.

Л.Н.: Есть у вас семья, которая разделяла бы ваши чувства? Вы женаты, есть дети?

ЧЕРТКОВ: Пока нет. Я очень близок с матерью. У меня были братья, старший и младший, но оба умерли. О младшем, Мише, осталось одно яркое воспоминание. Ему лет шесть, мне, следовательно, восемь, мы сидим в каком-то доме, в стороне от всех, на лестнице, прижавшись друг к другу, обнимаясь и сознавая и говоря друг другу, что мы один другого очень-очень любим, так любим, что и сказать нельзя, и что никто этого не знает и не мог бы понять. Видимо, от того, что я остался единственным сыном, меня окружали такой охранительной заботой, что я многих простых вещей о жизни не знал слишком долго.

Л.Н.: Но матери вы не смогли рассказать о той грани отчаяния, на которой оказались?

ЧЕРТКОВ: Она в последнее время увлеклась проповедью английского проповедника, лорда Редстока, и вслед за ним верит в божественность Христа, в спасительную необходимость молитвы и в то, что в Библии надо искать – и находить – ответы на все вопросы жизни. Мои деревенские занятия и проекты она поддерживает, щедро даёт деньги на них, но интересы её остаются интересами высшего петербургского света. Недавно прислала письмо, в котором подробно описала, как вся царская семья приехала с визитом в наш дом в Петербурге, как приятно провели вечер за картами и ужином, кто с кем сидел за столом. Но в конце, как бы извиняясь, приписала: «Не знаю, довольно ли тебя всё это интересует при твоих новых увлечениях».

Л.Н.: В моей семье разве что одна лишь дочь Маша разделяет мои новые взгляды. Очень надеюсь, что постепенно мне удастся переубедить и остальных. Но, честно говоря, больше всего мне хотелось бы, чтобы перестали арестовывать и ссылают людей, читающих мои книги, а посадили бы в тюрьму или отправили бы в ссылку меня самого.

ЧЕРТКОВ: Нет ли какой-то возможности для меня прочесть полный текст «Исповеди»?

Л.Н.: У меня ещё остались корректурные листы запрещённой книги. Я распоряжусь послать их вам. А сейчас я заканчиваю сочинение близкое по теме, которое

тоже, наверняка, будет запрещено цензурой. Хотите послушать отрывки?

ЧЕРТКОВ: О, я буду признателен, как вавилонский больной!

Л.Н.: (*достаёт корректуру, читает начало книги «В чём моя вера?»*) Я прожил на свете 55 лет и, за исключением четырнадцати или пятнадцати детских, 35 лет я прожил нигилистом в настоящем значении этого слова, то есть не социалистом и революционером, как обыкновенно понимают это слово, а нигилистом в смысле отсутствия всякой веры.

Пять лет тому назад я поверил в учение Христа, и жизнь моя вдруг переменилась: мне перестало хотеться того, чего прежде хотелось, и стало хотеться того, чего прежде не хотелось. То, что прежде казалось мне хорошо, показалось дурно, и то, что прежде казалось дурно, показалось хорошо...

Сноска за кадром:

Милый и дорогой Лев Николаевич!.. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь это дар Вам оттуда же, откуда всё другое. Ах, как я был бы счастлив, если б мог подумать, что моя предсмертная просьба на Вас подействует!

Иван Тургенев

Терраса Яснополянского дома, июнь 1884. Толстой, держа в руках дневник, с энтузиазмом объясняет жене план новой жизни. Софья Андреевна, беременная на последнем месяце, слушает его терпеливо, устало, рассеяно.

Л.Н.: Я всё рассчитал, всё прикинул на счётах – это вполне реально и выполнимо. Если мы все будем жить в Ясной Поляне, наши расходы сократятся в пять, в десять раз. Доходы с Самарского имения можно будет отдать бедным и на школы в Самаре, распорядиться этим будут сами арендаторы. Доход с Никольского – точно так же, отдав землю мужикам. Доход с Ясной Поляны временно оставить себе, то есть нам с тобой и младшим детям. Главное ограничить свои потребности до предела, стараться больше давать, чем брать, к чему и направлять все силы и видеть в этом радость жизни.

С.А.: А куда ты определил старших детей?

Л.Н.: Взрослым троим представить на выбор: брать себе от бедных следующую им часть Самарских или Никольских денег, или, живя там, содействовать тому, чтобы деньги эти шли на добро или, живя с нами, помогать нам. Меньших же воспитывать так, чтобы они привыкли меньше требовать от жизни. Учить их тому, к чему у них охота, но не одним наукам, а наукам и работе.

С.А.: Из каких же денег мы будем оплачивать прислугу?

Л.Н.: Прислуга нам понадобится только в самом начале, чтобы они нас научили всему необходимому и чтобы мы смогли обходиться без них.

С.А.: Ты, я полагаю, будешь колоть дрова, топить печи, таскать воду из колодца, шить сапоги и всё остальное, что ты уже делаешь и так. Мне же придётся учиться на прачку, на повариху, на уборщицу, на портниху. А вот если в комнате протечёт потолок, кто полезет на крышу чинить?

Л.Н.: Нам не понадобится так много комнат. Жить будем все вместе: мужчины в одной комнате, женщины и девочки – в другой. Будет ещё библиотека для умственных занятий и рабочая комната – общая. Видимо, для тех, кто не в силах устоять перед зовом плоти, понадобится ещё отдельное небольшое помещение.

С.А.: В него, я полагаю, будут пускать по расписанию. Сколько дней ты планируешь оставить для себя?

Л.Н.: Твой сарказм не сможет опровергнуть правильность моего плана. Учение, работа, хозяйство, помощь хлебом, лечением. Жизнь, пища, одежда. Всё лишнее – фортепяно, мебель, экипажи – продать, раздать. Обращение со всеми, от губернатора до нищего – одинаковое. Цель одна – счастье, своё и семьи. А счастье – это довольствоваться малым и делать добро другим.

С.А.: Я тебе расскажу, что значит «довольствоваться малым». Нашей семье нужно 910 рублей в месяц – как минимум. 203 – на образование детей, 98 – на прислугу, 609 – еда и все прочие расходы. И каждый месяц я ломаю голову, откуда взять эти деньги. А ты в таких обстоятельствах пишешь в Самарское имение письмо,

разрешающее арендаторам не платить те 10 тысяч, которые они нам задолжали.

Л.Н.: Я разрешил Алексею Алексевичу простить только тех крестьян, которые, действительно, не могут платить, а ты уже...

С.А.: Алексей Алексеевич Бибиков – достойный человек, гонимый судьбой и властями, крайне нуждающийся. А ты взвалил на него тяжкую роль управляющего, требующую столько времени и нервов, и хочешь, чтобы он исполнял её по дружбе, бесплатно. Потому что деньги, мол, унижают и всё губят. Ты называешь работой только то, что оставляет на руках мозоли. Всякая деятельность, требующая знаний, опыта, расчёта, в твоих глазах – баловство и безделье. На самом деле всё губят не деньги, а слепота и глухота, когда человек только хочет умиляться своей добротой и любоваться на себя, и красоваться перед другими.

Л.Н.: Ну, довольно! Ты стала не просто бесчувственной, а деревянной! Жернов на моей шее и на шее детей – вот ты кто. Жена, помощница мужу? Ты давно уже не помогаешь, а только мешаешь. Мать детей? Ты не хочешь ею быть, пыталась избавиться от маленького. Подруга ночей? Ты и из этого делаешь только игрушку и заманку. Сожитие с чужой по духу женщиной – гадость, грех! Это всё невыносимо больше! Я давно должен был уйти – наконец, уйду сегодня!

Убегает в дом, поднимается в свой кабинет, начинает поспешно запихивать вещи в заплечный мешок. С мешком за плечами и с посохом в руках, выходит из дома, идёт по дороге к выходу из поместья.

С.А.: Лёвочка, что ты?.. Куда?..

Л.Н.: В Англию, во Францию, в Америку – куда угодно!..

С.А.: *(идёт за ним по дороге, поддерживая большой живот)* Но как же дети?.. Как маленький?..

Л.Н.: Все только вздохнут с облегчением... *(Уходит)*

Из дома выбегает Илья Львович, догоняет мать, помогает ей вернуться.

Толстой с посохом и рюкзаком идёт по дороге в Тулу. Борода развеивается, взгляд устремлён вперёд. Останавливается в сомнениях. Вечереет. Беглец снова устремляется вперёд. Опять останавливается. Поворачивает. Приходит домой, тихо проходит мимо приоткрытой двери в гостиную. Там его взрослые дети играют в винт. Толстой проходит в свой кабинет, укладывается на диване.

Утро следующего дня. Толстой просыпается от крика младенца. Поспешно встаёт, идёт в комнату жены. С растерянной улыбкой приближается к постели роженницы. Она протягивает ему руку.

С.А.: Девочка... Можно мы назовём её Александра?.. В честь твоей любимой тётушки Александрин?..

Л.Н.: Конечно... Александрин будет очень польщена... Как ты себя чувствуешь?.. Мне так стыдно, что я проспал...

Он берёт руку жены, собирается поцеловать её в лоб. Но тут взгляд его падает на младенца, которого держит молодая крестьянка – приглашённая кормилица. Она достаёт грудь, умело сует сосок в рот ребёнка. Толстой с отвращением отшатывается от жены, выходит из комнаты.

Сноска за кадром:

Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья, / да брат мой от меня не примет осужденья, / и дух смирения, терпения, любви / и целомудрия мне в сердце оживи.

Александр Пушкин

Конец пятого акта

Акт 6

Прасковья

Эпистолярный диалог, осень 1884. Софья Андреевна – в московском доме, Лев Николаевич – в Ясной Поляне. Экран разделён на две половины, оба супруга – лицом к зрителю.

С.А.: Я грустна, растеряна, терпелива и тиха. О тебе думаю постоянно, но не желаю, чтобы ты приезжал в Москву, потому что мне нестерпимо больно видеть тебя

таким, каким ты бываешь здесь. Напротив, так успокоительно и радостно вспоминать тебя таким, каким ты был вот эту последнюю осень в Ясной.

Л.Н.: Нынче проснулся и встал в восьмом часу. День ещё лучше и теплее позавчерашнего. Я отпустил Андриана и сам убрался и наколот дров, что мне доставило большое удовольствие.

С.А.: Вчера получила твоё первое письмо, и мне стало грустно от него. Я вижу, что ты остался в Ясной не для той умственной работы, которую я ставлю выше всего в жизни, а для какой-то игры в Робинзона. Отпустил Андриана, которому без памяти хотелось дожить месяц и подработать, отпустил повара, для которого это тоже было удовольствием не даром получать свою пенсию. Ты, конечно, скажешь, что так жить – это по твоим убеждениям, и что тебе так хорошо; тогда это другое дело, и я могу только сказать: «наслаждайся», и всё-таки огорчаться, что такие умственные силы пропадают в колке дров, ставленьё самоваров и шитьё сапог.

Л.Н.: Нынче ты бы меня бранила, и поделом. Я дурно себя вёл, а именно: встал в восемь, убрался, напился кофе... Вышел в сад – погода восхитительная. Думаю, надо воспользоваться, только взгляну на переписанное. Сел, стал читать, поправлять, и до шести часов, со свечой, ещё работал. И устал. Ты скажешь: пустое занятие. Мне самому так казалось. Но потом я вспомнил ту главу, которую я поправлял и над которой больше всего сидел, – это глава об искуплении и божественности Христа. Как ни смотри на это: для миллионов людей вопрос этот огромной важности, и потому кое-как или основательно исследовать его, – это важно, если только писание моё будет прочитано.

С.А.: Вот те на! Я тебя упрекала, что ты *физическим* трудом слишком занят, а, оказывается, ты как раз наоборот – слишком много *умственно* занят. Главное, милый друг, береги себя всячески; чтоб я была довольна, надо только одно: чтоб ты был счастлив, здоров и не измучен... Я вдруг себе ясно тебя представила, и во мне вдруг наплыв нежности к тебе. Такое в тебе что-то есть *умное, доброе, наивное и упорное*, и всё освещено только тебе одному свойственным

светом нежного участия ко всем и взглядом прямо в душу людям.

Л.Н.: Я много, хорошо думал о том, что мне надо самому вести хозяйство... Мне стало ясно, что если то, что я считаю истиною и законом людей, должно сделаться законом на деле в жизни, то это делается только тем, что мы, богатые, насилующие, будем произвольно отказываться от богатства и насилия... Процесс этот будет медленным и может совершаться только тогда, когда мы сами будем заведовать своими делами и, главное, сами входить в сношения с народом, работающим на нас. Хочу попытаться совершенно свободно, без насилия, а по доброте вести сам дело с народом в Ясной... Душа моя, пожалуйста, имей в виду, что это дело для меня очень душевное, и необдуманно и сгоряча не возражай и не нарушай моего настроения.

С.А.: Пойми, мы на разных дорогах с детства: ты любишь деревню, народ, любишь крестьянских детей, любишь всю эту первобытную жизнь... Я – *городская*, и как бы я ни рассуждала и ни стремилась любить деревню и народ, любить это всем существом не могу и не буду никогда. Люблю же я только *природу*, и с этой природой я могла бы теперь жить до конца жизни и с восторгом. Описание твоё деревенских детей, жизни народа и прочее, ваши сказки и разговоры, всё это, как и прежде, при Яснополянской школе, осталось неизменно. Но жаль, что *своих* детей ты мало полюбил... Когда ты уходишь в эту деревенскую атмосферу нравственную, я за тобой болезненно и ревниво слежу, и вижу, что тут мы *наверное* не вместе; и не потому, что я этого не хочу, а потому, что менее, чем когда-либо – *могу*.

Л.Н.: Насчёт известий самарских не смущайся. Видно, действительно, там ужасный год. Если бы случилось, что мужики не заплатят нынешний год, тем дороже будет следующий. Землю можно раздавать нынешний год порознь. А если нужны будут деньги, то поверь, что найдутся. К несчастью, деньги есть и будут, и есть охотники проживать чужие труды. Как я и говорил тебе, всякое сознательное и добровольное уменьшение своих требований в нашей семье на пять рублей в месяц дороже приобретения пятидесяти

тысяч. Не могу я, душенька, не сердись, – приписывать этим денежным расчётам какую-нибудь важность. Знаю я, что тебе это часто, а детям всегда, невыносимо скучно, а я не могу не повторять, что счастье или несчастье всех нас не может зависеть ни на волос от того, проживём ли мы всё или наживём, а только от того, что мы сами будем.

С.А.: О деньгах что ж говорить, ты и без меня всё знаешь. В банке у нас 3 300 рублей серебром, да у меня семьсот, которые тают не по дням, а по часам в Москве. Не знаю, сколько продлится моё лечение и сколько надо будет заплатить доктору. Мне велено сидеть и лежать: ни ходить, ни ездить, ни волноваться – ничего. Это очень скучно, но что делать, не побереглись после родов, теперь и сиди... Хуже всего прижигания – и стыд, и боль. Вчера было очень плохо, такая боль и что-то всё лило, будто у меня внутри нарыв прорвался. А сегодня вдруг весь день ни капли, и боль гораздо слабее.

Л.Н.: Вчера получил твоё письмо после посещения доктора, и ужасно мне стало грустно и тяжело, а главное, сам я себе стал ужасно гадок. Всё я – грубое и эгоистическое животное! А ещё я храбрюсь и осуждаю других и гримасничаю добродетелью. Не могу тебе выразить, как мне было и есть тяжело! Вчера и во сне всё видел себя презирающим себя... Пожалуйста, пиши мне подробнее о своём здоровье.

С.А.: Ну что ты, милый друг, так смутился моим нездоровьем? Совсем ты не виноват. Оба виноваты, и это случилось, может быть, просто от какой-нибудь механической причины во время родов. Ах, Лёвочка, если бы я писала в те минуты, когда хочу тебя видеть, то я разразилась бы таким потоком страстных, нежных и требовательных слов, что ты не остался бы недоволен. Но я задалась мыслью *исполнять свой долг* по отношению к тебе, – как к писателю, как к человеку, нуждающемуся в свободе прежде всего. Тебе хорошо в Ясной – и я счастлива этим. Твоё умиление за музыкой, впечатления природы, желание писать – всё это *ты самый настоящий*, тот самый, которого ты хочешь убить, но который чудный, милый, поэтический и

добрый, тот самый, которого в тебе все знающие тебя так сильно любят. И ты не убьёшь его, как ни старайся.

Л.Н.: Милая Соня, ты не поверишь, как меня мучает мысль о том, что ты через силу работаешь, и раскаяние в том, что я не помогал тебе... Я всё то же думаю и чувствую, но я излечился от заблуждения, что другие люди могут и должны смотреть на всё, как я. Я много был перед тобой виноват, душенька, бессознательно, невольно – но виноват.

Сноска за кадром:

Есть блуд труда – и он у нас в крови.

Осип Мандельштам

Московский дом Толстых, 21 ноября 1984. Два гостя дожидаются хозяина в его кабинете: Владимир Григорьевич Чертков (30 лет) и Павел Иванович Бирюков (24 года). Чертков в штатском, Бирюков в форме морского офицера. Входит Толстой – в полушубке, в тёплых рукавицах, румяный с мороза.

Л.Н. Толстой с женой Софьей Андреевной

Л.Н.: Простите, господа, за опоздание. Пилил с мужиками дрова на Воробьёвых горах, надо было кончить урок.

ЧЕРТКОВ: Позвольте вам, Лев Николаевич, представить Павла Ивановича Бирюкова, о котором я вам писал. Он во многом разделяет наши с вами взгляды и был бы рад помогать в нашей деятельности по мере сил.

Л.Н.: (*жмёт руку Бирюкову*) Очень рад, очень рад. Если вы считаете учение Христа истиной, об остальном мы легко договоримся. А как же морская служба? Разве она оставляет вам свободное время?

БИРЮКОВ: Я планирую в ближайшее время выйти в отставку, уже подыскал себе место в астрономической обсерватории.

Л.Н.: Ага, астрономия! Я очень интересуюсь этой наукой. Буду рад, если вы сможете подредактировать астрономические главы в новом издании моей «Азбуки».

ЧЕРТКОВ: Но гардемарин Павел Иванович уже успел совершить кругосветное путешествие на фрегате «Герцог Эдинбургский». И сопровождал великого князя Константина Константиновича в его поездке в Палестину. А воспитывался в Пажеском корпусе. Его очень заинтересовали наши с вами планы организовать издательство, нацеленное на выпуск недорогих и хороших книг для народа.

Л.Н.: О, в этом деле нам очень будет нужна помощь молодых энергичных людей.

ЧЕРТКОВ: В Петербурге я рассказал о проекте издательства художнику Крамскому. Он был очень рад узнать, что вы согласились вернуться к писанию художественных рассказов. Выразил уверенность, что и другие художники помогут с иллюстрированием книг, когда узнают, что Толстой – среди руководителей и авторов.

БИРЮКОВ: Рабочий день в обсерватории не должен быть слишком долгим. Думаю, что я смогу уделять издательству по пять-шесть часов в день.

ЧЕРТКОВ: Это замечательно! Я порой представляю себя за письменным столом, освещённым лампой с зелёным абажуром, погружённым в самую сложную и кипящую редакторскую работу. Воображаю, как всё у нас будет разумно, просвещённо, благородно, как нас будут хвалить в газетах. Но тут же, конечно, ловлю себя на этом ребяческом

самодовольстве и самолюбовании, становится совестно. Лучше всего помогает тот приём, которому вы, Лев Николаевич, меня научили: подумай о неизбежной смерти – и всякое самохвальство раствориться, как пар.

Раздаётся стук в дверь, и входит тринадцатилетняя дочь Маша. Взгляд её на минуту задерживается на молодом офицере, потом она поворачивается к отцу.

МАША: Папа, все уже собрались в столовой и ждут.

Л.Н.: Ах, да. Господа, семья уговорила меня почитать отрывки из новой повести, которую я недавно начал. Называется «Смерть судьбы». Не хотите ли послушать? Мне будет весьма полезно узнать ваше мнение.

Чертков и Бирюков радостно изъявляют согласие. Все переходят в столовую. Там, вокруг стола, уже сидят Софья Андреевна, брат Сергей Николаевич Толстой, князь Сергей Семёнович Урусов, и старшие дети – Сергей, Таня, Илья.

Л.Н.: Дорогие мои, с Владимиром Григорьевичем вы все уже знакомы. А это наш новый друг, Павел Иванович Бирюков. Прошу любить и жаловать. *(Следует обмен поклонами.)*

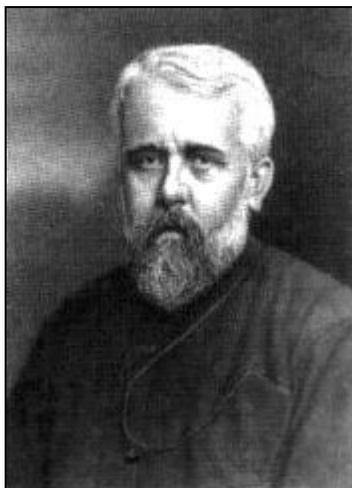
С.А.: Лёвочка, ты в прошлый раз дошёл до женитьбы Ивана Ильича. Вот, я переписала новые страницы.

Л.Н.: *(берёт протянутые ему листы, начинает читать)* Девушка Прасковья Фёдоровна была хорошего дворянского рода, недурна; было маленькое состояньице. Иван Ильич мог рассчитывать на более блестящую партию, но и эта была партия хорошая...

Во время чтения камера скользит по лицам слушателей. Софья Андреевна, которая уже знает содержание нового отрывка, слегка кивает. Сергей Николаевич сидит, скрестив руки на груди. Остальные слушают с искренним волнением, в полной тишине. Маша время от времени бросает украдкой взгляды на Бирюкова.

Л.Н.: ...Но жена его, Прасковья Фёдоровна, один раз с такой энергией начала грубыми словами ругать его и так упорно продолжала ругать его всякий раз, когда он не исполнял её требований, очевидно твёрдо решившись не

переставать до тех пор, пока он не покорится, то есть не будет сидеть дома и не будет так же, как и она, тосковать, что Иван Ильич ужаснулся. Он понял, что супружеская жизнь – по крайней мере с его женой – не содействует всегда приятностям и приличию жизни, а напротив, часто нарушает их, и что поэтому необходимо оградить себя от этих нарушений.

П.И. Бирюков

Сергей Николаевич незаметно поворачивает голову в сторону Софьи Андреевны. Та сидит спокойно, задумчиво смотрит прямо перед собой.

Л.Н.: «Вы знаете, – говорила жена знакомым, – Иван Ильич не может, как все хорошие люди, строго исполнять предписанное лечение. Нынче он примет капли и кушает, что велено, и вовремя ляжет; завтра вдруг, если я посмотрю, забудет принять, скушает осетрины, да и засидится за винтом до часа» ...Внешнее, высказываемое другим и ему самому, отношение Прасковьи Фёдоровны было такое к болезни мужа, что в болезни этой виноват Иван Ильич и вся болезнь эта есть новая неприятность, которую он делает жене. Иван Ильич чувствовал, что это выходило у неё невольно; но от этого ему не легче было.

Бирюков наконец ловит на себе Машин взгляд и слегка улыбается ей в ответ.

Л.Н.: ...Она посидела, подошла и поцеловала его в лоб. Он ненавидел её всеми силами души в то время, как она целовала его, и делал усилия, чтобы не оттолкнуть её.

К этому моменту головы родных опущены, дети стараются не смотреть на мать. Но Софья Андреевна сидит так же спокойно, так же открытым взором смотрит перед собой.

Сноска за кадром:

Станешь ли ты когда, о душа, простой, единой, чистой и видною более, нежели облакающее тебя тело? Вкусишь ли когда-нибудь счастье дружеского и любовного расположения к людям?.. Будешь ли ты когда в состоянии жить с людьми и богами так, чтобы не роптать на них и самой не быть осуждаемой ими?

Аврелий

Петербург, февраль 1885 года, квартира Достоевских. Софья Андреевна в гостях у вдовы писателя, Анны Григорьевны (39 лет).

ДОСТОЕВСКАЯ: И первая наша попытка самим издавать произведения Фёдора Михайловича была предпринята двенадцать лет назад, с романом «Бесы». Раз вы тоже решились попробовать этот путь, вам следует быть готовой к тому, что все друзья и знакомые станут говорить вам, что это безумие, что все, кто пытался, провалились, и что ваши долги только возрастут. Я всего этого наслушалась в своё время, но не отступила. Меня возмущало, что издатель должен был давать книготорговцам скидку 50-60 %, сдавать изданные книги на комиссию и потом годами ждать оплаты.

С.А.: Вы совершенно правы – я со всех сторон слышу только предостережения и обещания провала. И то, что вы согласились поделиться со мной своим опытом, – огромная поддержка для меня.

ДОСТОЕВСКАЯ: Мои расчёты были просты: типограф сказал мне, что за изготовление тиража в три с половиной тысячи экземпляров он хочет получить с меня четыре тысячи рублей серебром. Так как имя моего мужа к тому времени уже было хорошо известно читателям, он

готов был сделать эту работу в кредит на полгода. Если продавать книгу по три-пятьдесят за экземпляр, можно получить больше двенадцати тысяч. Допустим, из них четыре тысячи уйдёт книгопродавцам в виде скидок, которые я собиралась ограничить тридцатью процентами для оптовых закупок. Тогда должно получиться около четырёх тысяч дохода.

Анна Достоевская

С.А.: То, что вы рассказали о возможности кредита – необычайно важно. Как вы думаете, под имя Льва Толстого типограф согласится дать мне кредит на изготовление?

ДОСТОЕВСКАЯ: Я уверена в этом. И вот, представьте себе этот момент: тираж изготовлен, и я даю объявление в газеты. Утро следующего дня. Фёдор Михайлович ещё спит, он всю ночь работал, как всегда – с кофе и папиросами. Раздаётся звонок в дверь, появляется первый посыльный из магазина, говорит, что ему поручено забрать у меня 10 экземпляров. «Цена 3,50, говорю я, уступка 20 %, с вас 28 рублей». «20 %? Что так мало? Нельзя ли хотя бы 30 %?» – «Это только при закупке ста экземпляров и больше». А сама думаю: «Сейчас упушу

первого покупателя!» Посыльный говорит: «Я дам вам расписку». А я: «Нет, только за наличные».

С.А.: Ох, не знаю, хватит ли у меня такой твёрдости!

ДОСТОЕВСКАЯ: Покупатели тянулись весь день. Многие пытались торговаться, кому-то я немного уступала. Фёдор Михайлович проснулся только в два часа дня, но в первый час он бывал так суров и неприветлив, что я привыкла ждать, когда он выпьет свой горячий-горячий кофе. Наконец, вошла к нему доложить о событиях. «Ну, как идёт наша торговля? – спросил он. – Хоть одну книгу продала?» – «Не одну, а 115», ответила я с гордостью. Он решил, что я шучу. Тогда я положила перед ним пачку кредиток – что-то около трёхсот рублей. Он знал, что в доме у нас таких денег не водилось. Должен был поверить.

С.А.: Воображаю, какое это было для вас торжество!

ДОСТОЕВСКАЯ: И облегчение тоже. Потому что мы до этого только погружались глубже и глубже в долги. За год мы продали почти весь тираж. Прибегавшие приказчики из магазинов как только не называли книгу! «Дайте мне десяток чертенят! Срочно нужны ещё двадцать дьяволов!» Прохоровна, няня моих детей, слыша часто эти слова, даже жаловалась и уверяла, что с тех пор как у нас в доме завелась бесовщина, мой сын стал беспокойнее и хуже спал по ночам.

С.А.: Ваш рассказ, Анна Григорьевна, так воодушевил меня, что я теперь почти уверена в успехе. Есть банкиры, готовые одолжить мне до 25 тысяч рублей на издание собрания сочинений.

ДОСТОЕВСКАЯ: Вскоре мы уже могли нанять помощников, которые занимались продажей и вели бухгалтерию. Я же смогла сосредоточить своё внимание на корректуре набора. Фёдор Михайлович был совершенно нетерпим к малейшим опечаткам.

С.А.: Лев Николаевич к опечаткам довольно снисходителен. Но он мучает переписчиков и наборщиков бесконечными переделками. «Войну и мир» я своей рукой переписала, наверное, раз тридцать.

ДОСТОЕВСКАЯ: Но вообще, думая о вас, я не могу не поражаться тому, как много общего в наших судьбах. Мы

обе были очарованы своими будущими мужьями задолго до того, как встретили их в жизни. В шестнадцать лет я уже плакала над «Записками из Мёртвого дома».

С.А.: А я – над «Детством» и «Отрочеством».

ДОСТОЕВСКАЯ: Потом – эта огромная разница в возрасте. У нас с Фёдором Михайловичем – 25 лет. А у вас?

С.А.: Шестнадцать.

ДОСТОЕВСКАЯ: И этот груз мужней славы. Так и представляешь, сколько взоров устремлено на тебя, как люди судят и судачат, с какой готовностью будут перетолковывать каждый твой шаг. В 1880 году мне очень хотелось поехать с мужем на Пушкинские торжества в Москву, где его речь потом имела такой успех. Но нельзя было оставить на нянек болевших детей, а ехать всем вместе – слишком дорого. Да и пришлось бы мне сшить хотя бы одно новое платье – а это уже соверше-н-но выбивало нас из бюджета. С долгами мы к тому времени расплатились, но богачами так и не стали. Так что пришлось мне пожертвовать этой мечтой.

С.А.: Тургенев очень звал Льва Николаевича принять участие в юбилейных собраниях. Но у моего мужа к тому времени уже произошёл тот внутренний перелом, который заставил его осудить все формы общественной жизни – религиозной, литературной, научной. Он отказался.

ДОСТОЕВСКАЯ: Читая романы наших мужей, каждый читатель поневоле ищет, где будет *про нас, про жён*. И далеко не всегда портрет получится лестным.

С.А.: Я могла бы насчитать уже полдюжины героинь Толстого, в которых находили мои черты.

ДОСТОЕВСКАЯ: Меня чаще всего ассоциируют с героиней повести «Кроткая». Если бы покончила с собой, сходство было бы полным.

С.А.: Многие не понимают, что жизнь человеческая плетётся из повседневных пустяков, но гениальный художник способен раздуть эти пустяки до уровня трагедии. Он живёт в плену своих чувств и даёт им волю, не думая о близких.

ДОСТОЕВСКАЯ: Однажды я сильно недосыпала из-за тяжёлой беременности. Вдруг в два часа ночи Фёдор

Михайлович будит меня. «Что? Что случилось?» спрашиваю я, подскочив в кровати. «У меня вдруг вспыхнула такая нежность к тебе – я захотел пожелать тебе хороших сновидений». Конечно, заснуть мне уже не удалось.

С.А.: (*смеётся*) У нас был почти такой же случай. Лев Николаевич очень громко чихает. Я тоже была беременна, спала и вдруг он разбудил меня криком: «Соня, не пугайся, я сейчас чихну!» Я проснулась, перепуганная до смерти. Он посидел в кровати, так и не чихнул и преспокойно заснул. А я уже не спала до утра. О, как много такого мы могли бы порассказать друг другу. Но лучше не будем ступать на эту опасную тропу.

ДОСТОЕВСКАЯ: Вы правы. Но раз уж мы так разоткровенничались, позвольте – на прощанье – одну странную приметку, которую я замечала много раз: куда бы мы с Фёдором Михайловичем ни приезжали, хорошая погода менялась на дурную. И к какой бы музыке мы ни приближались – концерт на вокзале или в саду, – она непременно умолкала. Почему так?

Сноска за кадром:

Молчит его святая лира, / душа вкушает хладный сон, / и
меж детей ничтожных мира, / быть может, всех ничтожней он.

Александр Пушкин

Москва, частная галерея Павла Михайловича Третьякова, март 1885. Толстой, окружённый группой художников, рассматривает картины. Останавливается около портрета Василия Кирилловича Сютаева, кисти Репина (1882).

Л.Н.: Как я рад, что Третьяков послушался моего совета и купил этот портрет! Репину удалось здесь схватить самую суть этого замечательного человека. И очень хорошо, что взгляд его устремлён не на зрителя, а внутрь себя – туда, где он весь в своей вере, в своей силе.

КРАМСКОЙ: Вспоминаю, что его приглашали в московские салоны – рассказывать о его убеждениях. Какова его дальнейшая судьба?

Л.Н.: Знаю, что он здоров и на свободе. Но жандармы запретили ему посещать меня. Зато летом у меня побывал его сын – Иван Васильевич. Он полностью

разделяет убеждения отца и провёл несколько лет в разных тюрьмах за отказ от военной службы. (*К беседующим приближается художник Ге, 54 года*) Николай Николаевич, как я рад встретить вас здесь! Что-нибудь ваше новое представлено на последней выставке передвижников?

ГЕ: Только ваш портрет, Лев Николаевич, который я писал год назад. А так – всё бьюсь над евангельскими темами. Есть замысел «Выход с тайной вечери», но до воплощения – ох, как далеко!

КРАМСКОЙ: Николай Николаевич имеет шанс стать главным портретистом русской литературы: Салтыков-Щедрин, Некрасов, Пушкин, Толстой.

ГЕ: Не забудьте ещё портрет Герцена. Я писал его в Лондоне в 1867, но, конечно, выставлять портрет государственного преступника не могу – храню дома.

Л.Н.: Когда я гостил у вас на хуторе в Плисках, Николай Николаевич, и глядел, с каким увлечением вы делаете крестьянскую работу, мне подумалось: хорошо, конечно, и косить, и пахать, но нет лучше, как в своём ремесле привычном работать на пользу людям.

КРАМСКОЙ: (*останавливается около картины Ге «Пётр Первый допрашивает царевича Алексея»*) Знаете, Николай Николаевич, мне до сих пор доводится слышать горячие споры зрителей около этой картины. Кто-то за царя, кто-то за царевича.

Л.Н.: Поразительно, как многое у нас с Николай Николаевичем случалось в одно и то же время. Пятнадцать лет назад, когда он писал эту картину, я тоже увлёкся эпохой Петра. Потом, в конце 1870-х у нас обоих случился душевный кризис, мы разочаровались в искусстве. Жажда избавиться от всей грязи так называемой цивилизации привела обоих в деревню, к простому люду, евангельским истинам, к пониманию спасительной необходимости труда. Только я сделался сапожником, а он – печником. Поэтому, когда мы познакомились два года назад, оказалось, что мы говорим абсолютно одним языком, нам не нужно ни в чём убеждать друг друга.

ГЕ: Всё же моё знакомство с вами началось гораздо раньше – с чтения ваших книг. Так как я много лет прожил

под итальянским небом, я с особым интересом читал те главы в «Анне Карениной», в которых Вронский и Анна встречаются с русским художником в Италии. Интересно, кто послужил вам прототипом?

Л.Н.: Пусть это останется тайной. Вообще же, последнее время мои мысли об искусстве сводятся к следующему. Для того, чтобы производить то, что называют произведениями искусства, надо чтобы человек ясно, несомненно знал, что́ добро, что́ зло, тонко видел разделяющую черту, и потому писал бы не то, что есть, а что должно быть. И писал бы так, как будто это должно уже случилось.

КРАМСКОЙ: Я мог заметить, что именно этому принципу следуют многие произведения, которые нам доводится иллюстрировать для вашего издательства «Посредник».

Л.Н.: Именно! И я необычайно признателен вам и всем другим художникам, которые откликнулись на мой призыв и помогают молодому издательству. И Чертков, и Бирюков полностью разделяют мои убеждения и ведут дело в соответствующем духе.

ГЕ: В следующем зале – самое главное полотно этой выставки.

Все трое переходят в следующий зал и останавливаются около картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына Ивана».

КРАМСКОЙ: Эта вещь – достойное проявление таланта Репина. Меня больше всего поразило то, о чём я раньше не думал: нечаянность этого убийства. Этот зверь – отец, воющий от ужаса, и этот милый дорогой сын, безропотно угасающий... Эти беспомощные руки... Как написано, боже, как написано... Крови тьма, и она на вас не действует, потому что в картине есть страшное, шумно выраженное отцовское горе, и его громкий крик, а в руках у него сын, сын, которого он убил...

ГЕ: Колорит будто озвучивает страстность чувств. Это сочетание кроваво-красных, розовых и красно-коричневых тонов... Розовый кафтан царевича – и мрак чёрной одежды царя. Но дополнительное, смягчающее,

действие оказывает зелёная гамма сапог Ивана и глубокий синий тон шаровар.

И. Репин «Иван Грозный убивает своего сына»

Л.Н.: Смотрите, как символично: в двух соседних залах – два царя, совершивших сыноубийство.

КРАМСКОЙ: Конечно, власти обратили внимание на этот момент. Раздавались громкие голоса, требовавшие запретить выставление картины Репина. С трудом удалось добиться разрешения выставить только здесь, в частной галерее Третьякова.

ГЕ: А знаете, с кого Репин писал голову царевича? С писателя Гаршина.

Л.Н.: Обязательно напишу Репину хоть несколько слов. Молодец, именно молодец. Знаете, у нас в Ясной была геморoidalная полоумная приживалка старуха – вот кого мне напомнило лицо царя. А вторая половина – именно таким мне представляется Карамзов-отец у Достоевского. Иоанн – какое-то соединение этих двоих, плюгавый и жалкий, жалкий убийца, какими они и должны быть. А рядом – правдивая смертная красота сына. Хотел художник

сказать значительное, и сказал вполне и ясно. Кроме того, так мастерски, что не видать мастерства.

Сноска за кадром:

Что разум для индивидуума, то история – для человечества. Только в истории народ достигает полного самосознания.

Артур Шопенгауэр

Московский дом Толстых в Большом Хамовническом переулке. Вечер, 18 декабря 1885 года. Софья Андреевна одна в своей комнате, за конторкой, вычитывает корректуры. Входит Толстой. Лицо напряжённое, дышит тяжело.

Л.Н.: *(набрав полную грудь воздуха)* Я пришёл... Я пришёл сказать, что хочу с тобой разводиться. Жить так не могу, еду в Париж или в Америку.

С.А.: *(она в полном ошеломлении)* Господи, что случилось?! Неделю жили так мирно, ни одного дурного слова не сказали друг другу.

Л.Н.: Ничего не случилось. Но если на воз накладывают всё больше и больше, лошадь станет и не везёт.

С.А.: Да что? Что на тебя накладывали? Кто, кроме тебя самого?

Л.Н.: Сегодня на соседней улице подобрали замёрзшего человека. У меня такое чувство, что он замёрз потому, что мы не пустили его в свой дом. Я живу среди ненужной постыдной роскоши и непрерывной жратвы. А кругом – море страданий невинных, нами ограбленных людей. И мне это невыносимо, невыносимо!

С.А.: Ну, а все другие твои родственники и друзья и знакомые? Разве они иначе живут, чем мы? Почему только на свою семью ты обрушиваешь эти ежедневные упреки и поношения? И скольких друзей ты уже потерял от своего проповедничества! Даже с Фетом тебе уже не о чем говорить, даже Страхов тебя только раздражает, даже с Сергеем Семёнычем Урусовым порвалась переписка. А Дьяков знаешь, что про тебя говорит? «Я любил Лёвочку, а этот новый – это какой-то Бог Саваоф».

Л.Н.: У меня была единственная мечта, на которую я ещё смел надеяться: найти в своей семье братьев и сестёр, а не то, что я вижу до сих пор – отчуждение и умышленное противодействие. Не мне, но истине! То, что я пишу, не читают, что говорю, не слушают или в раздражении отворачиваются, как только поймут, о чём идёт речь. Что делаю – не видят или стараются не видеть. Когда оглянешься на ту ложь, в которой живёшь, поневоле вскипает и отвращение к себе, и нелюбовь к людям, ставящим меня в такое положение.

С.А.: О, да, свою нелюбовь ты даёшь нам почувствовать по любому поводу. Но не мы отвернулись от тебя – это ты ушёл от нас. Насильно не удержишь. Я могу обижаться, если ты не интересуешься детьми и мною, и внутренней жизнью нашей, и горем, и радостью. Могу огорчаться, что, когда ты живёшь вместе с семьёй, ты с ней ещё больше врозь, чем когда мы врозь живём. Коли это непоправимо, надо стараться с этим мириться. Но я никогда, пока жива и не совсем сошла с ума, не скажу, что я врозь от семьи, и не помирилась бы с мыслью, что я с детьми своими врозь, хотя и живу вместе.

Л.Н.: Вся эта животная жизнь – да не просто животная, а с гордостью, с отделением себя от всех людей – только набирает силу. И Божьи души детские одна за другой попадают в эту фабрику, и одна за другой надевают и укрепляют жернова на шее и гибнут. А я, со своей верой, со своим выражением её, и словом и делом, получаю значение неприятного, неправильного явления – как бывают черви в ульях, которых пчёлы не в силах убить, замазывают, чтобы они им не мешали. И жизнь дикая, с торжеством идёт своим ухудшающимся порядком. Дети учатся в гимназиях, а меньшие даже дома учатся тому же извращённому *Закону Божию*, который понадобится в гимназиях и университетах. Обжираются, потешаются, покупая на деньги труды людей для своего удовольствия, и всё увереннее и увереннее – чем больше их становится – говорят, что это так и должно быть.

С.А.: Ты забываешь, что детей на жизненном пути ты обогнал на сорок лет. И хочешь, чтобы они все летели и догоняли тебя. Это невыполнимо! А я вижу, как они идут,

падают, шатаются, спотыкаются, опять весело идут по пути жизни, и стараюсь следить, чтобы они не провалились куда-нибудь безвозвратно. Ты хочешь, чтобы мы все пошли за тобой, а мы хотим, чтобы ты вернулся к нам. Наше старое – это счастливое, пережитое несомненно счастливо, весело, любовно, дружно. А твоё *новое*: вечно мучающее, тянущее всех за душу, приводящее в отчаяние не только семью, но и родных, близких, друзей.

Л.Н.: Много достойных людей услышали меня и пытаются следовать за мной.

С.А.: Уж не учителя ли Фрайнермана ты имеешь в виду? От него пришло недавно письмо из Ясной. Как он, начитавшись твоих статей, отнимает у жены и детей последние куски хлеба, последнюю крынку молока и отдаёт крестьянам. Она не даёт, конечно, и выходит ад. Ваше учение – это настоящее монашество и несёт только разлад в семье. Чертков в разладе с матерью, хотел порвать с ней, Фрайнерман хочет бросить жену, ты – нас. Почему истина должна вносить зло и разлад? Это мрак, в который я не пойду, потому что он убивает меня. Нет, нас в такой ужас не заманишь. Это новое, будто тебя спасшее, а в сущности приведшее к тому же желанию смерти, так намучило меня, что я ненавижу его.

Л.Н.: Ты ненавидишь, а я упорно продолжаю любовно звать к тебе, зову к дружбе, взаимопониманию, сердечной близости.

С.А.: Любовно? Знаешь, на что похожа твоя любовность? Она так же на меня действует, как если бы кто-нибудь меня бил по голове и приговаривал: зачем кричишь, давай дружить друг с другом.

Л.Н.: Твое дыхание... Оно заражает даже воздух вокруг!

С.А.: По крайней мере, я хотя бы моюсь и хожу в стиральной одежде. А ты, из-за сочувствия истопнику и прачке, стал пахнуть так, что людям трудно стоять рядом с тобой.

Крики и взаимные обвинения продолжаются, но они становятся невняты. Камера панорамирует по лестнице, и зритель видит внизу, в прихожей, четверых испуганных

детей: Татьяна (21 год), Илья (19), Лев (16), Маша (14). Сквозь крики сверху доносится резкий звук колокольчика. Видно, как горничная Дуняша пронесется в комнату, затем выбегает и несётся вниз по лестнице. На взволнованные вопросы детей только отмахивается, исчезает. Потом появляется снова, в сопровождении слуги, Сергея Арбузова, который несёт наверх большой пустой сундук.

ДЕТИ: Что?! Что там происходит?

ДУНЯША: Не знаю... Барыня велели принести сундук и укладываться... Говорит, ей надо срочно уезжать...

Дети переглядываются, потом наперегонки несутся наверх. Вбегают в комнату родителей. Софья Андреевна у шкафа, не глядя, выхватывает платья, жакеты, пальто, кидает их в сундук. Ошеломлённый Толстой стоит в углу.

ТАНЯ: Мама, мама! Что с вами? Что вы затеяли? Не уезжайте, умоляю!.. Или возьмите меня с собой!

ИЛЬЯ: Что вы с нами делаете своими раздорами!.. Нет, вы только подумайте: какие дети могут вырасти в таком доме? Под эти крики, вражду, истерики...

ЛЕВ: Это всё нервы, всё от непогоды. Нужно капельку налить... Мама, где ваша бутылочка с опиумом?..

МАША: Папа! Ты весь дрожишь... Ради Бога, успокойся... Ты же сам нас учишь побеждать свои чувства, учишь, что всё временно, всё проходит...

Софья Андреевна даёт увести себя от сундука, опускается на кушетку. Она пытается что-то сказать, но язык не слушается её – изо рта вылетает только «мыыы... мыыы...» Потом из угла комнаты доносятся странные лающие звуки. Все оборачиваются туда и видят Толстого, сотрясаемого неудержимыми рыданиями.

Сноска за кадром:

Как ты нелюбишь, / как зима черна, / как нелюбовь твоя непредставима.

Владимир Гандельсман

Яснополянский дом, сентябрь 1886. Софья Андреевна у себя в будуаре. Входит Исаак Борисович Фрайнерман (23 года), последователь Толстого, поселившийся в деревне Ясная Поляна.

ФРАЙНЕРМАН: Вы хотели меня видеть, Софья Андреевна?

С.А.: Да, Исаак Борисович. Присядьте, пожалуйста. Добрый вечер. Что за слухи до меня доходят? Вас вызывают на родину, в Кременчуг? Зачем?

ФРАЙНЕРМАН: Скорее всего, для отбытия воинской повинности.

С.А.: Но вы ведь последователь Толстого. Для вас воинская служба неприемлема. Что же будет?

ФРАЙНЕРМАН: Я откажусь давать присягу, и, скорее всего, меня отправят в тюрьму. Или, как это у них называется: «дисциплинарный батальон».

С.А.: Это ужасно! И что же станет с вашей женой и дочерью?

ФРАЙНЕРМАН: Вы, наверное, знаете, что Эсфирь просит у меня развода. Наверное, я должен дать ей согласие до отъезда. Хотя по-прежнему люблю её и буду тосковать. Особенно по Розочке.

С.А.: Вы знаете, что Эсфирь навещала меня в Москве, когда приезжала туда, чтобы сдавать экзамены на акушерку?

ФРАЙНЕРМАН: Да, и я бесконечно признателен вам за помощь, которую вы ей оказали.

С.А.: Полицмейстер хотел выслать её немедленно как еврейку. Я пошла просить разрешить ей остаться на два дня для экзаменов. Негодяй отказал. Тогда я сказала ему: «Неужели вы думаете, что я не смогу спрятать бедную женщину на два дня в Москве?». Так и сделала.

ФРАЙНЕРМАН: Если бы нам удалось устроиться где-то, где она могла бы работать по профессии, вдвоём мы смогли бы заработать на жизнь.

С.А.: Исаак Борисович, мне кажется, что трудности вашей жизни с семьёй происходят не из внешних обстоятельств, а из того, что творится в вашем уме и сердце.

ФРАЙНЕРМАН: Что вы имеете в виду?

С.А.: Год назад вы увлеклись идеями – проповедью – Льва Николаевича, приехали в Ясную Поляну, чтобы стать учителем в нашей школе. Даже приняли для этого православие. То, что уездный попечитель всё равно не

разрешил вам преподавать – это, конечно, внешняя беда, вмешательство злого человека. Однако, когда вы стали заниматься крестьянским трудом, почему нужно было отказываться от платы за него? Почему нужно было доводить до голода жену и дочь, отдавая последний кусок хлеба крестьянам? Эсфирь умоляла вас брать хотя бы крынку молока для ребёнка – вы отказывались.

ФРАЙНЕРМАН: Это всё ведь происходит не из головы. Ты видишь в соседней избе голодного и не можешь не поделиться с ним.

С.А.: Когда Лев Николаевич живёт здесь один, он тоже питается ужасно. Писал мне в письме: «Пошёл на деревню купить себе яиц. У Акулины не было, у Анисима не было. Только в третьей избе нашёл полдюжины. Купил и сожрал их один, вместо того, чтобы отдать Анисиму и Акулине».

ФРАЙНЕРМАН: Вот видите, видите. Это чувство живёт в сердце. Недаром и у всех примитивных и полудиких народов обычай гостеприимства, то есть кормления ближнего и дальнего – святыня.

С.А.: Знаете, я недавно прочитала про одного итальянского анархиста, который сошёл с ума, потому что ему казалось, что он поглощает слишком много солнечных лучей, обделяет ближнего. Он перестал выходить на солнце, стал жить только в тени. Следуя примеру Льва Николаевича, вся наша семья это лето работала на сельских работах, помогала крестьянам. И что из этого вышло? Домой приходили только ночевать, и то усталые, измученные, молчаливые и мрачные от непосильной работы. Я только раз вышла на покос и тут же заболела, провалялась пять недель, не делая ту важную работу, которую я умею и которая мне по силам. Лев Николаевич зашиб ногу, запустил рану и теперь, как вы знаете, уже третью неделю мучается воспалением надкостницы и рожистыми язвами.

ФРАЙНЕРМАН: Как он сегодня?

С.А.: Утром температура поднималась до сорока, стонал. Сейчас, слава Богу, забылся. Но и от лечения упорно отказывается. А я не смею настаивать, чтобы не стать

совсем уже похожей на Прасковью Фёдоровну, жену Ивана Ильича.

ФРАЙНЕРМАН: Я сочувствую вам от всего сердца. Быть женой великого человека – это такой груз, такая ответственность. Далеко не каждая справилась бы так, как вы.

С.А.: При этом все в доме навязывают мне роль *бича*. Свалив на меня всю тяжесть ответственности за детей, хозяйство, издательство, пользуясь всеми материальными благами, добываемыми моим трудом, они приходят ко мне, одетые в добродетель, с казённым, холодным выражением лица просить – или требовать – лошадь для мужика, денег для нищей воровки Гани, муки, масла, дров. Но я не занимаюсь сельским хозяйством, это дело управляющего. Я не знаю, есть ли в данный момент свободная лошадь, сколько запасено дров на зиму, сколько муки.

ФРАЙНЕРМАН: Но ведь Лев Николаевич именно про это и говорит в каждом своём труде: пока не кончится разделение на твоё и моё, конца страданиям быть не может.

С.А.: *(не слушая его, заглядевшись на тёмное окно)* Я стала любить темноту. Как темно, я вдруг веселею. Вызываю воображением всё то, что в жизни любила, окружаю себя этими призраками. Вчера вечером застала себя говорящей вслух. Испугалась: не схожу ли с ума. Как я хотела бы бросить всё, уйти из жизни так или иначе. Боже мой, как я устала жить, бороться и страдать. Как велика бессознательная злоба близких людей и как велик эгоизм. Уйти из дому или из жизни, уйти от этой жестокости, непосильных требований – это одно, что день и ночь у меня на уме.

Её монолог прерывает сильный грохот. Она отворачивается от окна и видит, что Фрайнерман упал вместе со стулом.

С.А.: Боже мой, Исаак Борисович! Что с вами?! Очнитесь!.. Кто-нибудь!.. Помогите!..

Вбегает дочь Маша. Вдвоём они приподнимают упавшего. Откуда-то появляется бутылочка с нюхательной солью. Фрайнерман приходит в себя, сидит на полу, прислонившись к кушетке.

ФРАЙНЕРМАН: Ради Бога... Прошу извинить меня... Такая неловкость, не знаю, что со мной случилось...

С.А.: Бывали у вас такие обмороки раньше? Может быть, это от духоты?

МАША: Думаю, что духота не при чём. Исаак Борисович, только честно: когда вы ели в последний раз?

ФРАЙНЕРМАН: Ел?.. Право, не помню... Кажется, вчера утром...

С.А.: Боже мой!.. В доме Толстого человек упал в голодный обморок!.. Какое счастье, что Лёвочка этого не видел... У Николая на кухне оставались котлеты с обеда...

МАША: Что вы говорите, мамà! Исаак Борисович вегетарианец. От котлеты он может снова потерять сознание.

С.А.: Тогда гречневая каша... Дети оставили полкастрюли, я видела...

МАША: Я сейчас, я мигом... Только давайте пока посадим его на кушетку... Вот так... Я мигом (*убегает*).

Сноска за кадром:

Счастье им трижды ужасно, несчастье трижды желанно – / ищут несчастья они, чтобы счастливыми быть. / Так трепетать перед злом, что хорошего тоже бояться, / – что, как не дикий бред явно нездравых умов?

Рутилий Намациан

Лето 1887. Большая липа перед Яснополянским домом, на ней – колокол. За большим деревянным столом – Маша Толстая и Бирюков. Разговаривают тихо, наклонив головы друг к другу.

БИРЮКОВ: Я делаю теперь, собственно говоря, два дела. Дело утреннее – обсерватория. Там голова моя, разум. Дело вечернее – издательство «Посредник». Там и разум, и воля, и сердце моё.

МАША: Папа часто говорит о вашей работе в издательстве и всегда – с большой похвалой.

БИРЮКОВ: Конечно, эта деятельность приближает меня к нему и к его идеям. Защищать их от противников – это даёт мне надежду с его помощью осуществить мою мечту.

МАША: Какая же это мечта?

Мария Львовна Толстая

БИРЮКОВ: Стать христианином.

МАША: Почему же вы не можете стать христианином прямо сейчас?

БИРЮКОВ: Потому что внутри меня, на самом дне моего существа, сидит какая-то гадина, она не даёт мне отдаться тому, что мне дорого. Она шепчет придавленная: опомнись, безумный, брось детские мечты об обновлении мира посредством любви! Верь твоему рассудку, непреложным законам его логики, взгляни на историю кровью залитого человечества. Ты хочешь дать благо себе и другим? Не мечтай водворить его этим путём. Обними вооружённым наукою разумом весь мир, беспредельный в пространстве и времени, и преклонись перед законом причины и следствия и вытекающей из него теорией

развития. Ты властен направлять действие этих законов во благо себе и другим – разве не нравится тебе это дело?

МАША: Папà недавно прочитал мне высказывание английского философа Дэвида Юма: «Философия в небольшой дозе делает людей атеистами. Но философия в большом объёме примиряет их с религией».

БИРЮКОВ: Лев Николаевич не раз говорил мне, что вы – единственная из всей семьи принимаете и поддерживаете его учение целиком.

МАША: Да, это так. Но я не могу сказать, что это одарило меня душевным покоем и счастьем. Жизненный уклад, который так старательно строит моя мать, чужд мне. Я учусь, но всё это такая ненужная чушь. Сил много, а приложить их не к чему.

БИРЮКОВ: Вы проводите все свои дни, помогая крестьянам в поле и в избах, лечите их, учите их детей грамоте. Разве это не настоящее дело?

МАША: Папà очень поддерживает меня в этом и одобряет. Хочет, чтобы и сыновья брали с меня пример. Брат Серёжа недавно спросил его, на что употребить силы. Папà, конечно, говорит: «Возьми метлу, пили дрова, чини крыши, топи печки». Но Серёжа – кандидат естественных наук, плюс – чудесный музыкант. Разве может он бросить всё это?

БИРЮКОВ: А знаете, я недавно посмел возразить Льву Николаевичу. Он прислал в «Посредник» статью для сборника, в которой писал, что самым христианским делом является церковное таинство брака и самым лучшим препровождением праздника – пойти к обедне. Я написал ему, что такие заявления противоречат самым основам учения Толстого и печатать их я не могу. Ужасно боялся, что он рассердится.

МАША: А он?

БИРЮКОВ: Написал: «Хорошо, что вы распекаете и поправляете меня. Ум хорошо, а два – гораздо лучше».

МАША: Это папà!

По аллее, оживлённо беседа, приближаются Толстой, Страхов и Александра Андреевна Толстая.

ТОЛСТАЯ: Павел Иванович, рада вас видеть. Я как раз перед отъездом сюда прочла стихотворный сборник «Цветник», опубликованный вашим «Посредником». Отличный подбор. Только меня удивило, что в очаровательном стихотворении Хомякова выпущены некоторые строфы.

БИРЮКОВ: Видите ли, графиня, это оттого, что в этих строфах говорилось об искуплении. А Владимир Григорьевич Чертков отрицательно относится к идее искупления.

ТОЛСТАЯ: *(с трудом сдерживая себя)* Ах, Владимир Григорьевич! У него ведь на всё своё мнение. В письме ко мне он объяснял, что начальные слова в Евангелии от Иоанна не имеют никакого смысла. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» – явная бессмыслица. Ничему таинственному и непостижимому нет места в сознании Владимира Григорьевича, потому что у него пусто здесь и здесь. *(Показывает на лоб и сердце.)* Но вы-то, проповедующие учение Христа, – как вы можете с этим соглашаться? Даже сектанты веруют в искупление, которое составляет надежду христиан.

Л.Н.: Прежде всего: мы ничего не проповедуем. Мои писания – это попытка уяснить для самого себя основы учения Христа. Печатание их не приносит мне никакой личной выгоды, в нём нет корысти. Наоборот, каждая новая книга, новая статья только отталкивает от меня не только чуждых мне людей, но и самых близких. С болью сердечной сознаюсь вам в этом.

ТОЛСТАЯ: «Нет корысти»? Позвольте вам не поверить. Благодаря своим статьям и трактатам вы обрели то, о чём каждый человек может только мечтать.

Л.Н.: Что именно?

ТОЛСТАЯ: *Непогрешимость суждений!* Да, вы легко признаёте свои слабости, свою личную греховность, даже каетесь и просите прощения. Но за последние семь лет нашей переписки выразили вы хоть раз сомнение в истинах, которые вы утверждаете? А обретя непогрешимость суждений, вы теперь можете идти разрушительной войной

на все человеческие учреждения: религию, власть, суды, науку, искусство, семейные институты, сословные различия. И делаете это, надо сказать, с большим увлечением.

Л.Н.: Уже немало достойных людей сочли мои убеждения правильными и решили следовать тем же путём.

ТОЛСТАЯ: Вы не можете не знать, что масса читателей идёт за вами, потому что они заморожены вашим литературным талантом. С января пьесу «Власть тьмы» читали в сотне домов, она проникала до глубины сердца каждого слушателя.

СТРАХОВ: Я мечтаю написать большую статью об этой пьесе, когда она будет разрешена. «Власть тьмы» не укладывается даже и в широкие рамки трагедии. Это эпическое событие, сразу раскрывающее во всю глубину и широту духовную жизнь народа.

ТОЛСТАЯ: Даже царская семья была захвачена. Если бы не вмешательство страстного врага вашего, Константина Победоносцева, драма была бы разрешена к постановке на сцене.

СТРАХОВ: Возможно, актёры и постановщики будут возражать против языка, которым говорят персонажи. Я и сам должен был лазить в словарь Даля за объяснением таких слов, как *бахарить*, *мазиха*, *зачивреть*, *важковатая*, *трафляться*, *накошлять*. А что такое «барда», Лев Николаевич? То же, что «бурда»?

Л.Н.: В общем, да. Это гуща, которая остаётся от перегона хлебного вина из браги. Ею откармливают скот, особенно свиней.

СТРАХОВ: Но, помимо языка, сами картины драмы – это отдельные вспышки, указывающие на скрытую стихийную силу. Уверен, что в зрительном зале будет веять чем-то страшным, диким и несомненным, как взбаламученное море, как народное движение, в котором не успеваешь разобраться потому, что слишком потрясён.

ТОЛСТАЯ: Абсолютно с вами согласна. Но именно поэтому каждое заблуждение автора в вопросах веры и религии может иметь опустошительный эффект на умы и души.

Л.Н.: Знали бы вы, каким тяжёлым путём я дошёл до своих убеждений! Сколько ложных истин пришлось сокрушить по дороге... Только когда мой разум почувствовал твёрдую почву под ногами, я понял, что могу рассказать людям о своём пути.

ТОЛСТАЯ: Я порой грущу и плачу, когда вижу, что тот луч, который с трудом пробился в вашу душу, вы приняли за полнейший свет и в гордости своей захотели освещать этим светом других. Вы даже не дали этому лучу времени разгореться, раздробили его своим скептическим умом, и с усилием и натяжкой втиснули его в узкую рамку своего личного одностороннего воззрения на то, чего весь мир не может вместить. Что дадите вы тем, кто изнемогает в несчастьях и кому необходимы все доказательства любви и власти Христа, чтобы укрепить веру в Его учение? Вряд ли они удовольствуются вашим сокращённым Евангелием, у которого ваша фантазия отняла столько неизречимых сокровищ.

Л.Н.: *(теряя самообладание)* Позвольте мне вам сказать, что я знаю всё это в миллион раз лучше вас! Я изучил эти вопросы не слегка и своим верованиям пожертвовал жизнь, счастье и вообще всё! А вы думаете, что можете меня чему-то научить?

Появляется горничная с подносом, расставляет закуски на столе. Слуга приносит самовар.

МАША: *(пытаясь разрядить напряжение)* Александра Андреевна, как вы относитесь к вегетарианству? Я потому спрашиваю, что среди закусок вижу бутерброды с ветчиной.

ТОЛСТАЯ: Как отношусь? Да никак. Это для меня такой безразличный вопрос, что я никогда на нём не останавливалась. Он может сделаться важным только тогда, когда люди воображат себе, что этим они служат Богу. В этом случае, полагаю, что они ошибаются. Впрочем, апостол Павел достаточно разъяснил вопрос о посте в своих посланиях. В моих глазах это достаточный авторитет. *(С вызовом берёт бутерброд с ветчиной и откусывает.)*

Л.Н.: Поздравляю! Вы только что съели труп.

Толстая смотрит на бутерброд и с деланным испугом отбрасывает его на тарелку. Все с облегчением смеются.

Сноска за кадром:

Для большей части людей философия недостаточна. Им нужна святость.

Эрнст Ренан

Московский дом Толстых, апрель 1888. Старшие дети, Сергей, Таня, Илья, Лев, собрались в комнате Тани, расположились на кровати и на стульях.

ИЛЬЯ: Ну, Серёжа, вчерашний концерт все, кто слышал, запомнят надолго! И ты, и синьор Лясота просто превзошли себя.

ЛЕВ: А помните, какое лицо было у папá? На финале престо у него слёзы текли по щекам.

СЕРГЕЙ: Но всё же это странная и, мне кажется, невыполнимая идея: изобразить «Крейцерову сонату» средствами живописи.

ИЛЬЯ: Да? А мне показалось, что Репин отнёсся к ней с интересом. Если папá напишет свою повесть, Репин просто сделает к ней иллюстрации – это и будет живописное воплощение музыки.

ТАНЯ: Должна открыть вам большой секрет. Ради него и созвала вас. Дело в том, что папá уже написал повесть «Крейцера соната». По крайней мере, первый вариант.

БРАТЬЯ: Как? Когда? Почему мы ничего не знаем?

ТАНЯ: Он начал полгода назад, в октябре. Попросил меня переписывать, но до времени никому не рассказывать. Я, конечно, удивилась. Все его новые вещи переписывала, как вы знаете, мамá. Но постепенно, в процессе работы, удивление исчезло. И сменилось тревогой. Тревога всё нарастала, и сегодня я уже не могу выносить её в одиночестве.

СЕРГЕЙ: Что тебя тревожит? Повесть не пропустит цензура?

ТАНЯ: И это тоже. Но главное: там герой убивает жену. Убивает как бы из ревности. Но ещё до того, как жена завела роман с заезжим музыкантом, он возненавидел её. И

эта ненависть описана с такой силой и убедительностью, что у меня сердце сжималось. Потому что...

ЛЕВ: Потому что жена слишком похожа на мамà?

ТАНЯ: Да. И будто нарочно, даны совпадающие детали и обстоятельства. Перед женитьбой герой показал жене свой дневник, где были описаны амурные приключения его холостой жизни. За восемь лет жена родила пятерых детей. Всех, за исключением первого, кормила сама. Она обожает музицировать, часто ездит в концерты. Конечно, у мамà не было музыканта возлюбленного. Но портрет этого скрипача списан с реального человека. Интересно, узнали бы вы его.

СЕРГЕЙ: У тебя есть текст? Прочти отрывок.

ТАНЯ: Да, я сохранила черновые варианты. Где это?.. Ага вот: «Он встал, чтобы уезжать, и улыбаясь, со шляпой на поддрагивающей ляжке стоял, глядя то на неё, то на меня, как бы ожидая, что мы сделаем. "И не думай, чтоб я ревновал тебя" мысленно сказал я ей, "или чтоб боялся тебя" мысленно сказал я ему и пригласил его привозить как-нибудь вечером скрипку, чтобы играть с женой... Помню то странное чувство, с которым я смотрел на его затылок, белую шею, отделявшуюся от чёрных, расчёсанных на обе стороны волос, когда он своей подпрыгивающей, какой-то птичьей походкой выходил от нас».

СЕРГЕЙ: Да это же Ипполит Нагорнов, который играл у нас в Ясной лет десять-двенадцать назад!

ИЛЬЯ: Я тоже помню его. Действительно, противно так вилял женственным задом. Но играл божественно. Помните, тётя Таня пела под его скрипку?

ТАНЯ: Она с ним кокетничала, а я – десятилетняя – ревновала до безумия. Мне кажется, и папà его ревновал к тёте Тане.

СЕРГЕЙ: Он его особенно невзлюбил, когда узнал, что, проезжая на охоту через деревню, Нагорнов застрелил крестьянскую собаку, погнавшуюся за его сеттером.

ТАНЯ: В повести довольно много и про нас – про детей. И всё в таком горьком, озлобленном тоне. Вот, послушайте отрывок. «Какое страшное лганьё идёт про детей. Дети – благословение Божие, дети – радость. Ведь это

всё ложь. Дети – мученье и больше ничего... Иногда мне казалось, что она прикидывалась беспокоящейся о детях, для того чтобы победить меня... Это была попытка для неё и для меня тоже... Дети были не только предметом раздора, но также и орудием борьбы. Мы как будто дрались друг с другом – детьми. У каждого из нас был свой любимый ребёнок – орудие драки. Они страшно страдали от этого, бедняжки, но нам в нашей постоянной войне не до того было, чтобы думать о них».

Илья Львович Толстой

ЛЕВ: Господи, и всё это предстоит прочесть мамà!

ИЛЬЯ: Этот новый герой, Позднышев, ведь очень напоминает Ивана Ильича. Да и того человека, который говорит в «Исповеди». Всё то же горькое разочарование в людях и в жизни, и настойчивое повторение того, что всё-всё построено на сплошном обмане.

СЕРГЕЙ: А, с другой стороны, мне иногда кажется, что в papà уживается целая толпа самых разных людей. Тут и гордый аристократ, и смиренный сапожник; и русский офицер-патриот, и либеральный пацифист; и землевладелец, и ненавистник частной собственности; и страстно

верующий, и враг церкви; и художник, и враг искусства; и охотник, и вегетарианец. Читатели восхищаются многообразием характеров в романах Толстого. Тут и старый ворчун, князь Болконский, и наивный и добрый Пьер, и азартный Николай Ростов, и унылый маршал Даву, и дуэлянт Долохов, и блаженный Платон Каратаев. Но мы-то знаем, что всё это – галерея блистательных автопортретов.

ИЛЬЯ: Бедная мамà – какво ей ладить со всеми этими непримиримыми персонажами!

ТАНЯ: Поразительно, что они продолжают любить друг друга. И две недели тому назад мы получили живое доказательство их любви – брата Ванечку.

ЛЕВ: Постойте, постойте. Серёжа, правильно я помню, что прошлым летом, в Ясной, вы с Лясотой тоже исполняли «Крейцерову сонату»?

СЕРГЕЙ: Да, где-то в июле. И папà тоже расплакался на престо.

ЛЕВ: То есть, это случилось ровно девять месяцев назад.

ТАНЯ: (*переглядывается с братьями*) Мамà в этом году исполнится 44 года. Видимо, мы даже не подозреваем, какая страшная и таинственная сила заключена в этой музыке.

Сноска за кадром:

Со стороны музыки стражи должны поставить особую крепость, потому что порча нравов, входя этим путём, легко прячется. Музыка внедряется, вкрадывается в законы и занятия и оканчивает ниспровержением всех оснований общественной жизни.

Платон

Май 1889 года, хутор Протасово, скромная столовая в доме Ильи Львовича, сына Толстого. За столом, кроме хозяина, – приехавший в гости Лев Николаевич и его дочь Маша. Входит горничная.

ГОРНИЧНАЯ: Илья Львович, там Анечка проснулась. Барыня просят вас на минутку.

ИЛЬЯ: Извините меня, я скоро вернусь. (*Встает выходит вслед за горничной.*)

МАША: Ну вот, у тебя родилась первая внучка. Ты рад? Горд? Понравилась она тебе?

Л.Н.: Немного похожа на тебя маленькую. Когда тебе было два, я, помнится, записал в дневнике: «Слабый, болезненный ребёнок». У тебя тельце было белое, как молоко, курчавые белые волосики и большие странные голубые глаза. Странные – по глубокому, серьёзному выражению.

МАША: Мне казалось, что сначала ты был против брака Ильи, а потом примирился. Но Соня Философова – чудная, я уверена, что они сумеют быть счастливы.

Л.Н.: Своими тревогами за детей я сам себе напоминаю паука перед дождём. В воздухе ещё только-только появляется влажность, а паук уже ведёт себя так, будто ливень хлещет всюю. Так и я: предчувствую какой-нибудь поворот к несчастью лет двадцать спустя, а переживаю так, будто оно уже случилось.

МАША: Нашу помолвку с Пошей Бирюковым ты одобрил, но меня не покидает чувство, что она тебе не по сердцу. Скажи мне правду, прошу. Самое последнее, что я хотела бы: хоть чем-то огорчить тебя.

Л.Н.: Поша очень славный, он умён, добр, отзывчив. Но одна мысль, что ты уедешь из нашего дома, не может не повергать меня в тоску. Ведь во всей семье – ты самая близкая для меня, самая родная. Я во всём могу тебе довериться, во всём положиться. Недавно возобновил работу над повестью «Крейцера соната», буду просить тебя помогать мне с перепиской.

МАША: Я с радостью, в любой момент. А скажи: почему мама так против нашего брака?

Л.Н.: Поверишь ли: мне она не говорит, ничего не объясняет. Но я знаю, что недавно она написала Поше письмо.

МАША: Она требует, чтобы мы отсрочили свадьбу, проверили свои чувства. Прямо, как старый Болконский. Неужели нельзя оставить двух взрослых людей самих решать свою судьбу?..

Л.Н.: Думаю, её тревожит, что Поша так горячо разделяет мои взгляды на собственность и богатство. Она

боится, что с ним ты и твои дети будете обречены на нищету. Никакими силами мне не удаётся убедить её, что духовные богатства гораздо важнее.

Возвращается Илья, садится к столу.

ИЛЬЯ: Соня просила её извинить. Она сейчас покормит Анечку и постарается урвать хотя бы несколько часов сна. Прошлую ночь ей так и не удалось уснуть.

Л.Н.: Я видел, что вы начали новую пристройку к дому. И должен сознаться, это меня огорчило. Чудится в этом всё та же погоня за материальными благами, та же лихорадочная подготовка к какой-то будущей жизни, которая так отвлекает людей от главного: от того, чтобы жить здесь и сейчас, отдавая всё внимание любви и помощи ближнему. И, конечно, уже и коляска с кучером, и горничная в белом переднике, и твоё барственное обращение с крестьянами...

ИЛЬЯ: *(устало)* Папà, ты приехал всего на два дня. Давай не будем тратить их на то, о чём уже было говорено миллион раз.

Л.Н.: Но почему, почему? Почему не воспользоваться опытом моей жизни и не избежать тех ненужных и страшных страданий, через которые я прорывался в течение нескольких лет?

ИЛЬЯ: Потому что ты никогда не можешь поверить одной простейшей истине: люди разные, слышишь, – совершенно разные, и каждому нужно прокладывать свой путь по жизни, считаясь со своими силами, слабостями, пристрастиями, судьбой.

МАША: Илья, тише! Ты разбудишь девочку.

Л.Н.: Люди разные – в пустяках, в заблуждениях, в дурном воспитании. А Христос пришёл и так просто и ясно объяснил, что суть каждого из нас и задача на земле – одна: любить ближнего и не противиться злу насилием. И на этом пути мы можем обрести единство.

ИЛЬЯ: Да-да, это единство я очень хорошо себе представляю. Чтобы все трудились только руками, чтобы твои сыновья пилили лес и клали печи, чтобы дочери вязали снопы, чтобы несчастный Фрайнерман пас крестьянский скот за двадцать копеек в день. Но не у тебя ли умный князь

Андрей объясняет Пьеру: «Если бы я работал столько, сколько мужик, я бы умер. А он бы умер, если бы он думал столько, сколько я».

Л.Н.: Вот неделю назад иду я по деревне в Ясной Поляне, навстречу мне наш портной. «Куда ходил?», спрашиваю. «Крючков на шубу не хватило, в Тулу бегал». Он сбегал с утра в Тулу, пятнадцать вёрст и обратно, и будет весь день до ночи сидеть за работой. А наши дети весь день прохлаждаются и даже версту до Воронки не могут пройти пешком, требуют, чтобы на купанье их возили на лошадях.

ИЛЬЯ: Наш портной – пьяница и идиот, который неспособен заранее рассчитать, сколько ему понадобится крючков, и сделать запас. А скорее всего, просто захотелось ему в трактир, вот он и сбегал – но не пятнадцать вёрст в Тулу, а всего две, на станцию в Ясенки, благо знает, что добрый барин всякое его враньё проглотит.

Л.Н.: Нет, я не могу поверить, что у меня вырос сын настолько лишённый всякого сострадания к простому рабочему народу. Неужели ты не видишь этот непрерывный надрывный труд на полях, в каменоломнях, на фабриках, где дети и женщины гнут спину по шестнадцать часов в день? Неужели в сердце у тебя не загорается искра сочувствия, сострадания?

ИЛЬЯ: Сострадание? Ты хочешь объяснить мне, что такое сострадание? Не то ли это чувство, которое должен испытывать муж, когда целый год слышит крики и стоны жены, но не скажет ей прекратить мучительное кормление ребёнка грудью?

МАША: Илья, не надо, умоляю!..

ИЛЬЯ: Вот, послушайте. *(Достаёт письмо матери, читает.)* «Одна грудь до того разболелась, что после всякого кормления я вся в поту, и чуть ли не истерика готова сделаться, и невозможно от слёз удержаться... Так как от боли я двинуться даже не могу, ни работать, ни делать что-либо правой рукой (и писать больно), то я всё сижу неподвижно и очень тоскую... Теперь у Ванечки зубки, так что болит хуже, чем вначале. Вчера Ванечка сосёт, а по губам его из груди кровь струйкой. Как я мучаюсь от ранок, в которые вонзаются двенадцать маленьких острых зубов...

Всю грудь кроме того разнесло, горит, затвердело...» Ты слышал всё это за стеной – и не помчался сам нанимать кормилицу? Это ты называешь состраданием?

Л.Н.: *(взволновано)* Никогда... Ни невольно, ни намеренно... И на словах, и в письмах я всегда говорил Соне, что только она может решить, до какой степени она готова терпеть.

ИЛЬЯ: О, да, маска доброты останется на твоём лице как приклеенная. Как будто ты не знаешь, как на всех нас действует даже тень твоего неодобрения. На что каждый из нас готов пойти, чтобы завоевать хоть крохи твоей любви. Мама знает, как ты презираешь матерей, отказавшихся от кормления грудью, – и терпит эту муку вот уже больше года. Воображаю, каким должен вырасти Ванечка, младенчество которого протекало под стоны матери.

МАША: Нет, я не могу больше этого слышать!.. *(Вскакивает, выбегает из комнаты.)*

Л.Н.: Господь свидетель... Я всегда молюсь, чтобы Он научил меня любить вас... и помог... Действовать только любовью – вот моя заповедь, я верю в неё... Но кто бы знал, как порой тяжело исполнять её... Отец, помоги...

Сноска за кадром:

Порывшись в своей памяти, я понял тогда, что скромность помогала мне блистать, смирение – побеждать, а благородство – угнетать.

Альбер Камю

Петербург, 13 апреля, 1891 года. Камера панорамирует по Клодтовским коням на мосту через Фонтанку, по фасаду Аничкова дворца. Софья Андреевна входит в дворцовую приёмную, её встречает швейцар.

С.А.: Я обращалась с письмом к государю, прося даровать мне аудиенцию, и получила известие, что государь император выразил согласие видеть меня сегодня утром. Есть ли распоряжение принять графиню Толстую?

ШВЕЙЦАР: *(сверившись со списком)* Никак нет.

С.А.: Но этого не может быть. Мне достоверно было сообщено...

ШВЕЙЦАР: Вот идёт императорский скороход, давайте справимся у него.

Появляется молодой благообразный человек, в ярком – красное с золотом – одеянии, в огромной треугольной шляпе.

С.А.: Скажите, есть ли распоряжение от государя насчёт графини Толстой?

СКОРОХОД: Как же, пожалуйста, ваше сиятельство, государь, вернувшись из церкви, уже спрашивал о вас.

Оба направляются к лестнице. Скороход привычно перешагивает через две ступени, Софья Андреевна попевает за ним с трудом, так что у дверей императорского кабинета вынуждена остановиться, чтобы перевести дух.

СКОРОХОД: *(выходя из дверей)* Его величество просит её сиятельство, графиню Толстую, к себе.

Император выходит из-за стола, подаёт руку Софье Андреевна. Она пожимает руку, поклонившись и слегка присев. В её дневнике сохранилось такое описание внешности Александра Третьего: «Государь говорит робко, очень приятным, певучим голосом. Глаза у него ласковые и очень добрые, улыбка конфузливая и тоже добрая. Рост очень большой; государь скорее толст, но крепок и, видно, силен. Волос совсем почти нет; от одного виска до другого скорее слишком узко, точно немного сдавлено».

ИМПЕРАТОР: Извините меня, графиня, что я заставил вас ждать этой аудиенции. Но обстоятельства так сложились, что я раньше не мог.

С.А.: Я и так глубоко благодарна, что ваше величество оказали мне милость, приняв меня.

ИМПЕРАТОР: Мне бы очень хотелось пойти навстречу пожеланиям писателя, чьими книгами я зачитывался уже в юности.

С.А.: Ваше величество, последнее время я стала замечать в муже моём расположение писать в прежнем художественном роде. А между тем предубеждение против него и цензурные затруднения всё возрастают. Вот, например, пьесу «Плоды просвещения» разрешают играть в императорском театре, но почему-то хотят запретить в частных театрах. Тринадцатый том собрания сочинений,

подготовленный мной, урезают. А без повести «Крейцера соната» этот том сократится до толщины тетрадки.

Александр III Миротворец

ИМПЕРАТОР: Да ведь эта повесть написана так, что вы, вероятно, детям вашим не дали бы её читать. Не может ли ваш муж переделать её немного?

С.А.: Нет, ваше величество, он остыл к этой повести и не может вернуться к ней, только написал «Послесловие». К сожалению, форма этого произведения слишком крайняя, но мысль основная такова: идеал всегда недостижим; если идеалом поставлено крайнее целомудрие, то люди будут только чисты в брачной жизни. Как я была бы счастлива, если б возможно было снять арест с «Крейцеровой сонаты» в полном собрании сочинений.

ИМПЕРАТОР: Мне доводилось слышать мнения, будто в повести сильно проступают автобиографические мотивы.

С.А.: Именно поэтому мне так важно получить разрешение на опубликование её. Тогда каждому станет

ясно, что жена не стала бы добиваться публикации, если бы видела себя в героине.

ИМПЕРАТОР: Да, в полном собрании сочинений, её можно было бы пропустить. Ведь не всякий в состоянии купить тринадцать томов, и большого распространения быть не может. Но меня очень тревожит, что муж ваш совсем отошёл от православной церкви и подвергает её постоянным нападкам в своих статьях. В простом народе и так возникает много ересей и вредно на него действуют.

С.А.: Могу вас уверить, ваше величество, что муж мой никогда ни в народе, ни где-либо не проповедует ничего. Но вокруг него толпится много людей, которые тайком копируют его рукописи и даже страницы из дневника и потом распространяют их литографским способом.

ИМПЕРАТОР: Копировать дневник – это очень дурно. Это просто ужасно!

С.А.: Недавно полиция арестовала одного молодого человека, распространявшего писания моего мужа. Лев Николаевич пошёл в жандармское отделение и высказал мысль, что справедливее было бы арестовать автора, а не распространителя. На это жандармский офицер сказал ему: «Простите граф, но в наших тюрьмах не хватит места, чтобы вместить вашу славу».

ИМПЕРАТОР: Да уж, мученический венец на голове Льва Толстого – это последнее, что правительство могло бы желать. А как ваши дети относятся к учению отца?

С.А.: К тем высоконравственным правилам, которые проповедует отец, они не могут относиться иначе, как с уважением. Сама же я считаю нужным воспитывать моих детей в церковной вере. В августе мы вместе говели. Старший наш сын – земский начальник, второй – женат и хозяйничает в поместье, третий – студент, а остальные пока дома.

ИМПЕРАТОР: А часто ли вы видите Черткова, сына Григория Ивановича и Елизаветы Ивановны? Вот его ваш муж совсем обратил.

С.А.: Черткова мы не видели более двух лет. Он сошёлся с моим мужем на желании преобразовать народную

литературу, дав ей нравственное и образовательное направление. Книжки основанного ими издательства расходятся в миллионах экземпляров. Дело это очень хорошее и очень подвинулось. Ваше величество, если мой муж будет опять писать в художественной форме, и я буду печатать его произведения, то для меня было бы высшим счастьем, если бы приговор над его сочинениями был выражением личной воли вашего величества.

ИМПЕРАТОР: Я буду очень рад. Присылайте его сочинения прямо на моё рассмотрение. Будьте покойны, всё устроится. Я очень рад был познакомиться с вами. Вы долго ещё пробудете в Петербурге?

С.А.: Нет, ваше величество, я уезжаю сегодня.

ИМПЕРАТОР: Так скоро? Отчего же?

С.А.: У меня ребёнок не совсем здоров.

ИМПЕРАТОР: Что с ним?

С.А.: Ветряная оспа.

ИМПЕРАТОР: Это совсем не опасно. Только бы не простудить.

С.А.: Вот я и боюсь, ваше величество, что без меня простудят. Такие холода стоят в нынешнем апреле.

Император провожает посетительницу до дверей, пожимает ей руку на прощанье.

Сноска за кадром:

Зависеть от царей, зависеть от народа – / не всё ли нам равно... / и мало горя мне – свободно ли печать / морочит олухов, иль чуткая цензура / в журнальных замыслах стесняет балагура.

Александр Пушкин

Конец шестого акта

(окончание следует)

Андрей Чередник

Любовь и Критик

– асюньчик, критик мой ясноглазый, завтрак на столе, – промурлыкала Любаша, склонившись над кроватью.

Василий, не открывая глаз, шмыгнул носом в сторону доносившегося из кухни аппетитного запаха пригорелых гренок и яичницы. В другое время он, не задумываясь, потянул бы ее за отворот прозрачного пеньюарчика в постель. Но сегодня мысли были о другом. Еще две минуты Василий поерзал под одеялом, потом раздраженным рывком сбросил ноги с кровати и, нащупав шлепанцы, поплелся в душ.

– Любань, сегодня без тебя никак. Чертова уйма накопилась, одному не разгрести. Я о горшки и бюсты уже все ноги поотбивал.– Значит, сегодня без меня никак? А вчера, а завтра? – съехидничала Люба, которая уже две недели дулась на Василия за холодность. Но потом затравленный вид супруга все же вызвал в ней жалость и она в тон его настроению добавила: – Да уж... занялись бы лучше чем-нибудь полезным. Страна задыхается, а они мажут да лепят, лепят да мажут. Василию пришлось по душе эти слова, и, несмотря на подавленность, он одобрительно хмыкнул. Люба мало разбиралась в искусстве, но, похоже, прониклась важностью своих новых обязанностей, внешне простых, но внутренне исполненных глубокого смысла.

Дожевав яичницу, Василий пошел в кабинет и окинул взглядом объем работы. В кабинете не было ни сантиметра свободного пространства. Стеллажи были забиты папками, на столе разбросаны ноты, партитуры, а пол был плотно заставлен большими и малыми горшочками

и другими изделиями гончарного искусства. Вдоль стен выстроились мозаики, барельефы, гравюры и холсты, написанные маслом и акварелью. По углам уже друг на дружке громоздились гипсовые бюсты и головки. Одну особенно крупную фигуру из бронзы пришлось выставить в коридор. Но Василий поклялся Любе, что к вечеру ее заберут.

Работы предстояло много, но, если все грамотно спланировать, к вечеру они управятся. Сначала обработают крупногабаритный материал, потом уже горшочки и статуэтки, ну а уже под занавес Василий сядет за музыку.

В принципе, иметь дело с искусством было несложно, если не считать сортировки и перетаскивания тяжелых предметов. Вся премудрость заключалась в том, чтобы навесить на авторскую работу ярлык с заранее впечатанным отзывом, как правило, состоящим из одного слова, и выставить предмет в прихожую, откуда его забирал автор. Картины и партитуры опер Василий надписывал собственноручно. Научная организация труда и расторопность Любы, ловко навешивающей ярлыки, сокращали время на обработку принесенных на рецензию изделий.

Да, Василий был критиком, правда литературным, но таким, какие рождаются раз в столетие и к которым никогда «не зарастает народная тропа».

Василий как специалист складывался трудно и долго. Выходец из крестьян, он поздно пошел в школу, но скоро догнал других и через полтора года стал читать и писать почти так же бегло, как они. Цепкий ум и неплохая память позволяли ему схватывать знания на лету. А природная смекалка помогала неплохо ладить с преподавателями и учениками. В итоге Василия полюбили абсолютно все. Ученики перестали подсмеиваться над великовозрастным однокашником, а преподаватели завывали ему оценки и на родительских собраниях даже сравнивали с Ломоносовым, который тоже поздно начал, но ведь как далеко пошел...

Возможно, что и Василий покрыл бы дистанцию великого русского самородка, но мешала ему одна досадная

черта. Не было у Василия воображения. Проще говоря, не умел Василий фантазировать. Чистый лист бумаги вызывал в нем тоску. Потерянно сидел он в классе над сочинением, не в силах ничего придумать, и в конце урока возвращал учителю пустую тетрадь. Так же удрученно горбился он над альбомом для рисования, особенно когда задавали вольную тему. Зато при виде готового текста или рисунка Василий менялся на глазах. Вспыхивал, заливался краской и усиленно тянулся к чужому творчеству, а дотянувшись, увлеченно... правил.

Любовь Василия к правке не осталась незамеченной, и вскоре вокруг него образовалась солидная группа учеников, которые подсовывали Василию на просмотр свои письменные работы. Василий правил быстро, уверенно, и комментарии его отличались безапелляционностью, что вызывало к нему растущее уважение у вечно комплексующих школяров. Преподаватели тоже обратили внимание на его страсть и потихоньку эксплуатировали Василия, поручая проверку школьных сочинений и диктантов. Своим острым глазом мальчик подмечал мельчайшие ошибки, которые старательно выписывал в два блокнота, один отдавал преподавателю вместе с кипой тетрадок, а другой сохранял у себя.

Популярность Василия стремительно росла, и все чаще на педсоветах и родительских собраниях звучало: «Мальчик неординарный, у мальчика большое будущее, мальчик далеко пойдет». Так и вышло. Двинул Василий в литературный институт и вскоре прослыл критиком.

Надо сказать, что обстановка на литературном фронте в то время была по меньшей мере хаотичной. Количество писателей в стране уже давно перевалило за добрую половину населения и продолжало стремительно расти, уступая по темпам разве что размножению бактерий. А круг читателей, наоборот, сужался. И чем меньше он становился, тем лихорадочнее шла за него борьба. На читателя ставили ловушки, устраивали засады, похищали у других писателей – словом, вели настоящий промысел. Но зато потом, грубо отловив, берегли как зеницу ока. В плену у писателя читатель становился его любимым чадом и

оказался нежнейшей лаской. Его капризы сию минуту удовлетворялись. По малейшей прихоти произведение перекраивалось, надстраивалось, укорачивалось. Некоторые писатели, обезумев от любви к своему пасынку, вообще выбрасывали середину, оставляя лишь броское, выписанное жирными буквами начало и западающий в душу финал. Даже самые ревностные хранители своего наследия, не желающие менять ничего, вплоть до пунктуации, обмякали и расчищали свое произведение от всего, что могло бы затруднить его понимание. И все же, несмотря на все их усилия, читатель истончался и исчезал. Куда – неизвестно, но всегда бесследно.

Некоторые писатели, обессилев от бесконечной борьбы за читателя, забрасывали творчество и сами отдавались во власть пишущей братии. Выкинув свои произведения в мусорный бак, они немедленно становились раритетом и резко вырастали в цене. Однако, не привыкшие к чтению никакой другой литературы, кроме своей, они скатывались с читательского пьедестала быстрее остальных. Хотя некоторым удавалось вырасти в критиков.

Критики были высшей кастой и выделялись среди прочих своей степенной походкой и циничным, но вместе с тем пронизательным, чуть прищуренным взглядом. В разговоры с челядью не вступали, а контакт с писателем ограничивали тем, что двумя пальцами принимали от них рукописи со словами «Будет время – пробегусь».

Однако, несмотря на почет и уважение, дело свое они делали неважно. Критика требовала мозга, не замусоленного фантазиями и прожектами, а им мешало тяжелое наследие прошлого творчества. Они беспрестанно отвлекались от рецензий и литобзоров и погружались в вялую летаргию воспоминаний о былых задумках. В результате работа продвигалась черепашими темпами, и нередко выходящий обзор уже не заставал в живых ни читателя, ни писателя.

Лихорадка, бесконечные метания из стороны в сторону, потери в читательском контингенте и вялость критиков – такова была обстановка к тому времени, когда созрел и был выпущен из стен литинститута Василий.

Не смущаемый, в отличие от своих коллег, творческими порывами, Василий вник в ситуацию и, не мешкая, принялся за дело. Но прежде вооружился стратегией и методом. Суть стратегии заключалась в том, чтобы любой ценой не пустить писателей в большую литературу, а методов было несколько. Главным был естественный отсев. Для этого Василий закупил почти все собрания сочинений известных в стране классиков. На его полках красиво пестрели обложками Достоевский, Толстой, Куприн, Лесков и другие крупные мэтры отечественной литературы. Классики предназначались не для чтения и даже не для цитирования. Они служили психологическим оружием воздействия на писателей. В ожидании очередного визитера, Василий, как бы невзначай, оставлял на столе раскрытого Куприна или Бунина. Этот хитроумный прием, который он именовал «огонь на поражение», прицельно лупил по тонкой, терзаемой вечными сомнениями психике художника. Зайдя в кабинет к Василию и увидев на его столе и на полках именитых классиков, проситель часто уже на пороге терял присутствие духа и, промямлив, что-де забыл что-то дописать или исправить в принесенной на рецензию работе, спешно ретировался вместе со своим произведением.

Таким образом, классики в доме Василия работали в две смены. Днем они отпугивали слабых духом посетителей, а вечером беседовали с Василием, который убеждал их, но больше всего себя, что ни одна муха не смеет затесаться в их ряды. И нарочно ставил томики впритык друг к другу – как наглядное подтверждение тому, что свободных мест в литературе нет.

Нетрудно догадаться, каким был приговор Василия, вооруженного этой стратегией. И этот вердикт окрашивал все его комментарии и литобзоры в однотонный, строгий цвет. Его слово было окончательным, поскольку всегда подкреплялось ссылками на авторитеты, вызывающие благоговейный трепет как у писателей, так и у читателей.

Василий был тонким политиком и интуитивно понимал, что не следует все время скрываться за частоколом ссылок и цитат. Чтобы продолжать пользоваться доверием,

критик должен время от времени демонстрировать свое лицо. И Василий его демонстрировал, для чего периодически устраивал показательный процесс над отдельными личностями. В качестве мишени, как правило, выбирался дремучий, безропотный провинциал, предпочтительно женщина. Василий верно рассчитал, что женщина, лишенная природной мужской агрессивности, не только не способна оказать сильное сопротивление, но вполне может согласиться с тезисом Василия, что-де сама природа не велит ей заниматься творческой деятельностью, а велит заниматься семьей и крепить незыблемые ценности. Так и случалось. Некоторые писательницы даже посылали ему благодарные письма, раскаиваясь в своем грехе. «А и вправду, чего меня понесло... За домом надо смотреть да детишек на ноги ставить. Спасибо Вам, драгоценный Василий, что напомнили о нашем женском начале и истинном предназначении».

В мертвый летний сезон, когда поток литературы заметно мелел, Василий проявлялся по-другому, обрушиваясь на всю творческую массу огульно и без цитат. А в конце фронтального обстрела все без исключения продукты творчества неизменно сваливались в помойную яму безыдейности, духовной скудости, распущенности, кустарщины и пошлости.

Такие «выхлопы» давали хороший эффект и поддерживали рейтинг Василия в состоянии перманентной эрекции. Писатель нервно подрагивал, а читатель испытывал приятное облегчение. Наконец-то нашелся Критик, который не даст утонуть в мутном омуте сомнительной прозы и поэзии. Критик ориентирует, критик направит, а главное – не позволит безвкусице угнездиться в неискушенной психике и притупить чутье.

Шли годы, Василий обрастал работой и популярностью. Но жизнь не стоит на месте, и скоро он заметил, что его заряженные выступления, как он ни силился, не вызывали былой реакции. Время идеи тихонько уходило, и из гнезд вылетала новая генерация критиков, которые, быстро уловив закон спроса и предложения, стали беззастенчиво этот закон эксплуатировать, критикуя на

заказ. Новые веяния почувствовали и наиболее прогрессивные писатели и перестали дуться на критиков, а, наоборот, просили звездануть покрепче и, главное, погромче. Расчет был на то, что помеченный черной краской писатель скорее бросится в глаза. К тому же среди читателей наверняка найдутся скептики, которые засомневаются в оценке и заглянут к распятому художнику на огонек.

Короче, не выдержал Василий бессовестного кошунства предприимчивых халтурщиков над методом и идеей и понял, что надо уходить из литературы в другие сферы, еще не тронутые коммерцией и корыстолюбием. И скоро потекли к нему сначала струйкой, а потом широкой рекой непризнанные или неизвестные художники, скульпторы, гончары и даже композиторы. Все несли Василию свои труды и томились в ожидании его заключения.

Работа поначалу нравилась: в отличие от писателей и поэтов, скульпторы и художники принимали критику с благодарностью, а если и обижались, то молча. Плохо владея словом, они не могли отстаивать свои работы так красноречиво, как люди пера.

Однако скоро дело застопорилось. Слишком высоким был наплыв народа и слишком негабаритными плоды приносимого на рецензию творчества. А метод отсева с помощью Щедрина и Достоевского не срабатывал. Их не боялись. У этой публики были свои непререкаемые авторитеты, но таковых Василий в квартире не держал из-за ограниченной жилплощади. Приходилось принимать всех, на что не хватало ни рук, ни времени. Пришлось поступиться принципами и внедрить поточный метод критики, для чего и пригодились расторопные Любашины ручки, ловко развешивающие ярлычки с надписями «безыдейно», «пошло», «безвкусно», «сыро» на горшках и бюстах, а Василий надписывал картины. Все изделия сортировались и снабжались порядковыми номерами, по которым посетитель легко находил свою работу, забирал и уже на ходу читал отзыв.

Последнее время Василий совершенно потерял интерес к этой работе и в душе тосковал по тем временам,

когда работал с литераторами, то есть по своей прямой специальности. Без привычных литобзоров и рукописей он чувствовал себя лишним. Все чаще закрывался в кабинете и терзал себя мыслями о том, до чего же измельчал критик, готовый ради денег открыть все шлюзы и наводнить большое и чистое разной мелкой гадостью.

Вот и сегодня, уже который раз отвергнув Любину нежность, он стоял, заваленный творчеством, и мрачно размышлял о большом и светлом. Невольно его взгляд упал на полки с Достоевским и Куприным. Интересно, как бы прореагировали классики на эти горестные вздохи? Может быть, есть у них что-нибудь на эту тему? Василий подошел к полкам, взял наугад что-то из Достоевского и погрузился в оглавление, машинально выискивая орфографические и грамматические ошибки. И вдруг вздрогнул. Что-то его поразило в писателе. Он открыл первую главу и стал читать. И пока он читал, его лицо преображалось. Исчезла сонливость, в глазах загорелся хищный блеск, щеки разругались. Он сам не заметил, как с головой погрузился в незнакомое ему произведение с названием «Братья Карамазовы».

– Васюнь, а что повесить на бронзу: «пóшло», «безыдейно» или «безвкусно»? – раздался за дверью голос Любы. Но Василий ее не слышал. Он впился в текст, весь во власти нахлынувших ощущений, и забыл обо всем на свете. Незнакомый роман поражал своей новизной, необычными оборотами и пунктуацией, какие никогда не встречались ему ранее. Василий читал упоенно, прерывисто всхлипывая от нарастающего возбуждения. С каждой новой страницей лицо его розовело все больше, а ноздри раздувались все азартнее. И вдруг он вскочил с кресла и с радостным воплем: «Боже ж мой, да что ж я раньше-то!..» схватил карандаш и, сбросив с себя пиджак, погрузился в работу. Лихорадочно комкая страницы романа, ломая один карандаш за другим, Василий вдохновенно правил... «Братьев Карамазовых». А когда покончил с первой главой, бросил томик на стол, набрал полную грудь воздуха и завопил: «Люба-а-аня-а-а!!!» – Что случилось, тебе плохо? – Бледная от страха Люба ворвалась в кабинет. – Да какое

плохо! Живем, Любашкин!!! – Он сгрел в охапку ошалевшую Любу, рванул на ней блузку и повалил на подушки...

А через полчаса, оставив ее, удивленную и радостную, на диване, шагнул к столу и застрочил литературный обзор под названием «Достоевщина как наглядный пример безыдейности и дурного вкуса в литературе XIX века».

Евгений Майбурд

Если...

О книге воспоминаний Вадима Туманова

продолжение, начало в №3(4)

5. Организатор промышленности

В теплые края

ссентуки. Он уже там. Отдохнуть решил? Нет, он в местном геологическом управлении, интересуется месторождениями золота. Оказывается, и тут есть россыпи, довольно богатые притом. Прикинул. Себестоимость будет не выше колымского. Ну что ж, за дело. Звонит в Москву, начальнику «Главзолота» Березину. Давайте, мол, здесь начнем, я готов.

Выслушав меня, Валентин Платонович рассмеялся:

– Дорогой мой, люди едут на Кавказ за другим золотом – за здоровьем. А ты хочешь перекапывать Кавказский хребет? Вырубать эндемичные леса, оглушать курорты ревом бульдозеров? Ты что, Вадим?!

Как-то мы и не заметили, до чего он вырос. Вы когда-нибудь пробовали звонить чиновнику такого уровня? Вас долго будут расспрашивать: кто такой, по какому вопросу, почему именно сюда звоните, и наконец скажут, что у начальника сейчас совещание, и когда освободится, неизвестно, предложат (в лучшем случае) поговорить с референтом, все ему изложить и т. д., и т. п.

А он звонит начальнику всесоюзного главка, и его соединяют, и оказывается – тот не просто знает о его существовании, но хорошо его знает, обращается на «ты», готов обсуждать вопросы о разработке новых месторождений и вообще разговаривает с ним по-свойски. И

даже когда он попадает впросак со своим предложением, большой московский начальник не посылает его подальше, предлагая в другой раз обратиться к такому-то. «Потянуло в теплые края? – говорит он. – Езжай в Таджикистан. Там интересные россыпи, так ты посмотри на месте, можно ли быстро начать добычу». И дает точный адрес. Не комиссию из специалистов с высшим образованием, не своих людей из главка, которые «сидят» на этих вопросах, – Туманова посылает он, полагаясь на его суждение.

Месторождение Дарваз. Вызвал кое-кого с Колымы, пробы обнадеживающие. Установили оборудование, начали добычу. Все шло хорошо, но что-то неприятное было в атмосфере. Попросту говоря, любой начальник любого уровня откровенно старался чем-то поживиться. Один довольно большой начальник, к которому он зашел с вопросом на полчаса, продержал его у себя часа два. Решался вопрос? Да, только другой, более важный и неотложный. Все это время хозяин кабинета отчитывал кого-то по телефону: почему для сидений его машины пошили чехлы не тех расцветок, какие он любит! Почти по Высоцкому:

*У ребят серьезный разговор,
Например, о том, кто пьет сильнее...*

Между делом... Находясь по делам в Душанбе, заходит в ресторан гостиницы и случайно знакомится с Ниной Шацкой – актрисой театра на Таганке (там шли съемки фильма «Белый рояль»). Она рассказывает ему, что Высоцкий, оказывается, никогда не сидел (как все думали), а напротив – окончил театральный вуз, работает в театре и кино.

Кто бы мог представить, что через пять лет я познакомлюсь с Владимиром Высоцким и с тех пор мы будем дружны семь лет – вместе в Москве, Ленинграде, на Кавказе, в Восточной Сибири... Что мои колымские рассказы отзовутся в его новых песнях и он станет близким мне и моей семье человеком.

Слишком теплые края, однако. К крику и угрозам в кабинетах начальников не привыкать было, но все же на Колыме все это было связано с более важными вещами. А

тут климат уж очень непривычный. Решает, что менять атмосферу – не его задача. Проще – мотать отсюда. Снова звонит Березину. Тот ничего не может понять. – Ошиблись геологи? Не складывается с местными властями? – Да нет, все нормально. – Что же тогда?

Ничего не стал объяснять, но дал понять, что здесь работать не будет. И что Березин? Раздражен? Недоволен? Мол, сам напросился, теперь, голубчик, давай золото – так? Нет. Березин: «Ладно, приезжай в Москву, подумаем». Вот так.

Не только золото

В кабинете Березина висит геологическая карта страны. Ему предлагают оценить перспективы добычи золота на Буор Сале, бассейн р. Алдан, Якутия. А он видит в тех краях еще и залежи коксующихся углей, железной руды и много другого. Разработку всех этих месторождений сдерживает тяжелый климат, отсутствие транспортной и энергетической инфраструктуры.

Артели здесь не отойдут в тень, а, напротив, не дожидаясь крупномасштабного разворота работ, могут разрабатывать месторождения экспедиционно-вахтовым методом, самым дешевым из всех возможных.

Перспективы формирования новой экономической зоны выглядели такими захватывающими, что в будущем нельзя было исключать перепрофилирования горнодобывающих кооперативных образований. Крупная артель с ее собственной техникой может брать подряд на прокладку автомобильных дорог, на разработку угольного месторождения, на создание лесопильных производств.

Вот какие мысли занимают его, пока самолет летит в Якутск. Вот какими категориями он уже мыслит. Отдайте ему этот регион! Заключите договор и ни о чем больше не заботьтесь! Он сам найдет людей и технику, он оживит эти безлюдные края, извлечет из недр богатейшие ресурсы и выдаст вам на блюде. Он станет тем фактически, чем уже является потенциально – крупным организатором промышленности. В старину так вырастали Демидовы и Строгановы, используя труд крепостных рабочих, а он будет умножать новый тип рабочего, свободного не только юридически, но и духовно, способного на *трудовые подвиги*

– не показушные стахановско-гагановские, а реальные. Он не мечтает о богатствах и влиянии Демидовых-Строгановых, это я про них вспомнил некстати. Но он мог бы стать капитаном промышленности вроде прославленных магнатов западного типа – только без собственного капитала, биржевых спекуляций и мультимиллионного состояния. О каких-то вещах он тоже не мечтает и не думает. Ему нужно дело по плечу, а пока он обдумывает ближайшее будущее.

Мне много раз приходилось создавать артели, начинать с нуля, и теперь, перебирая в памяти пережитое, могу сказать, что везде самым трудным было первое время, первая заброска, доставка к месторождению техники и оборудования по бездорожью, по льду замерзших рек, через перевалы горных хребтов, где снег лежит до середины июля... И парни, которые могли это проделать, – настоящие герои, люди особого склада, особой прочности, их и сравнивать нельзя с обычными людьми.

Парни

Позже он напишет: В течение 45 лет я возглавлял большие коллективы самых работоспособных людей. Большая часть из них ехала к нам на один сезон – заработать. Почти все оставались на долгие годы. Можно считать, что и они вместе со мной пишут эти строки.

Он называет имена, коротко описывает каждого, и сколько здесь тепла, сколько гордости. Он любит своих товарищами и вспоминает самые напряженные моменты, когда один или другой проявили смелость, выдержку, находчивость.

Сергей Панчехин попросился в артель рабочим, чтобы заработать на обратный билет домой после побывки у родни. И остался там на все годы, вырос до начальника участка, потом стал заместителем председателя артели.

Сергей Кочнев, о котором он вспоминает с оттенком удивления, что, проработав с ним больше тридцати лет, не может вспомнить хоть одного случая, когда бы мог быть им недоволен.

Сергей Румянцев – механик, который дважды сумел починить импортные механизмы, годами стоявшие в поломке – никто не знал их устройства и запчастей, конечно, не было.

Другой его зам, Зиновий (Женя) Футорянский, знакомы с 1959 года. Прекрасный механик, он часто предлагал нестандартные решения. После разгрома «Печоры» уехал в Америку, и там, толком не зная языка, устроился на производство, стал выдавать рацпредложения и вырос до руководителя на производстве. А об американцах Женя будет с грустью рассказывать, что люди там такие же, как и у нас: есть и пьяницы, и лодыри. И, живи они в нашей стране, не имея возможности достойно получать за свой труд, тоже воровали бы и жульничали.

Главный геолог Виктор Леглер, начитанный, тактичный человек, верующий христианин. После разгрома «Печоры» уехал по приглашению работать в Гане, потом в Сьерра-Леоне, Боливии, Мали...

...Звонит главный инженер объединения, просит принять своего знакомого и «при возможности взять на работу». Приезжает молодой человек, очень застенчивый, на производстве никогда не работал. Просится на сезон – хочет заработать на квартиру для сестры. Худощавый, интеллигентный, а тут – суровая братия трудяг... Но не хитрит, и это подкупает. Прямодушие он ценит высоко.

– Вы очень рискуете, – сказал я ему. – Можно, конечно, за сезон заработать на квартиру, но не исключено, что не выйдут даже ваших твердых ста двадцати.

– С вами я согласен рисковать, – отвечает он.

Сергей Зимин задержался у Туманова на двадцать лет. Оказался отличным организатором горняцкого производства, стал одним из заместителей председателя, главным инженером артели.

Ефим Фавелюкис приехал к ним из Одессы, где работал экономистом на предприятии. Посмотрев на него, я сразу предложил ему должность в руководстве. Два десятка лет совместной работы не дали мне повода усомниться в правильности принятого решения. А Ефима тогда удивило, что я не стал смотреть его трудовую книжку...

Говорили, что позже он, так же не глядя в трудовую книжку, заводил кассету с Высоцким, наблюдал за реакцией кандидата и тут же решал: подходит или нет...

Алька Михайлов: Он из тех парней, кто может, когда надо, нырнуть в ледяную воду, разрезанную стеклом до кости руку зашить тонкой проволокой сам себе. Еще он умеет в одиночку в

тайге, безо всякой помощи снять с бульдозера коробку передач. Такое только бульдозерист может оценить.

Бульдозеристом начинал Руслан Кушаев тридцать лет назад, вырос до начальника участка. Руслан найдет выход из любой ситуации. Не раз все убеждались в его надежности. Он из тех, на кого всегда можно положиться. А эти качества я отношу к числу первых достоинств человека.

И эти слова можно отнести к каждому, о ком я только что рассказал.

...В эти самые годы Пахмутова и Добронравов сочиняли песни про геологов да гидростроителей (среди песен этих бывали иногда не такие уж плохие) и ездили на большие стройки гидростанций. В поселках строителей, где обычными явлениями были нестроенный быт, пьянство, драки и поножовщина, знаменитые песенники искали простых советских людей – скромных героев самоотверженного труда...

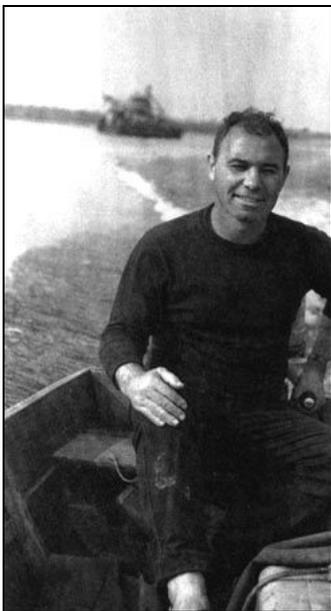
Конечно, он назвал далеко не всех (и здесь упомянуты не все, кого он назвал). Для каждого он находит добрые слова. Каждый их таких людей уникален и по-своему талантлив. Такие влеклись к нему – подобное к подобному. Почему я пишу об этих людях особо? Убежден: если бы во времена перестройки они были по-настоящему востребованы, сегодня Россия была бы другой. Еще с большим основанием можно сказать так о нем самом, но мы опять забегаем вперед.

Якутия

Февраль 1969 г. – зарегистрирована артель «Алдан» численностью 800 человек – самая крупная на тот день. Еще отбирать пришлось, отбиваясь от желающих, которые приезжали отовсюду. Ф. Джулай, директор комбината «Алданзолото» стал допытываться, сколько золота они могут дать. Примерно тонну в сезон, говорит Туманов. Никто не верит. Меня бы и треть устроила, говорит Джулай. А многоопытные работники комбината называют цифру 80-100 кг.

Промывку начали в мае, а к осени добыли 1 040 кг. Пятерым старателям дали значки «Отличник соревнования» (почему не всем 800?). Шестерым – грамоты Министерства

(почему не всем?). Всем, то есть всей артели, дали переходящее Красное знамя. На следующий год они добыли 2 240 кг – 60 % того, что было добыто всеми старательскими артелями Алдана, их было около десяти. Делаем вывод: форма артели эффективнее государственного предприятия, но форма – еще не все. Артелей уже было много – Туманов только один.

На реке Алдан

И опять: все эти побрякушки и фальшивые почести были нужны, они укрепляли имидж артели в глазах официальных лиц, от которых подчас многое зависело. Не о производительности речь, которая не зависела от этих лиц, а о постоянно возобновлявшихся атаках. В этот раз инициатором стал первый секретарь Якутского обкома партии, по статусу – член ЦК КПСС, некий Чиряев.

Его коньком были «комсомольско-молодежные» шахты. Ими можно было козырять в высоких кабинетах. Я был еще по институту близко знаком с одним человеком, секретарем нашего комитета комсомола, который вскоре стал начальником «комсомольско-молодежного» СУ в

Москве. «Что это дает?» – спрашиваю я, сидя наедине с ним в его кабинете. «Да ни х..!, – отвечает он. – Так, для воспитания...» Какое еще воспитание? Пыль в глаза. Руководство на всех уровнях обожало такую имитацию больших дел на ровном месте. А вот реальные большие дела были им нужны как гвоздь в диване.

Артель, конечно, не могла быть знаменем, которым победно размахивал обком партии <...> Предчувствие, что успехи «Алдана» до добра не доведут, не обмануло меня.

Успехи... до добра не доведут! На какой-то партийной конференции этот Чиряев резко отозвался об артелях и персонально о Туманове (с которым не был лично знаком). Республиканская прокуратура поняла намек и дала в Алдан указание найти возможность возбудить уголовное дело, чтобы распустить артель и посадить ее председателя. В 1970 г. уголовное дело было возбуждено. Лично против него. В материалах дела говорилось, что он «мошенническим путем получил 421 рубль (sic! – ЕМ) и обратил в свою пользу». Речь шла о каких-то авиабилетах, которые артель (решением общего собрания) оплатила ему задним числом за поездки в Москву, Алдан, Иркутск и пр. – в период организации артели. Преступление: оплата проездных документов за время, когда артели еще не было.

Больше года длилось это следствие. Допросы, допросы... Нельзя сказать, что все его бросили на произвол судьбы. Руководство «Союззолота» разъясняло, что в артелях так принято. Напрасно. Дело разрасталось.

Один из работников прокуратуры сказал следователю Алданского РОВД Александрову, который вел мое дело: «Ты же видишь – ничего нет...» Тот вспылил: «Тебе легко говорить, а у меня квартиры нет, двое детей, зима на носу! Не закончишь, сказали, выгоним...» Ну, чем я мог помочь следователю Александрову?

Только одним: пойти в тюрьму. Во все время следствия за ним велась наружная слежка. Прокурора Алданского района Г.М. Стручкова заставляли подписать обвинительное заключение. Отказался. За него подписал его зам, впоследствии наказанный за это. Каким-то образом история дошла до газеты «Известия».

Главный редактор Л.Н. Толкунов, меня совсем не зная, по телефону правительственной связи пристыдил чиновника в Генеральной прокуратуре. Мое дело прекратили «за отсутствием состава преступления». Руководители «Алданзолота» отлично понимали, что происходит, уговаривали не обращать на это внимания. Но зависеть от прихотей якутского чиновничества я больше не хотел.

Охотское море

С некоторых пор он мог сам выбирать, где работать, и, тем более, – где не работать. Все же: почему в Главзолоте так охотно шли ему навстречу – подчас не настаивая даже на объяснении причин столь неожиданных решений? Верно, давно прошло время, когда он работал на авторитет – теперь авторитет работал на него. Но еще важнее было, по-видимому, то, что покидая очередное насиженное место, он оставлял после себя великолепное наследство – крепкую артель, которая продолжала давать высокие показатели, столь нужные на местах и в Москве.

Теперь в московском главке ему предлагают создать новую артель в Хабаровском крае. Полетели. В комбинате «Приморзолото» попадают в распростертые объятия. Говорят: на весь комбинат годовая добыча – меньше тонны. Дают для главной базы участок со старыми постройками на окраине Хабаровска. Но россыпи – далеко, в бухте Лантарь на Охотском море. Надо посмотреть на месте.

Полет над хребтом Джугджур. Зрелище плывущих под крылом ландшафтов даже из самых заносчивых может выбить спесь. Мысль только о том, как сюда забрасываться. Ума не приложу, как в середине XVII века по приамурским лесам и волокам через горы здесь пробиралась дружина Ерофея Хабарова.

Кстати вспоминается ему история, как приехал из Москвы чиновник «для приведения в порядок дел на Амуре» и чем-то Хабаров ему не угодил. Землепроходца, открывшего для отечества огромные богатства, по чиновничьему распоряжению доставили в Москву, обвинили в присвоении государственной казны, свинца, пороха, учинили долгое следствие. Дело прекратили, говоря по-нашему, «за отсутствием состава преступления». Царь повинулся и пожаловал казака в сыновья боярские.

Недалекие чиновники у нас оказались живучи.

Но где брать каждый раз умных царей?

Такие на Руси перевелись – ему предстоит убедиться в том на собственной шкуре.

Самолетом до пос. Аян, затем вертолетом в бухту Лантарь. («Только самолетом можно долететь» – пелось в популярной песне, чьи авторы были так поражены отсутствием железной дороги, что не задумались о местах, куда и самолетом не можно долететь).

Пробные промывки. Есть тут золото! Тем же порядком возвращаются в Хабаровск.

Сколько золота предполагаете взять за сезон? – спрашивают в «Приморзолоте». Прикинул, что не меньше восьмисот килограмм, но не хотелось задевать чувства руководства комбината, и потому сказал: килограммов пятьсот. Снисходительные улыбки, переглядывания... Мы были первым производственным коллективом, решившим добывать золото не на материковом предгорье Джугджурского хребта, а по другую сторону перевала – на узкой полосе у моря. И сразу – полтонны?

Зима 1970-71 гг. Его новая артель «Восток» начинает «заброску» техники, запасных частей, горючего – по зимникам, иногда по воздуху. Охотское побережье – одно из самых трудных и далеких мест, где ведутся горные работы. Зимник через Джугджурский перевал – суворовским Альпам ловить нечего. До нас с техникой тут никто не проходил. Весной грузы сплавляли на барках по Амуру до Николаевска-на-Амуре, а оттуда – к бухте Лантарь, где поставили главную базу артели. В первый же сезон намыли тонну золота. Затем пять лет подряд – по полторы тонны.

Октябрь 1976 г. Промывочный сезон закончен. Старатели упаковываются, готовятся лететь домой. Обычное напряжение отпустило, все уже расслабились. Заработали хорошо, настроение великолепное – предвкушают возвращение к своим, отдых до весны. Некоторые уже двинулись в путь. Сам он в это время – на базе в Хабаровске. Собирается в Пятигорск, к жене, которая часто болеет. Вдруг звонок из «Приморзолота». Начальник комбината Нестеров: «Вадим, ты не мог бы срочно подъехать?»

Подъехал. Нестеров объясняет: комбинат план перевыполнил, но позвонили из Москвы – главку не хватает шестьдесят килограммов для выполнения плана по Союзу, и эти 60 кг решили считать задолженностью «Приморзолота». Другого выхода не нашли, и к вечеру Нестеров должен доложить о погашения долга.

На первый взгляд – какая-то нелепость. Комбинату, перевыполнившему план, всунули чей-то долг – и главное, подавай его немедленно. Почему именно этот комбинат? Вряд ли ошибемся, если скажем: потому что там – Туманов. Но работы закончились, все разъезжаются. Что можно сделать? Для Нестерова есть только один вариант: он вечером доложит, что «Восток» дает эти 60 кг, «а вы, может быть, что-то придумаете?»

Как я понимал директора комбината! Но то, что он мне предлагал, было чистой припиской, за которую я мог получить три года заключения. Потому что за эти несуществующие 60 килограмм золота артели от государства причитались какие-то копейки, а может и рубли. Приписка с целью хищения государственных средств – вот как это называлось бы. Состав преступления налицо.

Разумеется, Нестеров все понимает. Но оба знают: никто в Москве даже слушать не станет о том, что прииски закрыты, техника законсервирована, половина людей почти разъехалась и пр. Главк отчитывается перед министерством, оно – перед Совмином, а тот рапортует в ЦК КПСС. Рапорт, конечно, давно подготовлен. И вдруг – недостача каких-то 60 кг.

Я представил руководителей этих структур, их такой же несчастный вид, как у моего собеседника и, хотя никогда не испытывал к высокому начальству особого почтения, тут вдруг понял, не могу объяснить почему, что у меня язык не повернется сказать «нет». Для Нестерова, всегда нас поддерживавшего, я был последней соломинкой, за которую он мог ухватиться.

Мы помолчали, глядя друг другу в глаза.

– Хорошо, – сказал я, – докладывай. Что-нибудь придумаем.

Не один Нестеров, и в Москве много голов полетело бы, скажи он «нет». Потом эти головы все забудут...

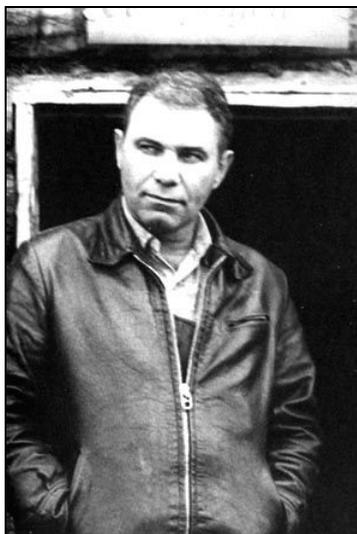
Возвращается на базу, вызывает участки по рации:

– Слушайте меня внимательно! Во что бы то ни стало нам нужно добыть еще шестьдесят килограммов золота. Кстати, синоптики сообщили: идет теплый циклон. Завтра вылетаю к вам.

– Вадим Иванович, половина ребят уже на летном поле с чемоданами!

– Скажите, я прошу задержаться. Очень прошу!

– Вас поняли.

Председатель артели «Восток». 1974 г.

Старатели возвращаются на участки, разогревают бульдозеры, запускают приборы промывки. Никто не спрашивает, почему, хотя чертыхаются и ругают его, кто как умеет. Одно знают: председатель сказал, что идет теплый циклон. Он придумал этот циклон, чтобы ребятам было легче смириться, но через несколько дней и вправду потеплело. Не могу представить, чтобы кто-нибудь боялся быть уволенным за отказ. Да и не было приказа. Всем было сказано: Туманов **очень просит**. Работы возобновились. Дней через десять добыли 96 килограмм.

– Вадим, – кричал в трубку счастливый Нестеров, – ты меня выгацил!

А я подумал, что разрешив Хабаровску отрапортовать о дополнительном золоте артели «Восток», которого тогда в помине

не было, эти десять дней сам себя спасал от неизбежного следствия и суда.

И вспомнилось: два приятеля – один идет воровать, второй спрашивает: «Коля, ты скоро придешь?» Тот отвечает: «Часа через два или лет через десять».

Наряду с «Востоком», он создает вторую артель, «Амур». На них и держалась вся хабаровская золотодобыча к середине 70-х гг. Комбинат «Приморзолото» ходатайствует о представлении группы старателей к правительственным наградам. Первым в списке – Вадим Туманов. Его представили к ордену! Все ликуют.

Он уже в Москве на пути к семье, когда ему звонит его заместитель: первый секретарь райкома партии, визируя списки, вычеркнул его фамилию.

У меня потемнело в глазах.

Я нисколько, на самом деле, не дорожил ожидаемым орденом или медалью, но никогда мне не было так больно и обидно.

По барабану ему этот орден. Не просил, не ждал, не жаждал. Но коли уж представили – то какого черта! Он создал две артели. Он организовал добычу в этих недоступных районах. Он дал эти тонны золота, которых другие не могли дать. За что ко мне так? Разве моя обида непонятна?

Очень даже понятна. Представим на минуту: звонок. «Вадим Иванович, мы очень ценим вашу работу, но я не могу вас завизировать. Сами знаете, не во мне дело... Пожалуйста, поймите меня правильно и извините». И не было бы такой обиды. Ну не может человек, и х... с ним, этот хоть следствие не учинял, пять лет спокойно работали – уже хорошо...

Но тут ведь так не бывает. Тут обыкновенное партийное хамство. Мразь, уверенная в своей недосыгаемости. Как плевок в лицо прохожему с подножки уходящего поезда. Их нравы... Безнаказанное унижение, полное отсутствие понятия о благодарности – вот что обжигает душу. И просто снести – невозможно, и поставить на место – некого. Остается только одно – опять звонить в «Главзолото».

Ему предлагают организовать артель на Ленских приисках. Ленским расстрелом 1912 года исчерпывались тогда мои представления о территории, где мне предстояло опять все начинать с нуля.

Артель «Лена»

Сразу полетел в Иркутскую область, на берега Витима и его притока Бодайбо. Удручающее впечатление от приисковых поселков. Кругом бродячие собаки. Множество людей, которые слоняются без дела. Каждый год тысячи приезжают по объявлениям «требуется одинокие мужчины» – семьи некуда селить, женщин нечем занять, а для мужчин работа – поднести, разгрузить, погрузить...

Наблюдая за приисковыми нравами, я укреплялся в мысли о том, как важен особый подход к ресурсным территориям Восточной Сибири. В том и преимущества экспедиционно-вахтового способа освоения новых районов, что он позволяет с наименьшим числом работающих, создавая людям условия повышенной комфортности, обеспечивая их мощными механизмами, решать экономические проблемы проще, быстрее и эффективнее, чем при традиционных подходах.

Снова мы видим, как было в Якутии, что мыслит он уже категориями целых регионов. А масштаб его работы – артель. Правда, это уже совсем не те «Семилетка» и «Прогресс», с каких все начиналось. Теперь его артель – это многие сотни работников, несколько участков, разрабатывающих каждый свое месторождение, база механизации, центральный склад, диспетчеризация, радиосвязь и многое другое – фактически, крупное предприятие. Артельная форма отрабатывается, совершенствуется, развивается... Артель вырастает в комбинат...

Слетал в Хабаровск – уладить дела, попрощаться. Ошарашил Нестерова («Да ты что! Что произошло?»). Естественно, не стал ничего объяснять (уж как мелко это выглядело бы со стороны: не дали ордена, обиделся...). Пообещал, что «Восток» останется работать, порекомендовал себе замену. Но важнее было другое.

Меня мучило, как объяснить людям, с которыми проработал много лет, которые шли за мной безоговорочно, почему без всяких видимых причин я решил покинуть успешно работающий коллектив. <...> Это было не только для всех

неожиданно, но заставило задуматься о неизбежных переменах в жизни. В артели судьбы людей переплетены, успехи и неудачи каждого зависят от любого другого, тем более от члена руководства артели, особенно – от председателя. Стоит одного человека заменить, и пирамида, с такими трудами построенная, может обрушиться. Я все это понимал, старался успокоить людей. Объяснил, что устал, хочется отдохнуть год-другой, просил отнестись к такому решению с пониманием. С собой взял пятерых, затем к ним присоединились еще несколько самых близких боевых товарищей.

Комбинат «Лензолото» уже четыре года подряд не выполнял план, его директора Зафесова собирались снимать. Мы были его последней надеждой. И все это притом, что на старейшем золотодобывающем предприятии России работали мощные электродраги, огромные экскаваторы (даже были шагающие, с ковшом 20 кубометров), большегрузные самосвалы, тяжелые бульдозеры. Геологи все время находили новые и новые месторождения. Еще в 50-е годы было открыто месторождение Сухой Лог, признанное самым крупным на евразийском материке, к которому еще не подступались. Была и выработанная шахта на речке Вача, где шахтные отвалы отдали тумановцам для повторной промывки.

Маркс в «Капитале» (Т. 1, с. 189) перечислил основные элементы процесса труда: «целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда». И все согласно кивают. А между тем здесь ведь кое-чего недостает. Одна вещь упущена из виду: **организация труда**. Непонимание основоположника отозвалось неэффективностью вымечтанного им хозяйственного уклада. Как известно, в 20-30 гг. в стране были энтузиасты НОТ – «научной организации труда» (Гастев и другие), которых пересажали, признав НОТ антимарксистским уклоном. Да так оно и было, только по-умному устранять бы следовало марксизм...

И вот перед нами микрокосм социалистического хозяйства – комбинат Лензолото. «Предмета труда» – завались. «Средства труда» – самые современные, наимогущественнейшие. Много-много человеко-дней «целесообразной деятельности». И – мизерные плоды. Не

хватало того, чего не хватало у Маркса в теории (да и в быту тоже).

И снова паникуют ИТР комбината, пишут письма в Москву, охаявая артель, выступают против на технических совещаниях («Это авантюра! Они загонят туда технику и ни грамма золота не дадут!»). Против был даже главный инженер комбината. Но Зафесов настоял на своем.

Развернулись с размахом. Создали перевалочные базы в Иркутске, Бодайбо, Нижнеудинске и Усть-Куте, основали участки артели на четырех или больше месторождениях. В первый же год работы артель дала тонну золота. Вскоре был представлен к званию Героя Социалистического Труда... угадайте, кто? Верно: директор комбината.

Владимир Высоцкий

В 1973 году знакомый кинорежиссер пригласил Туманова пообедать в ресторане Дома кино. Там они встретили Высоцкого, и спутник познакомил их. Сели вместе за столик. Поэт с интересом расспрашивал о Колыме, лагерях, Севере. Обменялись телефонами и стали видеться. Высоцкий стал бывать в его московской квартире. Или Туманов ехал к нему после спектакля. Быстро сблизились.

Когда поэта не стало, кое-кто из его окружения уверял меня, что Высоцкий сдружился с Тумановым потому, что ровесники-поэты не считали его поэтом, не принимали в свой круг. Неважно, что это такое «их круг» и было ли вообще такое явление. Впрочем, кое-что было: дома творчества, дачи в Переделкино, санаторий в Коктебеле... чем не «свой круг»? Так ли уж не хватало этих вещей Высоцкому? Чепуха совершенная. Очевидно, говоривший не понимал, что сблизало этих двоих.

Семь лет с Владимиром Высоцким – это калейдоскоп встреч, разговоров, споров, размолвок, объятий... Когда провел с интересным человеком один вечер, много можно чего вспомнить. <...> Но когда вместе прошла часть жизни, и не было темы, которой бы не касались, и не было, кажется, грехов, в которых бы не открылись друг другу, связный рассказ не получается...

Разговаривали подчас до утра. Совсем несхожие по социальному положению и жизненному опыту, они

наблюдали жизнь с двух совершенно разных позиций, и оказалось, что их оценки людей и событий – в принципе сходны и одинаково глубоки. Случались разногласия, но не было несогласия. Это была взаимная необходимость. Один в своих песнях исследовал поведение и самоощущение человека в экстремальных ситуациях. Другой жил непрерывно в экстремальных ситуациях, сменявших одна другую. И нашли друг друга две личности одного масштаба.

За внешней невозмутимостью Высоцкого постоянно чувствовалась внутренняя сосредоточенность и напряженность. Много, о чем мы с друзьями говорили, до хрипоты спорили, он своим таким же хрипловатым голосом, с гитарой в руках, прокричал на всю Россию. Наше внутреннее несогласие с режимом, нам казалось, не поддается озвучению, мы не знали нормативной лексики, способной передать каждодневное недоумение, горечь, протест (прекрасно сказано про лексику!). А он черпал и черпал такие выверенные слова, будто доставал их из глубины колодца вековой народной памяти.

Как-то, войдя вместе в квартиру поэта, они включили телевизор. Выступал Юрий Жуков. Пишущему эти строки он всегда был омерзителен своей сытой наглостью. Им обоим, как выясняется, тоже. Высоцкий взорвался, сказал пару ласковых, а затем предложил разойтись по комнатам и каждому написать по сто самых неприятных имен. Списки совпали на три четверти (Гитлер, Каддафи, Кастро, Ким Ир Сен, Хомейни, Ленин...). У обоих четвертым оказался Мао и четырнадцатым – Дин Рид...

В 1976 году Высоцкий прилетел в артель «Лена». Много общался со старателями, больше слушал. Тогда-то ему и рассказали про парня с участка на Ваче, который неудержимо проматывал заработанные деньги. Полетели на вертолете на участок Хомолхо. ВВ что-то стал писать в своей тетради. Лицо светилось улыбкой. Это были известные теперь стихи про незадачливого старателя.

На полпути небо стала заволакивать черная туча.

– Придется возвращаться в Бодайбо! – прокричал командир экипажа. И осекся, встретив напряженный, умоляющий взгляд Володи.

– Там же нас ждут, командир! – Высоцкий положил руку ему на плечо.

Гостя встречали всем поселком. Вместе со старателями к вертолету наперегонки неслись лохматые лайки.

Вечером в столовую набилось около сотни рабочих. Вряд ли их, усталых после 10-12 часов работы на бульдозерах и промприборе, можно было уговорить идти на концерт, какая бы знаменитость ни появилась. Впрочем, откуда было взяться знаменитостям в Хомолхо? (то ли дело Братская ГЭС! Вознесенский, Евтушенко, та же Пахмутова... и прочая, и прочая... – одна знаменитость сменяла другую) Но тут, все побросав, они сами торопились на встречу. Потому что Высоцкий был для них человеком, который, они были уверены, их понимает, как никто другой.

Скоро до Хомолхо добрались рабочие со всех дальних участков. Шел дождь, люди стояли под открытым небом у окон и дверей столовой, уже переполненной. Протиснуться было невозможно.

Высоцкий был смущен. «Ребята, – сказал он, – давайте что-нибудь придумаем. Пока я допою, люди промокнут!»

Казалось бы, никто этих людей не заставлял, сами же пришли. А вот не мог он спокойно выступить, когда люди мокнули под дождем. Это сковывало, это мешало ему петь.

Быстро соорудили навес. Все четыре часа, сколько продолжалась встреча, шумел дождь, но это уже никому не мешало. Володя пел, говорил о жизни, часто шутил, снова брал в руки гитару. Ему было хорошо!

Потом отправились на Байкал. Хотели посетить еще один участок артели, но погода не позволила лететь на вертолете. Возвращаются поездом в Иркутск.

Володя что-то напевал и играл на гитаре. Проводница, заглянув в купе, сказала:

– Прямо совсем как Высоцкий!

– Да, – засмеялся он, – мне уже это кто-то говорил.

Проводнице и в голову не пришло, что это может быть *сам* Высоцкий. Его образ в народе стал своего рода мифом. Никто ведь не думает, что мифическую фигуру можно вот так запросто встретить живьем. Высоцкий пребывал для них где-то в другом измерении. И в их душах.

Об одном эпизоде Туманов говорит, что до сих пор сомневается, правильно ли поступил. Известно, что в момент вторжения в Афганистан *ВВ* был в Париже.

Шемякин после вспомнит, как тяжело подействовало на него это известие. А перед самым отъездом в Москву увидел по телевизору репортаж оттуда: обгоревшие трупы жениха и невесты, убитых ракетой советского боевого вертолета. Вряд это было подобием сегодняшних роликов о «жертвах гражданского населения» в Газе. Афганцы не прибегали к «живым щитам», насколько известно. Да и были это первые дни оккупации, когда еще не было сколь-нибудь организованного сопротивления. Так или иначе, поэт вернулся в большом возбуждении, рвался идти к Сахарову и иностранным журналистам. Крикнуть властям: вы не люди!

Этот его шаг означал бы полный разрыв с властями и его неминуемые последствия – арест, высылку или, в лучшем случае, неизбежную эмиграцию. Такие перспективы для Володи пугали меня, и я, как мог, удерживал его. «Если ты не хочешь, я один пойду!» – кричал Володя. Я старался его убедить: «Твоих песен ждут сотни тысяч людей. Их переписывают, многие живут ими. Ты сам не понимаешь, что сегодня значишь для России. Ты делаешь не меньше, чем Сахаров и Солженицын!»

В ту ночь мне удалось его удержать, но воспоминания об этом для меня остаются тяжелыми и мучительными.

В июле 1980 года он был в Москве. В 4 утра позвонили: Володя умер.

Проходит время. Марина просит его найти какой-нибудь необычный камень, чтобы поставить памятником на могилу: «Пусть он будет некрасивый, но он должен передавать образ Володи». Находят такой камень. Какая-то редкая разновидность минерала: вытолкнут из горячих глубин земли и – что редко бывает – не раздавленный, не покрытый окисью. Поражала невероятная целостность камня: при ударе молотком он звенел, как колокол.

Но на могиле Володи стоит другой памятник.

Артель «Печора»

Директор «Лензолота» был уроженцем одной из малых кавказских народностей. Когда здесь появился его земляк, он стал его опекать и навязал в отдел снабжения артели. Туманов сразу увидел, что тому доверять не может, и сказал об этом Зафесову. Отношения стали ухудшаться и обострились до того, что в начале 80-х пришлось опять

покинуть налаженное дело и – в который раз уже! – начинать с нуля на новом месте.

Между тем, вскоре земляк директора все-таки проворовался. Началось следствие, дело стали раскручивать. Зафесов застрелился.

Хомолхо, 1976 г. В. Туманов, С. Зимин, Б. Барабанов,
В. Высоцкий

Но Туманов был уже далеко. Теперь это Приполярный Урал. Новую артель назвали «Печора». Это была артель нового типа – такого, какой он обдумывал уже много лет.

«Печора» была первым в стране многопрофильным хозрасчетным кооперативным промышленным предприятием. Именно благодаря нашей артели в начале 80-х годов реальный хозрасчет вырвался за пределы золотодобычи. Одновременно с традиционно разрешенной старателям добычей золота «Печора» начала из года в год во все более возрастающих объемах на хозрасчетных условиях осуществлять геологоразведочные, общестроительные, дорожно-строительные работы, демонстрируя на всех направлениях деятельности впечатляющие результаты в производительности, качестве и экономичности.

Объемы строительных и дорожно-строительных работ ежегодно удваивались, к 1986 году в «артели» работало полторы тысячи человек. Фактически это был уже комбинат по комплексному освоению необжитых территорий, богатых ресурсами.

К этому времени «Печора» была готова начать обустройство нефтяных и газовых месторождений, строительство жизненно важных транспортных коммуникаций на территории республики Коми для освоения новых сырьевых районов – Тимана и арктического побережья.

Совершенно недопустимые вещи!

Накоплен опыт скоростного пионерного освоения ресурсных районов Крайнего Севера и «приравненных к нему районов». Без «северных» добавок к зарплате – каждый заработанный рубль подкреплен выполненной работой. Без налоговых и кредитных льгот. Без заделных капитальных вложений со стороны государства, которые если и дают отдачу, то спустя годы (а нередко вбухиваются впустую). Без социальных проблем для государственных органов (трудоустройство жен работников, детсады и школы, коммунально-бытовое обеспечение, охрана порядка...). Все, что требовалось – разрешение на производство работ и договорное обеспечение (одна сторона обязуется выполнить работы, другая – оплатить). Оплата – по факту предъявленной и принятой продукции. Как выразился однажды Туманов (в разговоре): «Платить не за то, что косят, а за то, сколько накосили».

Десантируясь в необжитом районе, можно вести опережающее первоначальное устройство Ямальского, Бахилловского, Русского, Харьягинского газонефтяных, Тиманского бокситового и титанового месторождений. Строительство 200-километровой автодороги на Тиман могло бы сопровождаться вывозом по зимнику бокситов уже в первый год работы.

Дух захватывает от открывающихся перспектив. Растут объемы работ, растет число работников, создаются новые участки и артели, под его общим руководством формируется какое-то небывалое суперпредприятие – комбинат по комплексному освоению богатых ресурсами, но необжитых, территорий. Результаты – быстро, эффективно, с минимальными затратами и практически без государственных капиталовложений. В только что освоенных районах строятся предприятия по первичной обработке сырья, вокруг них возникают новые города. И все это не показуха, не фальшь, все это настоящее. И люди,

которые не только хорошо зарабатывают, но и ощущают, что значит «так вольно дышит человек»...

Кто мог предполагать тогда, что на пороге таких грандиозных свершений, на пике достижений, со всем накопленным опытом эффективных форм хозяйствования – вокруг артели уже плетутся интриги и зреет заговор? И где?

Он готовит записку на имя Председателя Совета Министров СССР. Пока только о золотодобыче. Ее можно увеличить вдвое в масштабе страны, если передать все дело крупным старательским артелям. Решился на это после одного из совещаний у министра цветной металлургии П.Ф. Ломако, когда тот вдруг сказал:

– Вадим, научи этих чудаков золото добывать!

Министр не стеснялся крепких выражений и, конечно, слово «чудаков» произнес с другой буквы. А там сидела вся верхушка министерства: заместители министра, члены коллегии, начальники отделов... Иные из этих «чудаков» были связаны с другими «чудаками» – в аппарате ЦК КПСС, с тамошними кураторами министерства. Вряд ли его письмо дошло до тогдашнего Предсовмина Н.А. Тихонова, ставленника Брежнева, который ничем себя не прославил, сменив на этом месте А.Н. Косыгина в 1980 году. Но свое действие оно оказало, как и фраза министра на совещании.

Как это всегда бывало в аппаратной среде, сперва поползли слухи. О том, что будут снимать всех председателей артелей, когда-то отбывших сроки. Скоро министр подписал приказ.

Я тогда не придал этому значения – в голову не приходило, что это может коснуться меня, создателя первых золотодобывающих артелей Колымы, председателя одного из самых успешных старательских коллективов. А какому нормальному человеку, да еще знающему о достижениях Туманова и его потенциале, могло такое прийти в голову? Только потом понял, что именно моя персона, видимо, навела кого-то на эту мысль. Министерские головы сообразили, что иной законной возможности освободить меня и приструнить других не существует.

Приказ запрещал «заключать договора с артелями, председатели которых были ранее судимы». Таковую нашли зацепку. Власть, которая посылала в лагерь невинных

людей, ломая их судьбы, теперь *им же и ставит это в вину!* Никому даже в голову не приходит посмотреть на вещи под таким углом... Нравственный уровень власти в той стране.

...Ускоренными темпами развивать добывающую промышленность в неосвоенных территориях, а затем создавать там и первичную переработку сырья, осваивать богатейшие ресурсы с минимальными затратами... Кому все это было нужно? Может, только мечтателям-идеалистам и прирожденным первопроходцам, но не людям, поставленным обеспечивать развитие страны.

Это было время Андропова, уже занявшего кресло покойного Брежнева. Глухо поговаривали о том, что новый генсек готовит широкие реформы, чтобы подтолкнуть стагнирующую экономику. Как помнится, начал он с отлавливания тех, кто ходил в баню в рабочее время («укрепление дисциплины»). Одновременно – и круто – он начал бороться с коррупцией в высших эшелонах власти, включая силовые структуры. С большой долей вероятности, думаю, можно сказать, что предполагаемые реформы Андропова, в основном, и сводились к «укреплению дисциплины» – то есть, к наведению порядка. Он хотел управлять, а не изображать управление, и разложившийся аппарат ему не годился.

Я это понимаю, как попытку возродить сталинский стиль руководства страной. Прежде всего нужно нагнать на всех страху. Трудно представить, правда, чтобы Андропов намеревался возродить ГУЛАГовое рабство как форму производительных сил. Мало кто знал, что через две недели после занятия кресла генсека Андропов создал при Госплане СССР секретную (или, скорее, негласную?) рабочую группу по изучению дел в теневой экономике. Что он замыслил? Ну, наверняка он первым делом хотел оценить масштаб явления. Дальше возможны два варианта. Либо искать способ прижать теневую экономику, но без массового террора, либо тоже искать способ – как-то задействовать предприимчивость, которая, не находя применения в государственной экономике, уходила в теневую.

Какие вещи изучала та негласная группа? В основном, как можно понять, ее внимание было направлено

на промышленную кооперацию и артели инвалидов. Наверное, изучались и «цеховики» – скорее всего, по материалам уголовных дел (а какая еще информация по теневым дельцам могла быть им доступна?). В составе той группы работала Татьяна Корягина, ставшая известной потом, в годы перестройки. Когда позднее Туманов с ней познакомился, он с удивлением обнаружил, что андроповская «секретная группа» не имела понятия о старательских артелях. Потому что они не были «теневой экономикой»? Или потому, что многочисленные уголовные дела вокруг них дали нулевой результат?

Так или иначе, никакой ученой группы для изучения опыта старательских артелей Андропов не создал. Так что во второй вариант верится с трудом. Если бы он намечал экономические реформы в сторону либерализации, партаппаратчики почувствовали бы, куда поворачивает ветер, и по крайней мере стали бы выжидать, не трогая артельное движение. При этом кому надо, знали, что здоровье генсека ухудшается, и в таких ситуациях всегда обостряется подковерная борьба вокруг высшего кресла. Так или иначе, министр Ломако, трезво оценивавший Туманова, понимавший значение его артелей для своего ведомства, тем не менее подписал тот приказ. Наверняка был нажим. Откуда ему исходить, если не из ЦК? Отсюда вывод: там были уверены, что действуют в правильном направлении.

По «Печоре» исполнять приказ было поручено директору объединения «Уралзолото» Н.В. Новаку. Он знал артель и поддерживал ее, но у него было распоряжение министра. На место председателя прочили главного геолога объединения Матвеева. Кстати, опытного горняка, против которого не могло быть никаких возражений. Раньше он работал у Туманова в «Востоке». Поменять председателя могло только решение общего собрания артели. Его назначили на 16 мая 1983 года. Сохранилась стенограмма собрания.

Один из вопросов повестки дня: выборы председателя артели. Оглашаются два письма от объединения «Уралзолото». Первое предлагает освободить от должности Туманова, второе – избрать председателем Матвеева.

Ведущий собрание «зачитывает» юридическую справку об освобождении Туманова из заключения со снятием судимости. Новак отвечает, оправдываясь, что про это все знают, но «Вадим Иванович не согласовывается в инстанциях министерства... Значит, есть ряд других соображений...». Много говорит о хорошей работе артели и личных заслугах Туманова. Еще раз акцентирует, что это не его инициатива, а союзного министерства.

Секретарь парторганизации артели информирует, что накануне был проведен партийно-хозяйственный актив и партсобрание артели. Единодушное решение: рекомендовать Туманова на должность председателя артели! Сергей Зимин, главный инженер артели: основная причина отвода Туманова незаконна, так как у него нет судимости. Выступают горный мастер, начальник участка, токарь. Вспоминают о годах работы с Тумановым, говорят, что другого председателя им не нужно. В зале шум, крики «Хватит!», «Все ясно!».

Все собрание я просидел за столом президиума, не поднимая головы. Мне казалось, это говорят не обо мне, а о каком-то совершенно другом человеке, неизвестном. После вопроса председательствующего, кто за Туманова, море рук взметнулось над головами. <...> После собрания все были возбуждены и радостны. Сник только Николай Иванович Новак. Ему предстояло оправдываться перед Москвой за полный провал поручения министерства. Мне потом пересказывали разговор Новака с заместителем министра.

– Вы не смогли уломать какую-то артель! – кричали на него.

– Не какую-то, – отвечал Новак, – а артель Туманова...

Прощать такие вещи власти не привыкли. Все должно быть под их контролем. По обычной тактике, внешне все улеглось – до поры, до времени. Артель продолжала работать. Министерство было завалено просьбами от местных организаций Коми АССР – разрешить артели выполнить для них какие-то работы. Не решались отказывать «автономной республике», но раздражение росло. Артель Туманова явно перерастала отведенные ей рамки.

В 1984 г. артель приняла предложение «Полярноуралгеологии» пробить в горах дорогу к базе геологов. Местные дорожники не брались, считая задачу неподъемной. Эта, как и все другие «непрофильные» работы (прокладка дорог к нефтяным месторождениям), выполнялись не за счет добычи золота, а наряду с этим. Началось строительство 98-километровой дороги Ижма-Ираэль. Артель планировала закончить ее за год с небольшим (!). На очереди была уже упомянутая 200-километровая дорога на Тиман.

Внимание! За эти несколько лет после попытки сместить Туманова произошли важные события в политической жизни страны. В феврале 1984 г. умирает Андропов, его заменяет безнадежно больной Черненко. Снова разворачивается подковерная борьба в высших эшелонах в ожидании смерти очередного временщика. Наконец, в марте 1985 г. Небесный суд освобождает его от занимаемой должности, и назначает на его место Горбачева.

Сопоставьте даты, и станет понятно, как эти дворцовые игры связаны с судьбой такой маленькой ячейки народного хозяйства, какой была артель «Печора». Потому что новый глава партии, динамичный и энергичный, не захотел смириться с неэффективностью народного хозяйства, с общей, технологической и экономической, отсталостью. Не успел он примоститься к креслу генсека, как Пленум ЦК КПСС выдвигает концепцию **ускорения социально-экономического развития СССР** (апрель 1985 г.).

Ускорение! Помню, как мы, считавшие себя экономистами, посмеивались в курилках по поводу нового варианта брежневской «продовольственной программы». Очередная показуха... «Ускорение»! Когда было очевидно общее загниванием социализма! Что могли мы знать о таких вещах, какие творит «Печора»? Достижения артели не пропагандировались, о них не писали в газетах, не вещали по ТВ и радио. Сам я, шапочно знакомый с Тумановым, не видел его годами и знал только, что он возглавляет «старательскую артель по добыче золота...»

Сравнительный анализ работы артели «Печора» и треста «Коминнефтедорстрой» показал, что у артели выше: выработка на человека – в 3,5 раза, производительность одного экскаватора – в 2,5 раза, объем грузоперевозок на один самосвал – в 4,5 раза. Условия работы одни и те же, нормы – те же. Просто безобразия какое-то! Разница была в том только, что артель, в отличие от треста, работала на старой технике.

За семь лет работы «Печоры» ее оборот вырос с 5 до 24 миллионов рублей. Таких темпов роста производства не знала ни одна страна, в том числе Япония. Отчисления от доходов мы направляли на строительство капитальных баз, отличных столовых, бассейнов. Я не могу понять, почему страна, располагающая фантастическими ресурсами, работает медленно, неповоротливо, со скрипом...

Вот и Горбачев тоже не мог этого понять. Где найти архимедов рычаг для «ускорения»? Академики-экономисты писали на эту тему пустопорожние записки. Изюм всех сил изображая понимание, они тоже не знали, что могло бы дать «ускорению» импульс. Никто не знал, кроме одного человека. Дайте ему всесоюзную трибуну!

В декабре 1986 года в Магадане было созвано Всесоюзное совещание работников золотопромышленности. Первым выступать предстояло Туманову – рассказывать об опыте артели. Начало разворота к ускорению?

Накануне открытия совещания, раздается ночной звонок. Возбужденный голос Шехтмана, артельного координатора в Москве:

– Вадим, на наших базах в Инте, Ухте, Березовском идут повальные обыски! Полно работников милиции и прокуратуры. Разгром страшный. Все работы остановлены!

– Ты одурел, что ли! – Я ничего не понимал. – Что у нас могут искать?!

– Золото, наркотики, валюту, оружие, антисоветскую литературу. Сами не понимаем! Все переворачивают верх дном. Когда прилетишь?

У меня голова шла кругом.

– Завтра буду в Москве... Если здесь не арестуют!

Погром

По зимникам, оборудованным для поддержания артели всем необходимым для жизни, теперь на вездеходах прибывают одна за другой бригады следователей и наряды милиции, чтобы обречь ее смерти. Начали с того, что всех согнали в одно помещение, оцепленное милицией, и держали там шесть часов. Во всех помещениях – обыски и выемка документов. Сейфы открывали кувалдами. Все делали нетерпеливо и грубо, как взломщики, еще не набравшие опыта.

Конфискуют телевизоры, магнитофоны, пишущие машинки, личные письма и фотографии, записные книжки. Отрывок из протокола обыска (по копии) 11 декабря 1986 года:

«Осмотрена комната Туманова В.И., в ней ничего не обнаружено и не изъято.

С противоположной стороны жилого дома в комнате Леглера В.А. в письменном столе обнаружено и изъято: характеристика Леглера В.А.; фотография Леглера; диплом кандидата наук на имя Леглера; книга «Леглер В.А. Научная теория в организованном сообществе»; разрозненные листы с записями; книга «Пути русского богословия»; книга, начинающаяся со слов «Отец Арсений. Ч. 1 Лагерь, 1966-1974 гг.» на 285 листах; книга «Спутник искателя правды», издательство «Жизнь с Богом», 1963 г.»

Не только «обнаружено» – *изъято!* Никакого ордера на обыски предъявлено не было. Изъятия проводились в отсутствие владельцев. Во множестве помещений обыски велись одновременно, отчего понятые или представители артели физически не могли при этом присутствовать. На протесты отвечали угрозами. Следствие возглавляли два молодых работника прокуратуры СССР – следователь по особо важным делам Нагорнюк и его помощник Кремезной.

Какой год на дворе, может 1937? Да нет, полвека уж прошло, другая эпоха. Однако изымают личные документы (диплом кандидата наук...), частные письма. Почему даже такие вещи, как телевизоры и магнитофоны? Что это за улики?

– Вот мы и добрались до расхитителей золота! Теперь конец тумановской банде! – говорили следователи, сваливая в вездеходы мешки с «вещественными доказательствами». Телевизор – свидетельство расхищения. Улика! Да, за

отсутствием других. Нужно было как-то компенсировать свой провал.

Провал?

Судите сами. Внезапный налет. Изоляция персонала под стражей. Поспешные, рьяные поиски везде и всюду. Варварское вскрытие сейфов. Все это подсказывает: они предвкушали найти припрятанное золото. Находка должна была оправдать все процессуальные нарушения.

Они были уверены, что найдут ворованное золото. И не нашли ни грамма. Учиненный погром оказался их провалом. Первым. Но они никогда не признаются в этом. И тем более бешено будут искать любые зацепки.

Однако, если бы все ограничилось описанным, было бы полбеды. И телевизоры – дело наживное. Много хуже и злоещее – была изъята вся документация артели, не только прошлая, но и текущая (в том числе, проектно-сметная). Все трудовые книжки членов артели, карточки кадрового учета, партийные и профсоюзные документы – все было изъято.

Тем самым была сорвана подготовка к предстоящему сезону, под угрозой оказалась вся работа артели в будущем, 1987 году. Погром длился десять дней. Без реальных достижений для следствия. Нужно было откопать хоть какой-нибудь компромат. Старателей вызывали в кабинеты. Старались натравить на руководство артели:

«Ваше руководство жирует, в то время как народ бедствует! Разве не обидно, мужики!» Но люди, даже недавно пришедшие в артель, смотрели на следователей недоуменно. Расколоть артель, натравить одних на других не получалось.

Московские следователи второй половины 80-х стали прибегать к приему, который не наблюдался или не был так откровенен у колымских следователей 40-х и 50-х. Они вызывали старателей по одному и вздыхали сочувственно:

– Да, трудновато вам, братцы, под евреями... Не тем народом окружил себя Туманов!

Члены артели смотрели на следователей как на дикарей.

Почти 30 лет существовала артель под разными названиями, пишет он, возникала масса всевозможных проблем, в том числе и с взаимной притиркой людей. Но национальной проблемы не было никогда. Перед каждым

сезоном коллектив обновлялся, приезжали люди со всего Союза, и никогда не придавалось значения национальности. Наблюдая за грязными приемами следователей, я с трудом подавлял в себе брезгливость к этим «пламенным интернационалистам».

Ликвидация

До начала промывочного сезона оставалось три месяца. Все ждали, что возня скоро закончится. Пора готовить технику, начинать завоз горючего и пр. Но шли недели, а следователи и не думали закругляться. Расположившись на всех базах артели, они продолжали бесчинствовать. Тогда члены правления написали письмо на имя Генерального прокурора СССР с просьбой разобраться, что происходит.

15 апреля 1987 года пришло письмо из Прокуратуры СССР, в котором говорилось, что по результатам проверки Нагорнюк А.Н. уволен из органов прокуратуры, а Кремезному О.Н. объявлен строгий выговор с освобождением от работы в бригаде Прокуратуры СССР. «Приняты меры к скорейшему окончанию ревизии финансово-хозяйственной деятельности артели и возвращению изъятых в связи с этим документов» – заканчивалось письмо. Справедливость восстановлена!

Спра... восста... как вы сказали?

Буквально в те же дни, по указанию Минцветмета, объединение «Уралзолото» обратилось к руководству г. Ухты (где была «прописана» артель) с представлением о прекращении деятельности артели «Печора». Вместе с Новаком звонят в Москву. Там подтверждают: нет, это не ошибка. Горисполком принимает соответствующее решение. Вот это они умели. Если бы министерство само стало упразднять артель, она, чего доброго, перешла бы в другое ведомство, скажем, в геологическое. А тут – «советская власть» решила...

Что тут поделаешь? Оставалось последнее средство. Правление артели пишет письмо Горбачеву. Напомнили, что еще в 1982 г. послали в Совмин предложения по резкому увеличению добычи золота, и специальная комиссия подтвердила их обоснованность. «Мы уверены, – говорилось

далее, – что на примере показательного разгрома крупнейшей в стране артели скрытые противники перестройки хотят опорочить саму идею полностью хозрасчетного, кооперативного, самоуправляющегося предприятия. Мы просим тщательного исследования нашей работы силами авторитетной, беспристрастной, вневедомственной комиссии...»

Ответ пришел... из прокуратуры Свердловской области, куда их письмо было переслано аппаратом ЦК КПСС. Он был прост и краток: «Объединение «Уралзолото» действовало согласно указаниям вышестоящих органов». Что и так было известно. На жаргоне аппаратчиков: отписка.

Где взять умного царя?

Так М.С. Горбачев упустил шанс осуществить свое «ускорение», остаться на коне и въехать на нем в обновленную страну. Наверное, этот человек войдет в историю как государственный деятель, который только и делал, что постоянно, одну за другой, упустил благоприятные возможности. В итоге упустил и власть.

Меня всегда поражало принятое у советских начальников всех уровней, включая высших руководителей страны, обыкновение окружать себя людьми, которые давали им искаженную информацию с очевидной целью повлиять на принятие решения. Возможно, это звучит наивно – почему не могли они понять, какую себе выбирали роль, допуская, чтобы ими манипулировали? Сталин такого не терпел. По-видимому, видел эту проблему и Андропов. Крупные государственные деятели и реформаторы никогда не допускали подобных вещей. Истинный лидер всегда будет кукловодом, а не куклой.

Не было в наличии крупных государственных деятелей и реформаторов.

Здесь опять полезно сопоставить некоторые даты и припомнить политические события. «Перестройка» уже объявлена – Горбачевым на Пленуме ЦК КПСС в январе того же 1987 года. Этому предшествовали, однако, некоторые знаменательные события.

Еще в мае предыдущего, 1986 года вышло постановление СМ СССР «О мерах по усилению борьбы с

нетрудовыми доходами». В свете дальнейшего развития многие заключают, что истинная цель этой кампании была – устранить конкурентов на случай легализации частной инициативы для самой партийно-гебешной номенклатуры. Уже тогда они зарились на богатейшие ресурсы страны, и такие вещи, как «Печора» не только не были им нужны, но являлись, скорее, помехой. А такие прирожденные (и неформальные) лидеры, как Туманов, были им просто опасны. Они не забыли неудачу в попытке его сместить.

База «Печоры» в Инте. Рабочее общежитие с бассейном и зимним садом, 1985 г.

В ноябре того же года Верховный Совет СССР принял закон «Об индивидуальной трудовой деятельности». Если это была попытка вывести тeneвую экономику из тени и поставить независимый «бизнес» под контроль государства, то она не удалась и не могла удалась. Лишь во время гайдаровских реформ вышел из тени *настоящий* тeneвой бизнес, сращенный с *настоящим* криминалом.

В таком контексте, необъяснимая настойчивость аппарата в деле ликвидации «Печоры» именно в эти месяцы «ускорения-перестройки» выглядит закономерной и неизбежной. Также получают свое объяснение ближайшие за этим события.

19 апреля 1987 года на базе в Инте состоялось общее собрание артели. Пришли все, больше тысячи человек. Я плохо помню то собрание. Все было как во сне. В президиуме сидели городские власти и представители заказчиков. Главный инженер Зимин отчитался о работе: план добычи золота был выполнен на 109 процентов. Говорили по преимуществу гости, кто

о чем: о нарушениях техники безопасности, о недостатках в материально-техническом снабжении, о дорогах, а председатель исполкома Инты все вскакивал с места: «Мы учимся у вас работать!» Я смотрел на выступающих и чувствовал себя в сумасшедшем доме... Все знали, что решено ликвидировать артель, и – ни звука!

Артель «Печора». После совещания с начальниками участков. Слева направо, стоят: Е. Ходоровский, В. Донсков, Р. Кушаев, Н. Головкин, С. Кочнев; сидят: С. Панчехин, Г. Румянцев, В. Туманов, А. Мокрушин, И. Швабий, П. Непомнящий.

Его гвардия. В эти лица стоит взглянуть.
Уже никак не скажешь, что «рогожные».

Наконец слово берет Новак. Телеграмма на его имя с указанием ликвидировать артель застала его у них же на базе и ошарашила его не меньше всех остальных. Теперь он говорит откровенно: артель можно было бы сохранить, но без Туманова. С ним артели больше не существовать.

На собрании сидели рабочие люди, для которых разгон артели означал внезапную потерю работы, материальные трудности, для многих – семейные проблемы. Он решает разрубить узел одним махом – тут же пишет заявление: «прошу освободить по состоянию здоровья» (формулировка – прямо как на пленуме какого-нибудь ЦК КПСС). И предлагает председателем своего зама Михаила Алексева.

Не помню, кто и что после говорил. В памяти осталось только, как встал Кочнев:

– Мужики! Не нас выбирал Туманов. Мы его выбрали. Что же, теперь отступимся сами от себя?

В этот раз голосовали не руками. При тайном голосовании «против» был лишь один голос – мой, все остальные вписали в бюллетени мое имя. Не скажу, что это меня нисколько не тронуло. Тронуло, еще как!

Но я понимал, что таким выбором артель только ускорила приближение неотвратимого конца.

Бедный Новак разводил руками. На него жалко было смотреть.

В такой момент его еще хватает на то, чтобы пожалеть Новака... Таковую артель потерять – ну жалко же мужика!

Чудны пути Твои, Господи! В те же дни (апрель 1987 г.) вышло разрешение создавать кооперативы общественного питания, по производству товаров народного потребления и по бытовому обслуживанию. Нашелся-таки архимедов рычаг!

Мало того, в эти же самые дни готовился важнейший пленум ЦК КПСС. Он состоялся недель через шесть. На пленуме выступил Н.И. Рыжков с докладом «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой». В докладе читалось между строк, что курс на «ускорение» провалился. Что и как перестраивать? Скоро выяснилось, что они сами не знали. Опять они не знали...

Да нет же! В том и весь ужас, что они знали!

Мне рассказывал Юрий Спиридонов, тогда первое лицо в республике Коми, как на заседании Политбюро во время каких-то дебатов поднялся заместитель Рыжкова – Ведерников. «Что вы ищите варианты? – говорил он. – Страну сейчас вытасчит вариант Туманова, его артели. Тормозить кооперативное движение близоруко!» Отпор Ведерникову тут же дал Егор Кузьмич Лигачев.

Потом, вспоминая о тех моментах, он расскажет со слов того же Спиридонова, как Лигачев кричал Ведерникову: «Мы что, коммунизм на артелях будем строить?» В одном этом эпизоде отразилась вся «перестройка» тогдашних вождей. При таком начале – может ли выйти что-нибудь путное в конце?

...Почтовая марка – не только коллективный пропагандист и агитатор, но также и пустословия индикатор. Изображение марки дается больше ее натуральной величины, чтобы легче читалась надпись. Откуда взялся этот слоган, если не из того же *органа*, который затеял разгром «Печоры»? Там и тут – рука ЦК. Театр абсурда...

Удар в спину

*...Тот же, кто был цель гоненья,
Претерпев все униженья,
Погибает в общем мненьи,
Пораженный клеветой! –*

– поется в «Севильском цирюльнике» Дж. Россини (каватина Дона Базилио, или «ария о клевете»). Веселая ария о вещах отнюдь не веселых. Клевета – что может быть гнуснее и гаже?

Если некто сделал что-то неподобающее – не отвечающее закону или неписаным нормам приличного поведения, – распространение сведений об этом называется такими словами, как разоблачение, изобличение, выведение на чистую воду. Клевета – это распространение сведений заведомо ложных, не соответствующих действительности, которые порочат честное имя. Именно с такой целью.

В *той* стране, однако, клеветой называли оглашение правды о преступлениях режима («распространение заведомо ложных и клеветнических измышлений, порочащих общественный и государственный строй»). Все было навыворот.

Итогом десятилетий уничтожения совести и культивирования человеческой дряни явилось то, что властные структуры стали концентратом гадости. Продвижение по лестнице этих структур относительно приличных людей случалось как редкое исключение (профессиональные качества? родственно-приятельские связи?..). Служебная лестница – особенно в партийном аппарате – представляла собой подобие сточного коллектора наизуоборот – дерьмо не стекало вниз, повинувась естественным законам, а возгонялось вверх – противоестественно, как само это государство. В буквальном смысле, страну правили нравственные подонки. Неудивительно поэтому, что когда нужно было кого-нибудь опорочить в глазах публики и/или заграницы, власть не гнушалась клеветой. Такими были «ум, честь и совесть нашей эпохи».

На этот раз партийно-гебешные структуры вооружились клеветой в борьбе против Вадима Туманова.

Артель «Печора» практически ликвидирована. Еще предпринимаются попытки спасти ее, но Туманова уже вывели из игры. Туманов не у дел. Ну? Гром победы раздавайся! Веселися, храбрый Росс! Чего же боле? Так нет же. Кому-то что-то мешает наслаждаться победой. Противник повержен? Бей лежачего! И некий храбрый росс инициирует подлейшую клеветническую статью в газете «Социалистическая индустрия», *органе* ЦК КПСС.

Каков же должен быть заряд ненависти, какой силы должно быть рвение сокрушить этого человека! До каких же степеней был он кому-то костью в горле, если дошло до того, что на его персону публично ополчился целый аппарат ЦК КПСС! Ведь уже не в артели дело, удар был направлен персонально против Туманова. Высший управляющий орган одной шестой земного шара, ядерной сверхдержавы, счел необходимым и достойным своего статуса наброситься на одного-единственного гражданина своей страны. Кто он такой, этот гражданин?

Он не подобен А.Д. Сахарову (вообще не был правозащитником). Он не подобен А.И. Солженицыну (не выступал с публичной критикой режима), не подобен даже

Пастернаку и Синявскому с Даниелем (вообще ничего не писал). Он не общается с иностранцами на уровне, потенциально опасном для режима (вообще с ними не общался). Что такое должен представлять собой человек, чтобы гигантский дракон заметил его, оцетинился и атаковал? Не иначе, он должен быть фигурой, равновеликой самому дракону!

Статья появилась в номере газеты от 13 мая 1987 года. Через два месяца после объявления решения о роспуске «Печоры».

Некоторое время спустя газета, о которой я раньше знал только понаслышке, никогда не читал, обжигает мне руки. «Вам и не снилось!» – бьет в глаза крупный заголовок, под которым сразу замелькало мое имя. Строчки плывут...

Туманов зарабатывает в год в несколько раз больше союзного министра... На базе артели «Печора» стоят «комфортабельные терема-котеджи» руководителей, «двухэтажные апартаменты» Туманова. «Мебель, оборудование, ковры – все экстра-класса»... У Туманова выезд из нескольких машин в разных местах страны – все за счет артели. И в нескольких же местах – дома и квартиры со слугами... «Враньем Туманов только и живет. Проведя время войны за тысячи километров от фронта, сейчас он выдает себя за ветерана сражений...»

Жулик первостатейный – читалось между этих ядовитых строк. Так у них было принято: врать и жертву вранья называть вруном.

Глаза метались по столбцам, не способные на чем-то задержаться, пока не опустились в нижний правый угол с именами двух авторов – они мне ничего не говорили, я никогда не встречал их в прессе, не знал их обладателей, да и они, судя по всему, сроду не видели меня. Не позвонили, ни о чем не спросили, ничего не проверили и выплеснули на газетные полосы столько необъяснимой ненависти ко мне, к нашей артели, что я задохнулся от ярости.

Какие-то Капелькин и Цеков, ничем больше не заслужившие упоминания в анналах. Какие там звонки? Какие вопросы, какие проверки? Две шавки, которым скомандовали: «Фас!». А «компромат», разумеется, от следователей, которых погнали из прокуратуры.

Наверное, многие были заинтересованы в уничтожении «Печоры», организовали травлю артели, но мне было не по силам дотянуться до них, находящихся очень высоко. Вся моя ненависть вылилась на их подручных, не непосредственных исполнителей – следователей и журналистов, согласившихся стать палачами.

Да потому что не может такого быть, не могут нормальные люди так подло бить ножом в спину человека, который ничего дурного не сделал ни им, ни кому другому. Это выродки, не люди.

Им просто повезло, что невозможно было одновременно собрать всех семерых вместе – мерзавцев, причинивших столько горя мне, моей семье, моим друзьям. Ну не должны эти нелюди существовать среди людей! Их дети, их родные и близкие должны были запомнить на всю оставшуюся жизнь: зло порождает зло!

Так-то, Вадим Иванович! Это вам не на Колыме с суками разбираться. И не наказывать подлюгу-надзирателя. И не на автоматы идти в одиночку да безоружным. Там враг был – вот он перед тобой. Кто успеет ударить первым, тот выживет. Может быть... А здесь что?

Соберите их, семерых, в одном месте! Помните сказку про «одним махом – семерых побивахом»? Сейчас узнаете, как сказку сделать былью...

Но нет же! Ни до кого не дотянуться вам здесь, гражданин Туманов. Где этот Капелькин? Где этот Цеков? Нету. Буквы на бумаге. Фантомы. Сгустки тьмы. И бьют наотмашь из тьмы, зная, что никогда не придется за это платить. Безнаказанность низости... Да уж, Вадим Иванович, такое действительно вам и не снилось.

А ведь это было только началом. Как заведено, статья вызвала «поток писем в редакцию». Из номера в номер газета стала печатать, так сказать, отклики читателей. Не только Туманов, вообще никто и никогда не читал эту убогую газетку, кроме ее редактора и каких-нибудь аппаратчиков. Внезапно у нее объявились массы читателей, да все из простых рабочих (вы видели простого рабочего, который бы употреблял советскую газету иначе, чем взамен туалетной бумаги или на самокрутки? вам повезло увидеть редкое явление природы). Эти «простые рабочие», понятное дело, клеймили Туманова, делали выводы о «тумановщине», предлагали свои решительные меры. Кампания набирала

обороты. Неделю за неделей газета продолжала печатать «письма возмущенных трудящихся».

Один писал: «В нашем приполярном городке развернулась артель «Печора». И затем: с одной стороны – высшая каста, получающая все блага, с другой – бесправная масса старателей, работающая свыше двенадцати часов в сутки... «вот вам и секрет производительности труда».

Другой писал: «Самое страшное – безнаказанность этих преступников, организовавшихся в шайки, разлагающие государственный аппарат...» Нет, вы подумайте: артель разлагает государственный аппарат! Чем думал этот самый аппарат, сочиня такую фразу?

Третий: «Надо ставить вопрос об абсолютной нецелесообразности артельной добычи золота, иначе злоупотреблений в этих кооперативах не миновать». Вот это уже по делу, для того все и затеяно.

Тысячи людей в стране знали Вадима Туманова. Те, кто отбывал с ним сроки в лагерях и тюрьмах, кто работал с ним в артелях, кто сотрудничал с его артелями. Разумеется, они знали, что написанное – клевета. Но им слова не давали.

И еще немало было таких, кто, зная его лично, завидовал ему или ненавидел по каким-то иным причинам, как тот безымянный офицер в Магаданской тюрьме. Неприятелей у Туманова тоже хватало. И таких, кто просто пересекался с ним по разным поводам, мало что зная о нем. А кроме них еще великое множество людей знали имя Туманова понаслышке.

Мало кто в той стране верил газетам, когда они писали о достижениях на том или ином «фронте», о передовиках производства и прочих успехах социализма. Но когда они сообщали что-то нехорошее, многие склонны были, и даже охотно, поверить. А когда прозвучало магическое слово «золото» – как не поверить, что с ним связано воровство и жульничество? И в таком контексте, сообщение, что он, вдобавок ко всему, не имея на то права, присвоил звание участника войны, должно было особенно задеть за живое многих честных людей.

Один из авторов «писем в редакцию», имея в виду старателей, невзначай обнажил свое сокровенное: «Редкий

человек устоит от соблазна положить самородок в карман, если рядом никого нет».

Состояние мое было жуткое. Каждые 8-10 дней в той же газете методично продолжали появляться «отклики читателей», которые никогда меня в глаза не видели, но спешили заклеить как виновника провала перестройки, пустых прилавков, длинных очередей. По ночам я не мог спать, ходил из угла в угол.

Утром в ожидании свежей почты меня всего трясло. Слишком много накопилось во мне ненависти к тем, кто обвинял меня в преступлениях, которые ни я, ни мои товарищи, не совершали.

Меня продолжали вызывать на допросы, которые записывались на видеокамеры...

Все-все «письма трудящихся» единодушно требовали немедленно привлечь к уголовной ответственности «расхитителей золота». И, по отработанной схеме, правоохранительные органы должны были пойти навстречу справедливым требованиям. Однако, понаторевшие в интригах аппаратчики совсем разучились работать четко. Прокуратура возбудила уголовное дело уже назавтра после выхода статьи в газете, опередив «глас народа». Этот сбой сделал очевидным, что имел место заговор, все участники которого должны были действовать по единому плану, разработанному понятно где, только по обычной расхлябанности расписание было нарушено. Тем не менее, машина следствия была запущена.

Эти мои переживания были ничтожны по сравнению с тем, как я страдал от злости и бессилия, представляя, каково сейчас Римме в Пятигорске. До нее доходили слухи, будто меня уже посадили и расстреляли под Тобольском, и я использовал любую возможность полететь к ней, успокоить.

...Насколько прежде приятно было летать к жене со знакомыми экипажами, настолько тягостно это стало теперь. Летчики отводили глаза, стюардессы перестали замечать. Но это было пустяком на фоне ситуации у жены.

Она прекрасно работала, была ведущим диктором, ее любили на телестудии, с ней здоровались на улице, женщины старались перенять ее прически и манеры. Соседки по подъезду искали предлог, чтобы заглянуть к нам в квартиру.

И, конечно, завидовали по черному, с этим у нас осечки не бывает. Не оттого ли все мгновенно перевернулось, как только появилась гадкая газета?

В студии во время летучки рядом с ней никто не садился. И милые соседки по подъезду вдруг стали хмурыми, куда-то спешащими и не узнающими ее. Однажды, проходя мимо скамейки, где пенсионеры грелись на солнце, она услышала обрывок разговора: «Сам Вадим Иванович мужик вроде неплохой, но зачем человека убил?»

Римму отстранили от эфира. В их квартиру стали приходить сотрудники КГБ. Почему? Зачем? В чем дело? Никаких объяснений. Элементарно, Ватсон: просто чтобы терроризировать женщину и заставить страдать ее мужа. В одной из школ учителя читали газету ученикам 4-го класса: «Видите, дети, у нашей дикторши муж бандит».

Когда я в очередной раз прилетел в Пятигорск, то не узнал жену: с лицом, опухшим от слез, она едва передвигалась по квартире.

Наш сын Вадим замкнулся, помрачнел, ни с кем не разговаривал. Долго не решаясь ее о чем-нибудь спрашивать, Вадька однажды не выдержал:

– Мам, может, отец правда не был краснофлотцем?

В течение этого года Римма дважды лежала в больнице с инфарктом.

Можно сказать, и это будет справедливо, что в сталинские времена очень многие люди оказывались в подобном положении, и так же внезапно переворачивался мир для членов семьи жертв террора. Но сказать это и на том остановиться означает принять людоедскую логику Сталина: одна жертва – это трагедия, миллионы жертв – это статистика.

У человека одна жизнь. Ему ее изуродовали. Он вынес это испытание, распрямился, переломил судьбу. Он сделал много добра множеству людей. Он проявил себя как выдающийся хозяйственник. Он принес огромную пользу стране и горит желанием сделать еще больше. Он знает, он умеет, он может. О, как много доброго мог бы он еще сделать... А его хотят раздавить.

Зная, что его самого ничем не сломать, нашли слабое место. Семья. Жена. Подруга, которую он нашел, и семья, которую они создали. Думал ли он, лежа на нарах с 25-

летним сроком, что когда-нибудь у него будет то, что трафаретно называют «счастьем в личной жизни»? Они ударили по самому дорогому, что у него было.

Это не было побочным эффектом, это было запланировано. Немного времени спустя, когда клевета будет официально опровергнута, московский журналист спросит у военкома Ялты, почему он снабдил «Социндустрию» ложной информацией – что Туманов не был участником войны. «Меня очень торопили звонками из горкома партии, – признался тот, – говорили: знаешь, кому выдавал удостоверение?.. есть точные сведения, что он никогда не был на фронте!..» На вопрос, кто именно так говорил, ответ был: «Вы уедете, а мне здесь жить».

И опять: какие на дворе времена? Тридцать лет после незабываемого XX съезда, шокировавшего партию. Но чему удивляться, если остался у власти урод КПГБ?

Об угрозе, нависшей над артелью, мы писали во все инстанции, но рассчитывать на поддержку какого-либо влиятельного лица не приходилось. Иллюзий и самообольщения у нас не было. Самым порядочным и вменяемым в руководстве страны нам казался Николай Иванович Рыжков, председатель совета министров СССР. Во время землетрясения в Армении, когда из-под развалин спасатели вытаскивали тела погибших, мы видели – это крупно показал телеэкран, – в его глазах были слезы. Он плакал! Многие тогда прониклись к нему симпатией и доверием. Раньше большевики плакали только на похоронах вождей.

Руководство артели решило обратиться к Рыжкову. Но как преодолеть нашему письму крутую бюрократическую лестницу и попасть к нему в руки?

Нужен был человек, для властей известный, который бы знал его и мог довериться. Перебрав в памяти все возможные кандидатуры, он соображает:

Евгений Евтушенко

Когда-то попал он на поэтический вечер. Читал свои стихи Евтушенко, потом некий кубинский поэт, потом первый стал обниматься со вторым. Ему это не понравилось, и он рассказал об этом Высоцкому. На что тот ответил: в 68-м все только держали фигу в кармане, а Евтушенко написал «Танки идут по Праге»!

Вот эта готовность, что бы там ни было, прежде всего отмечать в людях хорошее тоже роднила их обоих.

Я редко бывал в околослитературных компаниях, но почти каждый раз там встречался какой-либо молодой высокомерный сноб, мнящий себя совестью русского народа и готовый при имени Евтушенко сорваться с цепи. Наблюдая это, я еще больше симпатизировал поэту...

Познакомились во время поездки на Колыму в 1977 году, потом перезванивались, иногда встречались.

Мне в голову не приходил вопрос, захочет ли поэт вникать в эту историю, но вправе ли мы сами вовлекать его в наши дела и снова сталкивать с властями?

Когда я понял, что вариантов нет, набрал переделкинский номер.

– Женья, привет... Тебе не попадалась... на глаза... статья в...

Он не дал мне закончить:

– Вадим, ты в Москве?! Ни по одному телефону не могу тебя найти!

– Не решался тебе звонить.

– Ты с ума сошел! Давай ко мне!

«От секретаря Союза писателей СССР, лауреата Государственной премии СССР поэта Евтушенко Е.А.» Без лишних слов поэт тут же пишет официальное письмо. «Зная Вашу занятость, тем не менее вынужден обратиться к Вам по делу, требующему безотлагательного вмешательства. Передаю на Ваше имя письмо, подписанное работниками артели «Печора»...». Он писал, что лично знает Туманова и ручается за него: «Это работающий на золоте самородок» – фраза, достойная поэта. Коротко описал судьбу Туманова, начиная с ареста в возрасте 22 лет «по статье 58, столь печально знаменитой в истории российской. За что? За то, что любил Есенина». Дальше о заслугах: дал стране 30 тонн золота. Справедливо отмечены «нечеловеческая энергия, изобретательность». Сказано о зависти и подозрительности к тем, кто хорошо зарабатывает. «Короче, это человек незауряднейший, один из тех, в чьей инициативе и предприимчивости так нуждается перестройка» и т.д. К письму прилагались разного рода документы.

Письмо к Рыжкову – попало. Его личная резолюция – министру внутренних дел и Генеральному прокурору:

«Разобраться по существу, объективно». Возможно, я слишком многого хочу, но мне кажется, что «плачущий большевик»: не сделал одной важной приписки: «О результатах доложить». Поэтому резолюцию можно было понять и так: «вы там поаккуратнее, а до остального мне дела нет». По всему видно, ее так и поняли – следствие не было прекращено, но следователи стали изображать готовность «разобраться по существу». Подчеркиваю: это моя интерпретация, Туманов никаких упреков Рыжкову не делает.

Страсти вокруг «Печоры» продолжали накаляться, но резолюция премьера изменила, по крайней мере, тональность обращения с нами следственных органов. Нас стали – или делали вид, что стали, – выслушивать.

И на том спасибо. На письмо секретаря Союза советских писателей Предсовмина отреагировал. Следствие шло по прежнему сценарию. Предстоял окончательный и показательный разгром.

Бой с тенью

Еще до газетной статьи следственная группа пригласила сотрудников из двух академических институтов для изучения документов артели «Печора». Им прозрачно намекнули, что именно надлежит найти. Привыкли к тому, что люди их боятся. Но времена изменились. Ученые выразили недоумение той ролью, которую им предложили сыграть в предстоящем спектакле. Как обычно, им было сказано, мол, вы нас не так поняли, задача в том, чтобы изучить положительный опыт артели. Мол, вы соберите материалы, а мы их обобщим.

Четыре месяца ученые добросовестно собирали и изучали материалы артели. И принесли заказчикам свое заключение: в сравнении с государственными предприятиями, в артели выше: производительность труда в 1,5-2 раза, эффективность использования техники в 2-3 раза, экономия материальных ресурсов на 10-20 процентов. Отчет был преспокойно положен под сукно. Только когда вышла статья в «Социндустрии», ученые сообразили, что к чему, и написали открытое письмо в защиту артели. Ни одна из столичных газет письма не приняла.

В защиту артели готовились статьи в газете «Труд», в «Известиях» и «Огоньке». Очень удивило тумановцев, что историей с артелью заинтересовался журнал «Коммунист». Журнал находился под патронажем А.Н. Яковлева, но мало кто понимал тогда расстановку сил в Политбюро.

Первый зам главного редактора Отто Лацис и начальник экономического отдела Егор Гайдар приняли статью «Как в капле воды», написанную профоргом артели Мочинским. Ее сдали в набор, но кто-то задержал ее публикацию в очередном номере. Кто-то, как-то, почему-то... И тут выходит статья в «СИ». Все перепугались и отменили публикации. Еще больше, чем интерес «Коммуниста», удивил тумановцев «Огонек» В. Коротича. «Знамя перестройки и демократии» также побоялось напечатать статью о «Печоре».

А вот Лацис не отступился. Он не стал публиковать подготовленный текст и решил зайти с другой стороны. Они с Гайдаром разослали в разные ведомства запросы по темам, задетым в пакостной статье. «Коммунист. Орган ЦК КПСС» – шапка была внушительная, на такие письма привыкли отвечать, как на духу. Последовали официальные отчеты – в том числе об участии Туманова в войне и о его полной реабилитации по 58-й статье. Вот на этих документах и была построена статья в поддержку «Печоры», опубликованная в сентябрьском (1987) номере журнала.

Со временем, когда Гайдар возглавит правительство России и начнет осуществлять реформы, как он их понимал, у меня будет решительное неприятие его экономической и социальной политики. Но это не мешает мне быть благодарным Отто Лацису и Егору Гайдару за их мужественное поведение в самые трудные для меня и артели времена.

Умение быть благодарным – это тоже дар.

Итак, безоговорочного опорочивания не получилось, завязалась полемика, совершенно не нужная клеветникам. Кроме того, слишком много, тысячи людей поработали с Тумановым за прошедшие 20 лет. После выступления «СИ» во все инстанции – в газеты, журналы, прокуратуру, ЦК КПСС – посыпались письма протеста. Писали, что атака на «Печору» это подрыв перестройки, что это оскорбляет множество честных кооператоров. Особенно досаждали

письма тех, кто разоблачал ложь ЦК КПСС про участие его в войне. Никто иной, как Тимур Аркадьевич Гайдар, контр-адмирал (отец Егора) пошел к министру обороны Язову с выпиской из судовой роли сухогруза «Ингул» 1945 г., где значилось имя Туманова. В том, что честный солдат Язов пришел с этим в ЦК, сомнений быть не может. Все дело приобретало непредвиденную *органами* окраску, – как говорят в Америке, завоняло.

И тогда ЦК КПСС принимает специальное постановление по статье «Вам и не снилось». Специальное постановление ЦК! 11 октября 1987 г. та же «СИ» публикует это постановление. Впоследствии стало известно, что над текстом постановления работало 6 (шесть) отделов ЦК. Ну не было, понимаете, для них дел более важных, понимаете, как только готовить постановление ЦК по выступлению ЦК.

Постановление заявило, что в статье «правильно поднимаются вопросы о серьезных недостатках в организации работы старательских артелей по добыче золота». А вы чего ждали? Не о высочайшей же эффективности артельной формы, широко уже известной в стране, должна поднимать вопросы «руководящая и направляющая сила»! Полная утрата здравого смысла и чувства реальности.

Постановление ЦК дало зеленый свет новой волне нападок. Уже и Лацис в «Коммунисте» ничего не мог поделывать. Лишь в 2001 г., в работе «Тщательно спланированное самоубийство» Лацис сообщит, что в редакцию позвонил сам Горбачев: «...редчайший случай в журналистской практике. Он сказал примерно следующее: вы правильно ставите вопрос, но взяли под защиту не того человека... Я уверен, – продолжает Лацис, – что его дезинформировали в этом вопросе, как и во многих других, куда более крупных. Но какие же силы поднялись против старательской артели, если смогли добраться до первого человека в государстве!»

Только в одном нельзя согласиться с Лацисом. Из самих же приведенных слов Горбачева достаточно явно следует, что не «против артели» как таковой. Какие же силы поднялись против Вадима Туманова!

Постановление должно было подвести черту под полемикой вокруг «Печоры».

Не тут-то было!

Высокопартийные болтуны привыкли произносить хорошие слова и лозунги (о достоинстве советского человека, о развязывании инициативы масс, о самоотверженном труде на благо Родины, о принципиальности, о необходимости бороться с недостатками, о повышении эффективности в работе и т. п.). Привыкли они и к тому, что их слова остаются сами по себе, а практика идет своим ходом. Это были два отдельных мира. Мир демагогии и мир практики существовали в разных измерениях пространства. Народ – быдло, которое все схавает, общественное мнение – то, что говорится с высоких трибун.

На этот раз они прокололись. Перестройка и гласность, объявленные самой же партией, пробудили надежды, развязали языки и приспустили тормоза. Ситуация стала выходить из-под контроля. Быстро формировалось настоящее, независимое общественное мнение. Горбачев начал маневрировать, пытаясь одновременно сделать вещи несовместимые: продолжать политику гласности и сдерживать ее. Все это, «как в капле воды», отразилось в скандале вокруг «Печоры». Полемика продолжалась. При этом, все больше стало появляться публикаций в защиту артели – вразрез с постановлением ЦК и, по существу, в разоблачение партийно-гебешной клеветы и всей затеянной интриги.

То, о чем старательно умалчивали верхи – выдающиеся результаты «Печоры», – стало теперь темой обсуждения. В январе 1988 г. только что вышедший в эфир «Прожектор перестройки» устроил обстоятельное обсуждение опыта «Печоры» в контексте проблем кооперативного движения. На телеведущего А. Тихомирова и его собеседника В. Рудакова, замминистра цветной металлургии СССР, резко напала «Советская Россия».

В апреле выступает в «Литературной газете» кинорежиссер Станислав Говорухин. Статья называется: «Я опровергаю!». Основной мотив статьи: власти объявляют

«нетрудовыми доходами» высокие заработки, добытые честным – тяжелым и эффективным – трудом. Неужели социализм должен быть обществом бедных? – вопрошает Говорухин, прекрасно зная ответ.

Статья произвела фурор. Все знали, насколько «трудовыми» были доходы номенклатуры. Так мало того – власть не хочет позволить, чтобы простые люди могли иметь высокие заработки. Люди у власти хотят оставить за собой исключительное право иметь приличный доход – читалось между строк.

Это был вызов стереотипам, которые старательно вдалбливались в умы людей. И власть не нашла ничего умнее (впрочем, что с них взять!), как выступить против идеи, что простой человек страны советов может жить хорошо, если его труд эффективен. В той же «Социалистической индустрии» вышел ответ Говорухину под названием «Хочу жить богато!». Что демонстрирует это издевательское название? Вот что: они фактически признали, что официальный лозунг «от каждого по способности – каждому по его труду» есть циничная фальшь. Ну как долго еще могла такая власть держаться, когда открыли клапаны?

В августе того же 1988 года «Литературка» напечатала статью, прямо опровергающую публикацию в *органе* ЦК КПСС. Автор – заместитель начальника Главного следственного управления Прокуратуры СССР Виктор Илюхин. Со всей ответственностью и со всей весомостью своей должности он заявил, что тьма проверок и следственных дел не выявила никаких преступлений в артелях Туманова. И с напором подтвердил законное его право на заработанные им большие деньги, квартиры, машины... И осудил публикацию «Вам и не снилось!» за обвинения, не подтвержденные ни судом, ни даже следствием. И прямо указал на следователей-неудачников, отомстивших Туманову за свою профессиональную несостоятельность.

Илюхин знал, что делал. Еще в апреле того года Туманов получает письмо из прокуратуры Республики Коми. Его извещали, что уголовное дело, возбужденное

Прокуратурой СССР («бывшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Нагорнюком А.Н.), «с проверкой в ходе следствия фактов, опубликованных в печати («Социалистическая индустрия», «Молодой коммунист» и др.)... постановлением от 29 января 1988 года прекращено в связи с отсутствием состава преступления...».

А статья «Хочу жить богато!» вышла в мае. Огромная, в двух номерах. Уже совсем неприкрытые нападки на Туманова.

Нагло наплевали на решение прокуратуры: «Чем страшна тумановщина? Тем, что многие, вкусившие от контактов с «Печорой» и ее председателем, оставались в убеждении, что все покупается и продается...». Это теперь видна карикатурность неуклюжей претензии на моральную чистоту и нравственную проповедь. А тогда – тогда все это больно жалило.

Перебирая мое прошлое, в том числе колымское, газета использует следственные материалы, которые она могла заполучить только по указанию высшего руководства партии и органов государственной безопасности. Именно они стояли за попытками, ничем не гнушаясь, окончательно уничтожить промышленные кооперативы, любые предприятия негосударственных форм собственности.

Вот и определилась наконец та неуязвимая тень, которая стояла за всей этой историей. КГБ. Как началось это с невзрачного червяка Красавина, так и преследовало его до сих пор. Там все началось потому, что личность даже самого простого состояния, если она слишком выделялась, возвышалась над средне-посредственным уровнем «советского человека», представляла потенциальную угрозу для режима. Здесь невыносимо им было явление подлинного неформального лидера. Теперь он представлял еще большую угрозу для **государственной безопасности**.

Такой *брутальный*, такой *мачо* – и с такой чувствительной натурой?.. Может ли такое быть? Выходит, может. Уж про любого другого, но про него никак не скажешь: кишка тонка. А вот кожа подкачала, тонкой оказалась...

Вздор! Никогда не был он ни «брутальным», ни «мачо». Человек талантливый во всем, что делал, одаренный на удивление разнообразно, добрый к людям, крепкий телом и духом и – способный чувствовать поэзию слова... Может такое быть? Может. Написал ведь когда-то поэт:

Коль любить, так без рассудку!

Коль грозить, так не на шутку!

Коль ругнуть, так сгоряча!

Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело!

Коль карать, так уж за дело!

Коль простить, так всей душой!

Коли пир – так пир горой!

Максимализм русской природы (и Бердяевым тоже отмеченный) сказался в нем в максимальной мере. Многое ему дано, и всего – по максимуму. И, среди многого другого, тонкость кожи...

Как в капле воды... Интрига вокруг «Печоры» – глядя ретроспективно – была предзнаменованием провала перестройки.

Окончание следует

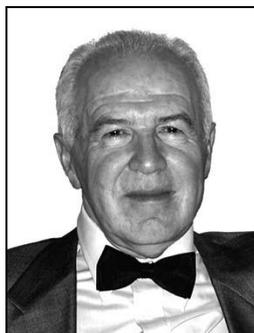
Об авторах

Эдуард Бормашенко – публицист, физик. Живет в Ариэле, Израиль.

Шуламит Шалит – литератор и журналист. Автор книги «На круги свои...», Иерусалим, 2005. Живет в Израиле.

Сэм Ружанский – кандидат технических наук. Публикует статьи, интервью в различных газетах на русском языке.

Вильям Баткин – автор нескольких сборников стихов и книги «Талисман души». Живет в Иерусалиме.

Виктор Финкель – автор нескольких книг публикаций. Живет в Филадельфии, США.

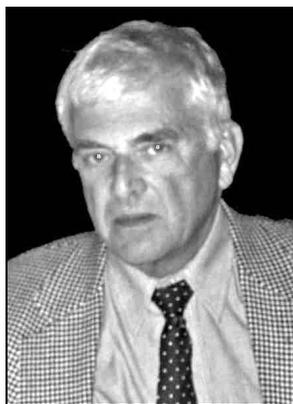
Игорь Мандель – доктор экономических наук. Пишет ироническую поэзию, серьезную прозу на темы искусства и литературы. Живет в США.

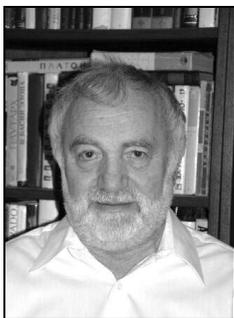
Галина Феликсон – поэт, живет в Израиле

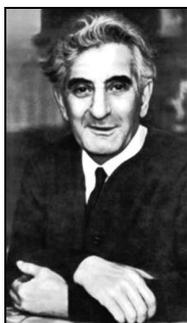
Александр Этерман – израильский исследователь, аналитик и немного писатель.

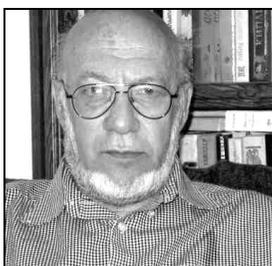
Виталий Аронзон – кандидат технических наук.
Публиковался в периодических изданиях США и России.

Александр Матлин – инженер-строитель, печатается в периодической прессе.

Овсей Дриз (1908-1971) – еврейский советский поэт, писавший на идиш.

Александр Лейзерович – доктор техн. наук. Переводчик стихов и прозы, печатается в периодических изданиях.

Альберто Моравиа (1907-1990) – итальянский писатель, новеллист и журналист.

Моисей Борода – музыкант и литератор. Литературное творчество: рассказы, стихи, публицистика.

Леонид Смиловицкий – доктор исторических наук; Автор нескольких книг. Живет в Иерусалиме.

Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель. Автор множества книг, основатель издательства «Эрмитаж».

Андрей Чередник – работает в Вене (Австрия) в Международном Учебном экономическом центре. Печатался в ряде журналов России и Германии.

Евгений Майбурд – инженер-строитель, кандидат экономических наук. Автор статей по истории, религии, культуре.

Журнал «Семь искусств», Июнь 2010
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2010, 390 стр. 14,2 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины